

Ли Юй
Дредедцать
башен

Tyulemissov Madi ممدى ابو اصل

tmadi1@gmail.com

Ли Юй
Двенадцать
башен

—
Повести

•
*Перевод
с китайского
Д. Воскресенского*

Москва
«Художественная
литература»

1985

Перевод под редакцией
С. Хохловой

Предисловие и комментарии
Д. Воскресенского

Оформление художника
Н. Крылова

ЛИ ЮЙ: ПИСАТЕЛЬ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Ли Юй (1611—1679), известный писатель и драматург, знаток и теоретик театра, жил в сложное, поистине драматическое для Китая время, когда национальная китайская династия Мин, некогда могучая, в силу разных причин (как внутренних — глубокие социальные противоречия, так и внешних — непрерывные войны с соседями: маньчжурами, японцами) к XVII веку постепенно пришла в упадок. Страну сотрясали крестьянские волнения, мятежи горожан, началось брожение среди интеллигенции. Небывалое по своим размахам народное движение двадцатых—сороковых годов, которое возглавил крестьянский вождь Ли Цзычэн, окончательно подорвало устои Минской империи, и она рухнула. Захват страны маньчжурами, который произошел в 1644 году, подвел черту под господством минского дома. С этого момента в Китае воцарилась новая, иноземная, династия Цин («Чистая», как называли ее новые владыки), которая просуществовала почти триста лет — вплоть до 1911 года.

Маньчжуры начали свое правление с широких репрессий против непокорных, стремясь подавить сопротивление народа. Однако полностью утвердить свою власть в стране им удалось лишь через два-три десятилетия. Вплоть до шестидесятых — семидесятых годов в разных районах страны (особенно в южных) вспыхивали мятежи против иноземцев, а в приморских провинциях Китая (Фуцзянь, Гуандун, остров Тайвань) продолжало развиваться антиманьчжурское движение Чжэн Чэнгуна, которое новые власти долгое время никак не могли подавить. Не помогали ни жестокие гонения, ни лживые посулы. Маньчжурам приходилось изыскивать все новые и новые средства усмирения народа. Так, повсюду были введены новые правила и порядки: распределение всего населения по строгим социальным ячейкам (вроде так называемых «знамен»), регламентированная форма одежды и прическа по маньчжурскому образцу (бритая голова с косой на макушке). Все жители Срединной империи подверглись унижительному бритью головы. Того, кто противился, ждала смертная

казнь. В сторонниках предшествующей династии маньчжуры не без основания видели угрозу своим порядкам, поэтому затевали против них жестокие судебные процессы, так называемые «письменные судилища» (вэньцзыюй), предавая казни многих патриотов и уничтожив их сочинения. Так, при императоре Канси (в последние годы жизни Ли Юя) произошло одно из наиболее жестоких судилищ над составителями «Истории Мин», после чего все причастные к этому изданию старше шестнадцати лет были казнены.

В то же время новые власти старались сохранить и прежние порядки, те, которые были им выгодны и полезны. Пытаясь изобразить себя законными преемниками традиционной китайской власти, они торжественно захоронили прах последнего минского императора Сыцзуна, повесившегося при осаде столицы войсками Ли Цзычэна, а также опубликовали обращения к чиновничеству и ученому сословию, призывая их служить новому режиму. Они поощряли некоторые науки, как правило, далекие от жизни (например, комментирование древних канонических текстов), рьяно проповедовали ортодоксальные нормы морали, сформулированные, в частности, в «Шестнадцати заповедях» императора Канси. Это была коварная и дальновидная политика, которая принесла свои плоды: новым властям удалось устранить многих ропщущих, приблизить легковверных и колеблющихся, установить надзор за теми, кто занимал уклончивую позицию.

Такая политика не могла не сказаться на образе действий и мыслях людей. Не случайно поэтому во второй половине века открытые выступления против феодальных властей уступили место скрытым формам протеста против существующих порядков и завуалированным формам выражения взглядов, ибо открытое их выражение было равносильно смерти.

Культурная и литературная жизнь семнадцатого столетия в Китае отразила сложность социальных и идеологических процессов. Если говорить о литературе, то в ней по-прежнему важное место занимают традиционные «высокие» жанры: высокая проза, поэзия, эссеистика, классическая драма. Они несут в себе, как правило, черты ортодоксальной мысли, поэтому пользуются поддержкой представителей господствующих классов и властей. В XVII веке произведения этих жанров в значительной мере носят подражательный, эпигонский характер, но лучшие их образцы — новеллистическое творчество Пу Сун-лина, драмы Кун Шанжэня и Хун Шэна, поэзия У Вэйе, эссеистика значительно возвышаются над общей массой этого вида литературы. Главной особенностью эпохи является бурное развитие демократических, прежде всего, повествовательных жанров, которое началось уже в

предшествующем столетии. Эти жанры вышли на авансцену литературного процесса и заняли прочное место. Семнадцатое столетие по праву считается «золотым веком» романа, городской повести, песенно-повествовательных полуфольклорных жанров (разные виды сказа: танцы, гуцы и пр.). К этому были свои причины, и одна из главных — развитие города и формирование городской культуры. Демократическая литература отличалась от высоких жанров как содержанием, так и формой. Ее спецификой, в частности, была близость сюжетов к реальной жизни, жизненность человеческих характеров, относительная простота художественного языка. Все это и создавало ту «общедоступность», которая привлекала широкие слои читателей.

С приходом к власти маньчжур в моду снова вошли «высокие жанры», усилился хвалебный пафос произведений. Простонародные жанры с их демократической и часто критической направленностью по воле властей постепенно были отодвинуты на второй план. Маньчжуры рьяно следили за содержанием литературных произведений. Больше всего их пугали сочинения на тему современной действительности или недалекого прошлого. Поэтому писателям приходилось прибегать зачастую к иносказаниям, эзопову языку.

* * *

Ли Юй родился в 1611 году в Чжигао провинции Цзянсу, где прожил почти двадцать лет, а после смерти отца вместе с семьей переехал в городок Ланьси провинции Чжэцзян, откуда были родом многие поколения его предков. Родители, люди с положением и достатком, готовили сына к тому, чтобы он сдал экзамены на ученую степень и стал чиновником. Двадцати пяти лет Ли Юй выдержал экзамены на первую ученую степень сюэя («цветущего таланта»), которая, впрочем, так и не открыла перед ним ни ученой, ни чиновной карьеры. Через несколько лет он, правда, попытался получить степень цзюйжэня, но потерпел неудачу. В первое время он был этим огорчен, однако вскоре отбросил прочь честолюбивые планы и с установлением новой династии больше не предпринимал попыток получить «шелковую шляпу» чиновника, не желая служить чужеземцам.

Он приобрел в Ланьси участок земли, в соседнем городе Учэне арендовал дом и назвал свою усадьбу «Горою Ишань». Свое жилище Ли Юй воспринимал как небольшую частицу одухотворенной природы, где человек соприкасается с вечностью. Так в свое время жил знаменитый поэт Тао Юаньмин и многие другие, искавшие в природе путь к пониманию смысла жизни.

Не случайно в своем творчестве Ли Юй обращается к образу Тао Юаньмина. Живя в Ланьси, Ли Юй приобщился к литературному труду. Его стали ценить как знатока искусств и страстного поклонника театра. Увлечение театром было не случайно, в ту пору Ланьси и Учэн славилась своим театральным искусством (кстати сказать, так называемая «уская драма» дошла до наших дней). В Ланьси, по словам писателя, прошли самые счастливые и спокойные годы его жизни.

С приходом к власти иноземной династии в 1644 г. многое изменилось в судьбе Ли Юя. В то время ему исполнилось тридцать три года.

Маньчжуры прошли с огнем и мечом по всей стране, но едва ли не больше всех пострадал район Южноречья (Цзяннань) — родные места Ли Юя, ибо именно здесь, как уже говорилось, довольно долго сильны были антиманьчжурские настроения. Дом писателя в Учэне сгорел вместе с книгами и рукописями. Ли Юй вынужден был продать усадьбу в Ланьси и остался почти без средств к существованию. Началась полоса скитаний и бедствий.

К счастью, писателю помогли друзья, занявшие высокие посты при маньчжурах. В 1648 году Ли Юй переехал в Ханчжоу и поселился возле озера Сиху, воспетого поэтами. Воспел его и Ли Юй в некоторых своих стихотворениях и рассказах. В Ханчжоу началась плодотворная и активная литературная деятельность писателя. Здесь он написал большую часть своих пьес, цикл повестей, названных «Беззвучными пьесами», некоторые произведения, впоследствии вошедшие в книгу «Двенадцать башен».

Прожив в Ханчжоу десять лет, Ли Юй переехал в Нанкин, прежнюю столицу империи Мин, крупный торговый и культурный центр. Здесь в разные годы жили многие общественные деятели, литераторы, ученые, не пожелавшие служить новой власти. Их взгляды оказали большое воздействие на общественную мысль той поры.

В Нанкине Ли Юй прожил двадцать лет — до 1678 года — и прославился как литератор, теоретик и практик театра, а также как книжный издатель. О популярности Ли Юя среди некоторых слоев интеллигенции можно судить по весьма широкому кругу его друзей и знакомых. Среди них такие знаменитые люди, как поэт и драматург У Вэй, поэт Ван Шичжэнь, ученый и литератор Цянь Цяньи, исследователь классики Ма Цилин. Еще в молодые годы Ли Юй был знаком со знаменитым Фэн Мэнлуном — автором трех больших сборников повестей «Троесловие», с художником-иллюстратором Чэнь Хуншоу и другими. Характерно, что среди друзей и знакомых Ли Юя было немало представителей «низов»: актеров, торговцев.

Творческая деятельность Ли Юя в это время весьма разнообразна. В Нанкине Ли Юй пишет литературные произведения, сочинения по истории, занимается исследованиями в области искусства. Важную сферу его деятельности составляет издательская работа. В своей небольшой усадьбе, которую он назвал «Садом с горчичное зерно», он издавал разные книги по литературе, искусству, истории. Он был одним из тех деятелей культуры XVII века, который активно пропагандировал издание образцов демократической литературы. В его печатне появились первые выпуски замечательной энциклопедии рисовального искусства — «Слово о живописи из Сада с горчичное зерно». Авторами статей были нанкинские художники — друзья и знакомые Ли Юя, а также он сам.

Особым поприщем Ли Юя стал театр. Ли Юй создал своеобразную домашнюю труппу, выступавшую в Нанкине и его окрестностях, а также в других городах страны, куда приглашали Ли Юя его друзья.

В конце семидесятых годов, после долгих скитаний со своей труппой, Ли Юй вернулся в Ханчжоу. Умер он в 1679 году (иногда упоминается 1680 г.). Спустя более ста лет в сборнике эссе некоего Чжао Куаньфу промелькнула такая запись о Ли Юе: «В последние годы Ли Юй выбрал место для жилища на восточном склоне горы Обитель облаков. Если подняться по ступеням и посмотреть вниз, увидишь городскую стену с воротами и озеро Сиху. Дымчатые облака по утрам и вечерам здесь самой причудливой формы. Ли Юй назвал это место Ступенчатым садом... К писателю приходили гости. Не было дня, чтобы здесь не звучали музыка и пение. И вот он умер и похоронен на восточном склоне горы Девяти светил...»

* * *

Творческое наследие Ли Юя не слишком велико, зато разнообразно и самобытно. Основные его произведения: собрание высокой прозы и стихотворений — «Слово Одного» («И цзя янь»), к которому относят эссе об искусстве, театре, рассуждение о жизни — «Случайное пристанище для праздных дум» («Сяньцин оуци»). «Слово Одного» содержит интересные и важные сведения о жизни писателя, его взглядах на искусство. Драматургическое наследие составляет цикл из «Десяти пьес Старца в бамбуковой шляпе». Вероятно, существовали и другие драматургические произведения, однако точное авторство многих произведений, приписываемых Ли Юю, не установлено.

Из прозаических произведений наиболее известны его «Без-

звучные пьесы» — сборник из двенадцати повестей, имеющий и другое название — «Бесценная яшма» («Ляньчэнби»). Повести этого сборника в разное время выходили отдельными выпусками. Еще одной книгой повестей (в художественном отношении более совершенной) является сборник «Двенадцать башен, или Слово ясное, мир пробуждающее». Вопрос о других прозаических произведениях по сей день не решен. По утверждению некоторых исследователей, перу Ли Юя принадлежали также два романа: «Подстилка из плоти» («Озарение, пришедшее вместе с прозрением») и «Повествование о круговых письменах».

«Хаофан» — «необузданный и своенравный», «странный человек», «безумец», а то и «нечисть» — так обычно называли людей, подобных Ли Юю, ортодоксы. Этих оригиналов и чудаков, своеобразных «еретиков», чье поведение и взгляды выходили за рамки официальной морали, породила сама эпоха, бурная, наполненная противоречиями — эпоха, когда менялись старые представления о жизни, переоценивались ценности, возникали идеи, пугавшие обывателей своей необычностью. К плеяде «безумцев» относили, например, художника и драматурга XVI века Сюй Вэя, оригинального и смелого мыслителя Ли Чжи, живописцев XVII века Ши Тао, Чжу Да, а также Ли Юя. Все они пытались утвердить свой собственный образ жизни и свою манеру творчества, которое несло в себе якобы черты «странности», а в действительности таило обличительный намек или вполне прозрачную аллегорию. Например, в рисованных Сюй Вэем птицах современники находили сходство с чванливыми сановниками; в суждениях Ли Чжи о человеке — протест против сложившихся норм жизни; в творчестве Ли Юя — насмешку над традиционной моралью. Недаром один из ортодоксов, в частности о Ли Юе, писал: «Нрав его легкомысленный, так же, как его сочинения, хотя и искусные, но насмешливые и разнузданные, целиком потворствующие вкусам тех, кто живет у городских колодцев» (то есть простолюдинов. — Д. В.).

После установления маньчжурского владычества в поступках «странных людей» часто проявлялось вполне осознанное отношение к существующему режиму и его порядкам. Одни принимали монашеский постриг и вещали людям крамольное слово; другие уходили в горы и становились отшельниками, чтобы не служить новой власти. Это было своего рода неприятие общественных условий или норм жизни.

Оригинальность взглядов «странных людей» нередко отражалась в их именах и прозвищах. В Китае существовал своеобразный культ имени, часто имя человека (прозвание, псевдоним) отражало его наклонности, вкусы, образ мыслей. У Ли Юя хотя и

не много имен, но в каждом отражена важная черта его характера, мировоззрения, психологии. «Старец Ли в бамбуковой шляпе» или «Праведник в бамбуковой шляпе» — в этом прозвании отразились мечты писателя о жизни на лоне природы. (Кстати, бамбуковую шляпу носили простолюдины.) Ли Юй называл себя «Литератором, мир пробуждающим», «Пониженным в простые смертные» (намек то ли на жизненные неудачи, то ли на несправедливое отношение к нему общества) и, наконец, «Ветротекучим» — Фэнлюцзы. В этом прозвании заключена определенная философия. Идеи «фэнлю» (букв. «ветер-поток») сложились в раннем средневековье (III—V вв.) в среде творческой интеллигенции, проповедовавшей отказ от чиновной службы и суетной жизни, общение к природе и радостям бытия. В определенные периоды истории взгляды «ветротекучих» таили в себе социальный протест. Назвав себя «Фэнлюцзы», Ли Юй хотел сказать, что он такой же, как «ветротекучие», — натура вольная и возвышенная, не связанная никакими условностями. В этом заключалась определенная общественная позиция писателя, пытавшегося выразить свое отношение к современной жизни.

Эти взгляды Ли Юя особенно отчетливо проявились в его весьма интересном сочинении «Случайное пристанище для праздных дум». В нем заключена философская концепция Ли Юя, его отношение к бытию и, в частности, учение о человеке и жизни, которое Ли Юй назвал традиционным словом «яншэн» (букв. «учение о поддержании жизни»). По мысли Ли Юя, самое замечательное в мире — это жизнь, полная радостей, с ее красками, звуками, запахами. Человек неотделим от природы, и, чтобы не нарушать этой взаимосвязи, надо отринуть рутинность бытия и мелочную суетность жизни, лишь тогда обретишь «чистую праздность», которая, по Ли Юю, вовсе не лень, не бездействие, но возвышенное и оптимистическое состояние духа, когда человек познает самое себя и жизнь. Так живут многие герои Ли Юя, например, персонаж со странной кличкой Старец Тугодум («Башня, где внемлют советам»), на самом деле человек мудрый, к которому обращаются за советом. В отшельничестве этого героя, за которым стоит автор, нет ничего от пассивного недеяния, в нем ясно видно стремление человека жить простой, естественной жизнью, принося людям пользу.

Философия жизни Ли Юя носит характер не созерцательный, а чисто практический. В «Случайном пристанище...» он учит, что надо делать, дабы обрести в жизни радость. К примеру, как надо одеваться в разное время года, что есть и пить, как сохранять доброе расположение духа, какими вещами пользоваться в быту, чем заполнять досуг. Читатель находит здесь также основы нрав-

ственного самовоспитания и правила гигиены. Ли Юй объясняет, как надо трудиться, чтобы труд приносил радость. Недаром в своих эссе и стихах он пишет о том, как мотыжил землю, сажал овощи и цветы, рыбачил или разводил пчел. Многие рассуждения Ли Юя носят просветительские черты. Смерть писатель воспринимает как неизбежность и оборотную сторону жизни. Он советует не бояться ее и «беречь время для обретения радости, чтобы постичь высшую гармонию Неба и Земли». В одном из своих сочинений Ли Юй писал: «Я жил среди гор, спасаясь от смуты, считая славным уделом бездеятельность. Летом я никого не навещал и никто не бывал у меня. Я ходил без шляпы и босиком, лежал в зарослях лотосов, и никто, ни жена, ни служанки, не могли меня найти». В этих строках, полных оптимизма и жизнеутверждающего пафоса — мечта писателя о счастливой жизни на лоне природы. И то, что они написаны в суровые годы иноземного владычества, весьма симптоматично. Ли Юй как бы бросает вызов мрачной эпохе.

Перед читателем книга повестей «Двенадцать башен» — лучший образец новеллистического творчества Ли Юя и одно из замечательных произведений жанра повести, созданных в XVII веке. Он создал ее в пору творческой зрелости, уже обретя литературную известность. Сборник «Двенадцать башен» примечателен многими своими особенностями. Прежде всего, это высокохудожественный образец повествовательной демократической литературы, так называемой литературы на «байхуа» (букв. «чистый язык») — разговорном языке, распространенном в простонародных жанрах литературы. Эта литература существовала уже несколько столетий, но своего расцвета, как уже говорилось выше, достигла в XVI—XVII веках. Прекрасные образцы повести представлены, например, в сборниках Фэн Мэнлуна, Лин Мэнчу и многих других. Хотя повесть (она называлась «хуабэнь», потому что восходила к старым повествованиям, основанным на сказочных формах, «хуабэнь» — букв. «основа рассказа») восходила к устному сказу эпохи Сун — Юань (X—XIII вв.), в ней ощущалось также влияние классической прозы, в частности новеллы. Вот почему в лучших образцах повести жизненность сюжетов и простота изображения, свойственные демократическим жанрам, сочетаются с высокой художественной культурой. Ли Юй в своем прозаическом творчестве унаследовал и развил эту традицию.

Книга «Двенадцать башен» интересна во многих отношениях. Прежде всего сюжетами повестей, объединенных единой дета-

лю — башней. Китайское сооружение «лоу» (башня) отлично от обычной одноэтажной постройки «пинфан» (плоского дома), в котором жили китайцы. В башне устраивался кабинет, семейная молельня, девичья комната. Сюда приходили почитать, поразмышлять в одиночестве, написать стих или нарисовать картину; приглашали гостей и актеров, чтобы в их обществе полюбоваться цветами, сиянием луны, петь песни, пить вино. Понятие «лоу» было широко распространено в жизни. Например, «красной башней» называли богатый и знатный дом, «зеленой» или «синей» — веселое заведение. Слово «башня» входило и в имена. Маленькая башня и Восточная башня — так зовут героев одной из повестей Ли Юя. В другой повести герой знакомится в башне со своей будущей женой; юноша чудесным образом выбирает себе возлюбленную; в третьей повести — строят башню, чтобы предаваться в ней созерцанию. Башня в повестях Ли Юя — сюжетообразующая, узловая деталь повествования.

По своему содержанию повести весьма разнообразны. Есть среди них любовные, получившие в истории китайской литературы название «Рассказов о красавицах и талантливых юношах». Фабульным стержнем в них обычно является неожиданно возникшая на пути влюбленных преграда, которая в конце концов преодолевается. Сюжетные коллизии в любовных повестях, как правило, лишены драматизма и трагедийности; конфликт в них разрешается благополучно и сравнительно спокойно, часто в комедийном плане. Другие повести, тоже с любовной коллизией, богаче и глубже по содержанию. Так, «Башня возвратившегося журавля» рассказывает о разлуке супругов в годы лихолетья и их встрече. Но любовная тема здесь условна, так же, как в «Башне подношения предкам». По существу, это правоописательный рассказ о жизни людей в трудную эпоху. К правоописательным произведениям можно отнести и повесть «Башня Возвращения к истине». Но в ней много черт и от авантюрного рассказа, похожего с западноевропейской пикареской, где главный герой — мошенник и плут (пикаро). По своим законам строится правоописательная повесть «Башня, где внемлют советам». Здесь читатель находит популярную в китайской прозе тему благородного отшельничества. Обличительная по своему характеру правоописательная повесть «Башня Собрании изысканностей» рассказывает о трагедии юноши, ставшего жертвой императорских сановников, когда в Китае у кормила власти стояла клика политических авантюристов и евнухов.

Ли Юй — талантливый рассказчик, мастер сюжетной интриги. Он увлекает читателя самым неожиданным поворотом событий, намеренно заостряет некоторые детали. Один из современников

Ли Юя, литератор Юй Хуэй, писал: «Старец в бамбуковой шляпе — человек крупного таланта и тонкой мысли». Другой современник, Праведник Ясень, отмечал: «То, что мертво, у Ли Юя вдруг оживает». Многие современники подчеркивали оригинальность сюжетной интриги, неожиданность ситуаций. Герой «Башни Десяти свадебных кубков» по странному стечению обстоятельств меняет одну за другой десять жен, ибо все они с «изъянами». Необычен сюжет повести «Башня Завоеванной награды»: самодуры родители настолько запутывают свадебные дела своих дочерей, что их под силу разрешить лишь мудрому судье.

Ли Юй любит «острые сюжеты» и, создавая их, использует разнообразные художественные средства. Фарсовая ситуация, граничащая с гротеском, легкая фривольность («Башня Десяти свадебных кубков»), натуралистическая сценка, юмор, подчас рискованный, терпкий, грубое, простонародное словцо — все это мы находим в повестях Ли Юя. Такова была литература той эпохи и, прежде всего, повествовательная проза, сочетавшая в себе моральную строгость с вседозволенностью, суровую риторичность с чувственностью. Примером может служить знаменитый правоописательный роман «Цзинь, Пин, Мэй»¹, некоторые повести Фэн Мэнлуна и Лин Мэнчу, где читатель, наряду с проповедью высокой морали, найдет грубую шутку, малопристойное слово, эротическую иносказательность. То же откровенное изображение человеческих чувств и нравов мы находим в литературе Японии, в западноевропейской литературе (Боккаччо, Рабле). Ли Юй отразил эти черты демократической литературы своей эпохи, пожалуй, не случайно, тем самым он выразил протест против канонической морали.

Особенностью художественной манеры Ли Юя является юмор. Многие повести писателя привлекают именно своей комической стороной. Так, повествование о жулике Бэе («Башня Возвращения к истине») построено в виде цепи забавных проделок героя — мошенника, любителя всяческих проказ. Ли Юй говорил: «Я пишу слова, которые не могут вызвать у людей печаль, и мне становится грустно, если я не вызвал смех». Но смех у Ли Юя порой грустный, «смех сквозь слезы».

Повести Ли Юя затрагивают многие серьезные проблемы — социальные, философские, нравственные. Так, например, важные нравственные проблемы писатель поднимает в повести «Башня Возвратившегося журавля». В ней мы находим рассуждения автора о бедности и богатстве, о верности и долге. Ли Юй открыто

---

¹ «Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе». — М., Художественная литература, 1977.

выражает свое презрение к алчным богачам и симпатию к бескорыстным беднякам. Важной социальной проблемы касается писатель в повести «Башня Собрания изысканностей», где он обличает омерзительный институт евнухов, просуществовавший в Китае вплоть до XX века. Известно, что в отдельные периоды китайской истории приближенные к трону скопцы вместе с политиками-царедворцами типа Янь Шифаня играли при дворе огромную роль. Так, в памяти Ли Юя и других современников была жива история возвышения евнуха Вэй Чжунсяня, пользовавшегося почти неограниченной властью в начале века. Изобразив жестокого евнуха Ша и сановника Яня, показав, как они исковеркали жизнь юноше, автор выразил протест против страшной действительности.

Большое место автор уделяет проблемам житейской морали. Сын своего времени, Ли Юй, естественно, связан традициями, но, как мыслящий художник и гуманист, выступает против традиционных установлений, изображает «многоженную семью» (в старом Китае чиновнику, ученому мужу, то есть представителю привилегированного сословия, не возбранялось иметь, кроме жены, еще и наложниц, в том числе и прислужниц) и показывает отношения внутри этой семьи. Он открыто не осуждает систему традиционного брака, но дает читателю понять, что многие его стороны ему не по душе. Знаменательно, что он восхваляет не феодальный домострой, а некую семейную гармонию, основанную если не на равноправии членов семьи, то на их добром и справедливом отношении друг к другу. Характерно также, что он выступает не на стороне родителей, мешающих счастью влюбленных, а на стороне влюбленных — близких между собой по духу. Не случайно в «Башне завоеванной награды» две героини достаются в жены молодому талантливому сююаю. Обе они красивы, а красота непременно должна сочетаться с талантом. То же происходит в повести «Башня Развеянных облаков». Интересно, что здесь одна из красавиц, служанка Нэнхун, преуспевает в борьбе за свое счастье, в этом смысле взяв верх над госпожой. Создав в повести образ сметливой служанки, автор, несомненно, хотел показать свое глубокое уважение к человеческому достоинству простых людей.

Старая китайская повесть всегда отличалась дидактичностью. Мораль автора-рассказчика присутствует в самом сюжете, в авторских высказываниях и в рассуждениях героев, в нравоучительных стихах, в стихотворных концовках к главам. Ли Юй не скрывает своего желания преподать читателю мораль. Рассуждения писателя касаются разных явлений жизни. Они не просто назидательны, но имеют и познавательный интерес. Некоторые

из них напоминают иносказательные миниатюры и притчи. Взять хотя бы рассуждения писателя о людях и их поступках на примере животных. «Скажем, пчела привыкла непрестанно теревить цветков, не проявляя зачастую к нему ни малейшего интереса. Так поступают и люди-пчелы. Они суетятся всю жизнь, наполняя ее сверх меры пустыми хлопотами и волнениями». В другом месте Ли Юй говорит о положении человека в семье, о его достойном (или недостойном) поведении в обществе, о добродетели женщины. Иносказательные миниатюры иногда сопровождаются соответствующими поучениями. В повести «Башня Возвратившегося журавля» Ли Юй вкладывает свои моралистические рассуждения в уста одного из героев — Дуаня.

Жанр повести куабэнь, в котором писал Ли Юй, имел свои особенности, ставшие к XVII веку литературной традицией. Ли Юй воспринял многое из того, что было свойственно его предшественникам, но и внес немало нового. Старые повести часто имели длинные и замысловатые названия. Известная легенда о Белой змейке в переложении Фэн Мэнлуна называлась: «Повесть о том, как Белая волшебница была навеки погребена под Громовой башней». Ли Юй был одним из первых авторов, отказавшихся от пространных и замысловатых названий. В его книге названия всех двенадцати повестей лаконичны и фиксируют внимание читателя на главном — башне. Отличительной чертой повествовательной прозы Китая было широкое использование элементов фольклорной традиции, а также различных литературных клише. Так, значительную роль в повествовательной прозе играли разнообразные зачины и концовки, стихотворные включения в текст (например, описание пейзажа, портретная характеристика). В прозаическом тексте часто встречаются сказовые штампы («рассказывают, что...», «кто мог предположить, что...»). Ли Юй не часто использует традиционные правила, многое в них изменяет, а от некоторых вообще отказывается. К примеру, стихотворный зачин он обычно сохраняет, но заостряет его символический смысл, тем самым углубляя содержание рассказа. От стихотворной концовки он фактически отказался, видимо, как от ненужной условности. Сравнительно редко прибегает Ли Юй к стихотворному портрету или пейзажу, предпочитая дать их в прозаическом тексте.

Прозаический текст и стихи у Ли Юя часто носят весьма личностный характер, чего почти не было в предшествующей прозе. Например, в шестой повести после стиха следуют слова: «Эти стихи сочинил лет двадцать назад один поэт, которого звали Литератором, мир пробуждающим. Как-то раз он отправился к Тигровому холму, собираясь купить там цветы...» Ли Юй пишет

здесь о самом себе, так как «Литератор, мир пробуждающий» — это он сам. В последнем рассказе он говорит прямо: «Эти стихи я сочинил еще до смутного времени, в те годы, когда покинул город и поселился в деревне». Далее следуют воспоминания о «смутной поре». Примечательно, что Ли Юй часто выступает в рассказе от первого лица. Раньше в повествовательной прозе этого практически не было. «Я намерен нынче поведать вам сию историю, с тем чтобы...» Подобные фразы, абзацы, даже в том случае, когда рассказ дальше развивается в русле повествования от третьего лица, заостряют субъективные, личностные черты повествования. Или такой распространенный сказовый штамп, как обращение к читателю и слушателю, поскольку сказ обычно слушали и смотрели, как театральное представление. Ли Юй охотно прибегает к нему, считая, что он придает повествованию динамичность и эмоциональность. Но в отличие от более ранней прозы Ли Юй превращает это клише в оживленную беседу автора с читателем, доверяет читателю свои мысли, высказывает сомнения, спорит, убеждает.

К особенностям художественной манеры Ли Юя можно добавить еще одну важную черту — его удивительное умение свободно и смело использовать разговорный язык своей эпохи, причем не только в диалоге, но и в авторском тексте. Диалоги у Ли Юя очень живые, звучат легко и свободно. Авторская речь богата и колоритна. Конечно, автор прибегает и к книжному языку (порой усложненному), но лишь в тех случаях, когда это совершенно необходимо. Читатель без труда заметит еще одну особенность художественной речи Ли Юя — обилие образных слов, поговорок и пословиц, народных выражений, крылатых слов и книжных речений. «Герой ростом в семь чи от страха сократился сразу на несколько цуней»; когда юноша хочет получить сразу двух дев, автор замечает: «Не захватив местности Лу, он уже думает о царстве Шу». Для XVII века, когда демократическая литература, в том числе и ее язык, находились в стадии формирования, появление повестей Ли Юя было явлением знаменательным.

* * *

Судьба творческого наследия Ли Юя сложилась не вполне благополучно. В маньчжурскую эпоху произведения Ли Юя почти не печатали, если не считать пьесы. Малоизвестен Ли Юй и в переводах на другие языки. Исследования этого интересного автора до последнего времени почти не велись. Научный интерес к Ли Юю возник лишь в последние годы, когда о нем появились

очерки синологов Х. Мартина (ФРГ), Н. Мао (США), Хуан Ли-чжэня (Тайвань). Начинают появляться отдельные очерки и статьи в КНР. Частичный перевод цикла «Двенадцать башен» сделан был в свое время Ф. Куном на немецкий язык. Американский синолог Н. Мао пересказал повести на английском языке.

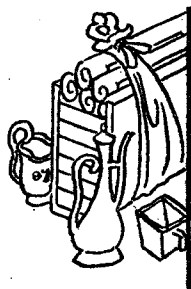
Настоящая книга представляет собой первый полный перевод повестей Ли Юя, осуществленный по китайскому изданию книги «Двенадцать башен» («Ши эр лоу»), опубликованной в 1947 году в Шанхае.

Д. Воскресенский

Двенадцать
башен
—
Повести

БАШНЯ СОЕДИНЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Страшась сластолюбцев воров, хотели от них уберечься, однако нежданная страсть явила подлинный образ

Случается в жизни: возжаждет кто-то
Пресечь сокровенные чувства

влюбленных.

Глубокий ров он тогда прорывает,
Чтоб разделить две души истомленных.
Надеждой он тешится, что друг друга
До самой кончины не встретить

влюбленным,

И вправду глубок этот ров, но вряд ли
Для них он станет вечным заслоном.
Пусть доверху ров заполнен водою,
Но вспыхнувшей страсти он не

потушит,

Как древле Хуннян, так зеленые воды
Помогут — сведут влюбленные души.
Воды из дворцового рва черпнешь,
И в ней благовонную тушь найдешь¹.

Эти стихи, написанные на мелодию «Красавица Юй», таят в себе мысль о том, что люди, живущие в нашем мире, могут без труда удержаться от опрометчивых действий, дабы не нарушать правил поведения. Гораздо труднее преодолеть влечение, которое возникает между мужчиной и женщиной, желание насладиться на ложе любви. И если удастся погасить страсть, то лишь в самом начале. А так здесь бессильны даже сила верховной власти, не то что домашние запреты. Да, все бесполезно! Пусть сам Нефритовый владыка грозит грешникам суровой карой, а правитель ада Яньло велит тащить их в обитель мрака — влюбленным

¹ Здесь и далее стихи в переводе С. Северцева.

все нипочем. Что задумали, то и сделают, наперекор всем и вся. Ополчатся на них горы, реки, деревья и травы; обрушат град стрел и камней небесные светила — они все равно не отступятся. Ведь через тысячи, тысячи лет, если в этой жизни им не повезет, они уверены, что вознесутся в высотные дали и там, став небожителями, сочетаются в браке. Потому они и готовы погибнуть или, оставаясь демонами сластолюбия, ждать десять тысяч лет, отказавшись от перерождения в человеческом облике. Где же, скажите мне, найти в мире запрет, способный остановить этих грешников, если им все в жизни постыло и они мечтают о смерти? Вот почему и надобно выдернуть с корнем росток сластолюбия, пресечь разврат, пока он не набрал силу. Тогда и не потребуются особые запреты, разве что строгость в общении обитательниц внутренних покоев дома с посторонними мужчинами, и то без излишней подозрительности.

В сочинениях ученых-конфуцианцев говорится: «Мужчинам и женщинам в общении своем сближаться не должно!» В даосских книгах пишется так: «Если нет в сердце влечений, в нем не найдется места для метаний». Оба этих речения необыкновенно точны. Допустим, некий мужчина сделал девице подарок или назначил свидание, пренебрегая запретами дома: я-де сам себе хозяин, наплевать мне и на преграды, и на запреты! Заметим, однако, что в древности совершенномудрым людям тоже не были чужды страсти. В то же время они знали: если ты возжелал с кем-то увидеться или чем-то обладать, значит, совершил сие действие хоть и без особого умысла, но не случайно. Но тогда ты уже сам себе не хозяин, тебя охватило смятение. Скажем, какая-то дева вознамерилась передать тебе пустяковую вещицу. Протянула руку и, будто невзначай, легонько коснулась тебя. А ты уже возомнил, будто дева к тебе равнодушна, возможно, даже заигрывает с тобой, словом, как говорится, «пририсовал змее ноги». Ее легкое прикосновение навело тебя на мысль об известной истории про добрую жену, которая подносила пищу на уровне бровей или, на худой конец, ты усмотрел в нем проявление добрых чувств и некое намерение, которое презреть невозможно. Едва сия мысль втемяшилась тебе в голову, ты не раздумывая ответил деве согласи-

ем, забыв о возможных бедах. Но уверен ли ты, что она не помышляет обратить твою слабость себе на пользу? Этими рассуждениями мы и хотели предварить нашу любовную историю, очень похожую на пьеску.

Заметим, что встречи влюбленных чреваты большими опасностями. Случайно брошенный взгляд, неосторожно оброненное слово, даже вздох грозят бедой. Потому лучше, когда люди остерегаются взаимных сближений или вовсе друг с другом не общаются. Если не верите, напомним вам две истории, случившиеся в древности. Первая рассказывает о певичке Чжан — Красное Опахало, которая досталась аптекарю Ли. Когда она жила еще в покоях Яна (того самого, что носил титул Юэского гуна), то, пожалуй, не разбиралась в мужчинах. Так же, как и девица Хунсяо — Красная Шелковинка, которая в свое время жила у вельможи Го. Ее умыкнул некий Цуй по прозвищу Тысяча Буйволов. Обе истории произошли оттого, что хозяева, вознамерившись похвастаться своей роскошью перед гостями, заодно показали посторонним мужчинам и своих возлюбленных. Глупцы! Они, видно, забыли, что беседу можно вести и глазами, и даже перстами. И тот, чью душу всколыхнула подобная беседа, не остановится ни перед высоким забором, ни перед стенами, даже если они сделаны из железа и меди. Кто-то рано или поздно убежит из дома, а кто-то умыкнет предмет своей страсти. Ничего такого не случится, если чтить две заповеди, упомянутые выше: «...в общении своем сближаться не должно», а также вторую: «Если нет в сердце влечений, в нем не найдется места для метаний».

Я намерен поведать вам нынче сию историю, с тем чтобы предостеречь каждого, кто живет в семье. Дабы уберечь себя даже от самой малой опасности, не следует показывать без надобности не только своего облика, но даже тени своей. В противном случае в душе родится легкомыслие, и тогда перед талантливыми юношами и прелестными девами раскроются врата любовных страстей.

В годы Высшей Истины — Чжичжэн — династии Юань в уезде Цюйцзян области Шаочжоу, которая, как известно, расположена в провинции Гуандун, жили в праздности два шэньши: Ту и Гуань. Тот, кто

прозывался Ту, однажды добился больших успехов на столичных экзаменах, получил степень Первейшего, а позже дослужился до поста инспектора. А вот второй, Гуань, имевший степень сянгун, дослужился лишь до тицзюя — чиновника по делам обучения. Случилось так, что оба собирались стать зятьями в доме некоего человека, которому до сих пор не удавалось подыскать женихов для своих дочерей внутри своего рода, а потому он согласился принять женихов, как говорится, со стороны. По уму и образованности молодые люди как будто не уступали друг другу, зато различались нравом и некоторыми привычками. Гуань, на редкость упрямый, был приверженцем старого уклада и истинного учения. Что до инспектора Ту, то его за необузданный и вольнолюбивый нрав можно было причислить к «ветротекучим талантам». Их жены поначалу были дружны, однако со временем они, как ни странно, вдруг стали между собой враждовать. Видно, так было угодно Небу, которое ниспослало им это наказание за какую-то былую провинность. Однако супруга Гуаня, внемля истинам праведного учения, пуще всего боялась услышать легкомысленные речи. Жена Ту, напротив, привыкнув к ветреным мыслям, не могла терпеть заумных речений. Обе сестры, еще недавно близкие, как полы одного халата или как две тыквы, растущие на одной плети, теперь всячески поносили друг друга и возводили хулу. Понятно, что привязанности и склонности они имели сейчас вовсе различные. Они были как две враждующие державы — день ото дня их распря росла.

Поначалу обе семьи жили вместе, однако после смерти родителей усадьбу пришлось разделить на две половины с отдельными дворами. Между двумя частями ее появилась высокая стена, дабы обитатели той и другой половины не могли видеть друг друга. В саду позади усадьбы находился пруд и на его берегах два павильона. Обращенный на запад принадлежал инспектору Ту, на восток — Гуаню. В этом месте очень уместно привести такой стих:

Давно известно: ивы возле дома
Нам помогают вход быстрее найти,
А здесь цветущий лотосами пруд
Не позволяет к дому подойти.

Итак, обе семьи разделяла теперь высокая стена и глубокий водоем, спуститься к которому без ступеней было невозможно. По правде говоря, этот водоем был серьезной преградой, все равно что река Хуанхэ. И все же Гуань не чувствовал себя в безопасности. Он боялся, как бы свояк не стал подглядывать со своего берега и пялить глаза на его жен и наложниц. Потому он не поскупился на деньги и врыл в дно пруда каменные столбы, а на них наложил каменные плиты наподобие заслона. Словом, соорудил еще одну стену, разделив на сей раз не только сушу, но и воду. С этого времени ни один мужчина ни из той, ни из другой семьи не мог увидеть своих родственников. Да и вообще семьи теперь меж собой почти не общались.

Рассказывают, что у инспектора Ту родился сын, которого назвали Чжэньшэном, Драгоценно-рожденным. За полгода до его рождения на свет появилась дочь Гуаня, и нарекли ее Юйцзюань — Прекрасная Яшма. Поскольку их матери были единоутробными сестрами, мальчик и девочка, оба прелестные, очень походили друг на друга — ну прямо две картинки, вышедшие из-под печатной доски. В ту пору, когда младенцы еще лежали в пеленках, обе семьи жили вместе, и матери нередко путали детей. То госпожа Ту покормит грудью Прекрасную Яшму, то госпожа Гуань начнет баюкать Чжэньшэна. Дети росли и кормились как будто сразу у двух матерей. В «Книге песен» есть такие строки: «Шелкопряд имеет детей своих, но порой оса похищает их, учите и вразумляйте детей своих, подобными себе воспитайте их».

Известно, что дитя обычно походит на мать, которая его кормит, ибо связаны они нерасторжимыми узами.

Покуда семьи жили вместе, детям, по их несмышленности, было решительно все равно, как они выглядят и на кого походят. Когда же они подросли и изменили прическу (мальчику отрасли длинные волосы, а девочке заплели косички — рожки), дети, слушая взрослых, стали размышлять над их разговорами, и им захотелось посмотреть друг на друга, дабы убедиться в достоверности услышанного. Но сделать это было невозможно, к этому времени семьи уже

жили порознь, и расстояние, которое их разделяло, хоть и ничтожное, превратилось в преграду, такую же непреодолимую, как грань между Небом и Землей.

Прошло несколько лет. Молодые люди часто любовались своей наружностью перед зеркалом, и каждому, как это ни странно, приходили в голову одинаковые мысли. «Как видно, в Поднебесной нет никого мне под пару», — скажет, бывало, один из них с восхищением. «В самом деле, вряд ли есть кто-то еще, обликом похожий на меня. Ведь в жизни редко встречаются люди с одинаковой внешностью!» — подумает другой.

Надо заметить, что в подобных рассуждениях чувствовалась не столько симпатия к тому, другому, сколько зависть. В жизни часто бывает, что рядом с девятью долями согласия непременно соседствует частица несогласия. Но наши герои не знали, что в неприязни порой таится и взаимное расположение. Вот отчего и произошла история, которую мы назвали любовной пьеской.

Юйцзюань, как и положено приличной девице, не могла выйти за ворота своего дома, чтобы встретиться с двоюродным братом. А Чжэньшэн действовал свободно и смело. Ведь он был юношей!

— Почему бы мне их не навестить? Надо же поддерживать родственные отношения! Навещу вторую матушку, и, может быть, посчастливится увидеть сестру! А родители пусть остаются в ссоре, нас это не касается!

И вот, вопреки запретам, он отправился навестить родственников. Но в доме Гуаня на стене гостевой залы вдруг обнаружил надпись, сделанную, видимо, его дядюшкой, предугадавшим заранее визит племянника. Несколько фраз, написанных крупными иероглифами, гласили: *«Родственникам по линии жены входить во внутренние покои воспрещается! В нашем доме соблюдаются строгие различия между мужчинами и женщинами, какие бы узы их ни связывали. Уразумей сие каждый сюда входящий!»* Юноша невольно замедлил шаг, не рискнув переступить порог внутренних покоев. В это время вошел хозяин — господин Гуань. Юноша сообщил дяде, что хотел бы встретиться с матушкой и сестрицей. Гуань позвал жену. Име-

ни дочери он будто не расслышал. Молодой человек повторил просьбу, однако дядя промолчал, напустив на себя вид серьезный и важный. Чжэньшэн все понял и не дерзнул вновь досаждать дядюшке своей просьбой. Он посидел какое-то время и отключился.

После его ухода госпожа Гуань спросила мужа:

— Почему ты отказал ему? Он двоюродный брат нашей девочки, и они имеют полное право встречаться.

— Ничего-то ты не понимаешь, жена! Видно, не знаешь простой истины, что мужчине и женщине не должно общаться друг с другом. Это касается даже самых близких родственников. А о посторонних и говорить не приходится. С какой стати я должен пускать соседей во внутренние покои? Чтобы дать пищу для пересудов? Представь себе, что я счел бы неудобным отказать ему как родственнику. В этом случае он под любым предлогом стал бы входить в наш дом, даже в женские покои, и ни к чему, кроме нарушения приличий и взаимных подозрений, это не привело бы. В родственных связях, и далеких и близких, должен быть свой порядок. Но когда младенцы рождаются от единоутробных сестер, родственные отношения неизменно запутываются. Говорят, будто такие дети не являются братом и сестрой, ибо рождены не одной матерью. Но, с другой стороны, они как бы восходят к одному корню, а потому чувства их схожи. Говорят и обратное — будто они брат и сестра. Тут можно возразить, что они принадлежат к разным фамилиям, к тому же появились не из одного чрева. Даже древние затруднялись разгадать эту загадку и отказывались давать объяснения. Вот почему еще в далекие времена говорили о водах рек Цзин и Вэй, которые различить очень трудно, ибо они текут в одном русле. Отсюда и происходят разные нечистые деяния. Когда я листаю «вольные истории» и всякие любовные повестушки, то часто замечаю, что плотские чувства рождаются именно у людей, связанных родством. Как ты думаешь, отчего? Оттого, что родители, по своей тупости, разрешают братьям и сестрам свободно общаться. Вот отсюда и неразбериха в отношениях! Я же, сторонник строгих правил поведения, должен делать различия между родственниками и не

намерен потворствовать низменным склонностям, существующим в нашей жизни!

Супруга Гуаня в знак согласия кивнула головой. Видимо, слова мужа пришлись ей по душе.

С той поры молодые люди отбросили прочь пустые надежды и сокровенные желания. Они давно поняли, что родители их не рассудят, не скажут, на кого они похожи, кто из них красивей, походят ли они друг на друга.

Но однажды по счастливой случайности молодые люди все же встретились, что, впрочем, должно было рано или поздно произойти. Нет, им вовсе не довелось свидеться на берегу пруда! Они увидели лишь свое отражение в бирюзовой воде. Здесь мы приведем стихи с оборванной строфой (так их обычно называют), в которых воспето место, где произошла встреча:

Долгие дни горячего лета.

Дремлет под деревом тень густая.

Образ резной перевернутой башни
Светится, в гладком пруду блистая.

Повеяло легким ветром — и сразу

Качнулось кристальное покрывало,

И с этим примчавшимся с юга ветром

Прохлада ласковая настала.

Стояла середина лета — самая знойная пора года. Неудивительно, что в этот день оба наши героя, не сговариваясь, пришли в павильоны возле пруда насладиться прохладой. Легкий ветерок едва колыхал водную гладь, и отражения в ней были на редкость отчетливыми. Девушка внимательно всмотрелась в свое отражение и с изумлением воскликнула:

— Как странно! Мое отражение как будто отделилось от меня и перешло на сторону соседей. Что бы это значило? Дурной знак!

Ее охватило тревожное чувство. Вдруг в голове мелькнуло: «А может быть, это отражение вовсе не мое, а брата? — Последнее время она часто думала о нем. — Нынче на брате нет шляпы ученого мужа, и без нее он очень похож на девушку. Вот я и приняла его за себя. — Она невольно сопоставила его внешность со своей. — Разницы почти никакой, мы очень похожи!»

Понятно, что теперь у нее больше не было оснований считать себя единственной красавицей на всем белом свете. Странно, но от этого в душе ее не родилось ни сожаления, ни горечи, напротив, какая-то безотчетная радость. Зато, думая о родителях, она не испытывала ничего, кроме острой досады. Зачем они прогнали брата, когда он пришел к ним в дом!

Облокотившись на перила, юноша глядел на воду. И когда увидел в воде отражение Юйцзюань, возликовал. Полными восторга глазами он смотрел на девушку. Правду говорили, что она красавица.

Надобно вам сказать, что юноша, талантливый, но ветреный, нравом совсем не походил на дочь праведного ученого мужа. Голова его была забита всякими непутевыми мыслями, свидетельствующими отнюдь не о строгом воспитании. И вот вертопрах решил испытать те знания, которые успел почерпнуть в жизни.

— Вас зовут Юйцзюань, не так ли? — тихо спросил он. — Как вы прекрасны! И как похожи на меня! А почему бы нам не пожениться? — С этими словами он нагнулся к самой воде, словно хотел выловить отражение красавицы.

Слова юноши породили в душе девушки радость. Она с большим удовольствием протянула бы ему руку, ответила бы взаимностью, презрев суровые запреты. Но могла ли она себе позволить преступить приличия? Робость сковала ее уста. Чувства, теснившиеся в груди, выразились лишь в легкой улыбке.

Ветреник Чжэньшэн владел особым секретом обольщения. Заигрывая с женщиной, он вовсе не ждал от нее немедленного согласия. Вполне достаточно было лишь улыбки. Если алые уста разомкнулись — это добрый знак. Отражение в воде как бы говорило о том, что юношу ожидает пояс согласия.

С этого дня юноша и девушка постоянно искали удобный случай, чтобы прийти к пруду, где они, будто спасаясь от жары, могли насладиться прохладой. Они старались приходиться туда без слуг и служанок и, облокотясь на резные перила павильона, вели задушевный разговор. Впрочем, говорил обычно только Чжэньшэн, а девушка молчала. Но даже в мало-значительных фразах она так хорошо умела выразить свои чувства, что молодой человек понимал ее с полуслова. Иногда девушку охватывал страх. Что, если

их разговор услышат родители? Ее наверняка побьют, а глядишь, и лишат жизни.

Уважаемый читатель, ты только что прочел первую главу нашей истории, где рассказывалось о том, как слились воедино отражения двух молодых людей. Если хочешь узнать, что случилось потом, прочитай следующую главу, где многое разъяснится.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Родитель, выслушав брань, решил сделать доброе дело; отвергнутую деву охватывает любовный недуг

Рассказывают, что влюбленные после памятного дня не раз встречались и беседовали друг с другом и, глядя на отражения в воде, с досадой думали о высокой стене, их разделявшей. Однажды девица Юйцзюань, плененная демоном сна, поднялась позже обычного — в час «сы». Наспех умывшись и едва уложив волосы, она поспешила к пруду, но, увы, знакомого отражения в воде не увидела. Видно, юноша, не дождавшись ее, ушел. И тут вдруг ей показалось, будто к ней кто-то сзади подходит. Обернулась — двоюродный брат Чжэньшэн. Нет, не какое-то там отражение, а сам человек во плоти. Широко раскинув руки, он приближался к ней с намерением заключить ее в объятия. Как он здесь оказался? А произошло это так. Чжэньшэн, обуреваемый страстным желанием «умыкнуть аромат», перебрался вплавь через пруд и, затаившись в укромном месте, ждал удобного момента. Юйцзюань, надо вам сказать, не отличалась смелостью и очень боялась, как бы кто-нибудь не услышал их беседы. И вдруг юноша среди белого дня появляется на их половине! Любовное свидание с женщиной! Стыд и срам! Чего доброго, еще обвинят в блуде!

— Ай-я! — испуганно вскрикнула красавица и бросилась прочь.

Целых пять дней после этого случая не появлялась она в павильоне у пруда.

Уважаемый читатель! Да будет тебе известно, что в доме Гуаня царили суровые порядки, и обитательницы женских покоев проявляли большую осмотритель-

тельность. В противном случае Чжэньшэн и Юйцзюань давно впали бы в блуд.

Бегство красавицы привело юношу в смятение. Он прыгнул в воду, думая сейчас лишь об одном — как побыстрее убраться восвояси. К слову заметим, что девица Юйцзюань вовсе не хотела прогонять юношу. Она просто испугалась, а когда пришла в себя, почувствовала жалость и раскаяние. Она быстро сочинила стихи, вложила листок в бутон цветка, а бутон вернула в лист лотоса, чтобы не промок в воде. В следующую встречу, увидев отражение юноши, она опустила послание в воду.

— Этот цветок предназначен тому, кто находится на том берегу! — проговорила она.

Чжэньшэн, вне себя от радости, выбежал из павильона и устремился к воде. Схватив лист лотоса, он развернул его и в нем нашел стихотворение:

«Колышутся воды, зеленые воды,
Душе навеяв сладкую дрожь.
Но молви, молви, бесплотный призрак:
Когда же ты образ живой обретешь?
Нет, я цветка избегать не стану,
Хочу отраженье его разглядеть.
Но только боюсь: цветок колыхнется —
Начнет «золотой колокольчик»
звенеть».

Ошалевший от счастья, юноша сей же миг сочинил ответное стихотворение, вложил его в свернутый трубкой лист лотоса и положил на воду.

Вот что он написал девушке:

«Глядеть, как блестит на воде
отраженье,
Весенним утром нравится мне,
Но в это утро мне показалось:
Цветком я люблюсь в волшебном сне.
Хотел бы сейчас прикоснуться к плоти,
Что лилий нежней и нефрита белей,
Приблизиться к той красоте чудесной,
Приникнуть к ней без лишних речей».

Прочитав послание, девица сразу же поняла, что любовная страсть Чжэньшэна, как говорится, долетела

до самого неба. Презрев смертельную опасность, он несомненно снова попытается пробраться к ней. Дабы отвлечь беду, Юйцзюань написала ему короткое послание на листке узорчатой бумаги — всего несколько строчек бисерным почерком: *«Вы появились вдруг, и я убежала в страхе. Если появитесь вновь, меня ожидает беда. Мой родитель и ваш совсем не похожи нравом. Потому нас обоих ждет смерть! Будьте осторожны!»*

Получив столь решительный ответ, юноша не дерзнул более прибегать к игривым намекам, но со всей искренностью, на какую был способен, стал предлагать девушке стать его супругой. В одном из писем он написал: *«В вашем доме царят строгие правила, а потому витает уныние, подобное тому, какое было в царстве Ци. Ваши слова пронизаны холодом, и мне кажется, что вы собираетесь нарушить наш союз в тугах. Но если уподобиться враждующим царствам У и Юэ, никогда не достигнешь согласия даже между семьями Чжу и Чэнь. Но я уповаю на удачу и верю в счастливую судьбу. Умоляю вас написать еще хоть слово, которое дало бы мне надежду на верность и вечный союз».*

Едва красавица прочла послание, как тревоги ее разом исчезли. Все, что писал ей юноша, полностью совпадало с ее собственными мыслями и желаниями. И она тотчас послала ответ, в котором дала согласие на брак. *«Поскольку мы отвергли мотивы Чжэн и Вэй,— писала Юйцзюань,— нам следует насладиться музыкой Гуаньцзюй. Хочу, чтобы и во сне, и наяву было бы у нас с вами все едино и чтобы не существовало меж нами несогласия. Судьба моя определена, и даже смерть не заставит меня изменить свое решение. Если же я нарушу союз, пусть о моем проступке узнает весь свет!»*

Юноша прочел ответ возлюбленной с радостным умилением. С этих пор они снова почти каждый день вели беседы, глядя на отражения в воде, и в думах своих постоянно устремлялись друг к другу. За это время они сочинили множество стихотворных посланий на одну-единственную тему — отражения в воде. Через полгода, а может быть раньше, Чжэньшэн собрал в книжицу стихи, которыми они обменивались,

и назвал ее «Соединенное отражение». Однажды его родители увидели книжку на столе и весьма обрадовались, решив, что сын проявляет рвение не только в чтении книг своего родителя, но и в исполнении материнских заветов. Они решили помочь ему устроить брак. Одна беда — упрямый родственник. Вряд ли он согласится на свадебный союз.

У отца девушки был приятель, сянгун-одногодок, по имени Лу Цзыю, который занимал в свое время разные служебные посты, а потом ушел на покой, как говорится, «удалился в лес». Человек, весьма независимый в своих взглядах, он порицал легкомысленное поведение, равно как и излишнюю приверженность к ортодоксии, отвергал как устаревшие мысли, так и непристойности, от которых невольно хочется «очистить уши». В древности о подобном муже говорили: «Он стоит между И и Хуэем». По всей видимости, именно поэтому он смог сблизиться с легкомысленным Ту и суровым Гуанем. И вот инспектор Ту и его жена решили, что почтенный Лу мог бы стать добрым сватом. Ту отправился к нему с визитом.

— Вам, разумеется, известно, что мы со свояком в ссоре, но пора бы уже помириться, — сказал он Лу. — Прошу вас, досточтимый брат, помочь мне. Придумайте хитроумный способ, который бы, подобно целебному настою, принес нам обоим пользу. Чтобы, как говорится, лед и пылающий уголь стали так же согласны между собой, как вода и молоко, иными словами, чтобы вражда обернулась дружбой.

— По-моему, все уладится, вы ведь родня! Со своей стороны я сделаю все, что в моих силах, как говорится, послужу вам, словно собака и конь.

Однажды Лу нанес визит почтенному Гуаню. Во время беседы он как бы невзначай поинтересовался, какого возраста его прелестная дочь, просватана или нет. Узнав, что надо, он изложил просьбу своего друга, но не напрямую, а намеками. Хозяин не сказал ни слова, лишь усмехнулся, взял кисть и прямо на столе написал крупными иероглифами: *«Нет меж нами согласия. Распря наша давняя, потому ваше предложение о союзе я принять не могу. Если хотите сохранить нашу тесную дружбу, отбросьте ненужные иллюзии!»* Господин Лу понял, что Гуаня ему уломать не удастся. Весь разговор, разумеется, он передал инспектору

Ту, не преминув сказать о тупом упрямстве родственника, лишь о его записи на столе решил умолчать. Но супруги Ту тотчас смекнули, что здесь надеяться не на что, и решили искать другую невесту.

Надобно вам знать, что у господина Лу была приемная дочь Цзиньюнь — Разноцветное Облако, которая ничуть не уступала Юйцзюань красотой. Родители попросили одного знакомого сходить к Лу сватом.

— Брак — дело серьезное, сразу решить его не могу, — ответил Лу. — Прежде всего следует сверить восемь знаков гороскопа с той и с другой стороны.

Инспектор Ту передал свату погодную карточку сына, чтобы тот отправил ее в дом невесты. Господин Лу, взглянув на знаки, пришел в изумление. Оказалось, что гороскопы Чжэньшэна и его дочери в точности совпадают. Молодые люди родились не только в один год и месяц, но и в один и тот же день и даже час.

— В этом, несомненно, проявилась воля Неба! И человек не смеет ее нарушить! — воскликнул Лу. — Я согласен!

Его ответ сват в точности передал инспектору Ту и его жене, и те очень обрадовались благополучному разрешению дела.

А сам Чжэньшэн? Неужели он, такой умный и сообразительный, не догадался, что родители собираются его женить? Но влюбленный юноша совсем потерял голову. Все десять душ его были устремлены к образу прекрасной Юйцзюань. Если он видел, что отражение в воде печально, сам он становился как неживой, будто деревянный, не откликался на зов, не отвечал на вопросы. При любой возможности он устремлялся к павильону над прудом и долго сидел там или расхаживал по площадке длиной всего в несколько чи. В эти мгновения никто не решался к нему приблизиться. Понятно, что разговоры, которые велись в доме, пролетали мимо его ушей, и он ничего не знал о помолвке. Зато слухи о предстоящей свадьбе Чжэньшэна скоро дошли до девицы Юйцзюань. Она немедленно отправила ему послание, укоряя в неверности. Юноша бросился к родителям и, услышав, что это правда, в голос заплакал, как дитя малое, и стал умолять, чтобы немедленно расторгли союз, иначе он наложит на себя руки. Как только ни поносил

он господина Лу, которого считал виновником всех бед.

«Наверняка он что-то наплел моему дяде, потому тот и отказал. Видимо, Лу давно замыслил женить меня на своей дочери и сделал все, чтобы этого добиться! Вот она истина! Будь сватом кто-нибудь другой, моя свадьба не сорвалась бы». — Юноша ругал господина Лу последними словами, называл черепахой и старым разбойником.

Родителям надо бы сурово одернуть разбушевавшегося сына, но они привыкли ему потворствовать. Никакие увещевания на Чжэньшэна не действовали. Заметим, что господин Ту не без удовольствия думал о том, что сын его и наклонностями, и привычками очень похож на него самого. «Могу ли я осуждать его, если сам не способен сдерживать свои страсти?»

— Ну хорошо,— сказал он с озабоченным видом,— постараюсь что-нибудь придумать! Не падай духом!

Чжэньшэн взял у родителя слово, что тот непременно расторгнет помолвку и устроит союз с дочерью Ту. В противном случае он осуществит свою угрозу, что отразится на судьбе всего рода. Что было делать родителю? Оставалось одно: скрепя сердце идти с извинениями. Словом, он отправился к господину Лу, чтобы сказать ему о несогласии сына. Почтенный Лу даже переменялся в лице.

— На что это похоже? Ведь они помолвлены! Нас засмеют и родственники, и знакомые, не то что засмеют — заплюют! А не думаете ли вы, что у вашего отпрыска уже есть кто-то на примете?

— Все его помыслы обращены к девице Гуань. Зная, что сейчас жениться на ней никак невозможно, он все же надеется на счастливый случай в будущем.

Прикрыв рукой рот, господин Лу засмеялся. Он рассказал гостю про ответ Гуаня, который тот начертал на столе, когда услышал о свадебном предложении.

— Значит, мой мальчик погибнет! — тяжело вздохнул Ту, и из глаз его хлынули слезы. — А я стану духом Жо Ао.

— Возможно, до этого не дойдет. Послушайте, а может быть, у него с этой девицей заключен тайный союз и они боятся его расторгнуть?

— Вряд ли там что-то серьезное, все больше пустые выдумки! Телесной близости меж ними, судя по всему, не было. Они, видите ли, взирали на свои отражения в пруду. Однако знакомство их длится почти полгода, и дело зашло так далеко, что разорвать их союз невозможно! Ах, сударь, если бы вы помогли мне! — С этими словами он протянул хозяину дома книжицу стихов под названием «Соединенное отражение». — Вот греховное свидетельство их легкомысленных встреч.

Господин Лу, сердившийся до этого, вдруг рассмеялся.

— История, несомненно, возмутительная, но, с другой стороны, забавная! Никогда не слышал, чтобы люди влюбились друг в друга, глядя на свои отражения в воде. Об этой истории будут рассказывать наши потомки! Родителям, конечно, не следовало бы их поощрять, но коли дело приняло серьезный оборот, надобно что-то придумать, как-то помочь... М-да! Вот только как быть с моей дочкой? Все будут считать бедняжку отвергнутой. Найдет ли она после этого мужа?

— Помогите мне, век буду вам благодарен! — воскликнул Ту.

Вернувшись домой, родитель рассказал о своем разговоре сыну. Обрадованный юноша сразу забыл о своих печалях и принялся превозносить высокие добродетели господина Лу. Не проходило дня, чтобы он не просил родителей поторопить Лу, а порой и сам к нему забегал.

— Вашу свадьбу, любезный, скоро не устроишь, — сказал Лу юноше. — Ее надобно подготовить. Придется вам поскучать несколько лет в одиночестве. Посидеть, как говорится, возле холодного окна!

Так уж случилось, что почтенному Лу пришлось решать сразу два дела: искать жениха собственной дочери и устраивать свадьбу Чжэньшэна. О прежней размолвке он, само собой, не распространялся, чтобы не вызвать насмешек и не подать дурного примера дочери, которая, узнав об этой истории, могла и сама совершить недостойный поступок. Он сказал, что жених, мол, ей не пара и ничего хорошего от этого брака ждать не приходится. Потому от помолвки пришлось отказаться. Одного господин Лу не учел — что

его понятливая дочь легко может отличить правду от выдумки.

Надобно заметить, что девица Цзиньюнь задолго до истории с помолвкой знала не только о красоте юноши, но и о том, что их гороскопы полностью совпали. Значит, он как раз тот человек, который ей нужен! Она страстно ждала этого замужества — и вдруг неожиданный разрыв! Девушка впала в отчаяние. А тут еще служанки со своими разговорами:

— Ах, какой это был бы прекрасный союз! А хозяин взял и все разрушил! Когда господин Ту пришел к нему со своей просьбой, надо было сразу же ему отказать, и все! Он не стал бы упорствовать! Зачем только хозяин согласился сватать кому-то этого прелестного юношу? Ну что за красавец — прямо цветок или прекрасный нефрит!

— Это все оттого, что я приемная дочь. У отца нет ко мне настоящей любви. — В голосе девушки слышалась горечь. — Будь я его родной дочерью, он не поступил бы со мной столь безжалостно!

Через несколько дней девушка заболела. Недаром говорят: «Истинное горе словами не выскажешь; настоящую боль рукой не прощупаешь». Девушка никому не поведала о своей тоске и печали, и они тяжелым камнем легли ей на душу. Никакие лекарства не помогали.

Итак, девица Цзиньюнь все свои думы обратила к юноше, который ее отвергнул. И столь велика была ее страсть к нему, что, казалось, подобной не существовало еще со времен сотворения мира.

Дойдя до этого момента, ты, читатель, возможно, задумаешься, сдвинув брови, и захочешь чем-то помочь красавице. Но погоди, раньше послушай, чем закончилась злосчастная эта история.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

С помощью ловкого плана любимую дочь выдают замуж; сват по странной случайности расстается со своим чадом

Вам уже известно, что в доме Гуаня царили суровые нравы. После разговора с господином Лу хозяин дома, одолеваемый подозрениями, приказал слугам

навалить в пруд глины и земли, смешанной с битой черепицей, и соорудить высокую насыпь, начинающуюся как раз в том месте, где кончалась каменная стена. Слугам велено было зорко следить за дочерью и не пускать к пруду. Столь строгие запреты привели к тому, что влюбленные не только не могли теперь встретиться, но даже увидеть свое отражение в воде. Не сговариваясь, юноша и девушка выразили свою печаль в стихах.

Юйцзюань, как вы уже знаете, скоро услышала о помолвке Чжэньшэна, однако, не зная, что помолвка расторгнута, продолжала корить юношу за неверность и обман. Досадовала девушка и на господина Лу, который, как ей казалось, решил заполучить чужого жениха, словом, сыграл вместо свата роль тестя. Теперь стало ясно, что его обещания устроить брак Юйцзюань с Чжэньшэном были пустой болтовней. Недаром ее отец отказался от свадьбы. От горя девушка не пила, не ела и в конце концов слегла. Ее любовные переживания можно, пожалуй, назвать недугом, в то время как страсть дочери Лу была близка к наваждению. Недуг, разумеется, не наваждение, но и в одном и в другом случае причины одинаковы, ибо чувства молодых людей возникли всуе. Но вот что примечательно. Любовный недуг одолел и юношу Чжэньшэна. И недуг этот чем-то походил на болезнь Юйцзюань и наваждение Цзиньюнь. Вы спросите, как могло так получиться? А вот как. После того, как на пруду появилась высокая насыпь, юношу охватили тревожные мысли. «Почему ее построили именно сейчас, а не до возведения стены? К чему такие огромные расходы? Зачем вся эта возня и шумиха? Может, это придумала Юйцзюань, когда узнала о моей помолвке с дочерью Лу? Возможно, она решила разрушить наш союз, пренебречь прежним уговором? Прикинулась целомудренной, подлизалась к родителям и упростила их построить эту преграду, дабы показать, что порывает со мной навечно. Неужели это правда? Что же мне теперь делать? Ведь я по-прежнему хочу взять ее в жены, из-за нее отказался от другой невесты. На кого же мне сейчас обратить свои чувства? Девица Лу? По слухам, она весьма недурна собой. И гороскопы у нас полностью совпадают. Может

быть, это и есть моя судьба? Ах, как мне не повезло! Отверг ту, с которой у нас общие гороскопы, и не могу соединиться с другой, похожей на меня как две капли воды. Двойная неудача!»

Поскольку юношу терзали думы о двух красавицах сразу, его недуг приобрел странные черты и этим отличался от болезни девушек. Стоило юноше подумать о Юйцзюань, как Цзиньюнь начинала ему казаться смертельным врагом, источником всех бед. Он бранил ее даже во сне. Когда же он вспоминал Цзиньюнь, в душе его вспыхивала вражда к Юйцзюань, и он был уверен, что зло исходит именно от нее. И тогда в мыслях своих он корил Юйцзюань. Никакие уговоры отца с матерью не помогали, и они решили оставить сына в покое.

Между тем болезнь Цзиньюнь день ото дня обострялась, и господин Лу, желая помочь дочери, усиленно искал жениха. К его удивлению, Цзиньюнь не становилось легче. А ведь он был уверен, что дочь засиделась в невестах и потому болеет. И вот сейчас ее тревожит, что отец упустит счастливый случай. Когда же появится подходящий жених и они сыграют свадьбу, все недуги разом исчезнут сами собой.

Господин Лу поручил свахе найти подходящих молодых людей и привести в дом, чтобы выбрать самого достойного из них. Но женихи оказывались один другого безобразнее — сущие демоны. Служанка увидела одного и рассказала Цзиньюнь, девица едва не умерла со страха. Остальные были не лучше. Цзиньюнь высохла от переживаний, ну прямо кожа да кости, и слегла, ожидая последнего часа.

Господин Лу не на шутку встревожился и стал расспрашивать служанок. Когда же узнал об истинной причине болезни, расстроился и вспомнил поговорку: «Женщина верна до конца лишь одному мужчине». «Не надо было уступать этому Ту и отказываться от свадьбы. Я один кругом виноват. Но что же мне теперь делать? Ведь я обещал помочь отцу Чжэньшэна и не могу нарушить обещания. Как говорится: «Слово благородного мужа — золото». Остается одно: соединить всех троих, дабы они пошли одним путем. Надо внушить почтенному Гуаню, что он злодей из злодеев. Ну, а после свадьбы будет поздно отказываться. К тому времени, как говорят, рис уже сварится.

Если же Гуань попытается что-то изменить силой, у него ничего не получится. Трудность одна: кто из девиц будет в семье старшей, а кто младшей? — Почтенный Лу задумался. — Есть прекрасная история о государе Яо и двух его дочерях: Эхуан и Нюйин. Обе, как известно, стали женами великого Шуня. Ни одна из них, помнится, не называлась наложницей. Так они и остались женами-сестрами, одна старшей, другая младшей». Господин Лу позвал служанку и велел передать свое решение дочери, чтобы ее успокоить, после чего послал человека за инспектором Ту, с которым решил предварительно все обсудить.

— Мой план вот чем хорош, — стал он объяснять. — Прежде всего, не придется искать жениха для моей дочери. В то же время девица из дома Гуаней сохранит верность своему слову. Что же до юноши, то он обретет двойное счастье. Как видно, он родился под счастливой звездой!

Инспектор, с трудом сдерживая радость, принялся расспрашивать о деталях хитроумного плана.

— Вашего отпрыска из-за его упрямства все равно не уговоришь, придется его обмануть... Как вам известно, у меня нет сына, а я, скажем прямо, далеко уже не молод. Господин Гуань как-то советовал мне кого-нибудь усыновить. Так вот, я скажу ему, что усыновил некоего юношу и хочу женить его на Юйцзюань. Думаю, он не откажет, памятуя о нашей давнишней дружбе. Как только он даст свое согласие, я объявлю, что ищу мужа для своей дочери, имея в виду, как вы уже догадались, опять-таки вашего сына, Чжэньшэна. Наши семьи, таким образом, породнятся, что будет для всех нас большим счастьем. Не исключено, конечно, что Гуань, узнав, что речь идет о вас, пойдет на попятную. Зато от меня он отступить не посмеет. Не рискнет нарушить данное слово и выдать дочь за другого. А может быть, Гуань и не будет противиться, узнав, что юноша женится на обеих девушках, и даже обрадуется. Ну, как вы находите мой план?

Инспектор Ту радостно улыбался. Он склонился к самой земле в низком поклоне, выражая глубокую благодарность хозяину дома за его безмерную доброту и старание. Об этой радости, разумеется, он не преминул сообщить сыну, который все это время нахо-

дился в унынии. Весть о «двойной радости» вызвала у юноши приступ веселья. Его странный недуг, по всей видимости, можно было прогнать лишь с помощью этого удивительного средства. Девушка Цзиньюнь, узнав о новости от служанок, подумала: «Прекрасно! Беда наконец обернулась добром!» Поскольку причина ее недуга исчезла, отпала необходимость в лекарствах. Цзиньюнь с нетерпением ждала гостей, дабы выполнить обязанность Нюйин — супруги великого Шуня. Итак, от скверного недуга из трех несчастных пока освободились двое, и только бедняжка Юйцзюань до сих пор ничего не знала о радостном событии.

Вскоре произошла встреча господина Лу с Гуанем. Обман удался. Родители девушки, не раздумывая, согласились на брачный союз. А почему бы и нет? Сейчас дочь болеет, но рано или поздно ее все равно надо выдавать замуж. А здесь предложение исходит от давнего друга и соученика. Опасаясь, как бы Гуань, узнав правду, не изменил своего решения, господин Лу решил действовать быстро. На следующий день он прислал свадебные подарки, после чего объявил, что берет Чжэньшэна в зятя. Эта новость не привела Гуаня в восторг, но он промолчал, а в душе посмеялся над затеей друга. «Болтал о женитьбе приемного сына, а сам притащил в дом еще и зятя!» — В памяти невольно всплыла поговорка: «В парадную дверь входит человек, в заднюю — лезет бес». Судя по всему, этот Лу потеряет больше, чем приобретет! Но дело сделано, и Гуань браниться не стал.

Для Юйцзюань новость оказалась тяжелым ударом. Мало того, что ее любимый станет мужем девушки Лу, так ей еще придется с ним жить в одном доме. Какой позор! Возмущенная несправедливостью, она хотела было написать Чжэньшэну резкое послание, высказать свою обиду, а потом свести счеты с жизнью: удавиться или броситься в реку. Но как это сделать, если ее постоянно стерегут и родители, и служанки? Ей даже негде написать письмо, не с кем его послать.

Однажды служанка ей сообщила, что девушка Лу, узнав о недуге молодой госпожи, хочет проведать ее и справиться о здоровье.

«Отняла у меня жениха, расстроила свадьбу, и все ей нейдет! — взволновалась Юйцзюань. — Теперь хочет меня опозорить в моем собственном доме, не до-

ждавшись, когда я приду к ним... Недаром она тянула со свадьбой, боялась, что я рассержусь. Ни за что ей не подчинюсь! Злодейка!»

Она попыталась уговорить мать не принимать гостью. Откуда ей было знать, что у Цзиньюнь нет никаких дурных намерений? Напротив, девушка, подобно сороке, вестнице счастья, хотела принести Юйцзюань радостную весточку, обманув ее родных. Так посоветовал ей сделать отец, господин Лу, которому хотелось поскорее уладить дело со свадьбой. Он был уверен, что Юйцзюань, достойная дочь своего сурового родителя, скорее примет смерть, нежели согласится испытать позор. Значит, надо ее успокоить, послать тайно весточку, минуя суровые домашние заслоны. Посторонняя женщина, скажем сваха, не годится для этой цели, а вот его дочь вполне могла сыграть роль Хуннян и передать счастливую весть.

Уговорить мать Юйцзюань не удалось, и ей пришлось встретиться с гостьей. Она решила сразу же выложить все свои обиды и отплатить сопернице за свои унижения, превозмогая стыд, который она сейчас испытывала. Девушки церемонно раскланялись. Гостья неожиданно приблизилась к Юйцзюань, дотронулась своей нежной ручкой до ее плеча, но ничего не сказала. Это показалось Юйцзюань странным. После чая Юйцзюань повела гостью к себе в комнату и спросила, не хотела ли та ей что-то сказать.

— Я пришла к вам вовсе не для того, чтобы справиться о вашем здоровье. Я принесла вам счастливую весть. Известная вам книжица стихов «Соединенное отражение» может положить начало прекрасной любовной истории, которая на днях, очевидно, благополучно завершится. Только в этой истории, кроме главной героини, есть еще одна — ее младшая подруга. Впрочем, это несколько не должно вас беспокоить!

Юйцзюань ничего не поняла и попросила разъяснить смысл сказанного. Цзиньюнь очень подробно рассказала ей о плане своего родителя. Надо ли говорить, как обрадовалась Юйцзюань, когда обо всем узнала. Так, с помощью одного лекарства излечились сразу трое больных, которые теперь объединились против господина Гуаня, стараясь обвести его вокруг пальца.

В один из счастливых дней, выбранных господином Лу, в дом к нему пришел Чжэньшэн, вслед за ним по-

явилась Юйцзюань, к которой в свадебных покаях присоединилась Цзиньюнь. Все трое совершили положенные поклоны. Картина поистине прекрасная, достойная быть воспетой в стихах.

Юношу впору сравнить с Шубао,
Двух дев — с красавицей Игуан.
Чему их краса подобна? У каждой
Прелестны и взор, и лицо, и стан.
Похожи они на цветы из яшмы,
Что к древу нефритовому склонены,
А юные лица светлей самой чистой,
Сияющей средь облаков луны.
Возраст всех трех почти одинаков,
И, если сравнивать их начнешь,
Не скажешь, кто старше, а кто моложе,
Настолько облик у них похож,
А если убрать одеянье и шляпу,
Что носят жители здешних мест,
Трудно узнать, где жених счастливый,
Где дивная пара его невест.
Взгляните на юношу: ликом пригожим
Он первое место занять готов
В живом хороводе, зеленом и красном,
Самых красивых весенних цветов.
А кто с ним в любовный союз вступает?
Взгляните на этих чудесных дев:
Только что сняли одежду из перьев,
К нам из небесных чертогов слетев!
Идут они вместе под гул барабанов,
Под нежное пение циня и сэ.
Найдешь ли другую картину, что с этой
Могла б состязаться в яркой красе?
Поистине так! В счастливом сиянье
Все трое — почти как бессмертные-сяни!

Через три дня после обручения господин Лу пригласил к себе Ту и Гуаня, а чтобы Гуань не отказался, приложил к приглашительной карточке такую записку: *«Еще древние говорили, что следует остерегаться путаных родственных браков. Однако нужно ли верить всем этим сонным бредням? Сегодня умеющий толковать сновиденья устроил два брака сразу. Так стоит ли из-за мелких сомнений и суетных мыслей*

разрушать великую церемонию Ли? К сему кисть прилагаю».

На первые строки Гуань не обратил внимания, но слова о «великой церемонии Ли» заставили его задуматься. Свято почитавший ритуал, он не смел отказать от приглашения и на следующий день отправился с визитом к новому родственнику. К его удивлению, в доме Лу оказался инспектор Ту. Хозяин дома предложил гостям занять почетные места на специально расстеленных по этому случаю циновках. Сам Лу, как и положено хозяину, занял «низкое» место. Он совершил четыре поклона, повернувшись к гостям, а потом еще четыре низких поклона перед Гуанем.

— Первые четыре поклона — это в честь заключения брака, — промолвил он. — И еще я хотел принести вам свои извинения. Если в чем-нибудь я и виновен, прошу вас, почтенный родственник, явите ко мне снисхождение.

— Я ведь знаю, что вы терпеть не можете всяких церемоний. Что же нынче их развели? — удивился Гуань. — Или решили уподобиться мне?

— Посмею ли я? — вскричал Лу. — Нет, все дело в том, что с того памятного дня, дня помолвки, я совершил немало прегрешений. Столько натворил бед, что и не счесть! Но поскольку мы породнились, я прошу у вас снисхождения. Как говорится в пословице: «Если сын оскорбит отца, его наказывают батогами». А ведь мы теперь родственники — свояки. В общем можно считать, что я принес вам свои извинения! А теперь ругайте, не ругайте — мне все едино!

Гуань ничего не понял и решил, что это обычная дань вежливости. В этот момент у входа в дом грянула музыка, раздался бой барабанов. В неистовом шуме невозможно было услышать не только собеседника, но и себя самого. От грохота, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Вдруг из соседней залы появились жених и невеста в сопровождении целой толпы служанок. Они встали на коврик и склонили головы, дожидаясь, когда наступит время совершать положенные поклоны. Слева от них стояла дочь Гуаня, жениха рядом с ней не было.

— Как ты смела встать на неположенное место! Ты что, правил не знаешь? Почему нарушила цере-

монию? Прочь отсюда! — громко крикнул Гуань, но его никто не услышал. Трое молодых людей хотели отвесить ему поклон, но Гуань отпрянул, пытаясь уклониться от подобного проявления вежливости. В этот момент к нему подбежали хозяин дома и инспектор Ту. Они схватили его и сжали, словно в тисках. Гуань не мог даже шевельнуться, стоял столбом, и трое молодых людей успели низко ему поклониться. Потом они удалились, и музыка стихла. Лицо Гуаня выражало полную растерянность.

— В чем дело? Почему моя дочь совершала брачные поклоны без жениха? Почему я должен принимать поклоны от вашей дочери и ее жениха? Что за странные правила? Что за порядки! Прошу объяснить!

— Не стану вас больше обманывать, сват! — сказал Лу. — Эта девушка — моя приемная дочь, а юноша — приемный сын. В то же время он и ваш зять, так как занимает в этом доме восточное ложе. Поскольку нынче он выполняет тройную обязанность, ему положено трижды совершить четыре поклона, то есть всего двенадцать. Почетный сват, вы человек неглупый, неужели же вы до сих пор ничего не уразумели?

Гуань задумался, потом спросил:

— Что вы имеете в виду? Я и в самом деле не понимаю! Все как-то перепуталось! Скажите, наконец, чья нынче свадьба! Или мне все это снится?

— Помните, в своей записке я упомянул о сне, но этот сон придумал вовсе не я. Вспомните тот день, когда я в первый раз пришел к вам в качестве свата. Вы дали мне странный ответ, написав его на столе. Вот тогда сон и пустил свой первый корешок... Человеческая жизнь не что иное, как сон, сон же не есть нечто достоверное. А раз так, то любую свою промашку попытайтесь обратить себе на пользу. Так, например, давайте подведем сейчас к благополучному завершению весенний сон, который сегодня приснился...

Кажется, только теперь Гуань наконец уразумел, что произошло.

— Господин Лу, я считал вас порядочным человеком. Как же вы пошли на столь низкий обман, вместо того чтобы открыто, без утайки, рассказать о своих намерениях? К чему надо было заманивать меня в ловушку?

— В свое время я пытался вам объяснить, но вы, сударь, не дали мне вразумительного ответа, а отделались туманными намеками. Поэтому мне оставалось лишь прибегнуть к хитрости и нести всякий вздор. Не скрою, я обманул не только вас, но известным образом и вашу дочь. Верно, сударь, вы оказались в весьма нелепом положении. Каюсь, виноват! Но поймите, ведь я пренебрег собственными интересами ради ваших. Заметьте, во время брачной церемонии ваша дочь стояла слева от жениха, а моя заняла нижнее место. Вы понимаете, что это значит? Это значит, что ущерб потерпел ваш покорный слуга, сыгравший роль мошенника-свата, правда, достаточно благородного. Второго такого, как я, вы вряд ли найдете. Так что советую вам отринуть прочь обиды и явить снисхождение!

Гуань задумался. Выражение его лица смягчилось.

— Неужели юноша после моего отказа не мог найти себе другую невесту? — спросил он. — И зачем вам понадобилось брать его в приемные сыновья? У вашей дочери мог быть более достойный жених... Непонятно, почему надо было выдавать за него наших дочерей? Я уже не говорю о том, что во всей этой истории вы проявили непорядочность.

— Об этом лучше помолчим, — проговорил Лу. — Если вы начнете доискиваться причин, боюсь, сударь, не мне, а вам придется каяться в ошибках и класть мне четыре поклона.

— В чем я не прав? Объясните! — вскричал Гуань.

— Извольте! Суровые запреты, которые вы установили в вашем доме, лишили возможности влюбленных молодых людей видеть друг друга, и они заболели. Обычный недуг, как вам известно, настигает одного человека. Однако болезнь вашей дочери, подобно различной хвори, перекинулась на второго и третьего. Подобно ползучей траве, она тянулась дальше и дальше. От вашей дочери она перекинулась на мою, а через какое-то время чуть было не унесла все три жизни. Чтобы спасти свою собственную дочь, я вынужден был прежде всего вылечить вашу. От нее зависела жизнь моей дочери. И тогда я подумал: почему бы не соединить их всех вместе? Может быть, это и явится для них лучшим целебным средством! Вот подлинная причина этого не совсем обычного брачного союза... Изви-

ните, вы спросили меня, и я рассказал вам все начистоту!

На лице Гуаня отразились растерянность и испуг. Чтобы не пропустить ни единого слова Лу, он придвинулся к нему совсем близко. А господин Лу все говорил и говорил. Опасаясь, что Гуань может превратно истолковать его слова, господин Лу в подробностях поведал историю об отражениях в воде и о тех чувствах, которые возникли у молодых людей, о клятве верности, которую они дали друг другу. Он не упустил в своем рассказе ни единой детали. Лицо Гуаня стало серым от гнева, и он обрушил проклятия на дочь.

— За что вы ее проклинаете? Чувство любви неподвластно человеку. Что же до вашей дочери, то она являет собой образец целомудрия и верности долгу. Кстати, здесь сказало воспитание. Нынешний брак — дело свершенное. А коли так, то и говорить не о чем.

— Увы! История эта произошла оттого, что я не сумел как надобно управлять семьей. Всю жизнь я все болтал о праведном пути жизни, однако совершенства так и не достиг... Пожалуйста, налейте мне вина! За свои прегрешения я должен выпить, по крайней мере, три чары подряд! Потом я буду к вашим услугам.

— Почтенный сват, это вовсе не ваша вина. Так уж повелось, что наши устои жизни предусматривали лишь правила, а ведь бывают и исключения. В нашей истории речь как раз идет об исключениях. Отражение, с которого все началось, — нечто призрачное, не плотское. Так стоит ли вам волноваться? Боюсь только, что желающий укрепить свою семью, узнав хитросплетения нашей истории, примет меры предосторожности, причем не только против формы, но и против призрачного ее отражения.

Сказав это, господин Лу повернулся к другому гостю, инспектору Ту.

— Истинное и ложное, почтенные господа, в ваших действиях очень схожи. Вы оба склонны к крайностям. Если бы вы, любезный мой Ту, воспитали вашего отпрыска чуть построже, он не дерзнул бы совершить столь безрассудный поступок. Правда, тогда не случилось бы и нашей чудесной истории. Полагаю, что вред, который вы причинили сыну, превосходит то

беспокойство, которое он вам доставил. И вот что еще мне хотелось бы сказать. То, что ему нынче сопутствует удача, вовсе не означает, что легкомыслие лучше строгости. Когда человек путает хорошее с плохим, а прямое с кривым, легкомысленные поступки кажутся ему приятнее суровой конфуцианской морали, и он готов даже пренебречь правилами, созданными нашими предками. В общем, вы должны осушить до дна чару в наказание за тот вред, который причинили моему зятю. Прошу вас, выпейте, и мы зайдем места за нашим столом.

— Штрафную чару я принимаю с охотой, ибо все, что вы говорили, — сущая правда!

Инспектор Ту выпил три чарки подряд и совершил поклон, тем самым полностью признав свою вину. Они сели за стол, и пиршество пошло своим чередом.

С того времени семьи Ту и Гуаня забыли о мелких ссорах и снова стали жить в согласии. Вскоре они вновь соединили два двора вместе, и из двух павильонов, стоявших возле воды, сделали разукрашенный теремок, в котором жили сейчас обе красавицы, и назвали его «Башней Соединенного отражения», в чем был сокрыт глубокий смысл. Само собой, стену разрушили, насыпь из глины и земли срыли, молодым женщинам теперь ничто не мешало любоваться окружающей красотой. Над прудом взлетел легкий мост, по которому Чжэньшэн часто расхаживал, как Пастух из известной легенды, только не было перед ним преграды в виде Небесной Реки, которая помешала когда-то Пастуху встретиться с Ткачихой. Известно, что Чжэньшэн впоследствии удостоился высоких ученых степеней и даже вошел в «Лес слов», заняв пост толкователя — шицзяна.

Эта забытая история взята нами из «Записей бесед Ху», о которых мало кто теперь знает, поскольку они не печатались. Сохранилась лишь рукопись. И вот нынче мы изложили эту историю в виде повести. Читатель, возможно, скажет, что все это сущая химера, а Башня Соединенного отражения, одна из двенадцати башен, всего лишь призрачный терем.

БАШНЯ ЗАВОЕВАННОЙ НАГРАДЫ

Две дочери вкушают чай сразу в четырех домах; обе девы, выйдя замуж, слушают наказ одинокой птицы луань

Есть стихи, которые называются «Подобие сна». Вот что в них говорится:

Нетрудно в обыденной жизни увидеть,
Как ходит конь под одним седлом,
Но сделанных из половинки сына
Двух целых зятьев не часто найдем.
Может одно случайное слово
Жизнь добродетельную сломать.
Могут смениться брачные узы,
Да только не всякий способен ждать.
Каждый желает найти себе пару,
Желает пару себе найти,
Но то, что желаешь, о чем мечтаешь,
Узы, нелегко наяву обрести.

Эти стихи написаны в жанре цы человеком, который некогда запутался в своих брачных делах, презрев тем самым этот поистине важный в жизни шаг. Случается, что девица сначала просватана, например, за третьего Чжана, а потом вдруг выскакивает замуж за четвертого Ли. Понятно, сей поступок порождает распри и ссоры, которые не только не затихают, но, наоборот, набирают силу, доходя порой до чиновной управы. Прекрасное событие, достойное деяний фениксов и луаней, оборачивается жалкой судебной склокой, когда, как говорится, «у мышей вырастают клыки, а у птиц — рога». По всей видимости, судья, ведущий дело о расторжении брачного союза, сднажды укажет виновным, что отказ от договора — дело весьма неприглядное. У меня на сей счет свое мнение.

Не так страшно нарушить обещание, как легкомысленно его дать. Допустив ошибку вначале, непременно совершишь ее и в конце.

Понятно, что каждый родитель желает своим детям счастья. Дочь, разумеется, следует выдать за знатного и богатого. И если родитель, приняв решение, потом вдруг его изменил, причину следует искать не в злых его побуждениях, а в горячей любви к собственному чаду. Жениха бедного, в низком звании, отвергают для того лишь, чтобы найти другого, побогаче да познатнее. Заметим, едва ли не каждый родитель, выбирая дочери жениха (а себе зятя), втайне непременно стремится к выгоде. Но столь важное решение следует принимать загодя, до помолвки, а не после нее. Помышляя о выгоде, нельзя опрометчиво согласиться на бедного жениха, надо искать жениха знатного и богатого, если даже на это потребуется много времени. И самой девушке не следует поступать легкомысленно: сначала соглашаться на брак с бедняком, презрев, как добродетельные героини древности, богатство и знатность, а после, в погоне за выгодой, менять, как говорится, струну, расторгнув прежний союз. Поступив так, никогда больше не обретешь покоя, ибо пострадала сама добродетель. Нечто подобное случалось и в древности, не только в наш «конченный век», но мало у кого хватает смелости говорить об этом.

Мы вам расскажем сейчас о родителях, которые с легкостью дали согласие на брак дочерей, а потом отказались от своего обещания, и только благодаря судьбе, справедливо рассудившему дело, две девицы смогли осуществить свои желания.

В первые годы эры Истинной Добродетели — Чжэн-дэ — династии Мин в уезде Цзянся Учанской области, в Хугуане, жил некий Цянь Сяоцзян, промышленявший рыбным делом. Между ним и женой его, урожденной Бянь, согласия не было, и, может быть, поэтому судьба не послала им наследников. И вдруг, когда супругам уже исполнилось сорок, у них родились две девочки с разницей всего лишь в час. Говорят, что сыновья обычно походят на отцов, а дочери на матерей. Но девочки, вопреки этому правилу, не имели сходства ни с одним из родителей, словно были не родные, а приемные. Не только обликом отличались они от родителей, а и нравом. Цянь и его жена — к слову сказать, люди

невежественные, даже тупые, — облик имели на редкость безобразный. А дочери выросли умными и прехорошенькими. Когда им было лет по десять или чуть больше, они напоминали омытые дождем дикие яблоньки хайтан или цветы лотоса, овеваемые легким ветром. И с каждым днем становились все прекрасней. Нельзя было не залюбоваться ими. Им едва исполнилось четырнадцать, а какой-нибудь юноша, едва взглянув на них, тотчас же терял рассудок, старец, случайно бросив взгляд, с восторгом восклицал: «До чего прелестны!»

Одаренные от природы, девушки, увы, не знали грамоты, правда, научились кое-как вести счет. Зато в рукоделии и других женских ремеслах они не имели себе равных. Никто их не учил, а они умели делать решительно все, что когда-то хоть мельком видели, как делают другие. Одетые в простые белые платья и холщовые юбки, с медными шпильками в волосах и оловянными серьгами в ушах, они ничуть не уступали в красоте девицам из богатых домов, ибо любой, глядя на них, принял бы грубое одеяние за дорогое, сшитое из шелка, а дешевые украшения — за нефрит и золото. От красавиц невозможно было отвести глаз. Неудивительно, что подле них постоянно вились не только отпрыски богатых семей, но и вполне почтенные люди, имевшие на девушек виды.

Надо вам знать, что Цянь Сяоцзян и его жена Бянь жили как два заклятых врага и делали все друг другу назло. Поэтому, когда отец стал подыскивать дочерям женихов, жена от участия в этом важном деле полностью устранилась и ни словом не обмолвилась о своих планах. Все дела они устраивали тайком друг от друга, не гнушаясь даже обманом. Дома на редкость упрямый, Сяоцзян был на людях совершенно другим — добрым, покладистым, особенно с друзьями и знакомыми. Что до госпожи Бянь, то она была вздорной и очень уж бестолковой. По любому поводу затевала ссоры и драки, даже на улице, всюсю поносила соседей. Хотя свахи и сводни считали, что Сяоцзяна можно как-то облапошить, не то что его половину, дела они предпочитали решать с ней. Вот почему в устройстве замужества дочерей госпожа Бянь опередила мужа. Она по своему усмотрению подыскала женихов, которые в один прекрасный день появились

в доме со свадебными дарами. А что муж был в полном неведении, женщину ничуть не смущало.

— Нечего ему знать раньше времени! — сказала госпожа Бянь. — А то вдруг женихи ему не понравятся, и он расстроит все наши планы.

Кто-то из людей искушенных заметил:

— Обычно дочь в выборе жениха целиком зависит от родителя. Главное — его согласие, а не матери, если вдруг она заупрямится, можно подать челобитную в суд, вряд ли найдется чиновник, который примет сторону строптивой женщины, ибо ни в одном законе не сказано, что муж зависит от жены.

Нашлись люди, которые решились послать Цяню своих сватов. Только они забыли, что сваты, способные обмануть простака, непременно спасуют перед наглцом. Обмануть Бянь — значит накликать на себя беду. Поэтому сваты сказали:

— С Сяоцзяном, если даже он обидится, еще можно как-то договориться. Конечно, он станет браниться, но его можно призвать к ответу. А вот его бабу задеть не дай бог! Так разъярится, что хоть беги! Говорят: «Не пристало мужчине ругаться с женщиной». Но с ней ругайся не ругайся — она все равно тебя с грязью смешает, а глядишь, еще и прибьет, хотя ты ее пальцем не тронул. Словом, изволь сносить ее оскорбления и ждать, пока на твоём лице не высохнут плевки. А как славно было бы ее вздуть или, того лучше, стащить в суд! Так нет же — не получится!

В общем, на просьбы семей женихов следовал отказ за отказом. Пришлось родителям идти к Цянь Сяоцзяну самим.

Как нам уже известно, свахи и сваты предпочитали вести переговоры с хозяйкой дома, отчего, разумеется, Цянь чувствовал себя уязвленным. Поэтому его очень обрадовало неожиданное предложение, с которым обратились к нему родители жениха, как говорится, глухое ущелье вдруг наполнилось звуками. Без лишних рассуждений Цянь согласился, даже не задумываясь о том, что сулит помолвка в будущем: выгоду или беду.

— Все очень боятся вашу жену, — сказали гости, — и сваты отказываются ходить к вам в дом. Как же без нее решить наше дело?

— Сваты, собственно, являются посредниками между двумя семьями, а зачем они нужны, если сам хозяин принял решение? — отрезал Цянь.

Гости остались довольны таким ответом и назначили счастливый день, когда женихи приедут со своими дарами.

Цянь ничего не сказал жене о помолвке, то есть поступил так же, как и она, решив, что рано или поздно она сама об этом узнает. Случилось, однако, так, что все женихи пришли в один и тот же день. В одно и то же время у ворот дома появился кортеж гостей со свадебными дарами, громко играла музыка, как говорится: «Золото и жемчуг смешались, и неизвестно, чьи они — Ли или Чжана». Надобно вам сказать, что гости, зная о неладах супругов, приготовили сразу два вида подарков, чтобы хватило на обоих — пусть лучше будет больше, нежели меньше, тогда никто не обидится. Что же до свадебных карточек, то в них под словами «Почтительно прислуживающий вам такой-то» все было написано путано и небрежно. К примеру, верхняя строка, состоявшая из четырех фамильных знаков: Чжао, Цянь, Сунь и Ли, точь-в-точь напоминала фразу из книжки «Фамилии ста семейств». Оба супруга метали друг в друга яростные взгляды.

— Я звал своих знакомых, с какой стати появились эти двое? Откуда они взялись! — кричал муж.

— Почему рядом с нашими свадебными коробками валяются ваши тюремные объедки? — вопрошала жена.

— Я в доме хозяин! — орал Сяоцзян. — Кто посмел принять дары, если я не отправлял ответного письма?

— Нет, я хозяйка! — вопила Бянь. — Я не позволю никому командовать! Никто не вправе брать чужие подарки!

— Как ты смеешь бесчинствовать? Вспомни старую заповедь: «Сначала слушайся отца, а потом супруга». В родительском доме твой хозяин — отец, а здесь — я, твой муж!

— А ты разве забыл, что отец выбирает невесту для сына, а мать — жениха для дочери? Если тебе угодно — изволь, ищи смоху, а зятя выберу я сама. Не встрейвай не в свое дело!

Спор разгорался все сильнее и непременно перешел бы в потасовку, но гости растащили спорщиков,

и те не успели пустить в ход кулаки. Женщина бросилась к своим свадебным дарам и принялась их пересчитывать согласно приложенной описи, потом, сунув гостям карточку с ответом, проводила их к выходу. Что до гостей мужа, то Бянь велела слугам вытолкать их взащей вместе с дарами. К счастью, дело до этого не дошло. Цяню — а он, понятно, кипел от злости — удалось увести гостей в другую комнату. Они свалили коробки с дарами на пол, и он, кое-как написав ответную карточку, проводил их до ворот.

Цянь понимал, что слух о происшедшем дойдет до властей, поэтому решил предупредить события и настроил жалобу. А как известно, побеждает тот, кто действует быстрее! Будущей родне он предложил выбрать подходящий день и приехать за невестами, только захватить побольше слуг с фонарями и нанять дюжих парней, потому что невест, возможно, придется брать с бою. Если же не удастся, пусть пишут жалобу в суд. Только поживей!

Обе семьи согласились с предложенным планом и, не откладывая дело в долгий ящик, через день-другой прислали паланкины за невестами. Свадебную процессию сопровождали крепкие молодчики, способные одолеть целое полчище врагов. Войско от мужской стороны было готово к бою, однако не учло, что супротивная сторона не собирается складывать оружие. Госпожа Бянь, вооружившись засовом от ворот, принялась охаживать непрошенных гостей, да так крепко, что они бросились врассыпную, прикрывая руками головы. На поле боя остались лишь паланкины и фонари. Солдаты, как говорится, побросали на землю латы и оружие. Бянь оставила трофеи в доме, решив их использовать в качестве приданого для дочерей. Словом, действовала она, как в поговорке: «С помощью разбойного оружия захватили ворованное зерно».

Муж был вне себя от ярости. Он посоветовал будущей родне подать жалобу в суд. Однако составить бумагу не так-то просто, ведь будущую сватью придется назвать преступницей, а сват окажется свидетелем. Чепуха, да и только! Бестолковщина! Тогда родственники женихов решили пожаловаться на хозяйку дома за избиение челядинцев. В общем, «они снова выступили в поход, дабы славу себе обрести»! Подобное дело решать в уезде они не стали, а обратились прямо в об-

ластной ямынь. Когда жалобу утвердили, Цянь подал в ямынь новую бумагу, в коей соглашался выступить на стороне жалобщиков. Словом, он сам вышел в поход с оружием в руках. Две другие семьи (знакомые Бянь) настроили свою челобитную. Поскольку женщине появляться в ямыне не положено, будущая сватья числилась в их прошении главной свидетельницей, которую надобно опросить в первую очередь.

В то время в области не было правителя, и всеми делами в ямыне временно заправлял синцзунь — инспектор по уголовным делам. Этот молодой цзиньши, хотя и недавно исполнял обязанности правителя, за короткое время успел прослыть весьма толковым и дельным. Он утвердил челобитные и назначил слушанье дела через три дня. Сначала учинили допрос Цяню, затем людям из четырех семейств, а также сватам, которые участвовали в свадебном деле. Госпожу Бянь не стали вызывать в суд, ведь жена, как известно, ничего не может добавить к тому, что сказал муж, ибо между супругами существует согласие! Но тут, ко всеобщему удивлению, мать невест оказалась смертельным врагом их отца — тестя будущих женихов, а истцы — противниками обвиняемых в свадебном деле. Словом, как говорится, «воспользовались судебной бумагой и тушью», отказавшись пойти на мировую и «разделить одну подушку».

Госпожа Бянь, узнав, что появляться в ямыне ей не положено, огласила воздух громкими криками, и пришлось ее впустить. Тут она сразу ринулась в атаку.

— Этот Цянь хоть и считает себя мужчиной, а мнения своего никогда не имел! — заявила она, показывая пальцем на мужа. — Его ничего не стоит облапошить! И о дочерях этот негодяй нисколько не заботится. За кого, вы думаете, он хотел выдать их замуж? За отъявленных прохвостов! Вот отчего мне и пришлось самой устраивать свадьбу. Ваша светлость, господин начальник, разберитесь по справедливости!

Чиновнику показалось, что госпожа Бянь дело говорит, и он вызвал Цянь Сяоцзяна.

— Эта женщина вздорная и непутевая! — сказал муж. — Да еще к тому же безмозглая! Только и знает, что меня позорить. Можно бы не обращать на это внимания, но в данном случае речь идет о серьезном

деле — о браке, и потворствовать ее самодурству я не намерен!

Цянь говорил весьма убедительно, и судья растерялся, помолчал немного, а потом сказал:

— Так уж заведено, что в подобных делах решающее слово всегда за мужем. Но в вашей семье все не так, поэтому придется вызвать в суд обеих ваших дочерей. Пусть скажут, на чьей они стороне, тогда будет ясно, кто из вас прав, а кто виноват.

Супруги почтительно выслушали чиновника, низко поклонились ему, а тот, вытянув срочную бирку, повелел привести дочерей в присутствие. «Наверное, чада так же страшны, как и их родители, — подумал он. — Ведь не вырастет в зарослях дикого пырея прекрасный цветок. Любопытно на них взглянуть. Я слышал, что от подобных уродов рождаются еще большие уроды, и с каждым поколением все хуже и хуже». Итак, молодой чиновник ждал, когда к нему приведут дочерей, способных кого угодно привести в трепет своим безобразием.

Но что это?! Едва девы вошли в залу, в ней как будто стало светлее. Служебные чины ямыня, разные канцеляристы и стражники, забыв о суровых правилах, обступили красавиц и, вытягивая шеи, старались получше их разглядеть, словно перед ними были редчайшие диковинные драгоценности, которые нежданно-негаданно упали с Девятого неба. Красота юных дев, прекрасных, как феи, невесть откуда залетевшие в судебную залу, смутили покой самого чиновника. Лишь когда стражники доложили ему об исполнении приказа, он вышел из оцепенения. Получается, что и среди дикого пырея растут порой прекрасные цветы, а новое поколение бывает лучше старого, а то и вовсе на него не похоже. Обретя наконец дар речи, чиновник промолвил:

— Ваши родители, поскольку нет меж ними согласия, сосватали вас сразу в четыре семьи, и оба считают себя правыми. Я же не знаю, как поступить. Недаром говорится в пословице: «Справедливому судье нелегко решать семейные дела». Вот и пришлось вас вызвать в присутствие. Отвечайте мне только правду! Кто из ваших родителей поступил правильно, а кто нет?

Надобно вам сказать, что нрава девушки были весьма робкого, чужих мужчин сторонились, и теперь, когда на них уставилось сразу несколько сотен глаз, не знали, куда деваться. Пунцовые от смущения, они неподвижно стояли перед чиновником и готовы были забиться в любую щель, только бы уйти от этого страшного судебного стола. Ни на один вопрос они не ответили, но судья, надобно вам знать, был необычайно проницателен. По выражению лица девиц он сразу понял, что они в обиде на отца с матерью, только боятся об этом сказать. Нет, таких красавиц нельзя выдавать за кого попало, подумал судья, и решил вызвать всех четырех женихов, чтобы тут же на месте определить, которые из них достойны стать мужьями девиц. Он протянул руку к бирке.

— Ваша честь, бирка не нужна! — сказал отец одного из женихов, опустившись перед судьей на колени. — Наши сыновья давно ждут у вторых ворот, в надежде, что вы по справедливости разрешите их дело. Распорядитесь позвать!

— Зовите, да поживей!

Через короткое время в зал вошли четыре юноши.

— Вот наши сыновья, ваша честь! Определите, которую из девиц они должны взять в жены.

Чиновник внимательно оглядел молодых людей и покачал головой. Такие же безобразные, как их отцы, все у них наоборот, все не так, в лицах не то что красоты, даже симпатии нет. Точь-в-точь как говорится: «Ни кожи, ни рожи». И судья подумал: «Неужели эти красавицы должны выйти замуж за таких уродов? Впрочем, бывает, что и карлика полководцем выбирают». Судья вздохнул. Двум женихам, которых выбрал отец, он велел пройти в восточную часть залы, тем, которых выбрала мать, — в западную. Посредине встали красавицы. Все опустились на колени.

— Вот женихи, за которых сватают вас родители, — сказал чиновник. — Вы так и не ответили, одобряете ли вы их выбор. Наверное, потому, что стесняетесь. Вы можете ничего не говорить, только, когда надо, кивните головой либо в сторону востока, либо в сторону запада, и сразу будет понятно, кто из юношей вам по душе. Смотрите не ошибитесь, ведь речь идет о вашей судьбе!

Все, кто был в зале, устали на девушек, ожидая их решения.

Сестры успели рассмотреть молодых людей. От ужаса они низко опустили головы и зажмурились, из глаз покатились слезы. Они не обернулись ни в сторону востока, ни в сторону запада, подняли глаза на судью и горько заплакали. Нельзя было без слез смотреть на бедняжек.

— Судя по вашему виду, вам не по душе эти женихи. Не так ли? Я тоже считаю, что эти грубые крестьянские парни вам не пара. Пойдите вон там, в сторонке, пока я допрошу ваших родителей. Есть у меня один план.

Когда Сяоцзян и его жена опустились на колени перед судейским столом, судья ударил кулаком по столу и гневно сказал:

— Нет у вас у обоих ни капли приличия! Вы играете судьбой дочерей! Раз уж решили выдать их замуж, женихов надо было выбирать подходящих, а не грубых мужланов. А теперь посмотрите: бедные девушки плачут, так разве будут они счастливы? Хорошо, что дело попало ко мне, я решу его по всей справедливости, кто бы что на сей счет ни думал. Другой чиновник на моем месте, прилипший к законоположениям, словно к глине, одобрил бы ваш выбор и единым взмахом кисти испортил бы девушкам всю жизнь! Но я сам найду свата и велю ему подыскать хороших женихов. Не думайте, что мое решение — самочинство, оно не перечит закону! Вы поймете это, когда будет оглашен приговор.— С этими словами судья взмахнул кистью и написал: «Нам стало известно, что у Цянь Сяоцзяна и его жены Бянь есть две красавицы дочери, с которыми любой мужчина мечтал бы сочетаться браком. Но меж их родителями не было согласия, ибо каждый пытался взять верх в свадебных делах. Льстецы, способные задобрить бога очага, вошли в доверие к матери, обманув при этом отца. Мошенники, которым ничего не стоит, как говорится, украсть колоколец, вознамерились взять невест силой. И поскольку один родитель не ведал, что будет делать второй, возникло недоразумение: у дочерей, вместо двух, появилось сразу четыре жениха. Но человек не может раздвоиться — спать или есть сразу в двух местах. А если бы и мог, это было бы не самым лучшим примером для

остальных. Не слишком ли велика будет разница между прекрасным и безобразным, если рядом с красавицей женой поставить уroda мужа? Ничего, кроме жалости и досады, это не вызовет. Куда разумнее, презрев сложившиеся правила, проявить доброту и человеколюбие. Но мы не дерзнем нарушить закон и разрешим сие сложное дело с помощью древних канонов. Известно, что Шесть церемоний свершаются одновременно, как и тройное чаепитие. А вот два человека не могут совершить сразу четыре брачных обряда. Известно также, что в подобных делах необходимо согласие родителей и сватов. В данном же случае, жена, не спросив согласия мужа, вместе со сватами сладила дело, а муж сам договорился насчет свадьбы с другими семьями и без сватов. В обоих случаях были нарушены установления древних. Поэтому все четыре жениха, поскольку нашим красавицам они не подходят, должны завязать новую брачную нить. Лучше погоревать сейчас, чем сокрушаться всю жизнь. Мы хотим облегчить участь дев и указать добрый путь юношам. Все повинные в этой путанице от наказаний освобождаются! К сему наше решение!»

Судья передал приговор дежурному письмоводителю, велел прочесть бумагу вслух, после чего распорядился прекратить допрос и всех отпустить. Решив дело, чиновник нашел свата, велел ему подыскать для красавиц юношей и привести в присутствие, дабы можно было их оценить по достоинству. Каждый день сват водил женихов, на все лады их расхваливал, но чиновнику ни один не пришелся по нраву. Тогда он решил устроить состязания сочинителей-литераторов, дабы выбрать из них самых талантливых и самых красивых.

Недавно жители окрестных горных деревень привели в ямынь двух оленей. И тут начальнику пришла в голову прекрасная мысль. Он повелел вывесить объявление о предстоящих состязаниях, в которых могут участвовать все молодые ученые здешних мест. При чем на листе состязающиеся должны написать: «женат» или «не женат», вместо обычных слов «ношу головной убор совершеннолетнего». Это свое повеление начальник объяснил следующим образом:

— Скоро начнутся областные экзамены, и, чтобы узнать, кто достоин принять в них участие, я хочу

прежде устроить состязания. В состязаниях могут принять участие все желающие. Победителей ждут призы. Тот, кто женат, получит оленя, кто холост — красавицу жену. Обладатель приза будет считаться лучшим ученым года.

Затем правитель области распорядился на время состязаний поселить госпожу Бянь с дочерьми на верхнем этаже пустующей башни, находившейся в экзаменационном дворе, а у входа в башню, над которым висела таблица с надписью: «Башня Завоеванной награды», пустить гулять оленей. Узнав о предстоящих состязаниях, талантливые юноши всех десяти уездов пришли в радостное возбуждение. Женатые мечтали получить оленя и прославиться на экзаменах; холостые — заполучить в жены богиню луны Чан Э, еще до того, как им удастся преломить ветку корицы. Надо ли говорить о волнении, которое охватило округу? Каждый мог сейчас попытать счастье и хоть немного прославиться, а ведь неизвестно, удастся ли добиться успеха в будущем? Словом, талантливые юноши ради приза готовы были на любые жертвы, они скорее согласились бы расстаться со всеми пятью внутренними органами, даже с сердцем и печенью, чем не попасть на состязания. А когда испытания кончились, никто не торопился домой, все столпились у ворот ямыня, дожидаясь результатов. Но не дождались.

Результаты стали известны лишь на третий день, когда у входа в присутствии воздвигли экзаменационный щит. От каждого уезда отобрали десять человек, которым предстояло пройти повторные состязания, но уже совсем другие — на внешние достоинства. В этот день наиболее красивые юноши предстали перед начальником в облике дев-невест. Да, да, не женихов, а именно невест. Нарумяненные и напудренные, они показывали правителю области грацию и изящество, дабы начальник сам определил победителей.

Молодой правитель сумел оценить не только внешность каждого юноши, но и, подобно волшебному зеркалу, распознать его сущность: хороший он человек или дурной; определить, что ждет его в будущем: богатство и слава или унылая бедность. Юношей выкликали по именам, правитель записывал их, внимательно осматривал и против каждого имени ставил

особый знак красной тушью, определяя место: высокое или низкое, значительное или малозаметное.

— Пока я нахожусь еще в присутственном зале,— обратился правитель к служащим,— идите к Башне Завоеванной награды, там увидите двух девиц. Посадите их в расписные паланкины, крытые бирюзовой парчой, и везите к ямыню. Девы пусть встанут справа, а слева держите благородных оленей. Затем приготовьте цветные свечи и соберите музыкантов. Девы отправятся к своим женихам.

Отдав распоряжение, правитель вернулся к себе, чтобы проверить оставшиеся сочинения.

На следующее утро служащие водрузили перед воротами ямыня экзаменационный щит с именами победителей. Четверо написали сочинения, несомненно достойные самых высоких призов. Правда, двое из них оказались женатыми. Те, кто занял последующие места, получили в награду красные цветы. Мы не станем упоминать фамилий двух женатых ученых, получивших оленей, поскольку в нашей истории они не играют сколько-нибудь значительной роли. А вот имена холостых придется назвать. Один был сюцаем, и звали его Юань Шицзюнь, второй, Лан Чжиюань, еще не успел получить ученую степень.

В тот день все юноши, принимавшие участие в состязании, собрались в ямыне и с нетерпением ждали решения правителя. Услышав, что девы и олени, обещанные в награду, уже в зале, молодые люди помчались туда. Само собой, их интересовали не олени, а красавицы, стоявшие в западной стороне залы, куда все и ринулись, в восточной же части было пусто. Лишь один молодой сюцай прохаживался возле оленей, не обращая ни малейшего внимания на красавиц. «Видно, один из тех, кто удостоился приза,— переговаривались меж собой чиновники ямыня.— Женат, наверное, получил эленя и теперь выбирает себе пожирнее!» В это время к сюцаю подошел один из ученых и с поклоном произнес:

— Брат Юань, поздравляю! Одна из красоток теперь ваша.

— Не имею к ним ни малейшего отношения! — Молодой человек сделал отрицательный жест рукой.

— Как так? — вскричал другой ученый.— Вы же заняли первое место! К тому же вы не женаты!

— Я уже об этом беседовал с господином правителем и кое-что уяснил для себя.

Никто не понял, что он хотел сказать. Решили, что сюцай просто скромничает.

Трижды ударили в деревянные колотушки, в залу вошел правитель области, и все перед ним изогнулись в поклоне.

— Тех, кто занял почетное место, прошу встать вон там, — сказал правитель. — Мы объявим свое решение!

Чиновник из церемониального приказа принялся выкликать имена. Кроме Юаня, как мы знаем, приза удостоились еще трое, из них двое были женаты. Но второй холостяк куда-то исчез.

— Почему он не явился на торжественную церемонию? — спросил правитель.

Ученый Юань выступил вперед и, поклонившись, ответил:

— Он мой хороший друг, живет в деревне. Очевидно, не знал, что ваша светлость нынче будет объявлять результаты состязаний, потому и не пришел.

— Вас зовут Юань Шицзюнь? — спросил чиновник. — У вас редкий литературный дар, вы мастерски владеете кистью! Неудивительно, что вы заняли достойное место. Подобный талант достоин самой прекрасной девы, и сегодня само Небо дарит вам красавицу! У вас счастливая судьба!

— Ваша честь! — Юноша склонился в низком поклоне. — Нынешняя церемония — событие несомненно выдающееся, однако воспользоваться столь редким счастьем я не могу! Хотя я и имею степень сюцай, однако влачу жалкое существование и не смею портить судьбу этим девам! Прошу вас, выберите мне кого-нибудь другого!

— К чему такая скромность?! — воскликнул правитель и обратился к одному из служащих приказа церемоний: — Спроси-ка, которая из красавиц старше, приведи сюда, и она с господином Юанем совершит поклон перед свадебными свечами.

Юань Шицзюнь наотрез отказался.

— Но отчего же? — удивился правитель.

— Я ничтожный сюцай, и судьба назначила мне жить в одиночестве, — ответил он. — Все девицы, которые в свое время были просватаны за меня, почему-то умерли, не успев переступить порог моего дома. Так

случилось уже с шестью. А ведь мне нет и двадцати! Ведуны предрекли мне остаться без жены, и я вынужден вступить на стезю монашества. Скоро я сброшу одеяние ученого мужа, сойду с конфуцианского пути и приобщусь к учению Моцзы. Словом, ничтожный боится усугубить свой грех, загубив еще одну жизнь!

— Простой ворожей не может предсказать все мельчайшие повороты человеческой судьбы! Ваши неудачные помолвки — чистая случайность. «Стоит ли голодать из-за того, что раз поперхнулся?» Собрат мой, я не согласен с вашими доводами. Кстати, я так и не понял, почему нынче не пришел ваш друг Лан Чжиюань? Передайте ему, что я его жду в день, объявленный для свадьбы. Кроме того, скажите, что я хочу его еще раз проэкзаменовать. Его сочинение на повторном испытании как-то не согласуется с темой. Очень любопытно, почему он не явился?

— Честно говоря, есть тайна, которую мне сразу не хотелось открывать, — проговорил сюцай, низко склонившись перед правителем области. — Но поскольку вы сами об этом заговорили, придется мне, ничтожно-му, вам все объяснить, дабы не накликать беды. Дело в том, что мы с ним побратимы и в свое время совершили восемь поклонов друг перед другом. Господин Лан живет в крайней нужде и потому не может взять себе жену, вот я и решил ему помочь. Те два сочинения написал я, а вовсе не он. Он их только переписал. Во второй же раз мне пришлось писать самому, потому что он не пришел на экзамен. Тогда я решил, что одно из двух сочинений непременно ждет удача. И если выиграет сочинение, подписанное моим именем, я уступлю приз другу. Такой счастливый случай наконец подвернулся, но вы, ваша честь, сразу смекнули, в чем дело. Вы до того проникательны, что способны разглядеть любую самую ничтожную мелочь. Я понял из ваших вопросов, что вместо помощи могу накликать на своего друга беду. И решил чистосердечно во всем признаться. Прошу вас меня простить! Явите свою милость также и к моему другу!

— Так вот в чем, оказывается, дело! — проговорил чиновник. — Не расскажите вы мне всего этого, одной из красавиц пришлось бы пострадать... Итак, вы, сударь, заняли оба высоких места, а потому вам положено получить две награды, то есть двух красавиц

сразу. Богатство, славу, почет и известность можно, как известно, добыть и чужими руками. Но по достоинству оценить красавицу, благоуханную, как само Небо, способен лишь человек, отмеченный редкостным талантом. Ибо красота — дар неземной. Орхидея и благородная яшма не могут напрасно пропасть.

Правитель приказал служащим церемониального приказа подвести к нему обеих девиц и определить им место рядом с женихом.

— Ваша честь! — вскричал юноша. — Мне судьбой предначертано прожить жизнь одиноким фениксом! Я и одну жену не могу взять, а вы предлагаете мне сразу двух!

— Такова ваша судьба, мой почтенный собрат! — улыбнулся чиновник. — Слова «одинокий феникс», о которых вы здесь толкуете, действительно подразумевают жизнь в одиночестве, то есть без пары. Вероятно, в вашей судьбе и впрямь есть нечто такое, что мешает вашему браку. Однако нынче вы получаете двух невест сразу, следовательно, речь идет не о паре, а о трех. Значит, слова «одинокий феникс» утратили всякий смысл. Это ваша судьба! Больше с вами бед не случится!

Все, кто здесь был, встретили слова правителя одобрительными возгласами.

— Издавна судьбу человека определял монарх или знатный вельможа, — заметил кто-то. — Нынче это сделал наш учитель, правитель области, и сомневаться в справедливости его слов не приходится.

— Не упрямитесь, господин Юань, не придумывайте ваших доводов. Берите красавиц и кланяйтесь его чести в ноги!

Юань Шицзюнь внял совету друзей и подчинился воле правителя. Юноша встал рядом с девами и совершил четырехкратный поклон перед правителем области. Затем он сел на коня, а девы — в расписные паланкины, и процессия тронулась. После этого правитель распорядился раздать остальные дары: двух оленей и красные цветы. Кто-то заметил:

— Даже небожители могли бы позавидовать счастью, выпавшему на долю Юань Шицзюня! А все оттого, что нынешний правитель высоко ценит подлинные таланты и разбирается в достойных мужах. Сегодняшняя церемония — его заслуга!

В тот же год проходили провинциальные экзамены, на которых трое известных нам сюэаев снова одержали победу. Четвертый юноша высокими талантами не обладал — как вы помните, прошлые экзамены за него сдал его друг. Впоследствии из троих ученых успехов добился один лишь Юань Шицзюнь.

Надобно вам знать, что благодаря этой истории слава правителя докатилась до столицы. Вскоре по высочайшему повелению он занял пост помощника военного ведомства. Что до Юань Шицзюня, то он, став академиком-ханьлинем, в свое время занял место советника-тайчжуна и соответствующую должность в том же ведомстве, где служил бывший правитель, однако служили они в разных ямынях. Заметим, что между учеными мужами установилась дружба, а между их семьями — добрые отношения.

В древности говорили: «Героя способен распознать только герой». Сказано точно!

БАШНЯ ТРЕХ СОГЛАСИЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Сад еще не посажен, беседки в нем не готовы,
а поместье уже продают; мечтали иметь свой
дом, а приходится его отдавать*

Крытый соломою домик родной
Теперь стал чужим жилищем.
Владельца нового мы без труда
По Красным вратам отыщем.
Держа под мышкою связку книг,
Свой цинь к груди прижимая,
Ушел наш герой в другие края,
Где ждет и судьба другая.
Построить он стройную башню успел,
Чтоб видеть долины и горы.
Увы, он красавицу — башню свою
Продать был вынужден скоро.
А как не хотел он, как не хотел,
Чтоб горестное разоренье
В нужду повергло его детей
И будущее поколение.

Есть и другие стихи, о которых стоит здесь напо-
мнить:

Проходит много лет... Всё, чем владел,
Другому отдаешь,— какое горе!
Насколько горше старое терять,
Чем с новым навсегда расстаться вскоре.
Сосна, бамбук, цветущий мэйхуа —
Всё в списке для продажи оказалось.
Ты кликнул пса, взял книги, звонкий
цинь

И вдаль ушел, скрывая боль и жалость.
Слова стихов, что найдены в стене,
Не сразу мир оценит и усвоит.
Одежда, сшитая из легких туч,

Сперва и связки медяков не стоит.
Когда-нибудь вернешься в край родной,
Увидишь: он по-прежнему чудесен.
Хозяином ты раньше звался здесь,
А ныне — гость, хоть многим ты из-
вестен.

Оба стихотворения принадлежат перу одного почтенного человека, жившего во времена династии Мин. Написаны они по случаю разорения семьи и продажи дома-башни. Может быть, не стоило вспоминать об этом, в общем, довольно печальном событии? Надобно вам знать, что имущество, будь то дом или хижина из соломы, с годами ветшают и их продают другому хозяину. А раз так, то не лучше ли продать их вовремя, дабы избежать лишних убытков? Стоит ли ждать, когда дом, разоренный потомками и потерявший всякую ценность, почти задаром достанется чужим людям? Возможно, не удастся продать его за приличную цену. Не важно! Продайте подешевле и скажите, что продаете нарочно, и тогда, избежав досужих разговоров, прослывете человеком широкой натуры, способным на бескорыстный поступок. Теперь представим другую картину: нерадивые потомки распродают семейное имущество за бесценок. Тут же начнутся слухи, поползут разговоры о сыновней непочтительности, о том, что потомки-де разоряют хозяйство, завещанное предками, что они забыли о гуманности, отвергая то, что некогда воспевали древние, и показывают свое неразумие, ибо не понимают, сколь трудно начать любое славное дело. Потомки получили в наследство от предков основу семейного благополучия, которое породило в них три дурных качества: непочтительность к старшим, отсутствие гуманности и неразумие. Нет! Уж лучше оставаться бедняком, без крыши над головой и даже без жалкого клочка земли, куда можно было бы воткнуть только шило. Зато, начав дело на пустом месте, прослывешь человеком, способным что-то сделать. Вот почему, когда «туты и вязы окрашиваются закатными лучами», следует внимательно приглядеться к своим отпрыскам. И если те ведут себя недостойно, лучше заранее избавиться от богатства, дабы не стать мишенью для насмешек, попав в число разорившихся неудачников.

Издравле и по сей день известны лишь два знаменитых мужа, уразумевших сию истину: танский Яо и Шунь из рода Юй. Видя, что их отпрыски ведут себя недостойно и все имущество, ими нажитое, может пойти прахом — оказаться в чужих руках, они решили распорядиться им заранее согласно древнему изречению:

«Меч драгоценный отдайте
В руки храбрейшего воина.
Тушь и румяна пошлите
Той, что любви достойна».

Если бы Яо и Шунь оставили наследство своим чадам, вряд ли оно нашло бы достойного хозяина. Мало того, непременно начались бы распри и ссоры, а может быть, дело дошло бы и до меча. И тогда отпрыски, вместе с женами, лишились бы пристанища. Кто знает, быть может, им не удалось бы даже сохранить два холма, где захоронены их славные предки. И могилы древних подверглись бы грубому надругательству. Но Яо и Шунь были владыками Поднебесной, а что говорить о простых смертных?

Сейчас мы расскажем вам еще о двух людях, мудреце и глупце, и пусть их история послужит для всех предостережением и добрым примером. Само собой, богатства их несравнимы с богатствами Яо и Шуня. Вы спросите, стоит ли вообще упоминать этих людей? Непременно! Ибо один принадлежит к роду Тан, второй к роду Юй, то есть родословную свою они вели от Фансюня и Чунхуа. Как мы видим, потомки связаны со своими предками, но в то же время меж ними большие различия. Один, человек неглупый, сумел продолжить дело предков; второй же, весьма недалекий, умудрился растерять секреты удачи семьи, передававшиеся из поколения в поколение. Надо заметить, что люди, достойные и недостойные, обычно отходят от своих первородных истоков, иначе говоря, один и тот же исток может дать несколько разных потоков.

В годы Счастливого Успокоения — Цзяцзин — династии Мин в уезде Чэнду той же области жил богач по фамилии Тан, по имени Юйчуань. Разбогател он как-то неожиданно и теперь владел огромными деньгами и обширными угодьями. Однако ему всего было

мало, и он из кожи вон лез, скупая все новые и новые земли. При этом он не возводил на земле никаких особых построек, очевидно, не желая тратиться на дом или утварь, необходимую в обиходе. Едой и одеждой он тоже мало интересовался. Все его помыслы были устремлены к одной-единственной цели — разбогатеть еще больше. Нередко он говорил:

— Самое прекрасное имущество — поля и угодья, они приносят прибыль, растущую день ото дня. От построек больших барышей не получишь, к тому же с ними одна лишь морока, все время боишься, как бы они не сгорели, если начнется пожар. Или, скажем, еда и одежда. Наденете вы приличное платье. И что же? Непременно найдется человек, который заявит к вам и попросит его поносить. То же самое и с едой. Придет кто-нибудь и уничтожит все ваши яства. Нет уж. Чем скромнее, тем лучше. Никто, по крайней мере, вам не станет докучать просьбами.

Итак, богач вкладывал деньги лишь в землю, не тратя ни единого вэня на прочие вещи. И при этом, что весьма любопытно, очень боялся прослыть человеком ограниченным, грубым, всячески стремясь обрести славу мужа необыкновенного.

— Я отпрыск сына Неба Яо из рода Тан,— часто говаривал он.— Мои предки отличались скромностью и простотой. Жили в соломенной хижине с земляными ступенями, ели постный суп, пили простое вино, пользовались точильным камнем и деревянной бадьей, носили холщовую одежду и куртку из оленьей кожи. Их простота должна служить образцом для потомков, быть для них чем-то вроде драгоценной семейной заповеди.

Тана осуждали за скаредность, вспоминая старую поговорку, говорили:

— У скареда сын непременно родится транжиром. Презрев древние правила, он все переделает на свой лад. Не будут потомки Танов ни прижимистыми, ни бережливыми.

Однако у Тана произошло все иначе. Его сын оказался точным подобием родителя. Заметим, что еще в юные годы он за взятку поступил в училище и стал «сюцаем в белой одежде». На редкость умеренный в еде и одежде, чуждый всякого рода излишеств, он пользовался в быту самыми простыми, лишенными

красоты и изящества вещами. Единственное, что ему не нравилось, это жилище, до того убогое и бедное, что оно скорее напоминало отхожее место богача. Он даже испытывал от этого стыд, и ему очень хотелось построить красивый большой дом, но мешала та же жадность.

Однажды кто-то ему заметил:

— Стоит ли строить дом, лучше купить у кого-нибудь.

Молодой человек решил посоветоваться с отцом.

Отец к этому времени несколько изменил свои взгляды. Быть может, в угоду сыну или же для того, чтобы прослыть человеком современным. И когда сын сказал ему: «Хорошо бы нам приобрести приличный дом с садом и устроить в нем кабинет»,— отец ответил: «Это мечта всей моей жизни».

— Только торопиться не следует! Есть у меня на примете дом с садом, и, по счастью, совсем близко — как раз в нашем проулке. Правда, он еще не достроен, а когда будет готов, хозяин, возможно, захочет его продать. В общем, подождем немного.

— Вряд ли кто-нибудь станет строить дом, чтобы его тут же продать,— возразил сын.— Тем более что дом вот-вот будет готов.

— Ты мало что смыслишь! — отвечал отец.— Лишь тот, у кого земли на десять тысяч золотых, может владеть домом стоимостью в тысячу лянов. Когда же строят, не имея за душой ни гроша, выходит точь-в-точь как в поговорке: «Дерево большое, а корней нет. Ветер подует — дерево свалится». Сосед на целый дворец размахнулся, а земли у него нет ни клочка.

Сын воспринял слова отца как истинное откровение, по его совету принялся скупать земли и больше не заговаривал о приобретении дома. Он знал, что рано или поздно родитель сдержит свое обещание и купит дом. И в самом деле, богач не ошибся в своих расчетах, слова его подтвердились. Все произошло, как говорится в стихах из «Книги песен»: «В гнезде, что сорока свила, стала горлица жить».

Человек, строивший дом, некий Юй Хао, был далеким потомком великого Шуня. Этот Юй Хао (его звали еще Сучэнь, что значит Чистый чиновник) отличался добропорядочностью, за славой не гнался, устре-

мив все свои помыслы на изучение древних канонов: «Книги песен» и «Книги исторических преданий». Человек немного вялый и замкнутый, он чурался мирской суеты и был равнодушен к чиновной карьере. О заслугах и славе не думал, посвятив всю свою жизнь стихам и вину. Он причислял себя к тем, кому, как говорится, не нужны ни одежда, ни обувь. Одно лишь пристрастие имел Юй Сучэнь: копаться в саду. Не было дня, чтобы он что-то не мастерил. Собственными руками построил дом, поражающий тонкостью и изяществом отделки, не похожий на другие жилища. Он жалел тех, кто скупает угоды в тысячу цинов, рвется к служебной карьере, к богатству.

— Нет, это не для меня! — говорил он. — Пусть гонятся за этим другие! Человеку нужны вещи красивые и совершенные. Хотите знать, какие? Извольте! Днем ему нужен кров, чтобы в нем находиться. Ночью — ложе, чтобы спать, после смерти — гроб, чтобы в нем покоилось тело.

Вот какие взгляды высказывал Сучэнь. И слово у него не расходилось с делом. Круглый год, не зная отдыха, занимался он разными плотницкими и земляными работами.

Прошло несколько лет, а дом все не был готов, и сын Тан Юйчуаня забеспокоился.

— Сколько ждем, а все понапрасну! — пожаловался он как-то отцу. — Сучэнь, наверное, никогда не закончит строительства. И откуда только у него такая прорва денег? Много, видимо, накопил. Так что вообще неизвестно, станет ли он продавать дом!

— Не волнуйся, сын мой, непременно продаст! — успокоил его отец. — С каждым днем это все яснее. И чем позднее он его продаст, тем выгоднее для нас. А дом он никак не может достроить, потому что каждый раз что-то переделывает, точь-в-точь как в поговорке: «Старается сделать из хорошего еще лучше». И заметь, все это ради нас. Словом, нам прямая выгода. А богатств у него давно никаких нет. Кредиторы и мастеровые, видя размах дела, пока не требуют выплаты долга и по-прежнему снабжают его деньгами и материалами. Они рассуждают просто: все равно ему придется платить за каждый проработанный день. А станут они на него наседать, он закончит строительство раньше срока, и тогда барыш у них будет мень-

ше! А ты про какие-то богатства толкуешь! Да, он живет сейчас так, как говорит пословица: «Отрезал один рукав, залатал другой». И весь его капитал! Погоди! Вот потребуют с него кредиторы все разом долги, пристанут с ножом к горлу, он и завертится. Продаст землю — все равно денег не хватит, и тогда, хочешь не хочешь, придется продавать дом. Если спохватится вовремя, пока долгов еще не так много, продаст его за приличную цену. А замешкается — непременно продешевит, потому что предавать будет второпях.

Эти мудрые слова внушили сыну еще большее почтение к родителю.

Прошло несколько лет, и у дома Юй Сучэня и в самом деле чуть ли не каждый день стали появляться кредиторы, требуя возвратить долги с процентами, которые к этому времени выросли до огромных размеров.

Попав в безвыходное положение, Юй Сучэнь понял, что дом придется продать, хотя он так и не был достроен, и стал искать подходящего покупателя. Но найти его было не так легко. Гораздо проще продать землю, потому что желающий купить дом должен жить где-то поблизости. Если же это человек из других краев, то он непременно обратится с расспросами к соседям, а те могут сказать что-то неестественное и сделка не состоится. С землею таких сложностей не бывает, ибо участки обычно продают где-то на пустыре или в горах, и в этих случаях никто не привередничает. Тан Юйчуань слыл богатеем, и посредник, разумеется, первым делом направился к нему. Тан нарочно сказал, что дом ему не нужен, но после долгих уговоров милостиво согласился посмотреть его. В соседскую усадьбу он пошел вместе с сыном, и оба они сделали вид, будто дом им совсем не понравился. Отец сказал, что какой-то он неказистый и для знатной семьи не годится. Сыну показалась слишком извилистой галерея возле дома, сколько, мол, понадобится времени, чтобы ее пройти. Резные ворота сделаны тонко, изящно, но запоры на них никудышные, потому вору проникнуть в дом ничего не стоит. Комната для жертвоприношений чересчур велика, прямо как зала для приемов, и по полу ветер гуляет. Поэтому, наверное, хозяину и не удастся скопить денег.

Красивых растений в саду нет, только туты да конопля, даже полюбоваться нечем, так что гостям волей-неволей придется пить вино да чревоугодничать.

В общем, не дом, а монашеский скит, для жилья не пригоден.

Юй Сучэнь рассердился. Сколько потрачено сил на это строительство! Не понравился дом — так бы и сказали, зачем зря охайвать и пороть всякую чепуху! Спорить с Танами он, однако, не стал, ведь другого покупателя пока не было. А посредник уговаривал Тана не отказываться от покупки. Цена, мол, не слишком высокая, к тому же дом можно переделать по своему усмотрению, поскольку деньги за строительство уплачены вперед.

Отец с сыном принялись торговаться, всякими правдами и неправдами стараясь сбить цену. Они предложили пятую часть стоимости дома, и Юй Сучэню ничего не оставалось, как скрепя сердце согласиться. Обе стороны составили купчую на дом, а также на сад с беседками и навильонами у пруда. Лишь одно строение не вписали в купчую — высокую башню, которую очень любил хозяин. Он решил огородить ее стеной и сделать особый вход, чтобы можно было самому туда ходить. Но сын Тана этому воспротивился, желая, чтобы башня была продана вместе с домом, и заявил, что купчая составлена против правил, как гласит пословица: «Круг не сочетается с квадратом». Старый Тан возразил:

— Продавать или нет — дело хозяина. Мы не можем его заставить. Пускай оставляет себе этот клочок земли. Может, потом расширит свои владения и, глядишь, снова разбогатеет, дом свой выкупит. Ничего нет в этом плохого!

«До чего же благородный человек!» — решили все, кто слышал эти речи.

На самом деле у богача были свои расчеты и двигала им корысть и подлость. Он хорошо понимал, что Юй Сучэню ни за что не выкупить дом, а потому оставлять этот жалкий клочок земли глупо. Рано или поздно он все равно очутится в руках Тана. Потому он и не стал перечить Юй Сучэню. Итак, имение разделили на два участка с отдельными дворами. Девять частей поместья достались новым владельцам и лишь одна часть — прежнему хозяину.

Башня, о которой пойдет речь, представляла собой трехэтажное здание, где размещался кабинет Юя. Каждый этаж имел название, придуманное самим хозяином и запечатленное на деревянной таблице. Содержание надписей свидетельствовало о возвышенных мыслях этого достойного человека. Из нижнего этажа с резными балками и красивым порогом был виден цветник и бамбуковая рощица. Здесь обычно принимали гостей. На таблице у входа было написано: «Я учусь у людей». На втором этаже, в самой середине башни, находился кабинет и комната с широкими окнами, где хозяин занимался каллиграфией. Повсюду лежали книги с костяными заставками и парчовые свитки картин. Над входом в следующее помещение висела таблица с надписью: «Я учусь у древних». В верхнем этаже, просторном и пустом, стояла курильница, в которой тлели редкостные благовония, подле курильницы лежал свиток под названием «Хуантин» — «Желтый зал». Над входом висела таблица с надписью: «Я учусь у Неба». Кроме вышеупомянутых трех таблиц, хозяин повесил еще одну, главную, с надписью, воплотившей в себе смысл трех предыдущих: «Башня Трех согласий». Названия, как видите, придуманы были весьма удачно, только таблицы хозяин повесил напрасно, поскольку до продажи дома ему так и не удалось использовать комнаты по назначению. Лишь одна надпись, на первом этаже, соответствовала назначению помещения, но и здесь хозяину не пришлось принимать людей знаменитых: в доме останавливались лишь его друзья из далеких мест, и в нижнем этаже для них устраивали ложе. На верхние этажи хозяин до продажи дома и сада поднимался довольно редко. Теперь же, когда у него не осталось места «поучиться у древних», иными словами, когда он лишился спокойного уголка для чтения и занятий каллиграфией, он скрывался от шума и суеты в верхних комнатах башни, дабы «учиться у Неба». Он часто подолгу сидел здесь, таким образом, надписи на таблицах полностью соответствовали назначению комнат. Размышляя, Юй понял ту истину, что человек, не желая поступиться малым, часто обрекает себя на ненужные хлопоты. Не лучше ли, как говорится, «пренебречь именем, дабы приблизиться к сути»? «Угодьев десять тысяч цинов, а в день ты

съешь лишь шэн один, — в хоромах много сотен комнат, но спишь ты лишь на семи чи», — гласит пословица.

Да, в свое время Юй потратил много средств и сил, увы, напрасно. Теперь со своими мыслями и заботами он уединялся в одном-единственном месте. Неудивительно поэтому, что его трехэтажная башня поражала своим совершенством и необыкновенным порядком. Юй жил теперь в ней постоянно, не испытывая особого огорчения оттого, что лишился сада. Наоборот, ему было легко и приятно, как человеку, который вдруг избавился от тяжелого недуга. Неизвестно только, что ждет его дальше, когда за стеной живет докучливый сосед. Из следующей главы мы кое-что об этом узнаем.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кражи не было, а тяжба возникла; к прежнему хозяину вернулись и поместье, и люди

Как известно, у богачей свои вкусы и привычки. Тан Юйчуань с сыном, едва купив дом, стали тотчас же его перестраивать. Поменяли балки, колонны и вообще придали ему совершенно иной облик. Представьте себе, что к прекрасному пейзажу вы добавили травинку или убрали деревце. Кажется, мелочь. А первоначальный замысел картины сразу же изменился, исчез. То же самое случилось и здесь. После перестройки дом потерял свою изначальную прелесть. Как в поговорке: «Хотели железо превратить в золото, а получилось наоборот». Всякий, кто приходил сюда, замечал, что и дом, и сад, слов нет, просторные, но чего-то в них не хватает. А вот башня действительно хороша! Недаром хозяин не захотел ее продавать. Отдам большее, возьму меньшее, как говорится, вместо чжана железа получу цунь золота.

Услышав подобные толки, старый Тан и его сын было расстроились, решив, что допустили просчет, однако настырные, как и все богачи, от своих планов не отказались. Они призвали посредника и велели ему заставить Юй Сучэня написать новую купчую, по которой башня отошла бы к ним.

Надо бы вам знать, что после продажи поместья Юй перестал заниматься строительными работами, поэтому особых расходов не имел, долгов не делал и даже кое-что скопил. Поэтому продавать башню не соби-рался и так сказал посреднику:

— Если продам башню, где тогда мне жить? Нет, башню я не продам, если бы даже мне пришлось пойти по миру. Так и скажите этому Тану. Пускай не мечтает о башне!

Посредник передал Тану свой разговор с Юй Сучэ-нем.

— Вот видите, батюшка, вы хотели этого ученого мужа перехитрить, да сами оплошали,— ехидничал сын.

— Он сейчас упрямится, а не думает о том, что будет после его кончины. Ведь полвека он прожил, а потомства не нажил. Протянет ноги, так вся его че-лядь перейдет к чужим людям. А ты о какой-то баш-не толкуешь!

— Может, это и так, но дождемся ли мы того ча-са, когда он ноги протянет? Не лучше ли получить башню заранее?

С той поры Таны только и думали что о башне и не переставали молить Небо, чтобы Юй Сучэнь поско-рее умер или на худой конец разорился. Нужда за-ставит его быть поговорчивее.

Но, как говорится, человек предполагает, а Небо располагает. Юй Сучэнь не разорялся и не умирал, как того ему желали Таны. Напротив, мало-помалу он встал на ноги и больше не думал о том, во что ему одеться, что поесть. С какой же стати продавать башню?

Богач и его сын пали духом, гадали да рядили, что бы еще предпринять и, наконец, придумали. Че-рез посредника они предложили Юй Сучэню выкупить у них имение.

— В одном поместье две семьи не могут жить! — заявил старший Тан.— Юю из его башни видно все, что творится у нас в доме. Он может смотреть на на-ших женщин, мы же, между прочим, жен его не ви-дим. Терпеть подобную несправедливость просто не-возможно!

Выслушав посредника, Юй Сучэнь сразу же смек-нул, что соседи и не думают продавать поместье, что

все это одно притворство. Просто им не терпится за-получить башню. Юй, разумеется, ответил отказом. Тан и его сын пришли в ярость и решили затеять тяжбу. Они написали в суд бумагу, в которой заявили, что готовы вернуть прежнему владельцу его имение, на деле рассчитывая подкупить чиновников ямы-ня, дабы те помогли отобрать у Юя башню. На их беду, судья оказался человеком честным. В свое время он сам влачил существование бедного ученого и немало натерпелся от богачей.

— Юй Сучэню не под силу выкупить имение! — сказал судья. — К тому же совершенно ясно, что эти богачи вознамерились прибрать к рукам все имение и ради богатства, как говорится, готовы пожертвовать гуманностью. Я же, государев чиновник, считаю, что ради гуманности следует пожертвовать богатством.

Он отчитал Танов, разорвал в клочки их прошение и прогнал прочь.

У Юй Сучэня в далеких краях был друг-побратим, столь же богатый, сколь и щедрый, равнодушный к деньгам. Как-то он приехал к Юй Сучэню и, узнав о продаже имения с садом, весьма огорчился, даже вздохнул. Он расстроился еще больше, услышав, что соседи строят всяческие каверзы, пытаются лишить Юя единственного пристанища. Друг предложил крупную сумму, дабы помочь Юю выкупить имение. Но, застенчивый по природе, Юй решительно отказался от денег. Он не взял бы и ляна, даже пяти цзяней, не говоря уже о тысячах лянов! Юй не хотел докучать другу своими заботами. Он поблагодарил за участие и сказал, что помощь его не достигнет цели.

— Издавна люди продавали свои жилища. Так уж повелось! — сказал он. — То, что можно сохранить при жизни, нельзя сохранить после смерти. Вот ты сейчас обо мне беспокоишься, предлагаешь мне деньги. Допустим, я выкуплю свое имение, а лет через пять умру. Наследника, как тебе известно, у меня нет. Что получится? А то, что все здесь, до последней черепицы, попадет в чужие руки. Вот чем обернется твое благородство и бескорыстие! Какой же смысл выкупать поместье?

Юй говорил с такой убежденностью, что друг решил не настаивать. Через несколько дней он собрался уезжать и на прощанье сказал:

— Сегодня ночью я видел здесь белую мышь, она побегала-побегала и юркнула в норку. Думаю, что это мышь не простая, она вестница бога богатства. Так что смотри, ни в коем случае не продавай башню! Кто знает, может быть, она принесет тебе богатство!

— Премного благодарен за совет! — усмехнулся Юй Сучэнь.

Они простились.

Есть древнее изречение: «Даже шальное богатство не идет бедняку в руки». Оно и правда. Смотришь, иной богач вдруг выкопает клад. А вот бедняк, который от нужды продал последнюю вещь, не найдет и половины медной монеты. Юй Сучэнь, как человек трезвого ума, не верил в чудеса, а потому на слова друга ответил лишь улыбкой. Искать клад в земле он, разумеется, не собирался.

Между тем Тан Юйчуаню и его сыну, которые потерпелись в суде стыда и так и не получили башни, ничего не оставалось, как ждать кончины Юя, чтобы завладеть всем его хозяйством. Заметим, что богачам обычно удается все рассчитать наперед, не подвластны им только жизнь и смерть. Вопреки их расчетам, Юй Сучэнь не только не умер, но, наоборот, к шестидесяти годам стал как будто крепче и здоровее. Вскоре у него родился сын. По этому случаю в Башне Трех согласий собралось видимо-невидимо гостей, которые явились с поздравлениями.

— Это счастливое событие — залог возвращения вашего богатства!

Богач Тан и его сын пришли в смятение. Оно и понятно. Мало того, что они не смогли завладеть башней, так теперь их надежды, кажется, рухнули насовсем. Спустя месяц к ним неожиданно пожаловал посредник.

— Вам, конечно, известно, что у господина Юй Сучэня родился наследник. От частых приемов он сильно поиздержался. Как говорится: «В доме ни соли, ни уксуса». Короче говоря, он почти лишился средств к существованию. И сейчас у него одна забота — как жить дальше. Он уже вывесил объявление о распродаже имущества. Случай счастливый, и вам его упускать не следует! Действуйте немедленно!

Тан с сыном едва не тронулись умом от радости. Одно их тревожило, как бы Юй Сучэнь не продал име-

ние кому-нибудь другому, ведь на них он затаил обиду. К их удивлению, Юй сказал:

— Оба наших рода, Тан и Юй, нельзя сравнивать с другими. Наш предок, государь Яо, преподнес в дар Шуню всю Поднебесную. Увы, предок Шунь, как известно, не смог ему ничем отплатить. Говоря по справедливости, потомкам нашего рода надлежит отдать все свое имущество задаром, так что брать с них деньги даже как-то неловко. Стоит ли из-за какой-то мелочи пренебречь великой добродетелью наших предков! Словом, передайте господину Тану, чтобы не тревожился. Я продам ему имение совсем дешево!

Узнав об этом, богач воскликнул:

— Предки покровительствуют нам, потому что я всегда превозносил их добродетели. С их помощью я занял в жизни высокое место! Какое счастье иметь в роду истинных мудрецов!

Вместе с посредником он отправился к Юю заключать сделку. А как известно, Тан для себя старался извлечь выгоду из всего. Не изменил он своему правилу и на сей раз, всячески стараясь остаться в наибольшем выигрыше. Юй Сучэнь не стал торговаться. Подражая древнему предку, уступившему когда-то свой трон, он подыскал себе домик из нескольких комнат, крытый соломой, и переселился в него. Таким образом, он продолжил традицию рода. Нашлись приятели, которым этот его поступок не пришелся по нраву, и они с присущей им прямоотой сказали:

— Уж если продавать эту прекрасную башню, так не жадному проходимцу, такому, как Тан. Ведь он теперь раструбит об этом на всех перекрестках. До рождения наследника ты и то не стал ее продавать, а теперь, с рождением сына, хочешь лишиться последнего пристанища? Вполне достаточно того, что ты отказался выкупить имение!

— Я послушался бы твоего совета, если бы думал только о себе,— ответил Юй. Его губы тронула улыбка.— Ты видишь только настоящее и не думаешь о будущем. Я уже не молод и вряд ли доживу до того времени, когда сын мой вырастет и сможет выкупить наше поместье. Теперь представь, что я умру. Есть ли уверенность в том, что сын не продаст башню тому же Тану, да еще посмеется надо мной? Так не лучше ли мне самому ее продать и тем самым вызвать жалость

окружающих к сыну? Может случиться нечто и похуже. Я умру раньше, чем сын вырастет, жена не захочет продавать башню и предпочтет терпеть голод. Сосед, видя, что его планы рухнули, к тому же опасаясь, как бы моя семья не выкупила имение, будет строить козни и всячески пытаться сжечь чадо со свету. В результате не останется ни поместья, ни продолжателя рода. А потерять продолжателя рода — значит потерять все! Нет, уж лучше продать сейчас, пусть по дешевле. Я пожертвую башней, зато расплачусь по всем векселям! Быть может, в будущем найдется человек, который поможет моим детям и внукам. Увы! «В жизни кто-нибудь всегда должен жертвовать», — гласит поговорка.

Друг внимательно его выслушал и сказал, что он, возможно, и прав, но тем не менее поступает неосмотрительно.

Прошло несколько лет, и все случилось так, как и предполагал Сучэнь. Он отошел в мир иной, оставив малолетнего сына ростом, как говорится, в три чи, да жену. Вдова едва сводила концы с концами, живя на те небольшие проценты, которые получала после продажи башни. А Тан с каждым днем богател все больше и больше. Да и что в этом удивительного? Он умел наживать, а сын его — беречь. Что приходило к ним в дом, никуда не уходило. Казалось, что столь громадное состояние может служить основой процветания на тысячу лет вперед. Люди между тем говорили:

— Небо, как видно, не ведает, что творит. Отпрыск честного и благородного рода бедствует, а потомки живодера возносятся ввысь!

Но правы были древние, которые говорили: «Когда добро или зло достигает предела, приходит воздаяние. Не сразу, но непременно приходит». Жаль, что эти слова, так часто слетающие с уст, не западают глубоко в душу людей. Надобно вам знать, что возмездие, когда бы оно не пришло, доставляет немало хлопот, оно как долг. Потребуешь долг раньше на день — получишь меньше процентов. Потребуешь долг позже на год — получишь больше процентов. Так и с воздаянием. Чем нетерпеливее ждешь его, тем дольше оно не приходит. И вот когда страсти перестают пылать и от них остается лишь пепел, когда увядают желания и исчезают чувства, тогда вдруг приходит воздаяние.

Как давний долг, о котором ты успел позабыть, а его в один прекрасный день неожиданно принесли к воротам твоего дома вместе с громадными процентами. И радость от этого не сравнить с той, которую ты испытал бы, получив долг раньше.

Сыну Юй Сучэня уже исполнилось не то семнадцать, не то восемнадцать лет. Выдержав экзамены, он получил имя Сычэнь, что значит «Наследственный чин», а еще ему дали официальное имя Цзиу — «Продленная воинственность». Прослужив около года чиновником где-то в уезде, пройдя в срок отборочные испытания, он приехал в столицу и занял там высокую должность. Человек прямой, нелицеприятный, он не боялся сказать правду самому монарху — государю Шэньцзуну, за что владыка его высоко ценил. Но вдруг Юй неожиданно подал прошение об отставке, поскольку его престарелая мать требовала ухода. Прощение утвердили, и Юй Сычэнь отплыл в родные края. До дома оставалось всего несколько ли, как вдруг на берегу у обочины дороги он увидел стоящую на коленях женщину лет двадцати, с листом бумаги в руке.

— Ваша светлость, примите прошение! — промолвила женщина.

Юй предложил ей подняться на судно. В бумаге, подписанной мужем, говорилось, что супруги просят Юя взять их в услужение и под свое покровительство вместе со всем имуществом.

— По виду ты из хорошей семьи, отчего же решила идти в услужение? Где твой муж? Почему он заставил тебя стоять на коленях с прошением, а не сделал этого сам?

— Я и вправду из хорошей семьи, — ответила женщина. — Когда был жив мужнин дед, мы владели угодьями и большим хозяйством. Всем известно, что из разбросанных в разных местах полей стараются сделать одно большое поле, как парчовое одеяло. Но нашлись завистники, некогда лишившиеся своего имущества, которые затаили на нас злобу. При жизни деда нам сопутствовала удача и враги не строили против нас козни. К тому же свекор мой, имевший степень сюэца, неплохо разбирался в судебных делах и знал, кого следует подкупить, чтобы одолеть врагов, но потом удача нам изменила. За полгода умерли и

дед, и свекор. Муж в ту пору был совсем еще молод, званий никаких не имел. Где ему было тягаться с врагами, коварными и жестокими? Они совсем обнаглели, подали жалобу в суд, и за год мы истратили на тяжбу добрую половину всех наших денег. А недавно на нас неожиданно свалилась еще одна беда, и тут я бессильна что-либо сделать. Муж мой попал в тюрьму, и я не могу вызволить его оттуда. Ни деньги, ни знакомства не помогают. Освободить его может лишь какой-нибудь справедливый чиновник, который посочувствует нашему горю и вступится за мужа. В наших краях есть только один такой человек — это вы, ваша светлость... К тому же наше дело касается некоторым образом и вас. Вот почему муж и просил меня передать вам прошение. Примите его, явите к ничтожным свою милость! Мы отдаем вам, ваша светлость, не только наше имущество, но и самих себя.

Слова женщины вызвали у Юя смутное беспокойство.

— Что еще за дело? Какое оно имеет ко мне отношение? Может быть, пока меня не было, вы вместе с моими челядинами совершили что-нибудь недостойное, а теперь ищете у меня защиты? Говори правду, что вы там натворили, какое учинили зло?

— Ничего дурного мы не совершили! А дело вот в чем. Было у нас поместье, а в поместье стояла Башня Трех согласий — ее продал нам ваш батюшка. Много лет жили мы спокойно, и не ходило про нас никакой злой молвы. Но вот недавно кто-то неизвестный (он скрыл свое имя) подал в ямынь бумагу, в которой оклеветал моего мужа, что он-де грабитель и прячет в доме краденое добро, да и вообще вся наша семья вот уже три поколения занимается разными дурными делами, в чем легко убедиться, если обыскать башню. В ней хранится ворованное серебро — целых двадцать брусков. Уездный начальник, получив извет, послал к нам стражников, которые и вправду обнаружили под полом серебро. Мужа тотчас схватили и потащили в ямынь. Стали бить и пытаться, требуя, чтобы он назвал сообщников и сказал, у кого украл серебро. Муж стал объяснять, что серебро не его, а как оно сюда попало, он не ведает. До сих пор неизвестно, откуда взялись эти деньги. К счастью, владельца их не нашли, поэтому дело записали в число нерешенных,

так что преступление мужа за отсутствием улик не доказано.

Муж совсем извелся, пытаясь решить загадку с деньгами. И вот что он думает. Когда-то поместье принадлежало вашей семье, и, может быть, серебро зарыл кто-то из предков, а ваш покойный батюшка ничего об этом не знал и так не смог им воспользоваться. В общем, случилось непредвиденное: деньги принесли людям не пользу, как это обычно бывает, а вред. Не знаю, так это или не так, но только мы решили рассказать об этом вам. Может быть, вы признаете это серебро своим. Ведь деньги непременно должны иметь свою родословную. И если выяснится, откуда они, мой муж будет спасен от смерти. Помогите нам, ваша светлость, мы все отдадим вам: и дом, и строения, и сад с беседками и павильонами,— ведь они созданы руками вашего батюшки, благодаря его старанию и усердию. Как говорят: «Каждая вещь имеет своего хозяина». Значит, все, чем мы владеем, должно по праву перейти к вам. Не откажите же в нашей просьбе, ваша милость!

Юй Сычэнь отнесся к словам женщины с недоверием.

— В нашей семье есть правило — свободных людей в дом челядинами не брать, и больше мне об этом не говорите. Поместье, сад с беседками и другие сооружения действительно принадлежали нашей семье. Но потом батюшка продал их вам, причем открыто и по закону. И получить их обратно, если бы я того захотел, можно, лишь уплатив за них изначальную цену. Что же до серебра, то оно не имеет к нам ни малейшего отношения, следовательно, признать его своим я никак не могу. Обещаю тебе поговорить с господином уездным и попросить его тщательно разобраться в этом деле. Думаю, его можно решить. И если против твоего мужа нет никаких улик, он избежит злой участи и выйдет на волю! А сейчас иди!

Женщина, счастливая, горячо поблагодарила Юя за доброту.

И все же откуда свалилась на Танов эта беда? В последней главе нашей истории вы найдете ответ на этот вопрос. А заодно узнаете, избавились ли от беды оба супруга.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Благородный удалец придумал план, как нака-
зать алчного богача; мудрый начальник тща-
тельно разбирается в трудном деле*

Юй Сычэнь вернулся домой и глубоко задумался над рассказом женщины, строя на сей счет разные догадки и предположения. «Вряд ли эти деньги остались от моих предков. Ведь никто в роду об этом никогда не говорил. А какие-то чужие люди узнали. Каким образом? И вот что еще странно. Тот, кто подал в ямынь бумагу, имени своего на ней не поставил, значит, затаил злобу на Танов, находясь с ними во вражде, но почему-то не пожелал назвать себя. Любопытно, что серебро и в самом деле хранилось в башне, и ровно столько, сколько указано в бумаге. Видимо, податель замыслил мечь и не пожалел больших денег. Он-то и спрятал загодя эти слитки, чтобы потом осуществить свой план...»

Юй бился над этой сложной задачей несколько дней, но так и не смог ее решить. Даже во сне она не шла у Юя из головы, и он то бормотал что-то, то вскрикивал. Как-то мать спросила о причине его тревог, и сын подробно рассказал о разговоре с незнакомой женщиной. Старуха тоже ничего не поняла сначала, но потом ее вдруг осенило.

— Все ясно! Женщина права. Это серебро, конечно же, принадлежит нашей семье! Когда еще жив был твой отец, у него как-то гостил друг, приехавший издалека. Помнится, он прожил в нашей башне несколько дней, а перед отъездом рассказал нам, что видел во сне большую белую мышь, которая, пробежав через комнату, шмыгнула в подпол. Гость сказал отцу, чтобы тот не продавал башню, потому что она может принести богатство. Очевидно, серебро и есть то самое богатство. Оно принадлежит нашему отцу, а потому причинило горе чужим людям. Думаю, тебе следует рассказать об этом в суде, чтобы спасти человека от беды.

— Не все так просто, как вам представляется, матушка! — возразил сын. — Не пристало государеву служащему рассказывать всякие небылицы о каких-то белых мышках, да еще начальнику уезда! Просто смешно! Ведь он может подумать, что я сочинил всю

эту историю, желая одурачить простаков и заполучить деньги... Кстати, батюшка мой никакой мыши не видел, ему гость о ней рассказал. Вот и выходит, что за одной выдумкой появляется другая, а потом распространяются слухи, которые морочат людей. Если бы серебро действительно принадлежало нашей семье, покойный отец непременно знал бы о нем! А тут вдруг оказалось, что его нашли совсем чужие люди, причем не когда-нибудь, а именно сейчас. Нет, этой истории верить нельзя. Вот что я сделаю: потолкую с уездным начальником, попрошу его замять сие странное дело и освободить ни в чем не повинного человека. Это будет благородный поступок, достойный настоящего мужа!

Не успел он договорить, как в комнату влетел слуга.

— Хозяин! Пожаловал господин начальник уезда!

— Живей пригласи его в дом. Какая удача! Я так хотел его видеть!

Гость и хозяин обменялись церемонными фразами, полагающимися при встрече, после чего начальник уезда, не дав хозяину вымолвить и слова, сразу же перешел к делу.

— Несколько раз я проверял этих Танов, однако факты о краденых деньгах не подтвердились. Вчера во время очередного допроса обвиняемый заявил, что башня в свое время будто бы принадлежала вашей семье, значит, мол, деньги оставлены вашими предками. Узнав об этом, я решил немедленно засвидетельствовать вам свое почтение и узнать у вас, верно ли это его заявление.

— Моя семья бедствует из поколения в поколение, никаких сбережений у нас нет. Происхождение этих денег неясно, потому признать их своими я не дерзну. Совсем не обязательно, что деньги краденые, но здесь несомненно кроется какая-то тайна. Прошу вас, ваше превосходительство, расследуйте это путаное дело и решите его, как положено настоящему радетелю уезда. А с этого Тана, я думаю, можно снять обвинение.

— Когда скончался ваш батюшка, я был еще в юном возрасте и, понятно, не знаю всего, что случилось в ту пору. А что, если расспросить вашу матушку? Быть может, она слышала, что предшествовало продаже вашего имения?

— Я у нее уже спрашивал, однако то, что она рассказала, больше похоже на сказку, к тому же сию историю ей рассказывал не отец, а его друг. Мне бы не хотелось повторять всю эту чепуху.

Начальник уезда попросил Юя разъяснить ему, что он имеет в виду, Юй решительно отказался. В это время его мать находилась рядом, она стояла позади экрана; стремясь сделать доброе дело, которое зачтется ей на том свете, как говорится, побольше накопить скрытых добродетелей, она велела старшему слуге пересказать слова того гостя. Начальник внимательно выслушал и, подумав, сказал:

— Послушай, любезный, сходи-ка к госпоже да спроси: жив ли еще тот человек, который видел белую мышь? Где проживает? Богат или беден? В каких отношениях находился с покойным господином Юем? Что их связывало? Может быть, ^сгоспожа разъяснит... Это поможет расследованию,— обратился он к Юю.— Возможно, все же удастся раскрыть эту тайну! Кто знает?

Слуга удалился и, вернувшись через некоторое время, сказал:

— Почтенная госпожа говорит, что тот человек еще не умер, но живет далеко (в такой-то области и в таком-то уезде). Он честный и справедливый, и хотя очень богат, но к деньгам равнодушен. С покойным хозяином он был в большой дружбе и, когда узнал о продаже поместья и башни, предложил деньги, чтобы хозяин выкупил поместье. Но хозяин денег не взял. А о белой мыши он рассказал перед самым отъездом.

— Сходи-ка, любезный, еще раз к своей госпоже, спроси, приезжал ли он на поминки, когда умер хозяин. Виделся ли с госпожой, о чем разговаривал.

Слуга снова удалился, а вернувшись, доложил:

— Госпожа ответила, что о кончине хозяина он узнал лишь через десять лет и сразу же приехал, чтобы совершить положенные жертвоприношения. Когда ему сказали, что башня продана, он очень расстроился. Потом спросил госпожу, не получила ли наша семья неожиданного богатства после его отъезда. Госпожа сказала, что нет, никакого богатства, мол, не было. Услышав это, он тяжело вздохнул и сказал: «Значит, тому покупателю повезло. Долго зарился он на ваше имущество, строил козни и наконец, восполь-

зовавшись моментом, прибрал богатство к рукам. Он получил их нечестным путем, а потому обрушится на него беда!» И действительно, всего через несколько дней после его отъезда какой-то человек написал на Тана донос и сразу же началась судебная тяжба. Госпожа часто вспоминает того человека, хвалит его за прозорливость!

Начальник уезда рассмеялся и сделал поклон в сторону экрана.

— Премного благодарен, почтенная госпожа, за столь ценные сведения! Теперь наконец бестолковый чиновник смог разобраться в таинственном деле,— промолвил он и обратился к хозяину: — Прошу вас, сударь, отправьте в ямынь кого-нибудь из челяди с моей бумагой. Пусть получит двадцать слитков серебра и доставит сюда.

— Ваше превосходительство, объясните, пожалуйста, такое решение! — вскричал Юй.

— Это серебро не оставлено предками и не украдено Танами! Оно принадлежит благородному другу вашей семьи, который хотел, чтобы ваш батюшка выкупил имение. Но, как человек благородный, он заупрямился, и его другу пришлось спрятать деньги в подпол, в надежде, что в будущем они окажутся полезными вашей семье. Сказать об этом открыто он не решился, а придумал историю с духами, то есть с белой мышью, уповая на то, что после его отъезда ваш батюшка станет разыскивать клад, но этого не случилось. Приехав на поминки, он узнал, что башня продана, а значит, деньги попали в руки злодеев соседей. Поэтому перед отъездом он подал в суд бумагу, желая разорить богачей. Но сейчас все встало на свои места, и деньги должны вернуться к настоящим владельцам. Вот, собственно, и вся история!

Юй низко поклонился начальнику уезда, выразив восхищение его удивительной прозорливостью, несколько не уступавшей мудрости судьи Драконова Печать. Но в душе его все же осталось сомнение.

— Вполне возможно, что вы правы, и эти деньги оставил тот благородный муж. Но ведь никто не видел этого и подтвердить не может. Поэтому брать серебро мне как-то неловко. Прошу, ваше превосходительство, оставьте его в уездной казне, используйте для помощи голодающим!

В комнату вошел слуга с красной гостевой карточкой в руках.

— Хозяин! — тихо сказал он. — У ворот стоит тот человек, который рассказывал про мышь. Говорит, приехал из далеких краев, за тысячи ли, хочет повидаться с вашей матушкой. Я вначале не осмелился мешать вашей беседе, а потом решил все же сказать, ведь уездный начальник все равно о нем знает. Может, пригласить его сюда?

Обрадованный Юй Сычэнь немедленно сообщил о новости чиновнику, от которой тот пришел в радостное возбуждение.

— Скорей, скорей просите его в дом!

Через некоторое время перед ними появился старец с румянцем отрока и с волосами белее аиста, как говорится в подобных случаях: «Презирай богача, почитай мудреца».

— Я приехал сюда, дабы засвидетельствовать свое почтение супруге моего покойного друга. У меня нет дел к вершителям власти. Извините! — проговорил гость, отвесив церемонный поклон начальнику уезда, дав тем самым понять, что желает удалиться. — Я старец из провинции, явился неожиданно и не хочу мешать вам, господа. Не соблаговолите ли проводить меня к супруге моего друга!

— Ах, сударь! Весьма неудобно привлекать вас к нашей беседе, ведь вы приехали издалека! — воскликнул Юй. — Но смею заметить, что господин начальник пожаловал ко мне по одному очень запутанному делу. Поскольку вы уже осчастливили нас своим приходом, осмелюсь попросить вас уделить нам хоть немного времени.

Старец сел, почтительно сложив руки на груди. Начальник уезда подвинул ему чашечку с чаем.

— Уважаемый господин, — проговорил он с поклоном. — Лет двадцать назад вы совершили некий благородный поступок, о котором до сих пор никто не догадывался. Поскольку мы нынче собрались вместе, повольте мне о нем напомнить... Вы спрятали деньги, чтобы помочь вашему другу, однако, желая сохранить сей поступок в тайне, придумали историю о белой мышь. Ведь это сделали вы, не правда ли?

На лице гостя отразилось замешательство. Он долго молчал, потом наконец промолвил:

— Вы задали мне очень странный вопрос. Я всего лишь простой мирянин и никаких благородных поступков не совершал!..

В разговор вмешался Юй Сычэнь.

— Мне известно, что историю о белой мыши рассказали именно вы. И вот сейчас обвиняют в краже ни в чем не повинного человека. Я попросил господина начальника пожалеть несчастного и отпустить с миром. Мы потолковали, и кое-что прояснилось. Непонятной осталась лишь история с мышью: где в ней правда, где вымысел. Прошу вас, сударь, объясните!

Старец стоял на своем, твердя, что ему ничего неизвестно. Но тут старая госпожа попросила его рассказать правду, дабы отпустили на волю невинного человека. Гость улыбнулся и поведал историю, которую хранил в тайне вот уже двадцать с лишним лет. Его рассказ во всех мелочах совпал с тем, о чем только что говорил начальник уезда. Он назвал даже номера, выбитые на серебряных слитках, и особые клейма. Послали проверить — и в самом деле все сошлось. Начальник уезда и хозяин отдали должное поступку гостя, а тот вместе с Юем по достоинству оценил прозорливость начальника. Потом начальник и гость принялись расхваливать хозяина, который, презрев былую вражду, преисполненный доброты к людям, совершил благородный поступок. В будущем его несомненно ожидает блестящая карьера, что можно сказать, даже не прибегая к волшебству. Они, не переставая, расхваливали друг друга, а в это время стоявшие поодаль два стражника, прикрыв рот рукавом, подсмеивались над своим начальником.

— Вот те на! Наш начальник издал приказ изловить подателя безымянного извета, а он тут как тут. Допросил его начальник без пыток и теперь сидит и мирно беседует с ним. Чудеса!

Возвратившись в ямынь, начальник приказал одному из служащих отнести деньги по назначению, но взять от хозяина расписку. Юй, однако, денег не принял. Он написал начальнику уезда письмо, в котором просил отдать их Танам как выкуп за старое поместье. Совершив поступок, достойный благородного удальца, он возжелал прежде всего выполнить волю своего родителя. К тому же он хотел, чтобы супруги Тан купили себе новый дом. Таким образом, Юй совершил

деяние, как говорится, благое не только для дающего, но и для берущего, явив тем самым высокое благородство и гуманность.

Начальник уезда поступил в точности, как просил его Юй. Он отпустил Тана на свободу, отдал ему деньги, у него же забрал купчую на поместье и башню, которые возвращались прежнему владельцу. В тот же день в Башне Трех согласий Юй поднял чару во здравие Неба.

— Нынче пришло воздаяние за добрые дела, свершенные моим родителем, и за дурные поступки семьи Тан. Оно оказалось щедрым и суровым одновременно. Отсюда мораль: добро надобно делать от всего сердца, отринув сомнения.

Супруги Тан выполнили свое обещание: написали бумагу и заявили, что отдают себя в полное распоряжение Юя. Они даже принесли Юю деньги, которые получили в ямыне, однако Юй их не взял, объяснив свой поступок и тем успокоив супругов. Тогда они сказали, что в честь Юя закажут поминальную таблицу, а деньги используют на благие дела. Итак, Юй не взял супругов Тан в услужение, но опекал их как настоящий глава рода, являя всякий раз доброту. Он относился к ним, как к близким людям, и не давал в обиду.

Впоследствии появились стихи, в которых излагалась эта история. В них есть строки, предостерегающие алчных богачей от захвата чужих богатств. Вот эти стихи:

Самой лучшей земли отрезал
И чужим ее отдал людям,
Но к нему земля эта снова,
Да еще с людьми, возвратилась.
Лишь явив доброту и щедрость,
В этой жизни счастливы будем,
А погонишься за наживой —
Попадешь к небесам в немилость.

БАШНЯ ЛЕТНЕЙ УСЛАДЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Прекрасные девы шутят у пруда, заросшего лотосом, юноша с ликом небожителя издали любуется цветами

В стихах говорится:

Две сестрицы в селеньях разных живут,
Часто ходят друг к другу в гости, —
Две красавицы юных на двух берегах,
А меж ними — узенький мостик.
Рано утром к реке сговорились прийти,
Чтобы лотосы рвать с рассвета,
А которая позже на берег придет,
Той грести в наказанье за это.

Вот пришли, чтобы лотосов свежих
нарвать,
Задержались на влажном побережье
И, потупясь почтительно, к духам
свЯТЫМ

Обратились в робкой надежде.
Поклонились смиренно, стали просить,
Чтобы замуж скорей их отдали.
Но появится ли благовещий знак?
И кого небеса им избрали?

Кто она, из какой достойной семьи,
Эта стройная дева младая,
Та, что первой явилась и села в ладью
И плывет, берега озирая?
Как легко управляться умеет с веслом,
Без усилья — как будто играет,
А сейчас, погляди, раньше милой сестры
Приоткрытый лотос срывает.

Свежий лотос сорвав, тихо петь начала
О чудесном цветке над водою

И не хочет делиться с подружкой-
сестрой

Сокровенной своей мечтою.

А тем временем, встав на другом берегу,
Кто-то смотрит, юный, прекрасный,
С восхищеньем взирает на деву-цветок
И сорвать его хочет страстно.

Стройный юноша возле весенних вод
Средь цветов стоит одиноко,—
Аромат их, смешанный с ветерком,
Ощущаешь еще издалёка.

А меж тем на уловку пуститься котят
Две чудесные девы-сестрицы,
Чтобы юношу на берегу удержать
Да тайком на него подивиться.

Вот опять за цветами девы спешат
Золотистой порой рассветной,
Платья новые наспех надели они,
И в движеньях волненье заметно.
Сбиты набок причесок их облака,
Будто волосы буря трепала.
Лучше б к няньке старой им поспешить,
Чтобы заново их причесала.

Эти шесть стихотворений называются «Песня о том, как рвали лотосы». Сочинил их я сам в ту пору, когда был еще молод и не очень серьезен. Вообще-то стихотворения эти гораздо длиннее, здесь приведена лишь их часть. Изображая цветы лотоса, поэт обычно воспекает чувства дев, живущих во внутренних покоях, но при этом о мужчинах не упоминает. Он воздаёт хвалу женской красоте, но ничего не напишет об уродстве. Лотосы в стихах всегда срывает женщина, а не мужчина, причем непременно красавица, а не дурнушка.

В мире есть несколько сотен прекрасных цветов, но ни один из них не похож на лотос ни разнообразием оттенков, ни тонким ароматом, ни изысканностью и нежностью. И не в том лишь достоинство лотоса, что он радует глаз. Его корень утоляет голод, а настой — жажду. В древности говорили, что лотос «среди цветов муж благородный». Я сказал бы иначе:

лотос — «прелестная дева». К нему тянутся, когда хотят поиграть в тучку и дождик, когда склоняются к алому и припадают к изумрудному. Прекрасным цветом может оказаться и обычная женщина в простой одежде, со шпилькой из терновника в волосах, и жена, орудующая совком и метлой.

Надобно вам знать, что прелестная, будто лотос, дева приносит огромную пользу семье, ибо рождает и воспитывает детей. С молодых лет и до самой старости не знает она отдыха, никогда не проявляет лени.

Лотос раскрывает свой бутон ближе к осени. Мы не будем говорить о красоте этого момента, расскажем лишь о том, что ему предшествует и что бывает после. Вначале, подняв зеленую рябь, из воды появляется бутон — «бирюзовая трубка» с листьями — «лотосовыми монетами», как их называют. Бутон еще не раскрылся, но в воздухе разлит тончайший аромат. Теперь представим другую картину, когда у цветка опадают лепестки и становится видна лотосовая коробочка. Листья увяли, но они не утратили своих ценных качеств. Это замечательное свойство лотоса поистине достойно восхищения. Ведь другие цветы прекрасны лишь в пору цветения, а как только увянут, ни на что не годны. Еще в древности про цветы говорили: «Растят год, любятся десять дней». Поэтому надежды, связанные с цветами, могут оказаться напрасными. Лотос в этом смысле исключение. Вот почему я и сравниваю его с красавицей.

Впрочем, все это шутка, притом вполне безобидная. А вот как воспримет читатель историю, которую я собираюсь поведать, неизвестно. Покажется она ему правдивой или нет? По-моему, в рассказах о легкомысленных, а то и малопрстойных поступках непременно должна быть частица серьезного смысла, лишь в этом случае им суждена долгая жизнь. У нас истории о любовных связях почему-то принято считать несерьезными. Но тогда скажите мне, отчего эти истории существуют на протяжении тысячелетий, а некоторые считаются даже нетленными? Потому что легкомысленные, а иногда и малопрстойные поступки нередко приводят к рождению младенца, а это означает, что в храме предков соединяются нити нескольких поколений. Вот и выходит, что легкомысленный поступок часто приносит пользу, а в недостойном

деянии порой заключена истина. Только что мы говорили о лотосах, а сейчас побеседуем о делах вполне серьезных. Надеюсь, читатель не осудит меня за праздное славословие.

Я хочу рассказать одну престранную историю, которая началась с того, что некто однажды захотел нарвать лотосов. Именно поэтому я и начал свое повествование с рассуждения об этих цветах, дабы ты, читатель, не искал «корней дерева вне дерева», а, пересаживая растения, как говорится, росток соединил с ростком.

Во время династии Юань, в годы Чжичжэн — Высшей Истины — в уезде Цзинхуа области Учжоу провинции Чжэцзян жил шэньши, который в свое время оставил службу и удалился на покой. Фамилия его была Чжань, а прозвище Бифэн, что значит Вершина Кисти. Его последняя должность главноуправляющего округа значилась в Сюйчжоу. Оба его сына пошли по стопам отца и тоже стали чиновниками, поэтому, собственно, Чжань и смог уйти от стремительного потока жизни на покой, возложив неосуществленные планы на плечи талантливых и благовоспитанных юношей. Сам отец, подражая Тао и Се, пил целыми днями вино или слагал стихи. Будучи уже в преклонных годах, он, однако, произвел на свет дочь, которую нарекли детским именем Сяньсянь — Прелестница. Еще в младенчестве девочка осиротела, и воспитывала ее кормилица. Господин Чжань, не желая отдавать дочь за простого мирянина, надеялся, что сыновья, служившие при дворе, среди множества придворных найдут для сестры достойного жениха, который подарит ей почетный титул.

Надо сказать, что девица была на редкость хороша. Нежна, как персик или слива, изящна, словно яшма или золото. Она, хоть и выросла в богатой семье, не имела пристрастия к дорогим нарядам и украшениям, не румянилась, могла лишь немного подправить брови-мотыльки, кокетство было ей чуждо. Из комнаты своей, где пахло орхидеями, девушка выходила редко, целыми днями занималась рукодельем или другими женскими делами, а то принималась читать. Порядок в доме был заведен строгий, особенно если речь шла об отношениях между мужчиной и женщиной, будь то в доме или за его стенами. Словом, каждый

внал свое место. К примеру, как только сыну одного из слуг исполнилось десять лет, его отправили в помещение за вторыми воротами. В главном зале он не смел появляться и обычно стоял у лестницы, пока не позовут хозяева.

Дочери Чжаня исполнилось восемнадцать, но жениха ей еще не подыскали, и отец, опасаясь, как бы от праздности или одиночества у нее не возникли в душе весенние чувства, решил чем-то ее занять. И придумал такой план. Он отобрал среди дочерей челядинов с десятков девушек, достаточно милостивых и в меру способных к учению, и велел дочери их обучать. Сяньсянь как бы стала учителем-сяньшэном. Она ежедневно учила девушек письму и заставляла заучивать несколько иероглифов. «Теперь ей некогда будет скучать,— думал отец,— и не останется времени для сутных мыслей». Но напрасно отец беспокоился.

Сяньсянь была почтительной дочерью и не стала бы предаваться безделью. Она знала, что у девушек ее возраста (когда волосы закалывают в прическу) сердце весьма чувствительное, и гнала от себя дурные мысли и желания. Поэтому предложение отца пришлось весьма кстати, и она со всей серьезностью взялась за дело.

Лето было в самом разгаре. Жара стояла невыносимая. Даже беседки и павильоны не спасали от палящего солнца. И только в высокой башне, с трех сторон окруженной прудом, где плавали лотосы, было прохладно. Зеленые акации и плакучие ивы на берегу давали густую тень. Солнце сюда почти не проникало. В древности кто-то изрек: «Летом невозможно подниматься на башню». Но башня, о которой здесь идет речь, словно была создана для летнего зноя. Не случайно хозяин дома, господин Чжань, дал ей название «Башня Летней услады», и оно было начертано на деревянной таблице у входа.

Девушке давно приглянулся этот чудесный уголок, и она попросила у отца дозволения жить в башне. Здесь находилась ее спальня и две комнаты для занятий. Девушка и спала в башне, и ела, редко спускалась вниз.

И вот однажды, почувствовав усталость, Сяньсянь пошла в спальню отдохнуть. Ее ученицы-подруги, к слову сказать, весьма шаловливые, очень обрадова-

лись, что их оставили в покое, и тут же побежали к воде нарвать лотосов. Но как их сорвешь, если нет поблизости лодки? Тут одна из девушек предложила:

— Давайте разденемся и залезем в воду! Нас никто не увидит, ведь здесь никогда не бывает мужчин. Нарвем цветов, к тому же в такую жару неплохо освежиться в прохладной воде! Согласны?

Девушки надели самую легкую одежду, но даже ее хотелось сбросить. Тут одной из девушек пришла в голову мысль о том, как красиво будут сочетаться в зеленоватой воде пунцовые цветы с их телами. Другая девушка предложила раздеться всем одновременно, чтобы никому не было стыдно и никто ни над кем не смеялся. Они разом освободились от одежд и представили друг перед другом, как те, кто участвовал в «торжественных встречах в Линьтуне». «Семь государей хвастаются своими драгоценностями», — так можно было назвать эту прелестную картину. Девушки смотрели друг на друга и заливались веселым смехом. Вдоволь насмеявшись, они бросились в воду и принялись резвиться, совсем забыв, что собирались рвать цветы. Одна пыталась поймать рыбку, вторая ныряла, вызывая зависть у подружек, третья играла с жемчужинками воды, которые перекатывались по поверхности листа, четвертая пыталась слизнуть росинку с цветка лотоса. Взявшись за руки, они то прижимались друг к другу и друг друга гладили, а то разбегались в разные стороны, изображая ревность.

Их звонкие голоса разбудили Сяньсянь. С удивлением заметив, что девушек в комнате нет, она поднялась с ложа и вышла наружу. И что же она увидела? Ее легкомысленные ученицы, совершенно голые, резвились в воде, весело смеясь. При виде учительницы они застыли от ужаса. Что делать? Вылезти на берег или окунуться поглубже в воду? И так плохо, и так нехорошо. Сяньсянь решила их пока не ругать, чтобы не вызывать досужих разговоров, и, сделав вид, будто ничего не заметила, вернулась в башню. Девушки вылезли на берег и быстро оделись. Тогда Сяньсянь позвала их к себе и велела встать на колени.

— Не пристало девицам быть такими бесстыжими! — принялась она отчитывать провинившихся. — И если вы сейчас совершили столь безобразный по-

ступок, то неизвестно, что можете натворить в будущем!

— Ах, госпожа, хозяин так строг, что в дом не проберется ни один мужчина,— оправдывались девушки.— Вот почему мы рискнули искупаться. Простите нас, госпожа! Ведь это первая наша провинность!

Но Сяньсянь не простила девушек. Она сурово наказала зачинщицу, ее избили до крови, остальных тоже побили, правда, не так жестоко. Бедняжки так кричали, что услышал господин Чжань. Он послал слугу узнать, что происходит, и, когда слуга доложил, велел не шадить виновных. А дочь в душе похвалил за строгость.

Через несколько дней в доме Чжаня появились сваха и сват. Они предложили в женихи юношу из старого Уцзюньского рода по фамилии Цюй, по имени Цзи, второе его имя было Цзижэнь. В свое время он выдержал первые экзамены на ученую степень, а теперь должен был пройти вторые экзамены. Цюй послал богатые дары и просил сватов заодно передать, что хотел бы стать учеником господина Чжаня. Кто-то из домашних немедленно сообщил об этом Сяньсянь. Господин Цюй — мужчина весьма представительный и, по всей видимости, принадлежит к числу «ветротекучих талантов». Почтенный Чжань согласился взять Цюя под свое покровительство, что же касается брака, ответ дал весьма уклончивый.

— Ничего определенного пока сказать не могу,— заявил он,— возможно, мои сыновья,— они сейчас находятся в столице,— уже с кем-то договорились о помолвке. К тому же следует подождать результатов осенних экзаменов. Когда вывесят экзаменационный щит, тогда и поговорим!

Было совершенно ясно, что именитый чиновник не собирается второпях брать в дом зятя в «белом платье».

Надо сказать, что Цюй Цзижэнь был весьма высокого мнения о своих талантах, считая, что он первый из лучших. А потому Чжаню он сказал так:

— Брак с вашей дочерью — для меня дело решенное. Не все ли равно, днем раньше или позднее. Пожалуйста, передайте через сватов низкий поклон вашей дочери. Пусть она будет счастлива и спокойна.

Скажите ей, что она непременно станет моей супругой.

Слова гостя, конечно, дошли до Сяньсянь.

— Откуда такая самоуверенность? — промолвила девушка. — Пока, кажется, он не проявил особых талантов! — Тем не менее новость ее обрадовала. — Очень хорошо, что он так уверен в успехе!

Когда наступила пора осенних испытаний, Сяньсянь купила экзаменационный вестник — совсем тоненькую книжицу, из которой узнала, что Цюй занял одно из первых мест, получив звание цзинкуя — Первого в чтении канонов. Девушка обрадовалась. Такой муж — опора на всю жизнь. Но для полной гарантии необходимо все рассчитать заранее.

Случилось так, что наш молодой сяолянь, человек почтительный и бескорыстный, застрял в провинции и не возвращался домой. Прошло довольно много времени, а вестей от него все не было. Девушка забеспокоилась. Может быть, что-то случилось? Обиделся, что отец в свое время ему отказал, или сразу после экзаменов взял жену из богатой семьи? Впервые покой девушки был нарушен, сердце ее болезненно сжалось. Она прождала понапрасну еще несколько дней и занемогла. Но о болезни своей не обмолвилась ни словом, чтобы не давать пищи для сплетен. Ни единого вздоха не вырвалось из ее груди, ни единого стога. Рядом были служанки, и девушка терпела страдания молча.

Но вскоре в дом пришла сваха с поклоном от Цюя.

— Господин Цюй вернулся, — сказала она, — и тотчас послал меня справиться о вашем здоровье. Он велел передать, что считает вас своей законной супругой, а потому вы должны беречь себя и ни о чем не тревожиться.

От этих слов девушка пришла в смятение. «О моей болезни никто не знает, даже мои близкие прислужницы. Откуда же ему стало известно? Ведь он только что приехал».

— Откуда он взял, что я больна? — притворившись удивленной, сказала Сяньсянь после минутного замешательства. — Я совершенно здорова. Уж не хочет ли он накликать на меня болезнь?

— Не лукавьте, милая! — воскликнула сваха. — И я было не поверила, что вы больны, а как глянула

на вас, так все поняла. Вон вы как исхудали, бедняжка!

— Я и в самом деле не вполне хорошо себя чувствую,— ответила девушка.— Но как он об этом узнал?

— Вот уж это мне неведомо! Может, вы с ним теперь как бы единое целое и он знает все, что творится у вас на душе, все ваши помыслы и поступки. Ведь он никогда вас не видел, а вашу наружность описал мне во всех подробностях. Значит, еще в прошлой жизни вам суждено быть супругами.

— Ну, в таком случае пусть что-нибудь обо мне расскажет!

— А он уже рассказал, причем такую историю, которая повергнет вас, милая, в трепет! Оказывается, у него Всевидящее Око. Так вот, однажды, когда вы отдыхали, ваши подружки сбросили с себя одежды и полезли в пруд за лотосами. Вы же строго их наказали за это: каждая получила по несколько палок, особенно сильно досталось одной из них. Ну что? Было такое или не было?

— Об этом случае могли проболтаться слуги, а он каким-то образом услышал. Не понимаю только, при чем здесь Всевидящее Око и наша связь в прежней жизни.

— Болтать люди любят, это правда,— согласилась сваха.— Ну, а как же с вашим недугом, о нем он тоже узнал по слухам? А девицы, которые в воду залезли? Ведь он их видел собственными глазами. У одной, говорит, светлая кожа, у другой — темная. А у одной, с распущенными волосами, очень красивой, заметил на теле шрам величиной с чашку — видно, от чирья. Верно он говорит? Подумайте хорошенько, милая!

Девушка ушам своим не поверила. «Может быть, в дом по недосмотру проник кто-то посторонний,— мелькнула мысль.— Но почему тогда он следил за служанками, а со мной не пытался заигрывать? Интересно, что еще он видел? Нет, в нашем доме даже малыша не подпустят ко вторым дверям, не то что постороннего. А может, здесь какая-то хитрость, обман? Вряд ли! Говорит он как будто всю правду. Очевидно, между нами и в самом деле существует какая-то связь. И не обязательно он сам все это видел, а его душа, которая наведывалась к нам в дом, когда он

спал. Ведь говорят же, что чистый дух не знает преград и может проникнуть куда угодно! В этом, наверное, все и дело!» Сердце девушки исполнилось горячей любовью к молодому человеку.

— Возможно, все именно так, как вы говорите. Но почему тогда вы не ведете речи о свадьбе, а пришли просто меня проведать?

— Потому что он беспокоится о вас, говорит, что виноват в вашей болезни, поскольку долго не возвращался домой. Вот он и послал меня вас проведать, а заодно успокоить. Господин Цюй хорошо помнит, что ваш батюшка хочет иметь зятя с именем. Так вот, господин Цюй выдержал экзамен на степень сяоляня, но опасается, что ваш батюшка сочтет ее чересчур низкой и не даст согласия на брак. Поэтому он просит, чтобы вы сами решили этот вопрос и подтвердили, что союз ваш скреплен в прежних рождениях, а потому ваши души неотделимы друг от друга. Если же отец, не вняв и вашим словам, отдаст вас за другого, господин Цюй от горя умрет, ибо в этой жизни душа его постоянно находится рядом с вашей, потому он и знает каждый ваш шаг. Она и после смерти будет находиться где-то рядом, следуя за вами по пятам. Вот почему вы непременно должны добиться согласия ваших родителей на этот брак. Ни с кем другим у вас счастья не будет!

Слова свахи взволновали девушку, и ей еще сильнее захотелось выйти замуж за Цюя. Нет, она ни за что не изменит своего решения!

— Передайте ему, чтобы не тревожился. Пусть посылает сватов. Если отец даст согласие, значит, все в порядке, если же заупрямится, придется господину Цюю съездить в столицу и встретиться с моими братьями. Они почитают людей талантливых и помогут господину Цюю.

Узнав о решении девушки, Цюй обрадовался и быстро нашел сватов, хотя и сомневался в успехе дела.

Уважаемый читатель! В этом месте мы прервем наш рассказ и немного поразмыслим. Как же все-таки Цюй узнал, что происходит в доме почтенного Чжэня? Грезил ли он во сне или видел наяву? Кто он: человек или дух? Попробуйте разгадать эту загадку. Если не сможете, мы вам поможем в следующей главе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Талантливый юноша, принявший вид небожителя, допустил досадный просчет: небесный творец проявил добрые чувства, о чем говорится в стихах

Итак, уважаемый читатель, вы, наверное, так и не догадались о том, как удалось Цюй Цзижэню узнать о том, что творится в соседнем доме. Послушайте же, что я вам сейчас расскажу. В этой истории не замешаны ни посторонние люди, ни духи. Есть в ней и правда, и вымысел. Дело в том, что у юноши появилась вещица, которая стала для него как бы третьим глазом, и он, обычный человек во плоти и крови, превратился чуть ли не в небожителя. Эта вещь не праздная выдумка. Ее приобрел один человек, причем не в Срединной империи, а в дальних краях, куда отправился на поиски разных диковин и редкостей. Жаль, конечно, что из вещицы сделали игрушку для забавы, не ведая, сколь она драгоценна. Но тот человек хранил ее бережно и пользовался лишь в тех случаях, когда надо было определить, что самое лучшее. Он водружал ее на особый алтарь и воздавал почести, будто знаменитому полководцу, способному свершить великий подвиг. Она помогала ему увидеть прекрасные цветы — юных дев в дальних покоях. Догадались ли вы наконец, уважаемый читатель, о какой вещице я веду речь? Впрочем, послушаем прежде стихи, сложенные на мотив «Луна над Западной рекой».

Не только Гун Шу, великий умелец,
Искусством и мастерством блистал,
Да и не только один Ли Лоу
Взором всевидящим обладал.
Слабенький луч — световая полоска —
Тоньше бывает, чем тонкая нить,
Но и слепым помогать способна,
А зрячим волшебные крылья дарить.
Есть чудо-вещица: в нее посмотришь —
И станет близким всё, что вдали.
Многие ей доверялись, однако
Разные цели к себе их влекли.
Если один только глаз у кого-то,
Не надо смеяться иль сострадать!

Можно единственным зорким оком
Больше, чем тысячью глаз, увидеть.

Итак, загадочная вещь называется Всевидящим зеркалом, а сделана она там, где расстилается Западный Океан. Однажды Цюй Цзижэнь, прогуливаясь с друзьями, увидел эту диковину в лавке подержанных вещей. На вопрос друзей, каково назначение этой вещицы, лавочник так ответил:

— Представьте себе, что вы поднялись в горы и взяли зеркало с собой. Тогда при желании вы сможете с его помощью увидеть, что делается на расстоянии тысячи ли.

Торговцу, понятно, никто не поверил.

— Не может быть в мире подобных чудес!

— Если не верите, господа, убедитесь сами.

Торговец достал испещренный знаками лист, оказавшийся старым, никому не нужным сочинением.

— Прикрепите листок на воротах вон того дома и отсюда попробуйте прочесть, что на нем написано!

— Невозможно! — воскликнули молодые люди. — Расстояние чересчур велико, а иероглифы крошечные!

— А вы попытайтесь, — стоял на своем торговец и велел приказчику приладить к воротам лист. Затем он поставил зеркало на особую подставку и предложил друзьям взглянуть. Те вскрикнули от удивления.

— Виден каждый знак, и весьма четко!

— Каждая черточка!

— Отойдите еще на несколько шагов, и вы увидите, что линии увеличатся еще на несколько фэней, — сказал владелец лавки. — На расстоянии ста шагов и до одного ли эта диковинная труба увеличивает предметы в несколько раз. Порой они становятся больше тех, что изображены на вывеске «Башни Восьми песнопений» или на парной таблице перед храмом Драгоценного созвездия.

Молодые люди слушали лавочника, затаив дыхание. Каждый хотел приобрести эту редкую вещь, но Цюй сказал:

— У вас она не получит дельного применения, уступите мне!

— Да ведь она только на то и годна, чтобы с ее помощью любоваться с высоты красивыми видами.

— Нет, господа, из нее можно извлечь большую пользу. Если вы позволите мне ее купить, обещаю вам ровно через год, самое большее через полтора, совершить удивительный подвиг, который может оказаться единственным великим событием моей жизни! А потом, если пожелаете, я отдам ее вам, господа. Согласны?

Приятели согласились, хотя и не поняли смысла слов Цюя, и сказали:

— Будь по-твоему, покупай ты! Если же кому-нибудь из нас зеркало понадобится, мы явимся за ним к тебе.

Цюй спросил цену, заплатил и, спрятав покупку в рукав халата, отправился домой. «С помощью зеркала,— размышлял он по дороге,— можно, поднявшись на холм, увидеть все, что делается вдалеке. Почему же вещь назвали зеркалом? Это скорее Всевидящее Око, глядящее вдаль на тысячу ли. Как же мне лучше им воспользоваться? Быть может, применить его в брачных делах, пока, увы, еще не решенных, хотя я и ношу «мягкую шляпу»? Да, пора бы найти какую-нибудь красавицу. Но ведь девицам из знатных семей запрещено встречаться с посторонними мужчинами. А красотки из домов с «низкими воротами» мне не нужны. Как-то сваха дала мне список невест, живущих поблизости. Вот и испытаю свою новую покупку. Заберусь на высокое место и стану осматривать окрестности. Не все же дома богачей окружены глухими стенами и имеют окна лишь в черепичной крыше! Наверняка есть усадьбы с открытыми галереями и резными оградами, с широкими окнами и распахнутыми настежь дверьми. Вблизи, разумеется, ничего не увидишь, кроме стен и заборов. Если же глядеть сквозь мое Всевидящее Око, все преграды разом исчезнут. Пойду-ка я в монастырь Высокой горы! Поднимусь на священную ступу и посмотрю вокруг. Может, и посмотрю какую-нибудь необыкновенную красотку, а потом зашлю сватов. Уверен, что ошибки тут не произойдет, расчет точный».

Цюй отправился в монастырь Высокой горы, попросил отвести ему келью для занятий и сказал, что на досуге намерен гулять по окрестным горам. Но, разумеется, никакой наукой он не занимался. Все дни Цюй не расставался со Всевидящим Оком, глядя, что

происходит в соседних поместьях. Красавиц было много, но пока ни одна не приглянулась Цюю. Но вот наконец настал счастливый день. Оказался он счастливым и для девицы из семьи Чжань, поскольку сулил ей встречу с небожителем, пусть и ненастоящим. В тот самый день Цюй неожиданно увидел шаловливых дев, которые, скинув одежды, предстали перед ним во всей своей прелести и вызвали в душе у юноши неодолимое волнение. От радостного возбуждения его охватила дрожь. Вдруг он заметил еще одну красавицу, которая вышла из беседки. Она была прекрасна, как яркая луна, как распутившийся цветок, и красотой превосходила остальных дев, даже могла поспорить с царем цветов — пионом! Юноша подумал, что девушка весьма рассудительна и сдержанна. Поначалу она не стала ругать служанок, а потом сурово их наказала. «Строга, но великодушна! — решил Цюй. — Умеет обходиться с теми, кто у нее в услужении. Значит, став женой, будет превосходной помощницей в доме». Цюй узнал ее фамилию, имя и вообще все до мельчайших подробностей. Не мешкая послал он сватов в дом Чжаня, но, не уверенный в том, что Чжань даст согласие, прибегнул к хитрости, сказав, что хочет «совершить поклон у ворот», то есть стать учеником почтенного Чжаня. Словом, он поступил так, как некогда Нань Жун или Гунъе, которые прежде всего расположили к себе привередливого родителя, искавшего особо талантливых и красивых женихов.

Потом, как известно, Цюй отправился на экзамены, но и там, в чужом городе, образ красавицы все время стоял у него перед глазами. Вернувшись домой, он тотчас устремился в пагоду на горе, не разложив даже толком вещи, и сквозь око увидел Сяньсянь, сидевшую на скамье у ограды. Она заметно похудела и выглядела больной. Может быть, она обиделась за то, что он заставил ждать себя так долго? Цюй тотчас послал к ней сваху передать поклон. Конечно, это был лишь предлог, чтобы разведать обстановку. Вести в открытую разговор о свадьбе он считал пока неудобным, но в то же время боялся, как бы потом не было поздно. И тут у него появился план. Он решил внушить девице мысль о духах. Испытав страх перед тай-

ной силой, она ни за что не откажется от данного слова.

Когда сваха, вернувшись, доложила ему о разговоре с Сяньсянь, молодой человек понял, сколь удивительные возможности заключены во Всевидящем Оке. Он велел свахе идти по своим делам, а сам, вооружившись волшебным оком, снова отправился в пагоду монастыря. Красавица стояла, облокотившись о перила, и слегка покачивала головкой. На кушетке лежали листки бумаги и камень для растирания туши. Видимо, она сочиняла стихи и один из них должна была сейчас закончить.

«А что, если я и дальше буду играть роль духа? — подумал Цюй. — Как только она допишет стихотворение, я отправлю ей послание тоже в стихах. Представляю, как она удивится и испугается! Только бы сердечко ее не разорвалось от страха!» И действительно, такое знакомство не под силу простому смертному. На него не решились бы даже бессмертные! Но тут юношу охватили сомнения. «Мою сваху сейчас нигде не найдешь. Если же я отошлю послание через час, оно не произведет должного впечатления, девушка удивится, и все». Цюй послал слугу за свахой, а сам снова поднялся наверх, где принялся сочинять стихи.

Надо сказать, что обычно молодой человек поднимался не выше четвертого или пятого яруса, откуда все отчетливо видел. Но разобрать, что написано на листе бумаги, лежавшем на столе, юноша не мог, а повесить стихи на стену девушка не решалась — как бы кто-нибудь не увидел. Поэтому юноше пришлось взобраться чуть ли не на самый верх монашеской обители. Здесь он наладил Всевидящее Око и навел его на Башню Летней улады, где сидела красавица, держа в тонких, будто выточенных из нефрита, пальчиках-лепестках кисть. Она переписывала стихотворение, и молодому человеку удалось его прочесть:

«Двойные ворота, тяжелый засов.
Весенняя к нам запоздала пора.
Но верится: сможет узнать мотылек,
Где юный цветок распустился с утра.
Увы, даже тенью своей мотылек

К сердечку цветка прикоснуться не
смог,
Быть может, во сне он сюда прилетит —
Усядется на стебелек».

Вдруг девушка почему-то забеспокоилась, скомкала листок и сунула его в рукав кофты. Неужели почувствовала, что за ней следят? Наш герой едва не умер от страха.

Вдруг он заметил, что по лестнице поднимается мужчина в халате простолюдина и посконной шапке. Благородным обликом он походил на даосского праведника. Это был отец красавицы. Тут только юноша понял, почему она так испугалась. Видимо, услышала шаги и поспешила спрятать листок, чтобы отец не заметил. Увы! Сквозь волшебное око юноша только видел, а слышать не мог. Однако, в том состоянии душевной тревоги, в котором юноша находился, немудрено было и испугаться.

«Судя по всему, отец помешал ей закончить стих, — думал юноша. — А ведь я хотел написать продолжение. Что же делать теперь? Вот незадача! И все же попытаюсь написать. Будь что будет! Не зря она старалась! Так и сделаю. И в стихах намекну на свадьбу. Есть поговорка: «Мужчина поет, женщина подпевает». А я поступлю наоборот: буду женщине подпевать. Тем более что после прихода родителя она в смятении. Мое послание будет весьма кстати, ведь оно перекликается с ее стихами, которые она не закончила. Воображаю, как она удивится!»

В сильном возбуждении юноша будто на крыльях полетел в свою келью, взмахнул кистью из заячьего волоса... и стихотворение готово:

«Теперь у цветка в неоплатном долгу
Крылатый дружок — молодой мотылек.
Тревожно ему: это он виноват,
Что трепетный заволновался цветок.
Зову я восточный хмельной ветерок,
Прошу его свить незримую нить,
Чтоб мотылька с несравненным цветком
Навеки соединить».

Юноша отдал послание свахе и велел тотчас доставить девушке. Видите, герой торопится изо всех

сил, а автор нарочно затягивает повествование. Словом, продолжение истории мы узнаем из следующей главы, где рассказывается о том, что к строкам красавицы прибавились новые строки, и стихотворение получилось вдвое лучше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Стихи помогают влюбленным в будущем стать супругами; тайная записка раскрывает тонкую ложь

Когда сваха вошла в Башню Летней улады, отец с дочерью беседовали, и женщине пришлось подождать. Но вот родитель спустился вниз, и шаги его стихли.

— Вам привет от господина Цюя! — проговорила женщина. — Он сказал, что вы сочиняли стихи, но, к сожалению, написали лишь половину, батюшка испугал вас своим приходом. А ведь вам волноваться нельзя, вы и без того нездоровы. Господин Цюй просил меня вас проведать и узнать: лучше вы себя чувствуете нынче или так же, как и вчера?

С трудом одолев страх и волнение, Сяньсянь промолвила:

— Чего мне пугаться? Мой батюшка часто ходит сюда. А стихов я никаких не писала!

— Ничего я не знаю, — отвечала сваха. — Просто передаю то, что изволил сказать господин Цюй. Да, вот еще что он говорил. Поскольку вы стихотворения не закончили, а после перенесенного волнения вам тяжело снова собраться с мыслями, господин Цюй сочинил для вас вторую половину стиха, которую и послал со мной. Он не уверен, что стихи удались, и просит вас внести исправления.

Девушка еще больше перепугалась. Теперь она почти была уверена в том, что Цюй небожитель. Сваха передала ей стихи. После первых же строк Сяньсянь покрылась холодной испариной. Молодому человеку и в голову не могло прийти, что его письмо произведет столь сильное впечатление. От изумления девушка приоткрыла свой алый ротик, чуть высунула язычок, однако не вымолвила ни слова. Как говорится:

«Ароматная душа улетела к Бирюзовой реке». Справившись наконец с волнением, она проговорила:

— Теперь мне все ясно. Он не простой смертный, а небожитель. И если я отвергну его, неизвестно, кто достанется мне в мужья! Одно меня беспокоит. Как долго пробудет он на земле в человеческой оболочке? Может, не дожидется свадьбы и улетит на Небо? Где мне тогда его искать?

— Такого случиться не может! Он говорит, что дух он не такой, как другие духи, поскольку воплотился в человека. Возможно, лет через сто после свадьбы оба вы примете облик небожителей-сяней и улетите вместе на небо. Наверняка так и будет!

— Тогда я передам ему свой неоконченный стих, а его стихотворение оставлю у себя. Это и будет нашим общим знаком согласия. Передайте господину Цюю, чтобы поторопился со сватами. Медлить нельзя! Что до меня, то клянусь быть верной своему слову всю жизнь. Если же я нарушу клятву, пусть господин Цюй, приняв облик владыки ада Яньло, утащит мою душу в преисподнюю! Пусть накажет меня!

Сводня взяла стихотворение и поспешила к Цюю. Радость его не знала границ. Все его помыслы были сейчас устремлены к Сяньсянь — только бы поскорее соединиться с ней. Но, как известно, счастье можно обрести лишь путем тяжелых испытаний, если даже «человек со счастливой звездой» не обманул небес. Сват, которого Цюй послал к Чжаню, вернулся и доложил:

— Господин Чжань по-прежнему не дает прямого ответа. Он обещает вернуться к этому вопросу после того, как получит письмо из столицы. Вообще он намекнул, что цзюйжэня в зятя не возьмет, только цзиньши.

На столичных экзаменах, как известно, могла произойти любая неожиданность, поэтому Цюй велел свахе еще раз поговорить с Сяньсянь, но не от его имени, а как бы по своей воле.

— Когда господин Цюй будет в столице, — сказала сваха, придя к Сяньсянь, — он непременно засвидетельствует свое почтение вашим братьям и попросит их поговорить с отцом о свадьбе. Но может случиться, что они, уважая волю родителя, предложат подождать до весенних экзаменов. Если же господин Цюй их не

выдержит, то есть не окажется в списке сдавших, они найдут другого, более удачливого жениха. Что тогда делать? Подумайте и сообщите ему!

— Скажите ему, чтобы не волновался, — ответила девушка. — Ведь господин Цюй талантлив, и раз он сдал на цзюйжэня, значит, добьется и степени цзиньши. К тому же он не простой смертный и может сделать все, чего бы ни пожелал. Пусть покажет братьям хотя бы одно из своих чудес, самое незначительное. Кстати, они почитают Будду и высоко ценят даосских небожителей. Стоит им увидеть, что он отмечен особым знаком и способен отвести любую беду, как тотчас же дадут свое согласие. К слову сказать, я по той же причине обратила к нему свою душу и поклялась быть с ним до конца дней своих. Неужели небожитель не в силах устроить собственную свадьбу и его может обойти простой смертный?

— Правильно говорите, милая! — сказала сваха и пошла к Цюю. Она до сих пор не разгадала хитрости Цюя и каждое его слово принимала за чистую монету. Раз он дух, значит, может сделать все, так стоит ли беспокоиться?

Между тем молодой Цюй пребывал в сильной тревоге. Ведь в любой момент могла раскрыться правда. Поэтому предложение красавицы он принял скрепя сердце. «В моей женитьбе нет никакой уверенности! — думал он с тоской. — Чем я могу удивить ее братьев? Ведь я простой смертный, как и они, и в своих брачных делах должен полагаться лишь на себя и на сватов. Согласятся братья, все будет в порядке. Не согласятся — придется добиваться степени цзиньши. Видно, и для отца ее, и для братьев ученая степень — вершина мечтаний. Как только я получу право носить шелковую шляпу, они тут же дадут согласие. Ну а если мне не повезет на экзаменах и я окажусь в положении Сунь Шаня? Что тогда? Тогда невеста уплывет у меня из рук, а раз так, то с какой стати я буду морочить людей, прикидываясь святым?»

Цюй отправился в столицу, нанес визит обоим братьям, после чего отправил к ним доверенного человека поговорить о свадьбе. Братья сказали, что надо дождаться результатов столичных экзаменов. Цюй Цзижэнь сделал все, чтобы добиться успеха. Единственным его желанием сейчас было как можно

быстрее «воспарить к синим облакам». Недаром говорят: «Небо и Земля справедливы». Сочинение Цюй написал блестяще и занял второе место, о чем было объявлено на экзаменационном щите. Он снова послал сватов. Теперь ее братья непременно дадут согласие. Увы! Братья сказали, что среди сдавших экзамены, кроме господина Цюя, есть еще двое их земляков, которые в свое время сватались к их сестре. Поэтому сами они не могут решить этой задачи и напишут отцу. Пусть он с помощью гаданья сам выберет дочери жениха.

Цюй Цзижэнь заволновался. Что, если выбор падет не на него? Будь он дома, он поговорил бы с Сяньсянь, и вместе они нашли бы какой-нибудь выход. Но Сяньсянь далеко.

Цюй не стал ждать получения должности и с дозволения начальства вернулся домой.

В пьесе «Западный флигель» есть песенка-двустипшие, которая очень подходит к нашей истории. Позвольте мне ее прочитать:

«Ах, ради миленькой красотки
С игривым взором, юным станом,
С румяным, лепестковым ликом
И насурьмленными бровями
Он отказался от чертогов,
Достойных мудрого вельможи
С нефритовым роскошным залом
И золочеными конями».

Итак, Цюй отказался от должности ханьлиня и поспешил в родные места, чтобы уладить дело со свадьбой. Сейчас он ни о чем больше не мог думать и был уверен, что добьется успеха. Но вопреки ожиданиям произошло так, как говорится в старой поговорке: «Не хвастайся, что первым тронулся в путь; непременно найдется тот, кто опередил тебя!»

Оказалось, что оба его соперника, удостоившись, как и он, высоких степеней, тоже не стали ждать получения должности и быстро собрались в путь. Перед отъездом они послали к братьям Чжань своих челядинов, которые передали, что господа, мол, выдержали экзамены, но рассчитывают на еще большую удачу в будущем. Оба они, Чжу и Чэнь, просят братьев за-

молвить за них словечко в письме к родителям, дабы получить согласие на свадьбу. В общем, когда Цюй приехал в родные места, он неожиданно узнал, что его соперники уже здесь и успели заслать сватов. Сяньсянь, само собой, находилась в полной растерянности. Узнав, что ее возлюбленный возвратился, она послала к нему сваху.

— Скажите, чтобы он совершил что-то необыкновенное, как мы с ним и договорились. Еще передайте, что я скорее умру, нежели стану женой простого смертного. Возможно, что после кончины он когда-нибудь вызовет мою душу, но какой от этого прок?

Ответ девушки привел Цюя в смятение. Что делать? Придется снова обратиться к ее отцу. Зная, что для него главное власть и слава, Цюй решил на этом сыграть.

— Господин Цюй на столичных экзаменах занял второе место и ждет получения должности,— сказал посланный Цюем человек.— Те двое, если даже и получают случайно должность, еще не прошли тронных экзаменов, а потому отстали от господина Цюя на целых три года. Поэтому при выборе должности у господина Цюя будет перед ними преимущество, поскольку он прежде служил чиновником. Если же они займут на тронных экзаменах третье место, их отправят на службу в провинцию. И тогда им до седых волос не догнать господина Цюя.

Оба соперника хвастались своими успехами так же, как и Цюй. «Тот, кто прошел дворцовые испытания,— говорили они,— твердо определился в звании, однако чиновный пост получит не сразу. А если и получит, то всего лишь должность в какой-нибудь ведомственной управе. У нас же, хотя экзамены прошли и не совсем удачно, есть в будущем, через три года, возможность занять самую высокую должность. Вот и выходит, что мы все равно его опередим».

Почтенный Чжань не дал ответа ни одному из трех претендентов. Он вспомнил, что в письме сыновья написали о гадании, и решил послушаться их совета. В подходящий для этого день и час он написал на трех листах бумаги имена женихов и предложил дочери самой выбрать лист, дабы не дать пищи для досужих разговоров. Девушка обрадовалась и весело рассмеялась.

— Господин Цюй — небожитель. Своим Всевидящим Оком он следит за каждым моим шагом и, конечно же, явит свою волшебную силу в таком важном деле, как выбор жениха, к которому имеет прямое отношение. Он сделает все, чтобы я выбрала кого хочу.

Девушка велела свахе возвратиться к Цюю и сказать ему, чтобы он как можно быстрее явил свое могущество. Сама же она в душе ликовала в предвкушении счастья.

В назначенный день господин Чжань написал имена женихов на трех листках бумаги и положил их в золотую вазу. Словом, сделал все так, как делают при дворе, когда ищут жениха. Он четырежды поклонился Небу, Земле и предкам, после чего велел дочери совершить положенные поклоны. Он дал ей две нефритовые палочки и предложил вытащить из вазы листок с именем жениха. Сяньсянь смело взяла палочки, но, увы, произошло непредвиденное! На листке вместо имени бессмертного Цюя она увидела имя простого смертного.

— Как? — вскричала девушка. Брови ее взметнулись вверх, в глазах появилась растерянность. — Неужели господин Цюй лишился своего чудесного дара? — Девушка была в отчаянии.

После церемонии гадания отец велел ей совершить благодарственный поклон духам. Но за что их благодарить, если они не явили своей волшебной силы? Сейчас одна надежда на собственную смекалку, надо что-то придумать. Девушка опустилась перед отцом на колени.

— Батюшка! Выслушайте меня! — Лицо ее было серьезно и печально. — Раньше я не решалась вам этого говорить, но больше не могу молчать. Я боюсь погубить свою жизнь!

— От отца не должно быть тайн. Откройся же мне! Сяньсянь поднялась с колен.

— Нынешней ночью мне во сне явилась покойная матушка и сказала: «К тебе сватаются трое ученых, но лишь один достоин тебя». Я спросила который. Она назвала фамилию Цюй и велела хорошенько ее запомнить и ждать знаменья. И вот неожиданно я вытащила листок с другим именем. Потому растерялась и не дерзнула класть благодарственные поклоны духам.

— Что за чушь? — воскликнул отец. — Почему твоя матушка, если она решила явить свою волю, сказала об этом тебе, а не мне? И почему не помогла она тебе во время гаданья? Нет, нет, все это выдумки, и я им не верю.

— Воля ваша, но маменькин наказ для меня превыше всего. Потому я пойду только за Цюя!

— Как ты смеешь противиться отцовской воле? Ведь я пока еще жив! — рассердился отец. — Для нее, видите ли, превыше всего маменькин наказ! Нагородила здесь всякой чуши! Ты, может, все это нарочно придумала? Я проверю. Помолюсь перед святой табулицей жены. Если ты правду сказала, она в одну из ближайших трех ночей ниспошлет мне вещий сон. Если же я такого сна не увижу, значит, ты все придумала. И тогда я не только не разрешу тебе выходить за Цюя, но еще постараюсь узнать, в чем тут дело! Может статься, что ты совершила недостойный поступок!

Отчитав дочь, отец покинул комнату. Девушка не могла прийти в себя от обиды и гнева, немедленно написала юноше письмо, в котором намекала на вечную разлуку, и как обычно отправила его со свахой.

— Я все это предвидел заранее, — улыбнулся Цюй. — Придется побеспокоить тебя еще раз. Передай, что за два дня я улажу дело и отец переменит свое решение. Отдай ей эту записку. Пусть сделает все, как там сказано.

— Если вы и вправду обладаете волшебной силой, почему не помогли девушке во время гаданья? Ждали, когда она выберет другого?

— Просто я хотел проверить, остается она мне верна или нет? К тому же мне хотелось поморочить ее отца, поскольку я зол на него! И запомни, деяния духов непредсказуемы, и если в гадании с самого начала все ясно, значит, в действиях небожителя нет ничего удивительного!

Сваха поверила Цюю, спрятала записку и отправилась к Сяньсянь. Та была вся в слезах. Однако прочитав послание Цюя, очень обрадовалась и поклонами поблагодарила Небо и Землю за помощь.

— До чего же он все ловко придумал! — рассмеялась девушка. — Теперь нечего больше беспокоиться о нашей свадьбе!

— Что же он придумал? — полюбопытствовала сводня, но девушка ничего не ответила, лишь улыбнулась.

Через три дня отец позвал дочь к себе и строго, даже сурово сказал ей:

— Все это время я молился, просил твою покойную мать явиться мне во сне, но за три дня она не подала мне ни единого знака. Вот и выходит, что ты все выдумала! А без умысла никто ничего не выдумывает. Так что выкладывай все начистоту!

— Ах, батюшка! Этот сон я, наверное, видела вместо вас. И не до конца вам его рассказала, не хотела пугать. Матушка говорила, что не может приблизиться к вам, потому что вы спите с наложницей. «Если отец тебе не поверит,— сказала она,— у меня есть другой способ его образумить. Боюсь только, как бы он не умер со страху!»

— Чем ты собираешься меня запугать? Говори!

— Я узнала от матушки, что вы сожгли заклинанье, когда молились. Это правда?

— Ну, правда!

— В заклинанье было сказано о моем замужестве. Матушка пересказала его мне, велела запомнить и повторить все от начала до конца вам, чтобы вы мне поверили. Ведь заклинанье было написано втайне и я не могла его видеть.

— Откуда ты можешь знать, что было в заклинаньи? Чепуха! Не верю! — вскричал отец.

— Сейчас я вам перескажу его слово в слово,— промолвила дочь.— И если хоть в чем-нибудь ошибусь, считайте, что я солгала.

Девушка приоткрыла алые губы, показав зубки-нефриты, и без запинки пересказала от начала до конца заклинанье. Казалось, щебечет ласточка между стропилами или поет иволга среди веток ивы.

Почтенный Чжань почувствовал, как зашевелились у него от страха волосы. Потом, наконец придя в себя, он промолвил:

— А ты как будто бы сказала правду! Без духов тут не обошлось. Твой брак, видимо, предрешен в прошлых рожденьях, а раз так, выходи за этого Цюя!

Он не мешкая позвал сваху, велел ей уладить свадебное дело дочери и выбрал подходящий день для

встречи будущего зятя. По счастливой случайности свадьбу назначили на лето, а комнатой для молодоженов стала комната, где Сяньсянь занималась со своими ученицами. Так соединились талантливый юноша и прекрасная дева.

Поначалу молодая жена испытывала к мужу благоговейный трепет. Как-никак небожитель! Не станешь ведь с ним предаваться любовным утехам. Но вскоре молодая женщина заметила, что мужу не чужды плотские желания, и во всех своих поступках он далек от святости. Он то и дело шептал ей на ушко о тучке и дожде, а о заоблачной дымке и росе, которую пьют небожители, ни словом не обмолвился. И Сяньсянь вскоре поняла, что муж ее вовсе не святой. Но кто же он? Тогда Цюй решил все рассказать без утайки. Обман его удался, игра в святого увенчалась успехом. Но рано или поздно жена все узнает, может выйти конфуз. Так не лучше ли открыть ей правду?

А случилось все так. Одолеваемый тревожными думами о женитьбе, Цюй ломал голову в поисках выхода. И вот однажды он обратился к Всевидящему Оку. Из груди его вырвался стон, с уст сорвались слова мольбы:

— О чудесная вещь! Ты, как настоящая сводня, помогла мне в сердечных делах, но помогла лишь наполовину. Прошу тебя, яви еще раз свою таинственную силу! Помоги благополучно завершить начатое дело. Не бросай меня на полпути! Иначе я перестану тебя почитать!

Он поставил Всевидящее Око в центре залы и несколько раз низко поклонился, явив искренность чувств. Затем он отправился в монастырь, чтобы посмотреть со ступы в соседский двор. Вскоре он увидел почтенного Чжэня, который сидел в средней зале за столом и растирал на камне тушь, видимо собираясь что-то писать.

«Неужели стихи? — подумал Цюй. — Неплохо было бы сейчас проделать с ним то же, что в свое время я проделал с девушкой. Заморочить ему голову духами, может, тогда он согласится на свадьбу». Юноша взгляделся в лист бумаги, на котором писал Чжэнь. Оказалось, это послание покойной жене. Голова у Цюя работала хорошо, и он сразу смекнул, для чего Чжэнь

пишет послание. Он тотчас же его переписал и вложил в письмо, которое собрался отправить Сяньсянь. Но кто передаст его девушке? Судьба благоволила к Цюю, и письмо попало по назначению.

Когда муж рассказал обо всем этом Сяньсянь, она пришла в изумление.

— Пусть этот хитроумный план придуман простым смертным, но все же тут не обошлось без вмешательства Неба,— проговорила молодая жена.

На следующий день Цюю перенес свою драгоценность в Башню Летней улады, водрузил в одной из комнат и, воскурив благовония, совершил перед ней несколько поклонов. С той поры, когда в их жизни случались какие-то таинственные события, они, воскурив благовония, обращались к волшебному оку за советом. Посмотрят в око и начинают писать стихи-заклинания. И что удивительно, все их просьбы тотчас же исполнялись. Ясно, что все окружающее, с чем соприкасается человек,— земля, деревья, травы,— способно явить свою душу. Поэтому, поклоняясь духам и Будде, люди на самом деле поклоняются самим себе. И дело тут вовсе не в духах и не в святых бодисатвах.

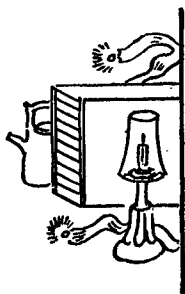
Отдавая должное прелестям молодой жены, Цюю в то же время не оставался равнодушен к девам-прислужницам, некогда представшим перед ним без одежды. Теперь они, само собой, не позволяли себе подобного легкомыслия, но все же порой обольщали его некоторыми из своих прелестей. Цюю охотно заигрывал с девушками, разумеется, тайком от жены, рассказывал им о любовных утехах. За это девицы прозвали его Господином с Воровским Глазом. Порой, однако, проказницы, не в силах устоять перед Цюем, преподносили ему «частицу божественного носорога».

Как мы видим, Цюю Цзижэнь не только завладел царицей цветов, но и сумел вкусить аромат других прелестных растений. Говоря по правде, молодой человек перед свадьбой намерен был ограничиться любовью к восхитительному пиону. Но разве менее прекрасны лотосы, которые растут в пруду?

Из нашей истории видно, что девам не пристало

снимать одежду ни дома в дальних покоях, ни тем более вне дома. И следует забыть навсегда такие выражения, как «тань» и «хэ», «ло» и «чэн» — «сбросить одежду», «обнажить тело».

Вспомните старое изречение: «Спрятанное богатство вызывает алчность у вора; прелестный облик рождает плотские чувства». Показав свое прелестное личико, ты не уронишь достоинства и сохранишь целомудрие, но кто может подумать, что, обнажив тело, белое словно нефрит, сверкающее, как лед, ты сохранишь первозданную его чистоту. Рано или поздно на нем непременно появится пятнышко.

БАШНЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИСТИНЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Герой, устроив выгодное дело, получает и утварь, и яства; купец, придирчиво проверявший золото, дважды теряет серебро

Те, что имеют волю, должны
Быть, словно горы, крепки, высоки,
Нельзя, чтобы жизнь, как мутные воды,
Покорно текла к низовьям реки.
У каждой горы есть предел — вершина,
Взошел ты — и новые горы зовут,
А воды в низовьях теряют силу —
Вспять никогда уже не потекут.
С разбега волна о скалу ударяет,
Но, словно колонна, скала тверда.
Ладью перегрузишь — в реке потонет,
Опорой надежной не станет вода.
Свиток с прекрасной картиной должен
Всегда на стене висеть пред тобой:
Изображенные горы и воды
Помогут в пути к чистоте святой.

В этом стихотворении содержится совет: неизменно стремитесь вверх, не плывите вниз по течению.

Стремиться вверх все равно, что подниматься на гору. Знаешь, что рано или поздно достигнешь вершины, но все время помнишь о том, что можно сорваться в пропасть. И душа полна отваги перед грядущими испытаниями.

Плывя по течению, можно очутиться в пучине зла и порока, стоит лишь немного оплошать. Вот почему так важно вовремя оглянуться назад, дабы совершить доброе дело и вступить на праведный путь.

Нет, никак нельзя подражать бегущей воде, но нельзя пугаться и высоких гор. Некоторые говорят себе так: «Я — недостойное существо, и плоть моя омерзительна. Я подобен потокам воды в Ведымином

ущелье или в водопаде Куанлу. Вода никогда не возвращается назад, так пусть она уходит в пучину и загрязняется все больше и больше!» Другие, совершая дурные поступки, ни о чем толком не думают, но, не желая оглянуться назад, оказываются в таком же положении. И хотя воды реки назад не текут, они в конце концов вливаются в бескрайнее море. Человек же, если он не сумеет пресечь в себе дурных качеств, может и не найти спасительной обители Персикового источника. И вот, когда он не видит выхода,— кончатся горы, иссякают воды,— когда он не в состоянии творить ни добра, ни зла, он понимает, что, отдавшись течению, он приближается к Желтым источникам. Тут-то он начинает жалеть, что не встретил благородного мужа — цзюньцзы, который стал бы для него опорой, подобной каменной глыбе, и помог бы ему оглянуться назад.

В «Четверокнижии» есть строки: «Даже дурной человек, если он в положенное время соблюдает пост и совершает омовение, может служить Верховному владыке». А соблюдать пост и совершать омовение как раз и значит «оглядываться назад». Почему же дурной человек может служить Верховному владыке? Сейчас объясню. Творящего добро можно уподобить ясному небу; творящего зло — дождливой погоде. В погожие ночи блестят звезды, ярко светит луна, но это не вызывает особой радости. Теперь представь, что несколько дней кряду лил дождь, на душе тоскливо и мерзко, и вдруг появился луч солнца. Все сразу возрадуются, начнут ликовать, будто узрели благовещное облако или сияние счастья. Так стоит ли сетовать, что солнце взошло чуть позже, а скрылось чуть раньше?

Часто бывает, что кто-то творит добро, а это считают вполне обычным, как солнце в ясную погоду, хотя это прекрасно. Если же, к примеру, злодей вдруг обратится к добру, это вызовет изумление. Вы спросите: почему? Да потому что злодею не свойственно творить добро. И вот, совершая дурные поступки, он неожиданно оглянется назад. Так порой мелькнет в ненастный день луч солнца, который кажется ярче обычного, и от него на душе потеплеет. И вот злодея, вдруг сотворившего добро, непременно обласкает Вер-

ховный владыка, и злодей этот, пожалуй, скорее, чем кто-либо другой, обретет свое счастье.

Разве не доводилось нам видеть, как вор получал не только похвалу судьи, но и вознаграждение. И все потому, что, отринув зло, вступал на праведный путь. А иной хоть и не совершил ничего дурного, но похвалы не достоин, потому что хорошего тоже не совершил, а требует награды.

Жил некоторое время назад живодер, который колл свиней и забивал собак. Он снимал помещение в доме, где жил человек, который соблюдал пост и поклонялся Будде. Однажды ночью случился пожар — «счастье наоборот», как говорится в народе. Огонь сжег дотла комнаты, где жил истовый верующий, но не коснулся живодерни, довольно ветхого строения. Узнав об этом, люди сказали:

— Небо словно ослепло. Не туда, куда надо, послало возмездие.

Пришли посмотреть на пожарище. Приблизились к живодерне и видят около домашнего алтаря надпись, сделанную мелкими иероглифами: «Полжизни я убивал и резал, совершенное мною зло безмерно. Ныне клятвенно обещаю духам: с такого-то месяца и дня сменить занятие и не убивать больше живых тварей. Если же эту свою клятву нарушу, пусть грядет великая кара! Пусть Небо и Земля ниспошлют мне гибель!» Соседи подсчитали, оказалось, что пожар случился через три дня после принятия клятвы. Кто-то заметил:

— Странно! Только ты подумал, что надобно вступить на праведный путь, и кто-то словно прочел твои мысли — пожар тебя не коснулся. Тот же, кто полжизни соблюдал пост и молился Будде, дабы очиститься, оказался как бы хуже тебя! Почему?

— А вот почему! — ответил живодер. — Говорят, что тот, кого вы имеете в виду, в своем стремлении разбогатеть умудрялся три фэня серебра превращать в цян, причем деньги, которые он делал, несколько не отличались от настоящих. Он так пристрастился к обману, что, заперев двери, занимался своими делишками денно и ночью. Потому его дом и сгорел дотла.

Соседи, услышав эти слова, как будто прозрели.

Есть древнее изречение: «Одним добрым поступком можно искупить вину за сотню дурных дел!»

Если слова эти справедливы, то одним дурным поступком можно перечеркнуть сотню добрых дел! Верно? Поэтому, вступая на праведный путь, непременно следует оглянуться назад. И не столько творящему добро, сколько совершавшему зло, дабы в будущем он мог творить добро. На свете, как известно, много дорог: на восток, на запад, на юг, на север. Следовать с востока на запад или с юга на север вовсе не означает оглянуться назад. Оглянуться назад — значит повернуться лицом совсем в другую сторону, сойти со старого пути и пойти по новому.

Историю, которую мы собираемся здесь рассказать, можно причислить к «вольным историям», и в ней речь пойдет о мошеннике, сумевшем в какой-то момент оглянуться назад и, как говорится, взойти на берег Истины, не в пример многим непутевым людям, встречающимся в нашей жизни, тем, кто, совершив ошибку, не способен раскаяться. Твердя о глубоких корнях своего проступка, они упорно идут по пути порока.

Во времена династии Мин, в годы Вечной Радости — Юнлэ — жил один удивительный мошенник. Никто не знал его настоящего имени и откуда он родом. Мало того, никто его даже не видел. Зато слава о нем шла, как говорится, со всех четырех сторон. Здесь он кого-то одурачил, там — обокрал. Только что рассказывали, будто он орудует где-то на юге, и вдруг оказывалось, что он давно уже промышляет на севере. На него жаловались властям, требовали немедленной его поимки и наказания, но улики против него не было и обыски в его доме ничего не давали. Как-то местные власти при очередном злодеянии мошенника велели его схватить, но и на сей раз улики не нашлось и пытаться его не было оснований.

Мошенник обладал редким даром перевоплощения. К примеру, одурачит кого-то сегодня, а завтра пострадавший его уже не узнает. Недаром прозвали мошенника духом-возмутителем. Наш спокойный мир он превратил в прибежище для скорбящих и трепещущих душ. Каждый жил одной лишь мыслью — как уберечься от злодеяний мошенника. Но чем больше его остерегались, тем сильнее донимал он людей. Три десятка лет творил он зло, и нельзя было найти на него управы. А потом вдруг по собственной воле обратился

к добру. Он осел в одном месте, явил свой настоящий облик, назвал свое имя и поведал, откуда он родом. С тех пор он больше не воровал, а в назидание другим, дабы предостеречь их от дурных поступков, изредка рассказывал о своей прежней жизни. Его охотно слушали, вспоминая забавные истории. Так и сохранились некоторые из них до нынешнего дня. Иначе вряд ли они дошли бы до составителей вольных историй.

Мошенник, о котором пойдет речь, был уроженцем Гаоянского уезда области Чжаоцин провинции Гуандун. Звали его Бэйси. Официального прозвания он, само собой, не имел, зато имел прозвище Бэй Цюйжун. Вам, конечно, не терпится узнать, что оно означает. Сейчас объясню. Отец нашего героя всю жизнь промышлял воровством и, заметим, весьма преуспел в этом занятии. Стоило ему где-нибудь появиться, как люди начинали шептать: «Берегись! Появился Бэйжун!» Представим себе иероглифы «бэй» и «жун», соединенные вместе. Получится иероглиф «цзэй», что значит «разбойник». Эта кличка стала как бы условным сигналом, предупреждением о появлении мошенника, а потом перешла к его сыну. Но сын решил, как говорится, сменить колею — перецеголять в воровском деле папашу. Он говорил так:

— Настоящий муж, если он хочет разбогатеть, должен чужие деньги добывать честно и справедливо. Идти не темным путем, а светлым. Вовсе не обязательно лезть в щель подобно псу или крысе, промышлять ночью, а днем отлеживаться.

Итак — не грабеж, а мошенничество. Ремесло то же, но оттенок другой. Вместо разбоя жульничество и обман, забавные каверзы и всевозможные проделки. Прослышав об этом, люди решили, что он достойный отпрыск своего рода, и дали ему другую кличку: Бэй Цюйжун — Без Разбоя. Правда, в этом прозвании крылась насмешка, поскольку «разбойный» смысл прозвища все равно оставался. Но все сходились на том, что его кличка куда любопытней отцовской.

Когда он был еще мальчишкой, родители так сказали ему:

— Помни, зарабатывать на жизнь мошенничеством не так-то просто. Тут, как говорится, надо иметь ум Суня и Пана, смелость Би и Юя, проникательность

Су и Чжана; действовать сообразно условиям быстро и ловко, как духи. Лишь тогда деньги потекут к тебе в руки! Один неверный шаг — и произойдет беда. Другое дело — наше семейное ремесло, мы им занимаемся чаще по ночам, втайне от людей. В общем, сынок, действуй, как мы, не выдумывай ничего нового. Таков наш наказ!

Но у сына был свой план, и он сказал:

— Небо одарило меня такими талантами, с которыми не сравнится никакая сила. Любой хитрец попадет в мою ловушку. Со мной шутки плохи!

— Что ж, давай я тебя испытаю! — промолвил отец. — Вот я стою сейчас наверху, ну-ка замани меня вниз. Сумеешь — значит, ты и в самом деле на что-то способен!

— Заманить вас вниз трудно, папаша. — Сын покачал головой. — Лучше я заманю вас наверх!

— Будь по-твоему! — согласился отец. — Я спущусь, а ты замани меня наверх! — Отец спустился вниз. — Ну, действуй!

— Так вы ведь уже внизу! — крикнул сын. — Вот я и обманул вас.

Рассказ об этом дошел до наших дней, и многие его слышали, а вот имя и фамилию узнали только сейчас.

Продолжим, однако, наше повествование. Родители высоко оценили ловкость своего отпрыска. Когда-нибудь он превзойдет предков и прославит их ремесло. И вот, выбрав благоприятный день, родители, как говорится, вывели сына за ворота и велели устроить какое-нибудь выгодное дело, самое незначительное. Главное, чтобы получилось, остальное не важно. Прошло три часа, сын привел двух носильщиков, которые принесли в изобилии вино и закуски — целый пиршественный стол с утварью на несколько человек: всевозможными кубками, бокалами и палочками для еды. Посуда вся изукрашена серебром, а то и золотом. Все это носильщики сложили во дворе, получили от юноши несколько фэней серебра и ушли. Родители глазам своим не поверили: откуда взялось такое великолепие?

— Нынешний день счастливый, я начал новое дело. Ничего особенного не сделал, просто действовал по-ловчее да говорил побойчее. В общем устроил нынче

застолье за чужой счет, а это не просто. Так что прошу к столу, сначала закусим, потом поговорим. Уверен, что вы с интересом выслушаете мой рассказ и вдоволь посмеетесь.

Родители, радостные, направились к столу, подняли чарки и приготовились слушать рассказ. От сына они узнали, что яства и вино принадлежали двум семьям, которые устроили по случаю помолвки застолье. Началось оно в доме невесты, после чего слугам велено было отнести угощение в дом жениха. Бэй Цюйжун в это время стоял в толпе зевак, пяливших глаза на артистов. Хитрец заметил, что возле стола, за которым сидели родственники, было несколько человек, не участвовавших в пиршестве. Он тут же смекнул, что после застолья носильщики в сопровождении слуги отнесут угощенья в другое место, и в его голове моментально созрел план.

Слуги, поглощенные театральным представлением, которое было в самом разгаре, ни на кого не обращали внимания. Потолкавшись среди челяди, Бэй Цюйжун узнал, что родственники обеих семей почти не знают друг друга, потому что раньше никогда не встречались. Стало ему также известно, что невеста в свою комнату еще не приходила. Выведав все, что надо, он под видом слуги жениха проник на женскую половину дома.

— Ты кто? — спросила его служанка.

— Тамошний слуга! — ответил мошенник и назвал фамилию. — Пришел на пир с нашим господином. Ваша невеста попросила меня сообщить старой госпоже об одном важном деле. Вот я и пробрался сюда тайком, чтобы никто не увидел. Проведи меня к ней!

Служанка поверила и проводила мошенника к старой госпоже.

— Невеста низко вам кланяется, госпожа, — промолвил мошенник. — Она велела передать, чтобы вы не беспокоились о ней понапрасну и берегли свое здоровье. Еще она велела сказать, что есть у нее одно дельце, не так чтобы очень важное, но и не пустое. А касается оно вашей семьи. Она послала меня вам о нем рассказать, чтобы потом вы над ней не потешались. Люди из семьи жениха до того обнаглели, что норовят стащить еду прямо со стола. Поскольку кушанья сейчас понесут к нам, челядины непременно

этим воспользуются и с каждого блюда утащат несколько кусков. Убыток, понятно, от этого небольшой, но их госпожа, увидев, что на столе чего-то недостает, может поднять нас на смех. Невеста просит, когда придет срок менять угощения, послать двух слуг с коробами. Пусть тайком от дворовых принесут кушанья к нам в дом, чтобы челядь ничего не успела стащить. Для этого понадобится всего двое носильщиков. Но чтобы их приняли без лишних разговоров, им надо дать вашу именную карточку.

Не заподозрив подвоха, старая госпожа сделала все, как ей сказал мошенник. Тайком от пирующих часть блюд отправили в дом жениха. Хитрец немного поболтал со старухой, повеселил ее шутками. Носильщики, решив, что этот слуга из семьи жениха парень весьма деловой, взвалили короба и направились к воротам. Но не прошли они и половины ли, как он их догнал и крикнул:

— Эй! Стойте! Старая госпожа сказала, что вы забыли еще одну корзину с закусками. Живей возвращайтесь в дом, а я здесь покараулю.

Носильщики, нимало не усомнившись в правдивости его слов, повернули обратно. Едва они скрылись из вида, мошенник нанял новых носильщиков, которые потащили яства к нему домой. Так никто и не узнал, куда делись короба с яствами. Это была первая его проделка, которую он совершил, выйдя, как говорится, из камышовой хижины на простор.

Родители на все лады расхваливали сынка, твердя, что даже духи с ним не могут сравниться. С этих пор чего только он не творил. Нынче одного обманет здесь, завтра другого — там. Выходя из дома, он никогда не заботился о деньгах, потому что никогда ни за что не платил. Он получал все даром. Молодой мошенник как Небесного владыку чтил старого мошенника — своего родителя, не разрешал ему заниматься воровским ремеслом и теперь своими ловкими руками один кормил семью из восьми человек. Заметьте, они не только не голодали, напротив, каждый день ели мясо и пили вино.

Прошло несколько лет, и Бэй Цюйжун прославился своей поразительной ловкостью, к нему приходили учиться. У него появились помощники, истинные мастера своего дела. За сотни ли не было человека, не

пострадавшего от их мошеннических проделок. Недаром на многих домах появились объявления: «Обращаемся к местным властям с просьбой содействовать поимке разбойников».

В областном городе перед ямынем стояла меняльная лавка, которую держал купец из Ханчжоу. Он был человек многоопытный, и за долгие годы никому не удалось его обмануть. Кто-то из соседей однажды сказал:

— В наших местах появился хитроумный мошенник. Его надо остерегаться! Хорошенько следи за вещами, которые тебе сдают в заклад. Не попадись на удочку!

— Провести меня мог бы лишь сян-небожитель, — ответил богач. — А этого пройдоху, пусть только встретится со мной, я мигом выведу на чистую воду. И тогда ему крышка!

Случилось так, что во время этого разговора поблизости находился один из подручных мошенника Бэя, который немедленно доложил главарю о хвастливых речах богача.

— Что же, придется с ним померяться силами! — бросил Бэй.

Как-то раз в лавку к торговцу вошел незнакомец. В руках он держал слиток золота весом больше десяти лянов, собираясь обменять его на серебро из расчета один к пяти. Внимательно осмотрев слиток и убедившись в его полноценности, хозяин тут же отмерил пятьдесят лянов серебра и выдал расписку. Вскоре появился еще один посетитель. Он принес для заклада несколько головных украшений. Торговец стал их рассматривать, тереть и скоблить. Посетитель улыбнулся.

— Любезный! Это простые безделушки, совсем не дорогие! Если и просчитаешься, убыток будет невелик. Присмотрись лучше к золотому слитку, который недавно принесли!

— Что его смотреть, — возразил хозяин. — Чистое золото — никакой подделки!

— Поддельное оно или нет, точно тебе не скажу, а вот человек, который его принес, мне известен. Пройдоха! Ничем путным в своей жизни ни разу не занимался!

Богач засомневался, достал слиток и принялся его снова разглядывать.

— Посмотри! Чистое золото! Тут и говорить нечего! — Он протянул слиток посетителю.

Тот подошел к окну, осмотрел слиток со всех сторон и сказал со смехом:

— Какое же это золото? Красная цена ему — восемь лянов! Покажи оценщику, услышишь, что он тебе скажет! У меня глаз наметанный!

Меняла стал торопливо скоблить слиток и скоро убедился, что он фальшивый. Под тонким слоем золота в восемь лянов весом, не больше, была простая медная болванка. Меняла в ярости готов был бежать за мошенником, но разве его найдешь!

— Мне известны его делишки, — сказал посетитель, — и от меня он не скроется! Я помогу тебе его разыскать, но за определенную мзду!

Меняла поблагодарил незнакомца, и они вместе отправились на поиски мошенника, прихватив с собой злополучный слиток. Вскоре они пришли к чайной, где мошенник со своими друзьями распивал чай.

— Вон он сидит! — сказал новый приятель менялы, указывая рукой на одного из посетителей. — Только смотри, их много, и одному тебе с ними не справиться! Если же они отнимут у тебя этот слиток, ты потеряешь единственную улику! Надо позвать кого-нибудь из местных властей! Ты крикни, они тотчас явятся!

— Верно! — согласился меняла, отдавая слиток незнакомцу. — Подержи пока, а я разыщу местных старейшин, пусть будут свидетелями!

Меняла вломился в чайную, недолго думая, схватил мошенника за шиворот и принялся звать на помощь. На шум собралась толпа. Что случилось? Лавочник все рассказал по порядку. Старейшины потребовали улики. Купец позвал своего нового приятеля, но тот не откликнулся. Лавочник бросился к выходу, однако нового его знакомца и след простыл.

— Я принес тебе чистое золото, а ты поклеп на меня возводишь! — заорал тот, что принес золото. — Какой-то мошенник обвел тебя вокруг пальца! И крыть тебе нечем, дубина! Расписка твоя у меня, к серебру я не прикасался. Так что верни мне мое золото! Я требую!

С этими словами владелец золотого слитка подтолкнул менялу к старейшинам: хочу, мол, с ним рассчитаться!

Старейшины сказали:

— Он оплошал, и его провели,— и обратились к меняле: — Придется тебе раскошелиться!

Купец чуть не лопнул от злости. Он даже говорить не мог, лишь тарашил глаза. Выхода не было. Он пошел в лавку и отмерил сто лянов самого лучшего серебра.

Вы спросите, как произошло мошенничество? А вот как. Бэй Цюйжун сделал два слитка: золотой и фальшивый. Золотой слиток принес в закладную лавку один из сообщников Бэя. Следом за ним появился сам Бэй с фальшивым слитком и стал нести всякий вздор, чтобы вызвать у купца сомнения. Купец, как мы знаем, вытацил золотой слиток, и в этот момент жулик сумел его подменить на фальшивый, после чего пообещал торговцу найти мошенника. То, что произошло дальше, не представляло для Бэя никакого труда, и ему не о чем было тревожиться. Все шло так, как он задумал. А теперь сами скажите: разве не был план Бэя весьма хитроумным?

Поначалу мошенник орудовал вблизи родных мест, где очень скоро прославился. Со временем стал он известен в восточной и западной области Юэ. А после смерти родителей вместе с дружкой подался в другие места. Ловкость его вызывала всеобщее удивление. Прodelки были одна другой хитроумней, о некоторых мы вам расскажем, конечно, не обо всех. Расскажем также о том, как мошенник вернулся на праведный путь. Но это в следующих главах, хотя впереди мы уже упоминали об этом.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Неправедное богатство доходит до предела, мошенник вызывает всеобщую ненависть; в нем пробуждаются добрые чувства, он раздает богатства

Итак, Бэй Цюйжун со своими подручными рыскал повсюду, промышляя мошенничеством и обманом. Но вскоре он понял, что добытое нечестным путем легко

уплывает из рук и человеком он никогда не станет. Оно и понятно. Бэй Цюйжун водил знакомство с именитыми певичками и любителями забав Луи Яна. Он подносил им дары в сотню лянов серебра, а уж десятков лянов, которые он тратил на ту или иную девицу, вообще не считал деньгами. Само собой, в заведениях «ветра и луны» он прослыл самым почтенным клиентом, но всякий раз появлялся там под разными именами, поэтому певички, с которыми он предавался любовным утехам, не могли, как ни старались, узнать, где он живет.

За несколько лет Бэй Цюйжун исколесил чуть ли не тринадцать провинций, не успел только побывать в двух столичных городах — на севере и на юге. Как-то ему пришла в голову мысль: «Столицу не назовешь государевым градом, если подле государевой колесницы не живет хитроумный муж, способный появляться и исчезать подобно нечистой силе. Надо бы туда съездить, чтобы, как говорится, поднять славу императорского двора. К тому же морочить простых смертных из Ста фамилий мне изрядно надоело. Пора браться за чиновников, их я что-то мало обманывал, видно, не оценил по достоинству. Правда, денег у них маловато, навар будет жидкий, но несколько серебряных слитков, я думаю, как-нибудь раздобуду. Итак, подобно Гуляке с лошадиной таблицей я отправлюсь в столицу, попытаюсь, как в подобных случаях говорят, обновить взор и слух столичных жителей».

Бэй Цюйжун сложил пожитки, нанял большую лодку, поплыл в Яньду, а оттуда — в Байся. В лодку к нему попросился продавец письменных кистей из Ханчжоу. На спине у торговца болталась пустая сума. Поняв, что с этого бедолаги много не возьмешь, подручные Бэя ему отказали. Однако Бэй возразил:

— Даже рубище нищего может пригодиться, когда скрываешься от опасности! — сказал он. — Вы что, забыли поговорку: «И у бедняка найдется что взять; и бросовая вещь может пригодиться». Вот и давайте возьмем его с собой. Какую-нибудь выгоду извлечем, пусть самую маленькую.

Бэй пригласил незнакомца в каюту, угостил редкими яствами и хорошим вином. На вопрос незнакомца, по какому делу Бэй едет в столицу и где остановится, Бэй наплел ему историю о своем отце — вельможе.

— Остановлюсь я, понятно, в его управе! Нет, нет, не за городом, а в лодке!

— Так вы его сын! — воскликнул торговец. — А ведь ваш батюшка, должен заметить, мой главный заказчик! С каких пор покупает у меня кисти. Непременно к нему загляну, возможно, там и увидимся!

— Превосходно! — вскричал Бэй. — Я полагаю, не только мой отец ваш покупатель, но и многие вельможи из Академии ханьлиней, а также чиновники разных ведомств и ямыней. В столице, наверное, большой спрос на ваш драгоценный товар. Не так ли?

— Само собой, — ответил торговец.

— Кто же все-таки ваши заказчики? Расскажите мне о них, хотя бы вкратце.

Продавец вытащил из сумы книжицу с именами клиентов и счетами. Все было записано четко и аккуратно, оставалось лишь разослать товар.

Бэй Цюйжун хорошенько запомнил то, что ему сказал продавец, и дня через два его спросил:

— Как вы собираетесь оплатить расходы на путешествие? До столицы путь не близкий, и надо изрядно потратиться. Напрасно вы не прихватили с собой хоть несколько ящиков товара.

— Сейчас с деньгами у меня туговато и сделать много кистей я не могу.

— Жаль, что мы так поздно встретились! — сказал Бэй. — Дома у меня полным-полно денег. Я непременно одолжил бы вам несколько сотен лянов. Сделали бы побольше товара, привезли бы в столицу и продали, а потом рассчитались бы со мной. Проще простого!

Эти слова запали торговцу в голову. Всю ночь не давала покоя мысль о барышах, и утром, едва поднявшись с постели, он обратился к Бэю:

— Вы дали мне вчера весьма дельный совет. Если ваша доброта столь велика, соблаговолите написать мне рекомендательное письмо к вашим родным. Мы отъехали от ваших мест совсем недалеко. Я мог бы вернуться и взять у ваших родных деньги. С таким капиталом можно изготовить множество самых лучших кистей — несколько ящиков. Потом привезти товар в столицу и продать. А товар, который сейчас при мне, я отдам вам. Будет весьма кстати, если столь почтенный человек, как вы, передаст кисти по назначению. А по приезде в столицу я соберу по счетам день-

ги. Что вы скажете по поводу моего предложения, сударь?

Нетрудно понять, что торговец попался на удочку. Бэй с радостью согласился. Он тут же настроил письмо, в коем наказывал несуществующему управляющему выдать подателю письма столько-то слитков для покупки товара. В конце послания была приписка, в которой говорилось, что следует выполнить поручение немедленно и точно. Продавец не знал, как и благодарить, взял письмо и сошел на берег.

Приехав в столицу, мошенник тотчас переоделся в платье торгового мужа и отправился разносить товар по списку, который ему вручил торговец. В каждом доме он говорил примерно одно и то же:

— Мастеру кистей я довожусь младшим братом по жениной линии. Из-за болезни он не смог поехать и послал меня, зная, что господам очень нужны кисти. Цена прежняя. Если вас она устраивает, можете заплатить мне — деньги пойдут на его лечение. Если не устраивает — будете договариваться с ним, когда он приедет. И еще есть у меня к вам просьба, господа. В последние годы торговля у нас идет неважно. В одном Пекине не прокормишься, приходится ездить в другие места, скажем, в Нанкин. По дороге с севера на юг, возможно, проживают ваши родственники или друзья по экзаменам, а также ученики. Не смогли бы вы дать к ним рекомендательные письма? Вы ведь понимаете, торговля кистями — дело тонкое, и в нем все должно идти гладко. Надеюсь, господа, вы явите свое благорасположение и не откажете в моей просьбе.

«Дело говорит!» — думали чиновники и вместе с рекомендательными письмами давали иногда еще и деньги. Письма были предлогом для знакомства и беседы, после чего следовал важный разговор о кистях. При этом Бэй не слишком беспокоило, купят у него эти господа кисти или не купят. Как гласит поговорка: «В истории о Хмельном старце главное — совсем не вино». Гораздо важнее было узнать титулы и звания, указанные в карточках и в письмах, чтобы в случае необходимости самому состряпать рекомендательное письмо, подделать почерк и печать. Сделать это не составляло никакого труда.

Он отъехал от столицы всего на несколько десятков ли и стал вести совершенно новую жизнь — жизнь

путешественника, который не оставляет без внимания ни единого места и при этом везде старается извлечь для себя известную выгоду. Поскольку рекомендации были написаны четко и грамотно и, помимо общепринятых слов, в них встречались и весьма сокровенные, люди верили пройдохе и относились к нему с уважением. Бывало, что ему передавали забытую хозяином дома вещь или деньги либо подарки, которые хозяин собирался вручить тому или иному вельможе. Словом, деньги к мошеннику плыли самыми разными путями, и нигде он не упускал возможности хоть чем-то пользоваться.

Как-то раз заметил он на реке скопление лодок. На каждой висело объявление, написанное крупными иероглифами: «Служащие ямыня такой-то управы встречают такого-то господина, который скоро прибудет на новую должность». Мошенник тотчас отправился в укромное место, находящееся поблизости, и принялся мастерить печатные доски. Смастерив, напечатал на множестве бумажных полос имя и титул чиновника. Часть полос прикрепил к борту большого судна, которое нанял специально, часть прикрепил к сундукам и коробам, в которых обычно перевозили дары. Парус взметнулся вверх, и лодка направилась к месту встречи. Чиновники окрестных ямыней пришли на судно засвидетельствовать свое почтение высокому гостю. Мошенник принимал их согласно положению и чину и охотно брал подношения. Бумаги, которые ему вручали, он, как положено, вскрывал, ставил на них печать и дату. Деньги тоже брал с великой охотой. Через день-два он вызвал нескольких мелких чиновников к себе в каюту и сказал:

— Мой господин поручил мне поговорить с вами по одному щекотливому делу. Отнесите к нему со вниманием и постарайтесь выполнить все, что я вам скажу!

— Слушаемся и повинуемся! — Чиновники рухнули на колени.

— Покидая столицу, мой господин занял крупную сумму денег, которую обещал вернуть не позднее чем через три дня после того, как займет новую должность. Но поймите, сразу собрать столько денег он не может. Кредитор едет с ним вместе и ни на шаг от него не отходит. Боюсь, как бы он не устроил хозяину

неприятностей, когда тот придет на место. Надо отправить этого негодяя обратно, и я придумал, как это сделать. Вы соберете нужную сумму, отдадите мне, а об остальном я позабочусь. Как говорят: «Одному сделать дело трудно, всем вместе — легко». Как только приедем на место, так тотчас вернем долг сполна!

Желая угодить вельможе, чиновники обещали все выполнить, после чего каждый из них помчался к себе в управу, а дня через три они вновь появились с деньгами, которые собрали всякими правдами и неправдами, стараясь при этом перещеголять друг друга. Ночью, когда все кругом стихло, Бэй сложил серебро в сундучок, опустил его в воду, а сам тихонечко сошел на берег и скрылся. Через день-другой лодки с чиновниками уплыли прочь, и тогда мошенник и его дружки вытащили из воды сундучок с деньгами. Славное дельце они обстряпали!

Приехав в Нанкин, мошенник подсчитал барыши. Оказалось, что он урвал несколько десятков тысяч монет. Прохода встревожился: «Когда денег больше, чем нужно, может случиться беда! Надо избавиться хотя бы от части богатства. Использовать его для добрых дел и хоть немного искупить свою вину. Может быть, малая толика моих богатств достанется одному из тех, кого я некогда обманул. Глядишь, мне еще повезет, хотя я и так жил всегда припеваючи. Все это верно, только не следует забывать поговорку: «Десять лет везло, а на одиннадцатый заболеешь». Моя звезда рано или поздно должна закатиться. Наступит срок, и мне не придется больше ни воровать, ни мошенничать. А вступить на праведный путь будет поздно».

И вот, поразмыслив о своей жизни, мошенник решил бросить свое ремесло, переезжал из города в город, бродил по улицам, нередко попадая в передраги из-за своих проказ и плутней.

Однажды ранним утром он вышел прогуляться после трапезы и вдруг наткнулся на нескольких здоровенных парней. Их было человек пять, не меньше.

— Долго мы тебя искали, голубчик! Откуда явился? — Его окружили со всех сторон. — Теперь тебе крышка! Попался — не выпустим! Уж мы о тебе позаботимся!

Его схватили и потащили. Бэй попытался узнать, куда его тащат.

— Сам поймешь, когда встретишь одного человека, которого в свое время обидел! — ответили парни, не сказав больше ни слова.

Бэй не на шутку перепугался. «Уж не стражники ли это? — подумал он. — Наверняка в суд меня волюют. Придется, видно, ответ держать за старые грехи. За последнее время я, правда, ничего не сделал дурного. Напротив, намерения у меня были самые лучшие». Пока он гадал, парни подвели его к какому-то зданию, втолкнули в пустую комнату, а сами пошли за хозяином, который якобы собирался свести с мошенником счеты. Бэй остался один. «Как же их одурачить? Как улизнуть?» — ломал он себе голову.

Громыкнул засов, и в комнате появились какие-то люди. Бэй присмотрелся. Что за чудо! Ведь это не враги, а друзья, среди них сестрички-певички, с которыми он славно проводил время. Они съехались из разных мест в Нанкин и сейчас жили в увеселительных заведениях. Певички частенько вспоминали своего благодетеля, и каждая наказала своему слуге — «черноголовому» — найти непременно Бэя и привести. Вот и получилось, что несколько дюжих парней скрутили Бэй Цюйжуна и доставили по назначению. Окажись здесь на месте красоток люди, некогда обманутые Бэем, они наверняка свели бы с ним счеты, потребовали денег, а может быть, и жизнь. Но вместо врагов оказались друзья. Девицы стояли в дверях, весело улыбаясь, но вдруг отпрянули назад, на их лицах отразились растерянность и страх. Сбившись в кучки, они тихо переговаривались меж собой. Вид их не предвещал ничего доброго. А дело было в том, что Бэй всегда носил при себе краску, способную вмиг изменить облик человека. Когда Бэя затолкали в пустую комнату, он понял, что ему несдобровать, и быстро намазал лицо краской, как это обычно делают лицедеи, исполняющие роль шута или воина. Все у него осталось прежнее, только лицо изменилось до неузнаваемости. Неудивительно, что певички, едва глянув на него, пришли в замешательство. Одни еще находили в нем какое-то сходство с прежним Бэем, другие — никакого.

— У того не было шрама, а у этого шрам.

— А под бровью — родинка, как черная звездочка,

— У того была кожа нежная, словно у младенца, а у этого — лицо грубое, даже смотреть неприятно.

Они шептались друг с другом, теряясь в догадках. А Бэй в это время думал о своем. «Как отличается мое ремесло от любого другого, к примеру, от торгового. Купцы, как известно, не стремятся к новым знакомствам. Я же только на них и держусь, а старых знакомств боюсь пуще огня. Взять хоть этих сестричек-певичек. Все они хорошо меня знают и, конечно, повсюду раструбят о встрече со мной. Спору нет, лучше встречаться с ними, чем с жертвами моих прошлых проделок, однако из нынешней встречи тоже ничего путного не получится!»

— С какой стати меня сюда затащили? — заорал Бэй. — Куда делись парни, которые схватили меня?

— Извините! У нас когда-то был друг, очень похожий на вас, — промолвила одна из певичек. — Мы не видели его много лет, но всегда вспоминали. А потом приказали слугам найти его и привести сюда. Вот они вас и схватили, приняв за того, кого мы ищем. Мы увидели вас и растерялись. Даже страшно к вам подойти!

— За что же это вы его вспоминали? — поинтересовался Бэй.

— Уж очень он был обходительный, очень щедрый! Сколько подарков нам подарил! Нынче кому-то из нас на глаза попалась одна вещица, и мы о нем снова вспомнили... Никак не можем его позабыть!

Одна девушка, очень молоденькая, вдруг расплакалась и, закрыв лицо руками, выбежала из комнаты — зачем изливать свои чувства постороннему человеку? Но согласитесь — искренние слезы у певички — вещь поистине удивительная. По этому поводу сложены такие стихи:

Давно повелось, что певички плачут,
Когда им подарков мало дают, —
Вроде бы нечего так убиваться,
Они же горькие слезы льют!
А вот Су Нян втихомолку рыдала,
Когда вспоминала о муже своем:
Из самого сердца — источника

чистого —

Слезы ее струились ручьем.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Герой явил свой чудесный дар, и в иероглифе прибавилась одна черта; герой показал удивительное мастерство, и появилась обитель в два этажа высотой

Бэй Цюйжун, разумеется, не помнил всех певичек, с которыми когда-то знался. Их было целое войско! Но лица девиц, с которыми он сейчас беседовал, показались ему знакомыми. Его очень удивила та, что расплакалась и выбежала из комнаты, он спросил ее имя, откуда она родом и как стала певичкой. Вот что ему рассказали. Девушку звали Су Инъян, жила она когда-то в Сучжоу, но под другим именем, и имела небольшой дом, в котором принимала гостей. Занималась она своим ремеслом не по собственной воле — ее принуждал муж-мошенник. Он промотал все деньги и совсем опустился. Так случилось, что первым гостем певички стал Бэй Цюйжун. Она, надо заметить, не походила на потаскушку, держалась скромно, даже застенчиво. На вопрос Бэя, почему она стала продажной, она ответила, что нужда заставила. Бэй провел с нею одну ночь, а одарил, как говорится, по-царски — дал несколько сотен лянов, но велел запереть дверь и не пускать больше чужих мужчин. Однако месяца через два муж ее снова проигрался и тогда отправил жену в заведение. Женщина плакала, умоляла отпустить ее, все тщетно. И вот, узнав о появлении Бэя, она очень обрадовалась, прибежала взволнованная и счастливая, но скоро поняла, что ошиблась, хотя в облике незнакомца было что-то общее с Бэй Цюйжуном. Она так расстроилась, что не могла сдержать слез и выбежала из комнаты.

История Су Инъян опечалила Бэй Цюйжуна, и он решил навестить бедняжку. Мило поболтав с певичками, он наконец от них избавился и пошел к своей старой знакомой, захватив множество подарков. Женщина, увидев его, залилась слезами. Бэй, прикинувшись удивленным, спросил о причине слез. Женщина поведала ему свою историю и заплакала навзрыд. Кажется, она была безутешна.

— Почему ты хочешь видеть именно его? Почему не желаешь рассказать о своих бедах мне? Неужели

на всем белом свете только он один способен на добрые дела?

— Я мечтаю о встрече с ним по двум причинам. Он дал мне тогда много денег, а провел со мной всего одну ночь. И мне так хочется ему услужить, приласкать его. К тому же он человек благородный и, возможно, помог бы мне вырваться из заведения «дымных цветов» и снова стать порядочной женщиной. Вот почему я часто вспоминаю его, никак не могу забыть!

— Ласки, которыми ты собираешься его отблагодарить, сейчас вряд ли уместны! А что касается выкупа — это дело простое. Есть у меня кое-какие сбережения, и я мог бы тебе помочь. Только помни. Я человек свободный: сегодня здесь, завтра — там. Постоянного пристанища у меня нет, поэтому ни жёну, ни наложницу я взять себе не могу. Так что придется тебе вернуться к мужу. Помнишь, что некогда сделал ловкач Куньлунь?

— Если я вернусь к мужу, на меня обрушатся новые беды и я снова окажусь в яме. Нет, лучше я с вами останусь. Или отправьте меня в какой-нибудь скит, где я приму монашеский постриг и буду служить Трем драгоценностям Будды. Это самое лучшее!

— Если твое намерение искренне и ты хочешь выбраться из суетного потока жизни, направившись к берегу Истины, я тебе помогу. Сегодня ты продажная женщина, завтра обратишься к добру, а спустя какое-то время примешь монашеский постриг. Я дам тебе денег на еду и одежду, на благовонные свечи. А если понадобится, на постройку залы в честь будды Жулая и кумирни, куда ты удалишься от мира. Может быть, ты воздвигнешь врата в честь стражей Закона Цзиньганов или святилище Восемнадцати архатов, творящих святое созерцание... Но чтобы стать настоящей монахиней, ты должна неукоснительно блюсти все монашеские установления, навсегда отрешившись от нашего суетного мира, и постоянно творить добро, еще истовее, чем сейчас. И тогда твои усилия не пропадут даром, и ты обретешь спасение. Способна ли ты пройти через подобные испытания?

— Если вы сделаете все так, как сказали, я дам клятву: пусть на меня обрушатся великие беды и я погибну, пусть заточат меня в самый дальний угол ада, если я перестану творить добро или, приняв

монашеский постриг, обращу свои помыслы к мирской жизни!

Произнеся эти слова, женщина неожиданно пошла к выходу. Бэй подумал, что она направилась по каким-то своим делам, однако время шло, а она все не возвращалась. Затем она появилась, но в совершенно ином облике. Это уже была не красавица певичка, а святая инокиня. Ее густые черные словно туча волосы были коротко острижены, на алых щечках, источавших аромат персика, появилось несколько глубоких надрезов ножом. Было ясно, что к прежней жизни она никогда не вернется. Как говорится: «Ладьи сожжены — назад пути нет».

Бэй Цюйжун смотрел на нее с изумлением, даже со страхом. Он собрался было ей что-то сказать, как вдруг раздались громкие крики и в комнату ворвалась хозяйка заведения вместе с вышибалой-угуем.

— Решил ее окрутить? Обманом увести в монастырь? Хочешь отнять у меня заработок, лишить нас пропитания?

Оба вцепились в Бэя, готовые его вздуть.

— Бросьте, любезные! Ваши разговоры о пропитании сводятся к одному — урвать куш побольше, — сказал Бэй. — Богатство, которым я владею, вам и не снилось. Скажу вам без хвастовства, какую бы сумму вы ни назвали, я дам. Хоть сотню, хоть тысячу. А вот доносить на меня не советую, если жизнь дорога, бесполезно. Поняли? Так что сделайте доброе дело, отпустите ее на все четыре стороны, а я перед вами в долгу не останусь. Так будет по справедливости!

И вот Бэй, не торгуясь, заплатил требуемую сумму, в которую якобы вошли деньги, заплаченные за женщину и израсходованные во время ее пребывания в заведении, и увел Су Инъян к себе. Ночь они провели порознь, одолеваемые чувством некоторого стеснения. Как говорится, «со свечою в руках дожидались рассвета».

На следующий день Бэй отправился к посреднику и велел ему подыскать строение, которое годилось бы для молельни.

— Дом должен иметь два двора, чтобы каждый из обитателей жил на своей половине. За расходами я не постою. Покупай, сколько бы ни стоило!

Дней через пять посредник пришел и сказал:

— Неподалеку отсюда живет чиновник, у которого есть усадьба с двумя соединенными вместе садами. Там очень красивые беседки и павильоны. Земли много, и можно построить молельню. Чиновник просит пять тысяч золотых, ни на лян меньше, причем наличными.

Бэй Цюйжун пошел посмотреть. Все оказалось так, как говорил посредник: и сад, и беседки, и павильоны. Бэй выложил деньги, и сделка совершилась. В правой части усадьбы построили молельню с изваянием Будды. В ней поселилась Су Инъян, которая прозывалась теперь Цзинлянь, Чистый Лотос, поскольку занялась самоусовершенствованием. Словно цветок лотоса, поднявшийся из ила или грязи чистым, она вырвалась из «зеленой башни». В этом и заключался смысл ее монашеского прозвания. Слева от молельни — сад, где можно погулять и отдохнуть. В уединенной части сада высились три башни, окруженные оградой. Здесь Бэй спрятал награбленные некогда богатства. Вход в одну из башен украшала довольно ветхая доска с надписью «Башня Возвращения и остановки». Усадьба, как мы уже знаем, принадлежала чиновнику, который, освободившись от служебной печати, навсегда вернулся в родные края. В день, о котором пойдет речь, произошло чудо, вызванное, по всей видимости, награбленными богатствами. В иероглифе «остановка» непостижимым образом появилась еще одна черточка, и надпись приобрела другой смысл: «Башня Возвращения к истине».

Еще в первый свой приход Бэй заметил надпись на доске и хорошо ее запомнил. И вот в день переезда надпись неожиданно изменилась. В иероглифе добавилась одна-единственная черточка, и смысл стал совсем иной.

«Понятие «истина», как известно, противоположно понятию «лжи». Не преодолев лжи, нельзя вернуться на путь Истины! — сказал себе Бэй. — Очевидно, в этом чуде проявились тайные замыслы духов. Они заметили совершенное мною доброе дело и дали понять, что я должен сейчас оглянуться назад, отринуть все ложное и обратиться к истине. Вот поэтому и появилась эта черточка в иероглифе!»

Внимательно взглядевшись в надпись, Бэй Цюйжун вдруг обнаружил, что эта черточка чем-то отличается от остальных, она как будто немного приподнята, в то время как остальные опущены вниз. И цвет у нее был какой-то другой — черный с зеленоватым отливом. Бэй приставил к стене лестницу, чтобы получше рассмотреть. Оказалось, что черточка слеплена из влажной глины, которую натаскали в клювах ласточки. Птицы собирались свить здесь гнездо.

«Говорят, что животные и птицы не наделены разумом. Почему же тогда они слепили эту черточку в иероглифе? — удивился Бэй. — Нет, здесь не обошлось без вмешательства духов Неба и Земли».

Теперь Бэй окончательно бросил свое ремесло и, подобно Су Инъян, отринул мирскую суету.

Все, что он делал, простым смертным казалось непостижимым, словно деяния духов. Вот почему Бэй начал с того, что было ему близко. Говорят: «Трудно сделаться Буддой, легче стать небожителем». Бэй устроил в доме, стоявшем слева, даосскую обитель и, подобно Су Инъян — Чистому Лотосу, обратился к достойным деяниям. Но воистину будды и небожители шествуют по одной стезе. Бэй взял себе даосское имя «Гуйчжэн» — «Возвращение к истине», которым его нарекли сами духи, и теперь старался отвлечь свою душу от греховных и дурных помыслов.

Однажды, беседуя с Су Инъян, он сказал:

— Уж если мы сделали из нашего дома святилище, для полного порядка надо бы воздвигнуть двухэтажную залу, дабы поклоняться Трем Драгоценностям и Трем Чистейшим. Сейчас на твоей половине отведено место лишь для богини Гуаньинь и святых архатов. А где же помещение для будды Жулая и Сакьямуни? Особенно тесно и убого на моей половине. Оно и понятно, ведь моя молельня строилась наспех и без должного усердия.

— Для постройки большой залы понадобятся тысячи лянов. Где их взять? Вы, как и я, «ушли из семьи», то есть перестали зарабатывать деньги. Возможно, у вас остались сбережения. Но их пока лучше не трогать. Могут понадобиться в крайних обстоятельствах!

Все, что делал Бэй, простым смертным казалось непостижимым. И он ответил женщине:

— О деньгах не беспокойся! Есть у меня тайный способ, как заставить людей с охотой пожертвовать деньги на устройство залы. При этом мне самому тратиться не придется. Пусть убедятся еще раз, на что я способен!

— Вы ведь еще не успели овладеть до конца учением небожителя. Откуда же вам известны какие-то тайные способы? С какой стати будут люди выкладывать деньги, да еще с охотой, как вы говорите?!

— Тебе этого не понять! Кстати, я скоро уеду, хочу перезахоронить прах родителей. Вернусь через год и ручаюсь, что к тому времени зала будет готова. И все там будет на месте: Три Драгоценности Будды и изображения Трех Чистейших. Сам же я вернусь с пустыми руками, как истый кудесник, свершивший волшебство!

Женщина выслушала и решила, что все это одно хвастовство.

Через несколько дней Бэй сказал, что один из семнадцати архатов сделан не так, как надо, и он собирается позвать мастера-ваятеля, чтобы сделал новую статую, лишь тогда он сможет спокойно уехать. Су Инъян попыталась уговорить его оставить все как есть, но Бэй настоял на своем и уехал лишь после того, как мастер соорудил новую статую.

Вместе с Бэем отбыли и его подручные, кроме одного, самого дельного парня, которого Бэй оставил сторожить молельню.

Прошло примерно полгода. Все это время Су Инъян жила в одиночестве. Однажды в ее дом пожаловал незнакомый чиновник, а вслед за ним появился богатый купец. Приехали вместе, будто сговорились. Оба собирались совершить добрые деяния. Чиновник (он назвался уроженцем Хугуана) пожертвовал на строительство молельни Трех Чистейших целых две тысячи монет золотом. Купец из провинции Шаньси — столько же для сооружения залы Трех Драгоценностей Будды. Откуда они узнали об этом строительстве? Почему оказались столь щедрыми? Все станет ясно из следующей главы, где мы расскажем о хитроумном плане, который придумал Бэй Цюйжун.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Небо ниспосылает счастливый случай, и мошенник снова добивается успеха; даритель совершает благое дело и попадает в ловушку

Визит чиновника и купца очень удивил женщину. Она спросила гостей, что побудило их так расщедриться, почему из столь отдаленных мест они приехали в один день, причем не сговариваясь. Видно, тут кроется какая-то тайна.

— Со мной и в самом деле приключилась история необыкновенная, — стал рассказывать чиновник. — Вы даже не поверите... Дело в том, что я истинный почитатель бессмертных-сяней и преклоняюсь перед их искусством продления жизни. Не знаю отчего, возможно благодаря добрым помыслам или искренним чувствам, но Небо однажды ниспослало мне духа, который сказал, что в таком-то месте строится даосская обитель, довольно большая, но пока выстроили лишь один этаж главной залы. Хозяин обители — небожитель, который на время спустился в наш бренный мир, но скоро опять отправится на небеса. «Если хочешь самосовершенствоваться, — сказал мне дух, — поезжай в то место и сотвори там доброе дело. Тогда, возможно, небожители и продлят твою жизнь». Я с почтением выслушал духа, а потом попросил назначить месяц и день, в который надобно начать и кончить строительство. Дух назначил месяц и день и еще сказал, что как только строительство закончится, вернется сам хозяин. Моя встреча с бессмертным наверняка предрешена заранее, и я верю в то, что в своем совершенствовании достигну успеха. Вот почему я и приехал точно в срок, назначенный мне духом.

Купец, прибывший в тот же день, встретился с чиновником случайно и не очень поверил его рассказу.

— Бессмертных и духов в природе не существует. Я поверю вам только тогда, когда вы представите доказательство, — промолвил он. — Может, это был не дух, спустившийся с небес, а служитель местного храма, который наговорил вам всю эту чепуху с одной лишь целью — выудить у вас деньги на храм. Почему бы и нет?

— Я тоже не поверил бы ему, не получив доказательств. Но все, что я увидел и услышал от него, столь

необычно и непостижимо, что нет сомнений в его чудесном даре. Это мог сделать только бессмертный, никто другой!

— Объясните подробнее!

— Извольте! Когда он пожаловал в первый раз и заявил дворовым, что он бессмертный, спустившийся с небес, мой слуга не поверил и сказал, что докладывать хозяину не станет. Тогда гость подошел к главным воротам и начертал на них такие знаки: «Кланяется Муж, вернувшийся на путь». Перед уходом он сказал слуге: «Я старый знакомый твоего хозяина. Как только он увидит мою гостевую карточку, сразу же меня вспомнит. В общем, завтра я приду сюда в то же самое время. Ты можешь, конечно, обо мне не докладывать, но твой хозяин сам выйдет ко мне навстречу. Поэтому не стоит грубить мне, любезный!»

Как только он ушел, слуга налил в таз горячей воды и принялся смывать надпись. Но как он ни старался, надписи смыть не смог. Он доложил об этом мне. Я не поверил и пошел к воротам посмотреть. Надпись действительно не смывалась. Тогда я позвал плотника и велел ему счистить надпись рубанком. И что бы вы думали? Он счищал слой за слоем, обстругал все ворота, а надпись так и осталась. Я подумал: а что, если этот Муж, вернувшийся на путь, святой Люй Чуньян, взявший себе другое имя? И тогда я сказал слуге: «Если он завтра придет снова, не гони его, я хочу его видеть!» Когда на второй день незнакомец вновь появился, я вышел ему навстречу. За спиной у него торчал меч, с виду очень острый, лезвие так и сверкало на солнце. У пояса висела небольшая тыква-горлянка, величиной чуть больше трех цуней, в окружности — больше цуня. Я пригласил гостя в дом и сказал ему: «Вы хотя и небожитель, но меч уберите, иначе я не смогу оказать вам достойный прием и спокойно побеседовать с вами. Гость с оружием напоминает воина-мстителя, который пришел свести счеты с хозяином дома!» Он не спеша взял меч и положил его... Нет, не на стол, и слуге его не отдал. Он очень осторожно засунул его в маленькую тыкву. И что бы вы думали? Через несколько мгновений клинок Лунцюань, длиною в три чи, вдруг исчез. Из горлышка тыквы-горлянки торчала одна рукоятка, будто пробка в бутылке. Вот и судите. Мог я не поверить собствен-

ным глазам? К тому же я понял из разговора, что к корысти он не стремится. Денег у меня он не взял, сказав, что свою лепту я должен внести от чистого сердца, если хочу со всей искренностью услужить Трем Чистейшим. В общем, вел он себя вполне достойно, и я просто не посмел ему не поверить.

Когда чиновник умолк, женщина обратилась к купцу:

— А вы почему приехали, сударь? У вас тоже были какие-то веские причины?

— Пожалуй, нет... Случилось так, что настоятель одного храма пришел к нам в село собирать подаяние. Сел он возле моих ворот и застыл в молитвенном созерцании. Весь день просидел, не проронив ни единого слова. Перед ним лежала белая доска с надписью: «Собираем пожертвования на большую молитвенную залу из трех притворов, но не хотим обременять просьбой своей благодетелей. Пожертвованные деньги просим привезти по месту назначения и передать из рук в руки. Следом за добрым делом, совершенным у всех на глазах, незамедлительно последует воздаяние». Монах сидел, не двигаясь, с каменным выражением лица. По всей видимости, он был последователем учения Чань. Прошло довольно много времени, прежде чем я решился у него спросить, где находится обитель — Гора Драгоценностей. Он мне ответил. Человек я не бедный, бездетный, а потому охотно совершаю благодеяния. Вижу, монах денег не клянчит, а смиренно просит пожертвовать на строительство молельни. Это, подумал я, и есть то достойное деяние, которое свершается у всех на глазах. Я расписался в книге пожертвований, после чего монах удалился, на прощанье сказав, когда надо начать строительство, а когда его кончить. Срок в точности совпадает с тем, что сейчас назвал господин чиновник. Не иначе, монах и тот небожитель заранее договорились. Но узнать об этом можно лишь у них самих!

— В моей обители нет монахов, собирающих подаяние в других местах,— проговорила женщина.— Вы, благодетель, наверное, ошиблись, скорее всего, тот монах имел в виду иную обитель. Другое дело господин чиновник. Небожитель, его посетивший, велел ему прийти сюда и совершить благодеяние. Эту помощь я принимаю с охотой и благодарностью. Что до

ваших даров, мой благодетель, то взять их я не осмеюсь. Судите сами, если монахиня надумала построить молельню, она не станет просить кого-то собирать пожертвования, а сделает это сама. У чистых Врат Закона все должно быть честно и справедливо. Так что отдайте деньги в другое место, принять ваш благородный дар я не могу.

На лице гостя отразилось недоумение.

— Тут нет никакой ошибки,— промолвил купец.— Монах указал мне именно вашу обитель. Почему же вы не хотите принять мой дар? — И он обратился за поддержкой к чиновнику.

— Желание творить добро пресекать нельзя! — промолвил чиновник.— Не важно, кто приходил к вам за пожертвованием, главное, что вы сами сюда пожаловали как даритель, явив тем самым свою высокую добродетель!

Купцу пришлось по нраву слова, сказанные чиновником. Оба гостя заночевали в обители, а утром пошли осматривать место для будущей молельни и завели разговор о строительных материалах. Рассказывая по двору, они вдруг набрали на статуи архатов, и одна из них вызвала у гостей изумление и трепет. У купца даже волосы зашевелились от страха.

— «Смертные, не суетитесь, обратите взор свой на божественный меч длиною в три чи!» — прошептал он, повторяя слова заклинания.

Вам, конечно, интересно узнать, как выглядел святой архат и почему он привел гостей в такое изумление. Оказалось, что среди восемнадцати архатов, находившихся здесь, один святой в точности походил на монаха, собиравшего деньги на храм. Купец еще издали заметил это поразительное сходство. Он приблизился к изваянию, оглядел его со всех сторон. Все в точности как у того монаха. Даже книга пожертвований, торчавшая у него из-за пазухи, только вылеплена она из глины и к ней прикреплена красная полоска бумаги с какой-то надписью. Но что самое удивительное, надпись была сделана его собственной рукой. Любезный читатель, тебе, надеюсь, понятно, как изумился и в то же время испугался купец. Все сомнения разом рассеялись.

— Теперь я уверен, что он небожитель, а может быть, даже будда,— промолвил он, обращаясь к

чиновнику.— Какое счастье, что мы с ним встретились! Теперь и меня, и вас ждет доброе воздаяние в будущем! Надо непременно построить молельню!

Итак, в назначенный день под неусыпным наблюдением чиновника и купца начались строительные работы, которые не прекращались ни днем, ни ночью и были закончены точно в срок. Изваяния святых заняли свои места в зале.

В день окончания работ в усадьбе появился странник, обликом схожий с небожителем. Купец спросил у Су Инъян, кто этот человек.

— Это хозяин нашей обители,— отвечала женщина.— Его даосское прозвание — Гуйчжэн, что значит Вернувшийся к Истине. Он уезжал в родные места захоронить прах своих родителей, а сейчас вернулся, дабы встать на путь просветления и совершенствования.

Чиновник низко склонился перед даосом, словно перед святым, и завел с ним весьма церемонный разговор. Он попросил Гуйчжэна принять его к себе в ученики и дать ему святое прозвание, дабы он мог сохранить его и вернувшись в родные края. Гуйчжэн сделал это с большой охотой. Купец получил святое прозвание от монахини, поскольку почитал ее как живого Будду, однако новым именем называть себя не стал, оставив его для своего будущего отпрыска, которого ему непременно ниспошлет Небо. Чадо, родившееся возле Лotosового трона, должно обрести счастье и долголетие. После церемонии наречения была устроена трапеза с постной пищей. Гости провели в усадьбе несколько дней и уехали в родные места.

С этого времени дочь Будды Су Инъян и даос Гуйчжэн ревностно занялись благими делами, которые спустя всего несколько лет принесли обильные плоды. На сей счет есть поговорка: «Заблудившийся, который вернулся на праведный путь, драгоценнее чистого золота». Вот и выходит, что ступивший однажды на путь добра не будет больше творить зла, если даже привык к нему с малолетства. Он прозрел и не повернет вспять, не станет совершать недостойных поступков.

Целых десять лет занимались самосовершенствованием Чистый Лотос и Вернувшийся к Истине, никому бы и в голову не пришло, кем был некогда этот даосский подвижник.

К хитроумному мошеннику однажды пришло прозрение, он перестал морочить людей, и все мало-помалу забыли о прежних его проделках. А ведь эти его проделки были куда омерзительнее, нежели посещение веселых заведений. К счастью, Бэй Цюйжун вовремя оглянулся, перестал творить зло и обратился к добру. Это и помогло ему избежать бед и обрести блаженство.

Как-то Чистый Лотос сказала ему:

— Я много слышала о ваших прошлых проделках, знаю их едва ли не все! Вот только никак не пойму истории со строительством залы. Почти за полгода вы предсказали, что к нам явятся благодетели, и они действительно появились. Как же это произошло? Неужели и вправду вы владеете тайнами небожителей, хотя и не всеми?

— Не стану скрывать, сестра. Строительство залы я устроил с помощью все того же мошенничества. Пока я еще занимаю место в своем созвездии, но давно уже чувствую, что моя воровская звезда рано или поздно закатится. И тогда я решил в последний раз воспользоваться своим ремеслом. Словом, обоих благодетелей я просто-напросто надул! Но это было даже приятно, поскольку речь шла о добром деле. Разве можно это назвать преступлением? Просто я не хотел уподобиться Фэн Фу, который не смог одолеть тигра и опозорился на всю жизнь.

— Как же вам удалось их провести? А надпись на воротах, а маленькая тыква-горлянка, в которой уместился меч в три чи длиной, или тот архат с книгой подаяний, что собирал деньги на храм? Неужели все это ловкие проделки?

— Именно так! Это вовсе не чудеса. Запомни, что самый простой мошенник часто способен сотворить дело, непостижимое для простого смертного. А я не простой мошенник! Когда я задумал воздвигнуть модельную залу, у меня созрел хитроумный план, как раздобыть изрядную сумму денег. Я все выведал о чиновнике и купце, узнал, что чиновник почитает духов и небожителей, а купец охотно совершает благодеяния в честь Будды. Тогда я нарядил одного своего ученика небожителем, а второго — архатом. Первый отправился в Хугуан, второй — в Шаньси. Сам я, как тебе известно, поехал на родину захоронить прах родителей.

Видно, духи мне покровительствовали, ибо по приезде сюда я увидел, что план мой полностью удался. «Если человек вознамерился совершить доброе дело, Небо непременно ему поможет». Но, как говорится, на Небо надейся, а сам не плошай. Поэтому вряд ли справедливо считать подобные проделки обманом.

Монахиня, слушая Бэй Цюйжуна, не переставала удивляться. Оказалось, что надпись на воротах была сделана с помощью черепаший мочи. Эта жидкость, как известно, протравляет дерево насквозь, и ее невозможно ни смыть водой, ни соскоблить ножом. Меч, с которым пришел небожитель, был полый внутри, а сделан из сплава свинца и олова, который легко разлагается при соприкосновении со ртутью, находившейся в тыкве-горлянке. Вот почему меч мгновенно исчез, как только очутился в сосуде. Изображению архата придали сходство с одним из учеников, который уехал в Шаньси, и поставили на нужное место, а для вящей убедительности сунули в руку книгу подаяний, покрывшуюся впоследствии пылью. Вот почему у купца не возникло никаких подозрений и он не раздумывая совершил благодеяние.

Монахиня слушала мошенника, широко раскрыв от удивления глаза и высунув язык. «Почему свои способности он не обратил на добро? — думала она.— Использовал бы их в ратном деле, как Чэнь Пин или Чжугэ Лян, совершил бы великие подвиги на благо трона! А он растратил все свои таланты понапрасну. Какая жалость!»

Пожалуй, монахиня права. Служить государству может и тот, кто не имеет ни степени, ни чина. Разве не может быть героем тот, кому удается пролезть, как говорят, в любую щель или незаметно проползти в траве. И среди тех, кто умеет прокукарекать петухом или стащить, словно пес, чужой кусок, встречаются благородные мужи. Если ранее творивший зло вдруг оглянется назад и пойдет по праведному пути, это принесет пользу и ему самому, и трону.

В свое время оба наших героя, Вернувшийся к Истине и Чистый Лотос, достигли истинного прозрения и каждый, как ему положено, закончил свои дни в этом мире: один взлетел на небо, другой преставился, восседая на циновке. Нам точно неизвестно, на каком из небес — восточном или западном — они обрели

свое место, неведомо нам также, какой ранг каждый из них получил среди сонма небожителей и бодисатв. Скорее всего, они заняли не очень высокое, но и не самое низкое место.

Наша история имеет удивительный конец. Купец из Шаньси, вернувшись домой, произвел на свет трех сыновей, а чиновнику из Хугуана удалось обрести долголетие, и он дожил до девяноста с лишним лет. Почему все так произошло, нам неизвестно. Возможно, оттого, что доброе дело следует совершать от чистого сердца, не думая о корысти. Лишь тогда придет к человеку истинное счастье. И еще надобно хорошенько помнить, что обманутый не должен замечать обмана — тогда у него есть надежда на воздаяние. Тот, кого обокрали, должен радоваться, ибо избавление от богатства — великое счастье. Если в мире не будет семей, у которых еда и тепло в избытке, кто даст от щедрот своих беднякам? Различие в том лишь, что одно происходит случайно, а другое совершается намеренно! Поэтому потерю следует уподобить приобретению, а кражу — благодеянию.

БАШНЯ СОБРАНИЯ ИЗЫСКАННОСТЕЙ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Знатный покупатель по привычке желает приобрести бесценный товар; продавец цветов не хочет расстаться с цветком, что растет на дальнем дворе

Есть такие стихи:

Неужели вот это — уезд Хэянсянь?
Здесь ли ряд, где торгуют парчой?
За покупкой желанной приходит сюда,
Кто богат — молодой и седой.
Им купить предлагают прекрасный бу-
тон,

А когда распростятся они,
Несравненный запах чудо-цветка
Остается на многие дни.

Все быстрее цены взлетают вверх,
Будто рой суматошных шмелей,
И спешат покупатели, как мотыльки,
Все настойчивей, все смелей.
Видишь, отпрыски ванов известных здесь
Ходят, радостны, возбуждены,
И затрат не жалеют, — ведь могут они
Все купить.... кроме блеска весны!

Эти стихи сочинил лет двадцать назад один поэт по прозвищу Литератор, Мир пробуждающий. Как-то раз отправился он к Тигровому холму на цветочное торжище купить цветов. Здесь были цветы всех оттенков, и так они благоухали, что не хотелось уходить. Вдруг Литератор заметил старика. Перед ним лежала кисть для письма и камень для растирания туши, но, судя по всему, не на продажу. Старик просил каждого написать ему известное изречение или стих. И наш Литератор тут же начертил вышеприведенные строки.

Надобно сказать, что торжище само по себе место грубое, цветы же воплощают красоту и изысканность. Как же может сочетаться грубость с изяществом? И все же продавец цветов, как оказалось, хоть и гонится за лишней монетой, в то же время способен ощутить радость, когда любит «чистой красотой», потому-то поэт в своем стихе и отдал ему должное.

И не только продавцы цветов заслуживают похвалы. Вы спросите, кто же еще? Извольте! Это продавцы книг и торговцы благовониями. Три профессии, упомянутые здесь, мы назвали бы «тремя изысканностями в мире грубости». К месту заметить, что эти три категории торговцев в прошлой своей жизни несомненно имели какое-то особое воплощение, и нынешним ремеслом стали заниматься не случайно, а потому что в свое время были тварями летающими или бегающими. Вам, разумеется, интересно узнать, какими именно. Так вот, владелец цветочной лавки был пчелой, собирающей мед. Торговец книгами — жуком древооточцем. Продавец благовоний — животным, источающим мускус.

Есть в нашем мире еще занятие, пожалуй самое изысканное, — торговля антикварными вещами. Почему же оно не упомянуто среди тех трех? Надобно сказать, что антиквариет в торговом мире порой называют «чистыми гостями» и часто принимают за литераторов. Возможно, вы скажете, что это занятие выше трех упомянутых. Это будет не совсем верно. Дело в том, что в антикварной лавке вы можете встретить и древнюю книгу, и прекрасный цветок, а порой ощутить аромат сандала. Вот и получается, что в профессию антиквара как бы входят и те три, а потому совсем не обязательно выделять антиквариет в особую группу только потому, что в их лавках находятся творения высокой литературы, редкие цветы и удивительные благовония.

Раз уж мы завели об этом разговор, следует напомнить, что любое ремесло может быть и грубым, и изысканным, все зависит от того, в чьи руки оно попадет. Можно всю жизнь заниматься изысканным, прекрасным делом, но в силу собственной тупости не испытывать к нему ни малейшего интереса. К примеру, не ощущать аромат цветка, приходить в уныние от древних книг. Подобные люди оказываются лишними, ненужными для своей профессии. В прошлом своем

рождении эти люди тоже были летающими и бегающими тварями, но, став людьми, изменили только свой внешний облик, сущность осталась прежней. Пчела, скажем, привыкла теревить цветок, не проявляя к нему ни малейшего интереса. Так поступают и люди-пчелы. Всю жизнь они суетятся, попусту хлопочут и волнуются. А жучки древоточцы? Разве способны они осмыслить содержание книги, которую грызут? Разумеется, нет! Они заползают в книгу, а после живут среди ее останков. Твари, источающие мускус, не чувствуют его запаха, мускусный мешочек на брюшке, который влечет к себе людей, для них ненужное бремя. Итак, «три изысканности в мире грубости» можно истолковать также как «три грубости в мире изысканности».

Ниже я расскажу вам о неких мужах, которые, претерпев все возможные перипетии, нашли вкус в своем занятии. Они даже придумали особую вывеску, дабы привлечь подвизающихся на литературном поприще. Заметим, кстати, что не все вывески надо показывать, особенно красивые вывески, не то накличешь беду. И сейчас весьма кстати предупредить владельцев лавок с нарядными вывесками: не забывайте об осторожности!

В годы Счастливого Успокоения — Цзяцзин — династии Мин в уезде Юаньцин области Шуньтянь, центр которой находился в Пекине, жили два молодых человека: Цзинь Чжуньюй и Лю Миньшу. Они вместе учились и были большими друзьями. Оба пытались постичь основы наук, но без должного рвения, поскольку влекло их к совершенно иным занятиям. Неудивительно, что экзаменов они не выдержали, бросили учебу и решили заняться торговым делом. В ту пору обоим было за двадцать. Надо вам знать, что молодые люди водили знакомство с неким юношей по имени Цюань Жусю, годами моложе их, уроженцем Янчжоу. Лицом он походил на Хэ Лана, а статью мог сравниться с самим Шэнь Юэ. Словом, был он краше любой красавицы и очень скоро стал любимцем Цзиня и Лю, как в свое время Лун Ян. При этом Цзинь и Лю не ревновали его друг к другу, ибо превыше всего ставили дружбу с ним. Прежде они дружили вдвоем, говорили люди, теперь дружат втроем. Друзья были неразлучны и часто все вместе обсуждали свои дела.

— Нам не повезло на экзаменах, но учеными мы остались, а потому нам следует выбрать профессию, достойную образованного человека.

Они перебрали все триста шестьдесят ремесел, но ни одно не пришлось им по душе. Скрепя сердце остановились на четырех: торговля книгами, цветами, благовониями и всевозможными древностями. Вести дело решили сообща, сняли три лавки возле Западной реки и соединили в одну. В центральной части хозяйничал Цзинь Чжунъюй, он торговал книгами. Благовониями ведал Цюань Жусю, а цветами и древностями — Лю Миньшу. Позади торговых помещений стояло высокое здание с надписью над входом: «Башня Собрании изысканностей». Вряд ли следует говорить, что само сооружение и все убранство являли необыкновенную красоту и утонченность. Друзья приходили сюда ночью, когда в небе сияла луна, а землю овеял чистый ветер. Один пел, а двое других играли на свирели и лютне. Искусство их было так прекрасно, что могло любого привести в трепет. Попутно заметим, что не было ни одной редкой книги, которую друзья не прочли бы, ни одного благовония, которое они не возжигали бы. Они любовались редкими цветами и травами. Их окружали вещи глубокой древности — эпох Цинь и Хань, картины художников времен Тан и Сун, а то и более ранних. Попользовавшись какое-то время той или иной вещью, торговцы ее продавали, и чем дольше она лежала у них, тем больше денег они за нее выручали. Приобретая редкие вещи у трех «чистых гостей», люди не скупились на серебро.

Цзинь и Лю были женаты и жили обычно дома. Цюань, совсем еще юный, жениться не успел и часто ночевал в своей лавке. С ним нередко коротали время Цзинь и Лю, ссылаясь на то, что должны сторожить лавку. Итак, днем они торговали, а по ночам веселились или любовались цветами, растущими в дальней зале. Возможно, вам покажется удивительным, что на свете еще встречаются счастливые люди, которые днем зарабатывают деньги, а едва зажгутся звезды, предаются радостям небожителей. Само собой, многие молодые люди, уроженцы столицы, питали к ним зависть. Зависть к удивительным радостям, которым они предавались.

Молодые люди совсем не походили на остальных торговцев. И хотя не забывали о барышах, во всех делах своих старались проявлять утонченность. При купле и продаже товара они строго блюли три условия. Вы спросите, какие? А вот какие. Они никогда не покупали низкопробный и поддельный товар, а также товар неизвестного происхождения, объясняя это следующим образом:

— В нашей торговле мы имеем дело с вещами изысканными и, если станем скупать товар низкопробный, поддельный, испортим свою репутацию и покупатели больше не станут ходить к нам в лавку. Если же неизвестно происхождение товара, значит, он скорее всего краденый, не важно, разбойник его украл или слуга. Такой товар может быть также получен в качестве взятки или при какой-либо бесчестной сделке. Выгода от него мизерная, а беда может случиться большая. Не исключена и судебная тяжба. В этом случае не оберешься стыда, не говоря уже об убытках. Станет ли благородный человек с тонкой душой, «чистый муж», накидывать себе петлю на шею?

Словом, наши друзья никогда не покупали такой товар, видя в нем источник бед и позора.

А чего они не продавали? Не продавали товар чересчур дешевый и чересчур дорогой, и еще тот, в котором покупатель сомневался. Вам, конечно, известно, какими словами зазывает обычно торговец покупателя: «Товар настоящий, цена твердая». Как правило, слова эти — просто слова, не больше. Зато у наших молодых торговцев они обрели истинный смысл. Называя цену товара, они из десяти ее частей набавляли всего одну или две. Если же кто-то пытался переплатить им как добрым знакомым, торговцы отказывались — выше всего они ценили честность. Находились среди покупателей и такие, которые плохо разбирались в товарах, не знали, поддельный он или подлинный, и готовы были заплатить больше, чем следует. В этом случае торговцы не соглашались продать товар.

— К чему зря платить деньги за вещь, в которой вы ничего не смыслите? Поищите где-нибудь в другом месте.

Своим принципам друзья никогда не изменяли. Поначалу торговля у них шла неважно. Но скоро от покупателей не стало отбоя. Их лавку посещали реши-

тельно все: и простолюдины, и шэньши, и чиновная знать. Порой дворцовые девы — особы, близкие к государю, — желая приобрести редкое благовоние или диковинный цветок, отправляли в лавку евнуха-тайцзяня. Такие знатные покупатели прибавляли славу нашим друзьям-торговцам. Когда приходил шэньши или какой-то чиновник, хозяева первым делом вели его в башню, поили чаем, а уж потом приносили товар, дабы покупатель мог по достоинству его оценить. Благородный облик хозяев лавки, их ученость, а также изящество убранства заставляли именитых покупателей забыть о титулах и рангах. С одними торговцы вели душевную беседу, сидя друг против друга, с другими стоя — таких, пожалуй, было больше. Цюань хотя и вышел из семьи простолюдина, однако же с именитыми гостями держался как равный, сидя за столом, будто чиновный муж. Вам это удивительно? Сейчас объясню! Как некогда Лун Ян, молодой Цюань своей юностью и красотой привлекал к себе именитых гостей. Они знали, что хозяева лавки не закосневшие в науках книгочии, и держались свободно. Обняв по-дружески юношу, они наслаждались изысканной беседой с ним. Можно ли было допустить, чтобы этот прекрасный отрок стоял где-то в сторонке, не проявляя к гостям интереса?

В пору, о которой идет речь, жил некий Янь Шифань — сын первого министра Янь Суна, по прозванию Дунлоу — Восточная Башня. Этот всемогущий вельможа занимал пост тайши — придворного академика. Как-то раз в палатах дворца он завел разговор с чиновниками о книгах, картинах и антикварных вещах. Чиновники услужливо сообщили вельможе о Башне Собрания изысканностей, где можно найти вещи поистине утонченные, заметив, что сами торговцы люди ученые и возвышенные. Кто-то присовокупил:

— Самый приятный из них — юный Цюань, отрок редкостной красоты. Кожа блее самого чистого льда и блестящая, будто нефрит. Когда он рядом, забываешь о прекрасных цветах, о древних книгах и прочих редкостях.

— Неужели в Лotosовых переулках перевелись прекрасные Лун Яны и их надобно искать за прилавком? — воскликнул Янь. — Не верится, что у город-

ских колодцев могут появиться столь редкие драгоценности!

— Словами этого не объяснишь,— ответили чиновники.— Если у вас есть желание, ваше превосходительство, мы можем вас туда проводить!

— Почему бы и нет! После аудиенции у государя сразу же и отправимся!

Согласие знатного вельможи вполне устраивало чиновников, желающих угодить сановнику и извлечь из этого выгоду. Если покупателем оказался высокопоставленный чиновник, способный затмить несколько десятков других, дела в лавке несомненно пойдут в гору, пусть даже придется уступить в цене. Чиновники все это хорошо знали и отправили своих слуг в лавку, велев им сказать так:

— Вашу лавку собирается посетить сам господин Янь, его надо встретить, как положено, проявить при этом особое рвение. Само собой, позаботиться о чае. А того, кто будет подносить чай и вести беседу с гостями, оденьте понаряднее. Если удостоитесь похвалы его превосходительства, будущее ваше обеспечено, богатства господина Яня не уступят драгоценностям императорского дворца. От него вы получите крупные деньги, а возможно, и чиновные посты. Он все может, для него не существует препятствий!

Услышав такие слова, друзья встревожились.

— Понятно, что гостей положено напоить чаем, угостить. Но почему вельможе непременно должен прислуживать кто-то нарядно одетый? Ясно, они имеют в виду Цюаня!

— Но он не прислужник и не певичка, услаждающая слух гостей песнями! Он может показать покупателю товар, назвать цену. А беседу с гостями ведет только при нас.

— К сожалению, многие ходят в лавку лишь ради того, чтобы хоть одним глазом взглянуть на Цюаня. В общем, ясно одно. Вельможу не столько интересует товар, сколько наш юный друг. Льстецы и угодники наверняка расписали вельможе Цюаня. Хотят преподнести его вельможе, словно дар Будде.

— Этот вельможа не то что другие. Чего пожелает, непременно добьется. Как говорится: «Через сапог почешет там, где зудит, через покрывало прощупает там, где болит!» Неужели кончился наш покой?

Они решили позвать Цюаня. Пусть сам решает.

— Ничего не случится! — воскликнул юноша.— Я уйду, и вы скажете, что меня нет дома, вот и все. Вряд ли он заставит подчиненных меня искать. Наоборот, он сделает вид, что остался доволен.

— Может быть, ты и прав, — согласились друзья. Они велели юноше спрятаться куда-нибудь подальше, а сами принялись готовить чай для вельможи.

Не прошло и четверти часа, как в лавке появился Янь Шифань в сопровождении четырех чиновников и множества слуг, свирепых, как волки и тигры. Едва переступив порог, вельможа внимательно оглядел лавку, но того, кого искал, не заметил. «Наверное, в башне», — подумал он и пошел наверх, но и там никого не увидел.

— А где юный лавочник, о котором мне рассказывали? — поинтересовался гость.

— С минуты на минуту явится. Ведь мы только что пришли! — сказал кто-то из свиты.— А может быть, спрятался со страху. Не часто появляется в лавке звезда счастья — ведь она спустилась с самого Неба!

Янь Шифань, коварный и хитрый, сразу смекнул, что юношу спрятали.

— Видимо, он к нам сегодня не выйдет! — бросил вельможа.

— Ваше превосходительство, он знал заранее о вашем визите! — успокоили его приближенные.— К тому же у него торговое дело, какой же ему смысл избегать клиентов?

Надобно вам сказать, что и среди простолюдинов встречаются люди поистине удивительные, ничем не похожие на тех, кто носит шелковые шляпы. Им не нужны ни чины, ни богатства, превыше всего они ценят доброе отношение. Они способны нагрубить важному чиновнику, но никогда не обидят друга.

Чиновники твердили, что юноша непременно явится.

— Давайте на спор! — вскричал кто-то из свиты.— Если он не появится, считайте, что мы проиграли!

Вельможа решил подождать юношу и сел. Слуга поднес ему чай, только это был не юноша, а согбенный старец. Его спросили, где юноша.

— Куда-то ушел,— ответил слуга.— Видно, не знал, что такой важный господин почтит нас своим посещением.

Кое-кто из гостей переменялся в лице.

— Да знаешь ли ты, кто к вам пожаловал? Сам господин Янь. Не всякому смертному выпадает счастье его лицезреть. Так что найди этого парня, да поживее!

Старый слуга отправился выполнять приказ. Через некоторое время в башне появились Цзинь и Лю. Низко склонившись перед вельможей, они спросили:

— Какой товар изволите посмотреть, ваша светлость? Мы тотчас его доставим!

— Показывайте все, что у вас есть! Самое дорогое, то, что не всякий может купить!

Торговцы бросились вниз. Через короткое время перед вельможей появились на выбор удивительные драгоценности, прекрасные цветы, редкостные благовония и книги.

Однако Янь не проявил к ним ни малейшего интереса. Ведь он пришел в лавку ради красавца юноши! С трудом скрывая гнев, вельможа взглянул на дорогие изделия и с возгласом одобрения некоторые из них отложил в сторону. О молодом торговце он больше не заикнулся.

— Все это я беру! — заявил он.— Но поскольку, я слышал, вы не сразу назначаете настоящую цену, а часто потом, то я и рассчитаюсь с вами потом за каждую вещь в отдельности. А товар увезу с собой.

Цзинь и Лю опасались, что гость надолго останется в лавке и может ненароком столкнуться с юношей. Что тогда делать? Но вельможа, вопреки ожиданиям, очень скоро покинул лавку и, видимо, нисколько не обиделся, даже купил много товара.

— Пожалуйста, берите все, что вам нравится! — воскликнули Цзинь и Лю, движимые благодарностью. Янь Шифань велел слугам взять отобранные вещи. Часть вещей слуги засунули в рукав, а остальные ввалили на плечи и отправились вслед за хозяином. Сядя в паланкин, вельможа попросил прощения за беспокойство и удалился, всем своим видом показывая, что остался очень доволен. Зато чиновники были явно расстроены. Не оттого, конечно, что проиграли спор, а боясь гнева вельможи. Раз уж они осрамялись на таком пустяке, вряд ли им станут поручать какое-то

важное дело. Впрочем, так рассуждает каждый, совершивший промахку.

Здесь автор должен остановиться, ибо последующая история весьма длинная, и прерывать ее нельзя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Водили дружбу с благодетелем, а напоролись на ненавистника; берегли, что находится позади, потеряли, что лежит впереди

Цзинь и Лю подсчитали, на какую сумму вельможа купил у них товара, оказалось, что ровно на тысячу золотых. Сделка была крупная, поэтому идти к сновнику через два-три дня они сочли неудобным и отправились лишь на пятый день, прихватив счет на купленные вельможей вещи. Надо заметить, что знатные чиновники не то, что простые смертные. Покупают они с удовольствием, а платят за товар весьма неохотно. Торговцы хорошо это знали по собственному опыту. Так и пришлось им уйти от вельможи ни с чем. Дней через пять они снова пришли, но снова напрасно, после чего стали наведываться по очереди: через три дня один, через пять — другой. Однако все оставалось по-прежнему. Они не получили от Яня ни единого лянна серебра, не выпили в его доме ни одной чашечки чая! Их ждал лишь один ответ: «Хозяин все знает!» Сам вельможа не достаивал их приемом.

«Если не выложить мелкое, можно потерять крупное!» — решили братья. Правильно говорят, получить с чиновника долг все равно, что добыть эликсир бессмертия из киноvari и ртути! Пока не положишь в тигель «мать-серебро», ничего не добьешься, сколько ни плавь. И еще говорят: «Не передашь у ворот бумажный пакет, никто за тебя не похлопочет».

В общем, торговцы решили дать управляющему пять лянов серебра и попросить его замолвить за них словечко перед хозяином. Отдавая деньги, они намеревались, что в случае успеха он получит добавку. Цзинь и Лю шли на жертву в надежде, что основная сумма, причитающаяся за товар, останется прежней.

Но управляющий давно догадался, что на уме у вельможи.

— Пожалуй, своих денег вы не дождетесь, почтенные,— сказал он им доверительно.— Томят, будто в вашей лавке живет юноша прекрасной наружности. Мой хозяин давно слышал о нем, но ни разу не видел. Ваш товар он взял как бы под залог, чтобы познакомиться с юношей. Пока юноша сюда не придет, денег вы не получите. Господа, вы же умные люди, должны понимать, что к чему! Зачем, выбросив ключ, открывать замок железным прутом? Так его только испортить. А какой в этом смысл?

Торговцев прошиб холодный пот. Они словно пробудились ото сна и стали совещаться.

— Хотели словчить, а попали впросак! — сказал один.

— Зачем мы отдали ему столько товара? — посетовал второй.— Можно было ограничиться одной беседой! Но кто знал, что нам грозит такая беда?

— Что же делать? Получить свои деньги и потерять друга? Или же спрятать друга и пусть товар пропадает?

— В обоих случаях мы чего-то лишимся, поэтому надо выбрать, что нам дороже.

— Лучше лишиться товара! Недаром же говорят: «Легче найти тысячу золотых, чем настоящего красавца».

Порешив так, они подошли к управляющему и сказали:

— Торговец, о котором вы только что говорили, учится в нашей лавке торговому делу. Он совсем еще юный, и мы не выпускаем его из дома. Родители его — люди почтенные и, если с ним что-то случится, строго с нас спросят. А с товаром пусть ваш хозяин поступает по собственному усмотрению. Заплатит — хорошо, не заплатит — обойдемся, у нас есть еще процент с капитала! Так и передайте ему, что жертвовать человеком ради серебра мы не намерены! Ноги нашей здесь больше не будет. Если же за это время что-то изменится, всякое может случиться, дайте нам, пожалуйста, знать.

Управляющий рассмеялся.

— Дозвольте узнать, почтенные, неужели вы надеетесь продолжать торговлю, не взяв этих денег?

— А почему бы и нет?

— Ну что вы?! В столице нельзя допускать промашку даже с прохожим на улице. Недаром говорят: «Бедняк богача не одолеет; низкий знатного не переборет!» Отказавшись от денег, вы открыто выражаете хозяину свое презрение. Оскорбляете его! Сами судите, станет ли он терпеть подобное унижение. Нет, почтенные, на него не пожалуешься, если даже он прелюбодействует с твоей женой! Идти против него — значит рисковать собственной жизнью. Стоит ли это делать ради какого-то мальчишки? Да покажите вы его моему господину, как обычно показываете редкую вещь, картину или книгу! Конечно, они могут от этого чуть-чуть испортиться, но цену не потеряют! К чему жертвовать такими огромными деньгами, тысячей ланов, да еще обременять себя лишними хлопотами и волнениями? Да и мало ли какие еще неожиданные беды могут свалиться на вашу голову? Мой вам совет: не поступайте столь опрометчиво, пользы вам от этого никакой, один вред.

Слова управляющего несколько охладили торговцев, они поняли, что он прав. Удрученные, вернулись они домой и сообщили неприятную новость юноше. За деньгами, мол, придется идти всем вместе. Юноша решительно воспротивился.

— «Верная жена не меняет мужа; верный человек не служит сразу нескольким хозяевам!» Я ни с кем не намерен знакомиться! А деньги за товар запишите на мой счет! Бесстыдного поступка я не совершу!

Торговцы стали уговаривать юношу.

— Мы не только потеряем деньги, — сказали они, — но можем потерять все наше дело! Кто знает, какие еще беды нас ожидают!

Настойчивые просьбы и уговоры друзей возымели действие — юноша скрепя сердце согласился, и они все вместе отправились к вельможе Янью. Когда управляющий доложил о них, вельможа велел ему немедленно привести юношу к себе, а Цзиня и Лю проводить до ворот, пусть, мол, отправляются восвояси.

Янь Шифань внимательно осмотрел Цюаня и остался очень доволен. Что и говорить — второго такого красавца в столице не сыщешь.

— Отчего, милый, с другими ты ладишь, а меня избегаешь? Я слышал, что ты человек с тонким вкусом, я тоже люблю все изысканное.

— Разве осмелюсь я избегать вашу светлость! Просто я никуда не выхожу из дома!

— Говорят, ты мастер играть на цине и флейте, знаешь толк в шахматах, умеешь подбирать травы и цветы, а также отыскивать разные древние вещицы. А в заваривании чая и возжигании благовоний тебе нет равных. Это верно? Мне как раз нужен такой человек, как ты. Останься у меня в услужении, и мне не придется никого искать. Согласен?

— Мои престарелые родители живут в нужде, ваша светлость, и я должен добывать им средства на пропитание. Не могу же я их бросить!

— А мне сказали, что ты одинок и нет у тебя никаких родителей. Это ты нарочно так говоришь, а на самом деле не можешь бросить бездельников, с которыми водишься! Неужели я, именитый сановник, хуже каких-то лавочников? Они смогли тебя улестить, а я не могу?

— Мы побратимы и к тому же товарищи по торговому делу. Ничего больше меж нами нет!

Вельможа пропустил слова юноши мимо ушей, как вежливую отговорку, и подумал: «Все дело в том, что мы едва познакомились, а с теми двумя его связывает давняя дружба, которой он не пожертвует даже ради меня. Ну что ж, пусть тогда поживет у меня хоть денёк три в кабинете!»

Надо вам знать, что Янь Шифань имел порочную страсть, именуемую «мужьим поветрием». В его сети попадали многие красивые юноши. Одаривал он своим вниманием и служащих ямыней, даже тех, кто уже носил чиновную шляпу, если только они были молоды и хороши собой. Прислуживавшие вельможе в дальних покоях удостаивались его высокой милости. В этих делах Янь Шифань был мастак и потому, едва взглянув на Цюаня, сразу же оценил его достоинства: кожу белее снега, нежное, лоснящееся тело, чистоту невинной девушки. Воспылав к юноше страстью, сановник решил во что бы то ни стало оставить его у себя. Целых три дня он разными ухищрениями добивался расположения юноши, но, к его великому удивлению, Цюань, несмотря на молодость лет, оказался твердым, словно камень или железо. Как ни уговаривал его вельможа, что только ему ни сулил, юноша не сдавался, понимая в то же время, какие грозят ему беды.

Наконец Янь решил отступить, но временно. На четвертый день он велел слугам принести товар, взятый в лавке, еще раз внимательно его осмотрел и, отобрав несколько наиболее ценных вещей, оставил их у себя, остальные же за ненадобностью возвратил юноше, а также вручил ему двенадцать лянов серебра за причиненное беспокойство, которые Цюань, уходя, отдал слуге, показав тем самым, что ему «стыдно есть чжоуский хлеб». Вернувшись в лавку, юноша рассказал друзьям все, что с ним произошло за это время. От стыда он готов был лишиться себя жизни. Друзья, как могли, старались его утешить, довольные тем, что все кончилось благополучно.

Теперь, если у лавки появлялся паланкин Янь Шифаня, Цюань тотчас же прятался, спасаясь от назойливого вельможи. Когда же от Яня приходил гонец с приглашением, юноша отказывался, ссылаясь на недуг или какую-то другую причину. Но приглашения учащались, и в конце концов стало нелегко отказываться. Однажды, узнав, что вельможа находится в отъезде, юноша пошел к нему в усадьбу и записал свой визит в книге гостей.

Янь Шифаня распирало от злости. «Как же так? Именитый вельможа, близкий двору, и не может добиться своего? Мне не дерзнет отказать ни одна красавица, даже та, что стоит тысячу золотых! Никто не посмеет сказать мне «нет»! А тут жалкий простолюдин, неприкаянный Лун Ян на мое внимание отвечает пренебрежением. Это все его друзья проходимцы, теперь ему не выбраться из их сетей. Надо что-то придумать, чем-то его завлечь. Но ведь такой красавец может обворожить всех моих женщин, если останется в доме. До серьезного, возможно, и не дойдет, но они начнут сравнивать меня с ним, и я окажусь старым и безобразным. Нет, надобно сделать так, чтобы была для меня одна польза и никакого ущерба и чтобы при этом я получил удовольствие...»

Долго думал вельможа, но так ничего и не придумал.

Надобно вам знать, что в ту пору служил при дворе евнух Ша Юйчэн, оба Яня ему покровительствовали, осыпали милостями, и все потому, что он был так же коварен, как и они, и помогал им в разных подлых делах. Евнух страдал легочным недугом, а потому на

утренней аудиенции во дворце бывал лишь до часа «сы», после чего отправлялся домой. Занимая пост «придворного чина из внутренних покоев», он по существу ничем не отличался от обычных чиновников, которые проживали вне двора. Он был родом из семьи так называемых «чистых гостей», а потому имел страсти ко всякого рода древностям, занимался разведением цветов и растений и превосходил в этом самого Янь Шифаня, который хоть и причислял себя к кругу «чистых гостей», но славу сию снискал незаслуженно. Как-то раз Янь нанес евноху визит и, заметив, что хозяин суетится, перебирая какие-то безделушки, и отдает приказания слугам и мальчикам, решил ему помочь.

— Стоит ли так суетиться? Подобные вещи должны приносить удовольствие, а не беспокойство! — сказал он евноху.

— Что делать? Эти мальчишки ни на что не способны. Я охотно принял бы в дом приятного внешностью отрока, знающего толк в подобных делах. Но где его взять? Быть может, у вас, ваша светлость, есть такой на примете? Одолжите!

Слова евноху разбередили рану вельможи. Кажется, наступил момент расквитаться с этим Цюанем.

— Мои люди, пожалуй, еще менее расторопны, чем ваши. Но мне известно, что в столице проживает некий юноша, тоже из круга «чистых гостей», который знает толк в этих делах. Он и в музыке разбирается, и в шахматы играет. Многие сановники не отказались бы держать его при себе, только он не желает. Но может быть, вам повезет, достопочтенный Ша! Правда, тут одна сложность... У этого отрока, как говорится, «раскрылись каналы чувств» и он скоро обратит взор свой на дев. Так что надолго удержать его вряд ли удастся. Для этого есть лишь один способ — сделать с ним то, что когда-то произошло с вами, досточтимый! Тогда он не станет помышлять о бегстве!

— Что ж, устроить сие проще простого! — промолвил евнох. — Надо только заманить его сюда. Если он согласится на «очищение», вопрос решится сам собой. Если же заупрямится, придется опоить его зельем и отсечь лишнюю плоть. Когда он поймет, что произошло, будет поздно. Придворным евнохом он, возможно, не пожелает стать, но деваться ему будет некуда.

Обрадованный Янь посоветовал осуществить план как можно скорее, дабы не помешала какая-нибудь случайность.

— Можете использовать его по своему разумению сколько угодно, — на прощанье заметил вельможа. — Но когда он больше вам не понадобится, отдайте его мне, никому другому.

— Думаю, вам не придется ждать слишком долго! — воскликнул евнух. — Я человек недужный, и жить мне осталось всего несколько лет. О наследниках, как вы понимаете, мне мечтать не приходится, а потому можете вполне рассчитывать на него.

Это совпадало с расчетами Яня. Евнух протянет лет пять, не больше, и тогда юноша навсегда попадет в руки вельможи. Такова будет его мсть! Янь весело рассмеялся. Оба подняли чарки и осушили до дна.

На следующий день евнух послал за молодым торговцем гонца.

— В свое время хозяин купил в вашей лавке карликовые растения, — сказал гонец. — С тех пор деревца не подстригали, они разрослись и стали густыми. Просим прийти и привести их в порядок. И вот еще что. Для дворцовых людей сейчас открыт счет, по которому они могут приобрести себе благовонные масла и душистое мыло. Вам покажут список товаров, которые вы должны с собой привезти.

Цзинь и Лю посоветовали юноше принять приглашение — внука бояться нечего. К тому же евнух в близких отношениях с Янем и сможет помочь, если вельможа, все еще таящий на них злобу, попытается мстить. Единственное, что тревожило торговцев, это — смогут ли они услужить знатному лицу.

Итак, молодой человек вместе с гонцом отправился к внуку. При встрече хозяин и гость обменялись церемонными фразами, после чего юноша поинтересовался, зачем евнух его пригласил.

— Моя просьба привести в порядок растения и отобрать товар для дворца — всего лишь повод. Главное — другое. Я много о вас слышал, хотел побеседовать и поближе познакомиться, но, увы, до сих пор не доводилось с вами встречаться. Мне говорили, что вы принадлежите к кругу «чистых гостей» и весьма преуспели в разных искусствах, особенно в музыке. Вас называют самым утонченным человеком в столице. Вот

почему я побеспокоил вас нынче. Простите мне мою назойливость, но не откажите в советах.

Цюань Жусю охотно откликнулся на столь любезное предложение. К чему излишняя скромность? Заручившись поддержкой евнуха, он обеспечит себе будущее. Юноша старался быть внимательным к евнуху, в то же время опасаясь, как бы все не испортить каким-нибудь невпопад сказанным словом. Ликуя в душе, евнух приказал слуге принести лютню, флейту, шэн, барабан и деревянные колотушки. Он подвел молодого гостя к столу с угощениями, предложил отведать вина, а затем поиграть на музыкальных инструментах. Юноша исполнил просьбу хозяина, стараясь вложить в исполнение всю душу.

Слушая музыку, евнух думал:

«Если этого отрока не оскопить, он служить мне, конечно, не станет. Янь Шифань прав. Но на мое предложение он несомненно ответит отказом, поэтому сделать все надо тайком». По знаку евнуха слуга поставил перед юношей вино, настоянное на зелье. Жусю выпил и через четверть часа почувствовал во всем теле слабость. Он откинулся на сиденье, уронив голову на грудь, и погрузился в сон, который некогда объял Чэнь Туаня.

Ша Юйчэн усмехнулся.

— Ну, а теперь, мальчики, за дело!

Тотчас же из-за искусственного водоема появились оскопители. Они совлекли с юноши одежды, осторожно отсекали плоть и вышвырнули ее прочь на съедение псам, затем смазали рану снадобьем, останавливающим кровь, после чего снова надели на юношу платье, будто ничего не произошло.

Через час Цюань пришел в себя и ощутил боль, только не мог определить, где болит, поскольку находился под действием дурмана, и широко раскрытыми глазами смотрел на евнуха.

— Позднорожденный позволил себе выпить немного лишнего,— проговорил он.— Простите великодушно за такую неосмотрительность! Надеюсь, я этим вас не обидел, ваша светлость!

— Судя по вашему виду, вы чувствуете себя прескверно. Прошу ко мне в кабинет отдохнуть!

— Благодарю вас!

Хозяин приказал слугам проводить гостя в комнату. Едва юноша лег, как сразу ж погрузился в сон.

Цюань не помнил, сколько времени проспал, но, когда проснулся, сразу же почувствовал в теле какое-то неудобство.

Уважаемый читатель, ты, конечно, поймешь, какие муки пришлось пережить юному торговцу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Знатный вельможа никакой выгоды для себя не извлек, да еще поплатился собственной головой; оскопленный торговец, желая отплатить за обиду, помышляет об отмщении

Цюань Жусю проспал до полуночи, а когда действие дурмана прошло, застонал от боли. Рука невольно потянулась к больному месту. И юноша понял, что произошло. В голове пронеслись события прошлого дня. Евнух Ша, в котором он видел своего благодетеля, оказался злодеем и самым страшным врагом. За маской любезности он скрывал свои истинные намерения. Цюань Жусю разразился рыданиями. Он проплакал до четвертой стражи, до самого рассвета. В час «сы» в комнату вошли два мальчика-евнуха, которые принесли ему свои поздравления.

— С нынешнего дня вы являетесь служащим дворца, — сказали они. — Вы теперь никому не подвластны. Никто не дерзнет докучать вам.

Сердце юноши пронзила острая боль. Теперь он никогда не сможет жениться. Кончилась его дружба с Цинем и Лю, а ведь их троих можно было уподобить свободно парящим фениксам.

В комнату вошел еще один мальчик.

— Досточтимый Ша изволил подняться, и вам следует его приветствовать. Поторопитесь!

— С какой стати я его должен приветствовать? Я здесь всего-навсего гость!

— С сегодняшнего дня вы у него в услужении, поскольку накануне вам изменили ваше естество, — ответил юный посланец и вышел. Вслед за ним вышли и остальные.

«Рано или поздно мне все равно придется пойти к нему, — подумал юноша. — Главное — отсюда вырвать»

ся. Если же я к нему не пойду, он не выпустит меня из дворца!» Превозмогая боль, Цюань встал с ложа и, пошатываясь, направился к выходу. Увидев евнуха, он попытался отвесить поклон, но Ша Юйчэн строго произнес:

— Тебе нельзя кланяться. — Выражение его лица было совсем не таким, как накануне. — Придешь ко мне дней через пять. С сегодняшнего дня ты будешь ведать моими книгами и всякими древностями. А ухаживать за деревьями и цветами тебе помогут двое мальчиков-слуг. Проявишь в службе радение — получишь награду, не проявишь — сурово накажу, не обесчуди! Запомни, ты стал скопцом и теперь будешь жить у меня, другого пути у тебя нет. Никуда ты не денешься!

При этих словах юноша похолодел.

— Я понимаю, что в моем нынешнем положении мне ничего не остается, как прислуживать вам, — промолвил он, изогнувшись в поклоне. — Но прошу вас, отпустите меня ненадолго домой, чтобы я мог оправиться, рана затянется, и я снова вернусь.

— Даю тебе десять дней! — Евнух кликнул слуг. — Мальчики! Отведите-ка его к хозяевам лавки «Собрание изысканностей» и передайте, чтобы хорошенько за ним ухаживали. Скажите, что они поплатятся своими деньгами, если что-нибудь с ним случится. Хотя деньги, говоря по правде, мне совсем не нужны.

Прислужники повели юношу к выходу.

Тем временем Цзинь и Лю, проводив друга к евнуху, думали: «Пусть Жусю во дворце остается подольше — это всем нам пойдет на пользу. Он раскроет перед евнухом все свои таланты и заслужит его похвалу. Тогда, как говорится, «большое дерево даст густую тень».

Радуюсь, что их планы осуществляются, торговцы, ничего не подозревая, не торопились брать юношу обратно. Когда сановник Янь три дня держал юношу у себя, они глаз не могли сомкнуть от волнения и на рассвете бежали в конюшню, брали лошадей и скакали юноше навстречу. Не дожидаясь сумерек, они зажигали огни, чтобы встретить друга. Но сейчас все было иначе, потому что у евнуха Ша, в отличие от Янь Ши-

фая, давно не было снастей для охоты. Но кто мог предположить, что беда придет с другого конца.

Но вот появился Цюань Жусю в сопровождении дворцовых посланцев. На его бледном, без единой кровинки лице было скорбное выражение. Поначалу он сказал друзьям, что выпил лишнего, заночевал во дворце и слуги евнуха помогли ему добраться до дома. Но потом он не выдержал и, рыдая, поведал им о том, что сотворили с ним во дворце. Преподобней жизни его, полной радостей, пришел конец. Новость повергла обоих друзей в уныние, и потоки слез омочили их одежды. Дворцовые слуги, потеряв терпение, принялись торопить торговцев, требуя, чтобы они подписали бумагу о благополучной доставке Цюаня домой. Им полагалось отчитаться перед хозяином.

— Если что с ним случится, вы заплатите жизнью! — заявили они.

Перепуганные торговцы отказались подписать бумагу, но, когда слуги евнуха стали тащить юношу обратно во дворец, им пришлось поставить свои имена на бумаге, где было написано: «...В случае промаха или ошибки готовы заплатить собственной жизнью!»

Проводив посланцев, Цзинь и Лю, охваченные горем, отправились на поиски искусного лекаря, который мог бы поставить больного на ноги. В последующие дни они думали лишь о том, как спасти несчастного юношу от смерти. Но вот наконец рана затянулась. Охваченные печалью перед скорой разлукой, они завели было с юношей разговор об их старинной дружбе, как вдруг в лавку вломилась дворцовая слуга.

— Срок истек! — заорали они. — Ему пора на службу. А заупрямится, возьмем заложников! Их ждет та же участь, что и его!

Торговцы похолодели от ужаса и, смахнув слезы, проводили юношу за ворота.

Цюань Жусю снова оказался в покоях евнуха Ша. Теперь он ни о чем больше не мог мечтать. Ему оставалось лишь усердно служить и ждать, когда судьба улыбнется ему и он достигнет желанной цели. Ну, а пока приходилось мириться со своей участью и усердно служить. Евнух, довольный прилежанием юноши, проявлял к нему отеческое внимание.

Порасспросив кое-кого, юноша вскоре понял, что в его беде повинен злодей Янь Шифань, и у него вспых-

нула лютая ненависть к коварному сановнику. Он должен ему отомстить, хотя может лишиться жизни, если сановник догадается о его замысле. И не только он, но и оба его друга. Поэтому Цюань и виду не подал, что все знает. Словно ничего не слышал, как глухонемой. Яню, когда тот приходил, он старался всячески угодить.

— В былое время я по занятости своей не мог оказать вам должных знаков внимания. Сейчас совсем другое дело, я здесь живу, как в родительском доме. Если понадобится вам, пошлите за мной, и я тотчас приду на день или два, разумеется, с дозволения моего повелителя.

Янь Шифань с радостью слушал почтительные речи юноши. Теперь он частенько приглашал Цюаня к себе — то пересадить бамбук, то подрезать цветы. Евнух охотно его отпускал, и, казалось, все были довольны.

Бывая у Яня, юноша старался подметить каждую мелочь, запоминал все, что говорил сановник, если же тот вел крамольные речи, записывал каждое слово в книжицу — пригодится.

Здоровье евнуха между тем все ухудшалось, болезнь легких вспыхнула с новой силой. Не прошло и года, как он скончался, а незадолго до кончины, как и обещал, отправил Цюаня к сановнику.

Притворившись, будто с большой охотой служит новому господину, лютому своему врагу, юноша, пробыв у Яня год, подробно узнал о делишках самого вельможи и его отца Янь Суна. Юноша верил, что преступления этих злодеев рано или поздно всплывут наружу, а он скажет еще и о том, что известно ему.

Пришло время, и сановник Ян Цзишэн подал доклад трону, в котором раскрыл «десять преступлений и пять зол», совершенные Янями. Увы! Государь предал казни честного вельможу. Но достойные мужи Поднебесной не смирились. Они продолжали подавать доклады, требовали суда над злодеями. И государю пришлось принять меры. Он разжаловал Янь Суна в простые чиновники, а сына его Янь Шифаня и внука Янь Ху отправил на военное поселение в места с тяжелым климатом, втайне надеясь, когда страсти поутихнут, вернуть опальных вельмож и обласкать. Кто мог подумать, что какой-то мелкий чиновник спутает

все его карты! За свои злодеяния царедворцы, к великой радости всех людей, в конце концов понесли суровую кару.

Отправляясь в изгнание, Янь Шифань отдал всех, кто был у него в услужении, в областную и уездную управы, где ими должны были распорядиться по усмотрению. Способных к службе определили на чиновничьи должности, другие вернулись к прежним хозяевам. Дошла очередь и до Цюань Жусю.

— В свое время я состоял при господине Ша Юйчэне, но был дворцовым служащим, а не слугой, — сказал молодой человек. — После кончины досточтимого Ша меня должны были отправить ко двору, а передали сановнику Яню. Прошу отправить все мои бумаги трону, дабы я лично все разъяснил государю. Он и решит мою судьбу! Дело мое скрыть нельзя, ибо в случае проверки могут возникнуть большие неприятности!

Областные чиновники испугались и передали бумаги Цюаня начальству, которое тотчас переправило их в столичное ведомство. Вскоре Цюаню сказали, что он определен во дворец. Оказавшись в «запретных палатах», юноша скоро заметил, что дворцовые девы пользуются товарами из лавки «Собрание изысканностей», которая поставляет во дворец ароматные масла и мыло, а также благовония, которые обычно носят у пояса.

— Они из моего прежнего дома, — сказал он однажды какой-то придворной даме. — Так, видно, распорядилась судьба, чтобы владелец и его товар вновь соединились.

— Значит, ты владелец Башни Собрания изысканностей? — воскликнула дама. — Почему же ты не женился, не продлил свой род? Такой красавец и дал себя оскотить!

— На то есть причина, но о ней я пока умолчу, ибо если мои слова вылетят из «запретных палат» и достигнут слуха злодеев, мне никогда не удастся осуществить месть! Поведаю я обо всем только государю.

От одной девы к другой пополз слух, который в конце концов дошел до ушей государя Шицзуна.

— Оказывается, новый евнух был когда-то торговцем.

— Его погубил какой-то злодей, обладавший неограниченной властью!

— Юноша сказал, что лишь вам, ваше величество, поведает о своих бедах, больше никому. Десять тысяч лет вам здравия, государь!

Шицзун призвал юношу к себе и с пристрастием допросил. Цюань Жусю во всех подробностях рассказал свою печальную историю, не прибавив и не убавив ни единого слова. Государя охватил гнев.

— Мы и раньше слышали, что этот Янь, употребляя власть свою во зло, измывается над людьми, но не верили слухам, ибо они казались неправдоподобными,— промолвил Сын неба.— Теперь вам ясно, что сей Янь не человек, а лютый зверь, и все, что о нем рассказывали,— суцая правда! Ты долго жил у него и многое должен знать. Скажи, какой вред принес он трону, что содеял, дабы ослабить мощь страны?

— Ваши вопросы, ваше величество,— истинное счастье для меня, простолюдина! — воскликнул Жусю.— В них я вижу божественное проявление воли предков и знак алтаря нашей отчизны! Злодей совершил мерзостей столько, сколько волос на голове, а может, и больше. Заботясь об интересах двора, я, ваш раб, внимательно за ним следил. Всех его злодеяний упомянуть невозможно, но три-четыре из многих десятков постараюсь назвать. У меня есть книжица, куда я записывал все, что довелось видеть или слышать. Я не дерзнул бы представить ее на суд вашего величества, не будь в ней каждое слово истинной правдой! Обман государя — величайшее преступление!

Шицзун поднялся с трона и взял книжицу в руки.

— Наш добрый Ян Цзишэн, ты явился тогда пред наши очи, словно вновь рожденный Би Гань или Цзицзы.— Государь хлопнул рукой по столу. Голос его был подобен грому.— Все, что ты докладывал нам, оказалось правдой — каждое слово! О, одинокий, как мог ты по собственному недомыслию погубить верного друга?! Ты недостойн ничего, кроме злых насмешек и порицаний на тысячу лет, как государь, который привел страну к гибели! А мы еще хотели вернуть злодея ко двору, когда страсти немного поутихнут!

Ведь всем хорошо известно, что после грома непременно прольется дождь и выпадет роса. Ссылкой ему не искупить всех своих злодеяний. А потому мы вернем его ко двору и казним. Только этим можно умирить гнев простых людей и успокоить их честные серд-

ца. Каждый день его жизни, даже в тех далеких и зло-
вредных местах, несет угрозу нашему трону. Кто знает,
быть может, он стакнулся с южными варварами и
замышляет мятеж против двора!

Так сказал император Шицзун, хотя его по-преж-
нему одолевали сомнения. И все же злодей принял жесто-
кую смерть. Нашлось при дворе немало людей, кото-
рые «подлили масла в огонь». Честные чиновники
составили бумагу на имя государя, в которой написа-
ли: «В наши земли вторгаются восточные разбойни-
ки — варвары Во, с коими Янь Шифань вошел в пре-
ступный сговор, ибо был в свое время ими подкуплен.
Сие преступление совершается не первый день, о чем
известно при дворе и за его пределами. Но никто не
дерзнул об этом сказать, ибо сила злодея, подобно
смердному пламени, доходила до самых небес. Когда
он был сослан, отовсюду стали приходить люди с жа-
лобами, и было их так много, что они, как говорится,
наступали друг другу на пятки. Почтительно просим
вас, государь, изничтожить злое семя по всей стро-
гости закона!»

Доклад верных мужей укрепил волю владыки. Он
приказал немедля доставить злодея в столицу и свер-
шить над ним казнь.

Цюань Жусю поспешил к месту казни, дабы бро-
сить в лицо злодею горькие обвинения.

После казни Янь Шуфаня Цюаню удалось раздо-
бить его череп, и он сделал из него сосуд для мочи.
В минуты довольства, а у него их было немало, юноша
часто плевал на череп и многократно им пользовался
по назначению. В назидание власть держащим, дабы
они не следовали путем Янь Шифаня, юноша сочинил
стих на древний манер, где короткие строки чередова-
лись с длинными. Послушайте его.

Ты нижнюю плоть у меня отрезал,
А я главу у тебя отсек,—
Так верхнее поменялось с нижним,
И я расквитаться смог.
Решил ты со мной поиграться жестоко,
Теперь же в твой рот плюю,—
Так грязное поменялось с чистым,
Так месть продлеваю свою.

Не раз после казни твоей вспоминал я
О зле, причиненном тобой,
Но ты в гнильё и смрад превратился,
А я доволен судьбой.
Предостеречь теперь я хотел бы
Всех, кто живет на земле:
Нет преступленья без возмездья,
Забудьте о лжи и зле!
Скажу тому, кто злое задумал:
Дурные мысли отринь —
Получишь за восемь лянгов коварства
Отмщенья полный цзинь!

БАШНЯ РАЗВЕЯННЫХ ОБЛАКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Если красавица смывает румяна и пудру, она становится еще прекрасней; если безобразная женщина старается походить на красавицу, она становится еще безобразней

В женских покоях беды таятся.
А что их ростки порождает искусно?
Конечно же, хитрости ловкой служанки,
Способной разжечь любовные чувства.
Гостя коснулись осенние волны,
А девичья кожа — белее сливок,
И вот уж приходят весенние письма
На языке порхающих иволг.
Цветет мэйхуа — из беседки выйдешь,
И в душу запах повеет милый,
Он в сад влечет: мотылек подружку
Ждет, легкомысленный и легкокрылый.
Коль хитрые нити Хуннян не сплела бы,
Возникнуть могла бы любовная сцена?
И разве прелестной Инъин удалось бы
Найти ненаглядного друга —
Чжаншэна?

В этих стихах, как и в самой повести, говорится о коварстве лукавых служанок и о волшебстве, которое таит в себе аромат цветов мэйхуа. Главе семьи надлежит помнить об этой опасности и постоянно быть начеку, дабы женщины, обитающие во внутренних покоях, не общались с посторонними мужчинами, тогда не возникнут связи, способные запятнать девичью честь. Вот почему следует ценить книги, содержащие нравоученья, и не допускать рассуждений, влекущих к распутству и падению нравов.

Издавна «ароматом мэйхуа» — «мэйсян» — называли служанку. Людям не очень серьезным такое прозвание казалось весьма изысканным. Они, видимо, не знали о том, что в древности это выражение имело

иной смысл. Цветок мэй означал «младшая сестра», а «аромат» — «сян» — душевное стремление. И еще говорилось: «Когда разливается аромат цветка мэй, весенние чувства бушуют, ибо сей аромат привлекает шмелей». Итак, цветок как бы таит в себе весенние чувства, а шмель вьется вокруг цветка. Чувства рвутся наружу, а шмель норовит пробраться внутрь. В какой-то миг они встречаются. Вот почему важно вникнуть в смысл всего выражения и каждого его слова в отдельности, чтобы со всей решительностью преградить путь к праздному легкомыслию. И наоборот, если не поймешь выражение до конца, могут возникнуть разные неприятности: падет тень на чье-то честное имя, а «аромат» служанки превратится в «смрад» ее хозяйки. Разве не в этом смысл названных выше слов? Надобно вам знать, что прозваний у служанки довольно много. Ей могут дать название любого цветка или вазы. Но все же чаще ее называют «ароматом мэйхуа». Любопытно, почему другие прозвания не так распространены, как это? Оно пришло к нам из древности и нисколько не изменилось.

В эпоху Мин жила некая целомудренная женщина, овдовевшая в восемнадцать лет. Теперь ей было сорок. Родители и родственники не раз советовали ей выйти замуж, но, обладая волей тверже железа и кремня, она решительно отказывалась. И все же с ней приключилась пренеприятная история: однажды ночью, когда женщина спала, ею овладел один распутник. Сквозь сон она вдруг почувствовала, что рядом лежит мужчина, обнял его, как некогда обнимала мужа, и отдалась ему со всей страстью, на которую была способна. Пробудившись ото сна, вдова поняла, что сотворила блуд с незнакомцем. Спросила, кто помог ему проникнуть в ее покой. Распутник, не таясь, все рассказал, поскольку был уверен, что вдова, сотворив блуд, лишнее болтать не станет. Дело было так. К служанке вдовы давно хаживал любовник. Опасаясь, что рано или поздно хозяйка об этом узнает и станет пытывать, что да как, служанка подговорила любовника, как говорится, «выловить сетью всю рыбу», иначе говоря, обольстить хозяйку; после чего они смогут беспрепятственно наслаждаться.

— Хозяйка любит поспать, — сказала служанка любовнику, — разбудить ее можно, лишь крикнув в са-

мое ухо. Прoberись к ней потихоньку и соврати, благо ей, наверное, еще не перестали сниться весенние сны. Вряд ли она будет звать соседей на помощь. Как говорится, дело сделано, что же понапрасну шуметь?

Похоть мужчины, вырвавшись из печени, устремилась в самое небо. Не теряя ни мгновенья, он пробрался к вдове и совершил свое черное дело.

Вдова, разумеется, была в отчаянии, но, чтобы не порочить своего доброго имени, решила молчать. Когда распутник ушел, она впала в раздумье. Больше двадцати лет оберегала она свою вдовью честь и вдруг в один день ее лишилась. Да еще из-за какой-то прислуги! Неужели смириться? Нет, стерпеть никак невозможно! Всем рассказать? У нее не повернется язык. Она позвала служанку, отчитала ее и даже несколько раз укусила. Ну а потом? Потом, горько вздыхая, взяла веревку и удавилась. Родственники до всего дознались и доложили властям. Мужчину казнили, а служанку приговорили к медленной смерти. В связи с этой историей появились такие стихи:

Лишь после смерти ее плачевной
Настал безжалостный час отмщенья.
Наверно, в судьбе, что ее ожидала,
Ущербность таилась еще до рожденья,—
И вот почему, вдовство соблюдая,
Она поступилась правилом главным.
Видимо, все еще строгости мало
Даже при нашем правленье славном.

Жили на свете и другие служанки-мэйсян, сотворившие немало удивительных дел, соединив вместе красавиц и талантливых юношей. Они сил не жалели, дабы устроить брачный союз, который устроить казалось невозможным. Но делали они это, движимые благородством, а не плотскими желаниями.

Уважаемый читатель! Воздай хвалу этим достойным девам и скажи, что их никак нельзя сравнить с распутницей, о которой мы только что рассказали. Вряд ли кто-нибудь догадается, что, говоря: «В нашем мире люди должны добиваться своего с помощью Лунного старца, а не каких-то служанок», автор следует мудрости, заключенной в книге «Весны и Осени».

Служанка, ставшая сводней и способная вывести девиц из внутренних покоев, коварна, как вассал, предавший родину. Доверить ей девицу, все равно что отдать государя или родителя в руки врагов. Вот почему, приступая к нашей истории, мы даем читателю добрый совет быть осторожным.

Во времена династии Мин, в годы Изначальной Помощи — Юанью — жил в Линьани некий молодой муж по имени Пэй Юань, или Пэй Цзидао. И поскольку в семье был он седьмым, его часто звали Седьмым господином Пэй. Он отличался привлекательной внешностью и изяществом, был к тому же весьма талантлив и на редкость умен. Неудивительно поэтому, что он везде привык быть первым. Еще в юные годы он женился на некой Фэн — девице из богатой семьи, жившей в том же округе. Красотой его жена не блистала, зато приданое за ней дали богатое. Нрава она была неприятного, дерзкого, отчего супруг часто испытывал неловкость и даже стыд.

Еще до женитьбы Пэй Юань по воле родителя был помолвлен с дочерью некоего Вэй. В ту пору по причине юного возраста Пэй не имел ни имени, ни положения в обществе. Но ко времени, когда ему уже можно было надеть шляпу совершеннолетнего, он успел прославиться и многие богатые семьи возымели желание с ним породниться. Узнав, что богач Фэн дает за дочерью приданое в десять раз больше, чем семья Вэй, отец юноши, движимый алчностью, решил не упускать счастливого случая и женить сына на дочери богача.

Жена отвратила от себя молодого Пэя не только безобразной внешностью, но и дурным нравом. Но что интересно, сама она не только не считала себя безобразной, а, напротив, без конца твердила, что во всей Линьани можно по пальцам пересчитать подобных ей красавиц. Она любила хвастаться своими нарядами и, разодевшись пышно, частенько вместе с подружками отправлялась повеселиться на озеро Сиху. В своих развлечениях она не знала удержу, так как была избалована с детства.

Надобно вам знать, что Пэй, которого, к слову сказать, все причисляли к «ветротекучим»; еще будучи холостяком, говорил в беседах с друзьями, что женит-

ся либо на самой красивой девушке, либо будет коротать век в одиночестве. И что же? В жены ему досталась (могли ли кто-то такое предположить?!) девица, безобразная, как страшилище Дунши или матушка Мо. Боясь насмешек друзей, молодой муж старался не появляться вместе с женой на увеселительных прогулках и не разрешал своим мальчикам-слугам, которых знали в лицо приятели, сопровождать жену. С ней выходили лишь самые близкие служанки из дальних покоев, которых никто никогда не видел.

Как-то раз во время летнего праздника Дуаньян у озера Сиху собралось множество людей посмотреть на состязание «драконовых лодок». В толпе мужчин находился и Пэй. В разгар праздника вдруг налетел страшный вихрь и по озеру пошли волны высотой чуть ли не с гору. Так, в пятый день пятой луны прекрасное озеро разбушевалось, как некогда река Цяньтанцзян в восемнадцатый день восьмой луны. Волна в пять чи высотой обрушилась на лодки, и сидевшие в них люди вымокли до нитки. Лодочники же кричали, что всем надо прыгать на берег, ибо лодки вот-вот могут перевернуться. Кому хочется погибать? Женщины со всех суденышек (а было их несколько сотен), внемля призывам лодочников, принялись прыгать на земляную перемычку. На дамбе Суди было столько людей, что под их тяжестью могли бы рухнуть шесть каменных мостов.

Среди мужчин в это время шел оживленный разговор. Один молодой человек, надо сказать, легкомысленный и беспутный, промолвил:

— Видно, буря не скоро кончится. Значит, женщины отправятся домой пешком. Давайте пойдем к Главной дороге и оттуда понаблюдаем за ними. Может, посчастливится узреть хоть несколько красоток. Правда, говорят, что в Ханчжоу почти все девы так накрашены, что не разберешь, где настоящая красавица! А вот сегодня мы сможем по достоинству их оценить, как литератор свое сочинение, ибо потоки дождя смывают и румяна, и пудру. Не иначе как само небо послало нам такой случай! Идемте же скорее!

Все поддержали молодого человека. Даже Пэй, который обычно молчал, заявил, что предложение весьма кстати и того, кто его придумал, следует назначить главным судьей в оценке женской красоты.

Все устремились к мосту Силянцяо — Западного Холода и там постарались встать на камень повыше, чтобы лучше было видно. Только заняли они свои места, как появилась толпа женщин, напоминавшая рой пчел. Одни шли под зонтом, другие прикрывались верером или листом лотоса, сами похожие на цветок, вырванный ветром из воды. Иные ничем не защищались от дождя, омываемые его потоками, как деревце груши или сливы. Мужчины так и впились в них глазами — ни одной красавицы. Товар, как говорится, среднего качества, даже ниже среднего. Несколько сотен женщин прошли перед молодыми вертопрахами, и из груди их вырвался вздох разочарования, на память пришли строки из «Четверокнижия»: «Так редко встретишь прекрасные качества».

Они продолжали вздыхать, когда вдруг раздался голос:

— Взгляните! Уж не красotka ли там идет?

Все взоры устремились в указанную сторону, и молодые люди увидели деву необыкновенной красоты, окруженную толпой служанок. Как говорится, одной лишь улыбкой она способна была разрушить стену города и покорить страну. В доказательство приведем стих, написанный на мотив «Луна над Западной рекой».

Лицо будто черным лаком покрыто,
Давно потерявшим свой блеск красивый.
Тело — растрескавшаяся льдина:
На коже глубоких морщин извивы.
Чернеют ложбины, как страшные
шрамы,
На бледной щеке, иссохшей и впалой,
Подобно следам от слез, что когда-то
С горя наложница Сян проливала.
На дряблых руках — зеленые вены,
Болтаются под глазами мешочки,
А вместо обоих зубов передних —
Грязного серебра кусочки.
У тех, кого ее взгляд коснется,
Душа со страху рвется наружу!
Любого бойца она в трепет приводит,
И вмиг поникает его оружие.

И этой женщиной, представьте себе, была супруга нашего Пэя, дочь богача Фэна. Вы уже знаете, что Пэй, опасаясь, как бы его не осмеяли, нигде не появлялся вместе с женой. По этой причине ему не раз приходилось выслушивать досужие разговоры и колкости, но он пропускал их мимо ушей. Сегодня же ему не удастся увильнуть от супруги и придется выставить себя на позорище.

Друзья Пэя, приметив разодетую женщину, бросились было к ней со всех ног, но вместо небожительницы увидели, к своему удивлению, страшное чудовище. Мужчины, хохоча, подошли поближе, чтобы хорошенько ее рассмотреть.

— Ой! Среди белого дня — и вдруг такое страшилище! — воскликнул кто-то, притворившись испуганным и втянув голову в плечи. — Быть беде!

Некоторые нарочно зажмурились, когда женщина проходила мимо.

Пэй Юань, весь красный от стыда, готов был провалиться сквозь землю. Хорошо еще, что он вовремя заметил супругу и успел спрятаться за спинами друзей. Он наклонился так низко, что стал сразу меньше на несколько цуней. Только бы она его не заметила, только бы не окликнула! Тогда никто ничего не заметит. Женщина между тем подошла совсем близко. «Хоть бы произошло чудо и она умчалась на облаке», — мечтал Пэй. Но, увы, чуда не произошло.

Как известно, женская ступня в три цуня длиной, напоминающая лотос, изогнута. Туфелька тоже выгнута наподобие лука, нога в ней все время напряжена, и двигаться нельзя. А есть женщины, которые нарочно замедляют свой шаг, дабы показать все свои чары. Само собой, в том случае, если поблизости находятся мужчины и можно вызвать их восхищение. Пусть дождь льет как из ведра! Все равно красotka не ускорит шаги. Плохо лишь, что дорога покрыта скользкой глиной. Она все равно что враг. Тут не только не пощеголяешь своими красотами, а, наоборот, выставишь себя в самом что ни на есть неприглядном виде.

Именно так случилось с женой Пэя. Когда, изгибая стан и покачиваясь из стороны в сторону, она проходила мимо мужчин, нога ее зацепилась за камень и женщина, вся залепленная грязью, растянулась на

земле. Ну что за невезение! Сейчас ей было не до жеманства, впору кричать, звать на помощь. Глядя на нее, молодые люди покатывались со смеху.

Седьмой Пэй еще больше согнулся, втянул голову в плечи и очень походил сейчас на Юань Жана, который некогда опустился на корточки, выражая тем самым свое непочтение к свету. Словом, Пэй притворился слепым и глухим, хотя кругом стоял невообразимый шум.

Женщины между тем бросились к жене Пэя на помощь. Были среди них и дурнушки, и хорошенькие. Но две девы привлекли к себе всеобщее внимание. Им было лет по восемнадцать, не больше. Шелковые платья, мокрые от дождя, плотно облегали словно выточенные из нефрита тела красавиц, упругие и в то же время нежные, будто яшма, девичьи груди. У мужчин вырвался вздох восхищения.

— Вот эта заслуживает титула Первейшей — Чжуаньюаня, а та — Образцового глаза — Баньяня. Присоединить бы к ним еще Таньхуа — Проверяющего цветы, и получился бы Треножник первейших! — сказал кто-то. — Увы! Теперь придется ждать следующего Праздника лета. Возможно, появится еще один юный талант!

Пэй было осторожно приподнялся, чтобы посмотреть, но тут же спохватился, прикрыл лицо веером и сквозь просветы в нем жадно разглядывал красавиц. В самом деле! Вряд ли можно было найти равных им в Поднебесной!

С трудом подняли госпожу Фэн с земли и повели в ближайшую кумирню, чтобы она подождала там, пока не найдется паланкин. Идти пешком в таком виде было невозможно. Обе красавицы прикрылись одним зонтом. Они двигались быстро, но и это нисколько не портило их чистой девственной красоты. Лишь благодаря ливню мужчинам посчастливилось увидеть столь прелестные создания. Несколько женщин подошли к Оборванному мосту. Здесь можно было укрыться от непогоды и дожждаться попутного паланкина. Молодым людям неловко было следовать за женщинами, и они весьма неохотно пошли прочь.

Ну, а как же те две красавицы, которых молодые люди наградили титулом Первейшей и Образцового глаза? Как их звали, были ли они просватаны или

уже замужем? Не торопитесь, почтенные слушатели! Побудьте немного в неведении. А в следующей главе я все подробно объясню.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ссылаясь на судьбу, Пэй пытается наладить прежнюю связь; мечты о браке рушатся, и он подвергается оскорблениям

После злосчастливого дня в Праздник лета Пэй часто вспоминал унижительную сцену, и всякий раз его лицо заливала краска стыда. От шуточек друзей в адрес его жены он готов был провалиться сквозь землю.

— Вот уродина! Сидела бы лучше дома. Так нет же. Ей, видите ли, понадобилось на озеро идти. Смех, да и только!

— Это муж ее во всем виноват. Запретил бы ей показываться на людях, и все. Узнать бы, кто он, ее супруг, можно было бы сочинить презабавную пьеску!

Женщина выступила бы в комической роли — чоу, а ее муж — в характерном амплуа цзин. Оба с размаляванными лицами. Ну а те две красотки сыграли бы роль благородных девиц, вроде Сиши или Ван Цян, чья красота особенно выделяется на фоне таких уродин, как матушка Мо или Дунши. Прекрасная бы получилась пьеска!

— Если есть героини, значит, должен быть и главный герой — шэн, — заметил кто-то. — Да, надо непременно постараться и узнать имена прелестниц. И неплохо выяснить, с кем они помолвлены! Их суженые просто обязаны «смочить наши кисти», поскольку мы сочинили для них подобную пьеску. Сделаем непременно!

— Еще надо узнать имена тех, кто выступит с размаляванными лицами, — сказал кто-то. — Как говорится, душистое источает аромат, а смрадное — вонь!

Пэй теперь испытывал не только стыд, но и страх и мог в любой момент себя выдать, как ни старался сохранить невозмутимый вид. Он даже поддакивал приятелям: «Да, конечно, виноват во всем супруг!»

Вернувшись домой, Пэй долго не мог отделаться от неприятного чувства, которое ему довелось только что испытать. Он досадовал на жену, его буквально распи-

рало от злости, но ей он об этом ни словом не обмолвился, лишь молил духов, чтобы она поскорее протянула ноги. Увы! Пэй не знал одну старую истину. Если женщина безобразна, значит, она чем-то прогневала творца и всякие заклинания против нее бессильны. Но рано или поздно ее непременно отыщет нечистое племя, и кто-то из нечисти принесет напарнице приглашение пополнить его ряды.

После злосчастной прогулки на озере жена Пэя схватила простуду. Вдобавок она не находила себе покоя оттого, что никто из мужчин не оценил ее достоинств, не прославил ее красоты. Мало того. Когда она упала в грязь, на нее посыпался град насмешек. «А может быть, мужчины правы и я в самом деле безобразна?» — подумала женщина, со стыдом вспоминая свое жеманство. И такая ее охватила тоска, что она в конце концов заболела и через несколько дней скончалась.

Пэй пришел в радостное расположение духа, словно избавился от щепки в глазу. В голове его роились мысли одна приятнее другой. «Теперь возьму себе в жены такую красавицу, что перед ней не только город не устоит, но и целое государство. Чтобы все вокруг восхищались ее прелестями. Тогда, по крайней мере, я хоть немного буду вознагражден за испытанный прежде стыд. Кого же выбрать? Разумеется, тех красоток. Хорошо бы завладеть сразу обеими, впрочем, и одной хватит, чтобы утереть нос друзьям. Так я осуществлю свои давние мечты и нынешние намерения и смогу стать главным героем в той пьеске. А героев с размазанными лицами вообще не будет!»

Несколько дней Пэй вместе с приятелями тщетно разыскивал красоток. А узнал он их имена совершенно случайно, от носильщика паланкина, когда однажды возвращался домой. Одна из девушек оказалась той самой Вэй, с которой в свое время он был обручен. Вторая — ее прислужницей по имени Нэнхун.

До этого момента все в повести было правдиво, а сейчас появились сомнения. Будь одна из девушек простой служанкой, это сразу бросилось бы в глаза. Но почему-то все решили тогда, что это подруги. И вдруг выясняется, что одна из них простая служанка — «аромат мэйхуа».

Но, почтенные, вы забыли, что в тот злополучный день разразился ливень и у озера началась настоящая паника. Тут уж было не до того, чтобы выяснять, кто знатный, кто — нет. Все смешались в одной громадной толпе. К тому же обе красотки прятались под одним зонтом, держа его своими нефритовыми ручками и помогая друг другу. Они были словно два бутона на одном лотосе. Словом, девушек приняли за сестер. Однако носильщик паланкина все рассказал без утайки, и дело прояснилось. Молодые люди пришли от такой новости в восхищение.

Кто-то заметил:

— Подумать только, в одном доме сразу две драгоценности — госпожа и служанка, обе красавицы — просто поразительно!

Девиде Вэй исполнилось в ту пору шестнадцать, а служанка была старше ее на два года. Она отличалась и красотой, и умом, потому хозяин, считая, что девушка родилась под счастливой звездой, позволил ей вместе с дочерью заниматься ученьем. Вначале девицу нарекли Таохуа — Цветок Персика, но она попросила хозяина переменить ей имя на Нэнхун — Умеющая Краснеть, близкое по смыслу «Цветку Персика», ибо, как говорится в стихах: «Цветок персика может алеть, а цвет сливы белеет».

Все эти подробности взволновали Пэя.

«Если мне повезет с женитьбой, я получу не только красавицу жену, но и прелестную наложницу! Какое же это будет счастье! К тому же немаловажно, что когда-то мы были помолвлены. Это облегчит дело».

Он переговорил с родителями.

На сей раз отец решил не препятствовать сыну, помня о том, как он страдал при первой женитьбе, и отправил к Вэям тех же самых сватов.

Отец девушки пришел в ярость.

— В свое время он позарился на богатство и нарушил наш договор! За подобное злодейство я готов был отрубить ему голову, вырвать внутренности, съесть их и запить вином. Никакой свадьбы не будет! Подумать только! Богатея предпочесть бедняку! Будто дочь его писаная красавица, а моя — захудалая крестьянка! А сейчас, видите ли, я ему понадобился! Нет! Я выдам дочь за другого. Не придется ей тосковать и печалиться! К тому же она у меня не колченогая,

не глухая и не слепая. А и была бы такой, я все равно не дал бы ее в обиду. Словом, не отдам я ее в жены своему смертельному врагу. Ни за что! На этом считаю разговор законченным!

Сваты не стали ничего говорить, ибо понимали, что старый Вэй прав. Извинившись за причиненное беспокойство, они откланялись и вернулись к Пэю передать ему ответ. Отец посоветовал сыну выбросить из головы мысль об этой женитьбе, но сын стоял на своем.

— Либо женюсь на девице Вэй, либо приму обет безбрачия и умру холостяком. Причем раньше отпущенного мне срока. Год или полтора подожду. Если же они не согласятся, добровольно приму смерть, чтобы искупить перед девушкой свою вину.

Родители Пэя впали в отчаяние. Отец умолял сватов любыми средствами уладить свадебное дело. Сваты снова отправились к Вэю, но он послал вместо себя жену, которая набросилась на сватов с бранью.

— Уж если кто и стремится к корысти,— кричала госпожа Вэй,— так это обычно семья невесты, бедные женихи, как известно, не в почете. В любой повести или пьесе можно увидеть, что нарушает слово обычно женская сторона, а мужская соблюдает достоинство. У нас же все получилось наоборот. Будто их сын единственная в мире драгоценность, а наша дочка — бросовый товар. На самом же деле все наоборот! Их отпрыск хоть и женился на богатой, с императором они пока не породнились, а вот за мою «никудашную дочку» сватаются не только цзюйжэни, но и цзиньши. Ни один из них ей не подошел — кто по возрасту, кто по наружности. А уж от таких, как ваш Пэй, нет отбоя. Передайте ему, чтобы забыл про весенние грезы и пустые мечтанья! — Свою речь женщина пересыпала бранью, не стесняясь в выражениях. Словом, она устроила представление на славу, как некогда старуха Ван, ругавшая своих кур. Пристыженные сваты едва унесли ноги и посоветовали Пэю отказаться от этого бесполезного дела.

Молодой человек был убит горем. «Неужели все рухнуло?! — думал он. — Какая досада! А ведь я не только видел ее и знаю по имени, я был с нею помолвлен! Ее родители непреклонны в своем решении, судя

по всему, не изменят. Интересно, а что она сама думает? Каковы ее чувства? Ее родители — люди недалекие, к тому же их обуяла злоба. Что способны они понять? Ну, а девица ведь разумная, учится, книги читает, значит, должна была постичь незыблемую для женщины истину — следовать за избранником до конца дней своих! Мы были с ней когда-то помолвлены, значит, дали обет супружеской верности. Не может она выйти замуж за другого, только за меня. Надо все хорошенько о ней разузнать. Может быть, в их доме есть какая-нибудь женщина, которой можно сделать подношение и выведать настроение девицы. Если она не сразу даст согласие, попробую склонить ее к этому разговорами о долге и верности. А согласится, родители не помеха. Только бы получилось! Как говорится: «И из пепла вдруг вырывается пламя!» Бывают же счастливые случайности!»

Молодой человек вышел из дома с намерением выяснить о девице Вэй все, что возможно. Вскоре он узнал, что поблизости от ее дома живет некая мамаша Юй, прослывшая наставницей по всякому женскому ремеслу. Оказалось, что женщина учила и девицу Вэй, и ее служанку с детских лет и, само собой, вхожа в их дом. Муж этой женщины был прислужником в местном училище. Молодой человек хорошо его знал, потому что прибегал к его помощи, когда держал экзамены на ученую степень сюэца.

Теперь можно было считать, что дело с женитьбой на треть улажено. Прислужник получил богатые дары, большая часть которых предназначалась мамаше Юй. Вручая подарки, Пэй рассказал о своих страданиях, когда ему пришлось жениться в первый раз, и о своем горячем желании сочетаться браком с девицей Вэй, а также попросил тетушку Юй поговорить с девицей, но тайком от ее родителей.

— Девица эта высоких добродетелей и легкомысленных речей слушать не станет. Да я и сказать ей не решусь такое! — промолвила тетушка Юй в ответ на просьбу Пэя. — Другое дело «верность и долг». Об этом она охотно поговорит.

Молодой человек несказанно обрадовался. Он решил домой не идти, а подождать где-нибудь поблизости, пока тетушка Юй не принесет ему ответ. Ждать пришлось долго.

Тем временем тетушка отправилась в дом Вэев и, поговорив с девицей о разных пустяках, слово в слово рассказала девушке все, что сказал Пэй. Цель была достигнута — разговор девушку заинтересовал.

— Вы ошибаетесь, матушка! — промолвила девушка. — Не спорю, понятие «верность и долг» неразделимы, но добродетель женщины целиком зависит от верности мужчины! Если же мужчина проявляет неверность, вряд ли справедливо требовать от женщины соблюдения долга. Раз Пэй, как он говорит, собирался на мне жениться, почему нарушил он прежний союз? Зачем, польстившись на богатство, отвергнул нас, бедняков, и теперь твердит, что раскаивается в содеянном. Нет! Человек он ненадежный, неверный, а коли так, нечего говорить о том, что было. Все его слова насквозь лживы. И не стоит он того, чтобы вы, такая почтенная женщина, за него хлопотали!

— Да ведь женился он не по собственной воле, родители заставили, а потому часть вины ему можно простить!

— Конечно, он не мог идти против воли родителей, — отвечала девица. — Но существуют еще установления Неба, перед которым все равны. Почему же одни должны их неукоснительно соблюдать, а другим дозволено нарушать их? Вам, конечно, известно, что такое «четыре достоинства и три послушания». Это правила поведения только для женщин, мужчин они не касаются. А сейчас получилось так, что мужчина почему-то обязан выполнить родительскую волю, а я, женщина, должна ее нарушить, чтобы выполнить свой долг перед мужчиной, которому так и не стала женой. Вздор это все!

— В брачных делах надобно следовать велениям судьбы, а не придерживаться старых правил. Ведь Пэй хотел на тебе жениться, но, поддавшись злой воле, изменил своему слову и женился на Фэн. Все это так! Теперь он овдовел. А ты до сих пор еще не просватана и по-прежнему живешь в девичьих покоях. Это значит, что Пэя судьба связала с тобой, а не с девицей Фэн. К тому же должна сказать тебе, милая, что молодой человек на редкость красив, пожалуй, первый красавец в Линьани. То же твердит и мой муженек.

Ты, кажется, знаешь его, он прислужник в училище. Кто-кто, а он хорошо разбирается в этих сюэцях! Думаешь, я уговариваю тебя с корыстной целью, чтобы получить дары? Нет, я о твоём счастье забочусь!

— Судьба неотделима от души, от того, что в ней таится. И если, к примеру, мне сейчас что-то не по душе, не судьба нам быть вместе. Заставлять себя бессмысленно! Все в жизни имеет свою определенность и меру: знатность и сирость, богатство и бедность. Нельзя домогаться их силой, надо внимать воле небес и слушать советы родителей.

Девушка была непреклонна, и тетушка Юй не стала ей перечить, даже похвалила.

Вернувшись к Пэю, который ждал тетушку у ворот ее дома, женщина провела его в комнату и поведала о своем разговоре с девицей.

— Пожалуй, со свадьбой ничего не получится,— сказала тетушка.— Брак — дело серьезное, и нарушать данное слово нельзя! Надо было думать об этом раньше.

Пэй впал в уныние, но после некоторого раздумья сказал:

— Пусть так! Но есть у меня к тебе еще одна просьба, ее следует сохранить в тайне. Может, что-нибудь и получится. Не хочет идти за меня госпожа, пусть не идет, я отступлюсь. Однако слышал я, что у них в доме живет служанка Нэнхун, девушка, которая в красоте ничуть не уступает хозяйке. Раз не суждено мне соединиться с девицей Вэй, попытаюсь вкусить «аромат мэйхуа». Прошу тебя, поговори с хозяином. Пусть отдаст за меня служанку, дабы не порвалась нить, свитая раньше. Так я сдержал бы свое слово и в то же время избавился от пустых надежд. А господин Вэй прослыл бы человеком твердой воли. Отказался, мол, выдать дочь за недостойного жениха, пристыдил и отдал за него служанку. Что ты на это скажешь? Если же он и на этот раз заупрямится, постарайся поведать о моих тайных намерениях самой Нэнхун. Скажи, что я видел ее однажды у озера и потерял голову. Заставь ее поверить в мои честные намерения, придумай что-нибудь, дабы мы соединились, как птицы луань и хуан. Ах, как было бы это прекрасно!

Сказав так, Пэй преподнес тетушке Юй подарок. Не деньги, не драгоценности. Впрочем, лучше мы скажем об этом стихами:

Жадная сваха не слишком хотела
Жидкого выпить вина.
Щедро пришлось одарить: ведь свахе
Хочешь не хочешь — даешь.
Лучше, когда у тебя найдется
Чистый брусок серебра,
А лучше всего, если в знак почтения
Золото ей поднесешь!

Упрашивая сваху, статный Пэй ростом в семь чи пал на колени, Юй помогла ему подняться. Но и встав на ноги, юноша походил на жалкого карлика. Искренность чувств тронула сердце тетушки.

— Вести разговоры с Вэями бесполезно, — проговорила тетушка. — Не отдали дочь, не отдадут и служанку. И еще больше разозлятся. Ведь Нэнхун девица на редкость проворная и ловкая, бойка на язык и сметлива. Нет, он ни за что ее не отпустит! Но если вы приглянетесь ей, она, возможно, что-нибудь да придумает. Скажем, обведет вокруг пальца хозяина, и тот согласится на брак. Чего не бывает в жизни! Вы идите домой, а я постараюсь с ней потолковать не спеша, по-хорошему, и, если ответ будет благоприятный, пошлю кого-нибудь к вам.

Молодой человек заулыбался, брови его взметнулись вверх, и он принялся горячо благодарить женщину.

Да, и из пепла порой выбивается пламя. Молодой человек, словно забыв о девице Вэй, всеми помыслами устремился к служанке Нэнхун. Только бы не упустить ее! А уж потом он добьется своего. В таких случаях говорят: «Не захватив местности Лун, помышляет о царстве Шу». О своих будущих планах Пэй, конечно, не сказал свахе. А то, чего доброго, откажется ему помогать, обвинив в алчности. И он благодарил сводню, на все лады ее восхвалял.

Здесь, пожалуй, мы пока прервем наш рассказ, хоть и не успели еще, как говорят, ухватиться за синий хвост. Посмотрим, что будет дальше.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Подозрения рассеялись, и зашла речь о двух красавицах; охваченный страстью муж, склонившись в низком поклоне, старается завладеть сразу двумя красавицами

Тетушка Юй рьяно взялась за дело. Как раз ей представился случай побывать у Вэев в гостях, и, когда молодая госпожа куда-то отлучилась, тетушка завела разговор со служанкой Нэнхун. Но та сразу же ее прервала, сказав:

— Я знаю, вас послал тот самый человек. Верно? Зачем вы стараетесь ради него, зачем хлопочете? Моя госпожа не захотела слушать все эти гадости, а уж я и подавно не желаю. Подумаешь, встал перед вами на колени. Ну и что? Вы могли попросту ему поклониться, и все! В этой сделке вы явно потерпели убыток. Смешно на вас смотреть.

Тетушка Юй оторопела. «Откуда она все это знает? Даже то, что он встал передо мной на колени. Уж не дух ли она? Да и среди духов, пожалуй, не сыщешь такую провидицу! А может быть, есть у нее всевидящий глаз или всеслышащее ухо? Но раз она разгадала все мои планы, теперь бесполезно таиться!

— Это верно, что я пришла от того человека! — согласилась сводня. — Почему бы такой ловкой, сметливой девушке, как ты, не выйти за талантливого юношу? Одного не пойму: как ты узнала, что он стоял передо мной на коленях, если в это самое время сидела у себя дома?

— Говорят, что все тайное становится явным и еще, что божественное око, будто молния, проливает свет на любое дурное намерение, родившееся во мраке. Известно ли вам, что я бессмертный дух, явившийся в мир людей? От меня не может быть тайн! Я знаю, о чем вы с ним толковали, вначале он вел речь о моей госпоже, а теперь вдруг заговорил обо мне? Да потому что с моей помощью он надеется в будущем заполучить госпожу.

— Первая твоя догадка верна, а вторая — нет. На коленях он стоял из-за тебя, а о госпоже словом не обмолвился! Зачем же возводить на него напраслину?

Нэнхун опустила голову и после некоторого раздумья сказала:

— Странно! Если он мог встать на колени ради простой служанки, то ради госпожи должен был ползать на коленях, расшибить себе голову или раздробить кости! Ведь он так ее домогался!

— Может, ты и дух, только не настоящий. Первый наш разговор с ним был как бы случайный, ничего определенного он не сказал. И не только не встал на колени, но даже не похвалил госпожу. Когда же она ему отказала, он мигом отринул прочь прежние надежды и свои думы обратил к тебе. А на колени он встал, испугавшись, как бы я не отказалась быть его свахой. Так что намерение его идет от чистого сердца, и ничего дурного в нем нет.

Надобно вам знать, что дома семьи Вэй и тетушки Юй стояли рядом, разделенные только стеной. В саду усадьбы Вэев находилась Башня Развеечных облаков с балкончиком на верхнем ярусе — здесь обычно сушили белье. Окруженная оградой, башня имела одну особенность. Из нее было видно все, что творится вокруг, а что происходит в башне, снаружи видно не было. Поэтому, когда тетушка Юй пришла сватать госпожу, Нэнхун, узнав об этом, поднялась на башенку и с балкона стала наблюдать за домом тетушки Юй. Она заметила у ворот молодого человека, очень красивого, который, видимо, ждал тетушку. Его красоту девушка оценила с первого взгляда. Как только появилась старуха, юноша опустился перед ней на колени. «Наверняка просит тетушку хлопотать о свадьбе или о тайном свидании с госпожой», — подумала девушка и решила принять необходимые меры.

А теперь вдруг сводня завела речь о свадебных делах с ней. «Ах ты, старая сука! — мысленно обругала старуху Нэнхун. — Он только намекнул, а ты уже готова расшибиться в лепешку. Хочешь сделать из меня вторую Хуннян. Какая низость!» Не дав старухе высказаться до конца, она строго ее отчитала. Нельзя сказать, чтобы Нэнхун не испытывала ревности к своей госпоже. И вдруг выясняется, что Пэй стоял на коленях вовсе не ради хозяйки, а ради нее самой. Настроение Нэнхун в момент изменилось, как говорится, кислое стало сладким, укус ревности превратился в мед любви. И она завела со сводней откровенный

разговор, раскрыв перед ней свои настоящие намерения.

— Он и в самом деле очень хорош собой, манеры у него благородные! — проговорила она. — Странно лишь, что он решил сделать своей женой меня, а не госпожу. Пренебрег госпожой, снизошел до служанки. Или «захмелевший старец думает вовсе не о вине»? Может, «аромат мэйхуа» для него лишь предлог, чтобы заполучить госпожу? Ну, а потом, выловив рыбу, он выбросит прочь вершу! И тогда у него не найдется для меня слов любви... или еще того хуже: ему не удастся заполучить госпожу и он станет срывать злость на мне как на ненавистной ему вещи. Вот тогда я и испытаю горе! Скажите, матушка, честно! Ради меня или ради моей госпожи он упал на колени?

— Небо мне свидетель! Говорил он о тебе! Ничего худого о нем сказать не могу! Если ты согласна, он готов хоть сейчас заслать к тебе сватов и подать четыре паланкина с цветными фонарями, чтобы ты пожаловала в его дом. Неужели ты думаешь, что, взяв в жены служанку, он потом сделает наложницей госпожу?

— Кажется, сомнения мои рассеялись! — Девушка рассмеялась. — Теперь я убедилась, что намерение его искренне. И все же как-то странно, ученый человек, известный, — и не может найти себе подходящую жену! Ведь любая богачка за него пойдет, а он стоит на коленях ради какой-то служанки! Только передайте ему, что, если он по-прежнему мечтает о моей госпоже, не видать ему меня как своих ушей! Если же готов жениться на мне по-честному, возможно, какая-то надежда на госпожу у него останется! Ведь мы связаны с ней тесными узами. Сейчас, как вам известно, оба наших дома все равно что два лютых врага. С помощью сватов господин Пэй ничего не добьется. Всю жизнь прождет напрасно. К счастью, я сметливая, и в нашем доме ко мне прислушиваются. В любом сложном деле госпожа вынуждена спрашивать у меня совета. Как скажу, так и будет. Взять хоть дело со свадьбой. Очень я была зла на господина Пэя из-за моей госпожи и сумела убедить ее в том, что не такой уж он хороший. Это из-за меня и сама госпожа, и ее родители возненавидели господина Пэя. И теперь,

конечно, они и слушать о нем не хотят. Если бы вы сразу обратились ко мне, я, возможно, и помогла бы. А сейчас уже ничего не могу сделать. Переубеждать госпожу бесполезно. В общем, не бывать этой свадьбе! Что же до моей свадьбы с господином Пэем, то тут могут возникнуть всякие осложнения, которые не под силу преодолеть даже всемогущим духам. Надо что-то придумать и действовать сообразно обстоятельствам. Придется, видно, повести наступление на госпожу. А потом мы, как говорится, уьем сразу двух зайцев!

Сваха обрадовалась и спросила, что задумала девушка.

— Осуществить мой план сразу не удастся. Придется господину Пэю набраться терпения. Как только подвернется благоприятный случай, я тут же дам вам знать, а вы передадите ему, и тогда мы сообща решим, что делать. Скажу вам без хвастовства, матушка, главное в этом деле — мое доброе согласие! И тогда ничто меня не остановит, даже приказ идти в государев гарем! Пусть занесут меня в списки и велят явиться в управу, я и тогда сумею отвертеться! Что уж говорить про обычные дела!

— Интересно, как все это у тебя получится! — проговорила тетушка.

Вернувшись домой, она тотчас послала за Пэем и передала ему во всех подробностях разговор с девушкой. По словам тетушки, служанке польстило, что ради нее он встал на колени, и сейчас молодой человек вне себя от радости повернулся в сторону соседнего дома и с большой почтительностью отвесил четыре низких поклона. Как говорят в подобных случаях: «Взирая на покой, выразил благодарность за оказанную милость».

Нэнхун заметила эти знаки внимания и прониклась к молодому человеку еще большей симпатией. А дальше произошло, как в поговорке: «В час «инь» свершилась помолвка, в час «мао» дали согласие, а в час «чэнь» зажглись цветные свечи согласия». Нынешнее свадебное дело можно уподобить церемонии, которая случается в чиновной управе. Сначала появляются слуги, за ними двигается паланкин с начальником. Так и здесь: всё началось с Нэнхун, которой

было определено место второй жены, а она уже решала все остальное!

Нэнхун внимательно следила за событиями в доме, и в голове ее созрел план. Разговор заведет кто-то посторонний, а она этим воспользуется. Самой хвалить Пэя, расписывать его достоинства ей, разумеется, неловко, особенно после того, как она невесть что о нем говорила! Но как это сделать, если никто в доме не посмеет произнести фамилию Пэй?

У Вэев чуть ли не каждый день появлялись новые и новые сваты, иногда по трое-четверо за день. Женихов предлагали более знатных, чем Пэй, да к тому же ученых. Приходили сваты и от почтенных богатых шэньши, которые желали взять Нэнхун второй женой, и обычно торопили с ответом. От Вэев они шли в другие дома, а потом возвращались. Но ответа не получали. Время бежало, и пыл у женихов постепенно остывал.

Вам может показаться странным, что две взрослые девицы, которым приспело время закалывать волосы в пучок, до сего времени не были просватаны. Был у них один-единственный жених — Пэй. А сейчас разговор пошел о двух свадьбах сразу. Надобно вам знать, что родители девицы Вэй (люди, к слову сказать, на редкость порядочные) старались никому не показывать ни дочь, ни служанку. Красавицы прятались в глубине дома, как прекрасная яшма среди грубой породы или жемчужина в простой раковине. Впервые они вышли из дома в тот праздничный день и вместе с другими женщинами, наряженными и напوماженными, гуляли по берегу озера. Любители женских прелестей взирали на них лишь издали, на расстоянии десяти шагов, а потому не сразу заметили дев, чья красота могла, как говорится, повергнуть страну во прах. Вихрь, налетевший на озеро, и внезапно хлынувший ливень сыграли роль своего рода свахи, поскольку молодые люди тут же возымели желание взять обеих девиц в жены. Пэй тоже не захотел упускать счастливого случая и устремился за девицами. Ведь первая женитьба у него была неудачной, и ему не хотелось ошибиться вторично. Как говорится: «Лишь высокоталантливый муж, отмеченный знаком судьбы, найдет свое счастье».

Нэнхун несколько не испугал неожиданный поворот событий. Наоборот, она очень обрадовалась, считая, что Пэй ни в коем случае не должен упускать счастливого случая. Сейчас она возлагала большие надежды на веру хозяев во всякого рода предопределения. Как-то девушка им сказала:

— У молодой госпожи есть тайна, но вам она боится ее раскрыть и доверила тайну мне. Замужество, сказала она, дело серьезное, и выходить за кого попало не следует. Надо пригласить ворожея, чтобы он определил ее судьбу по гороскопу. Если знаки гороскопа сойдутся, можно дать согласие на брак, если не сойдутся пусть даже на самую малость, придется от женитьбы отказаться, иначе повторится история с Пэем. Ведь мы тогда дали согласие, даже не подумав о том, что союз может оказаться неблагоприятным, между супругами начнутся ссоры, и жизнь их будет исковеркана. К счастью, этот Пэй нарушил свое обещание.

Родители стали советоваться между собой.

— Брак — дело серьезное, и на сей раз надо не просчитаться. Кое-что я предпринял! — сказал отец, недоумевая, откуда ей все это известно.

— Молодая госпожа говорит, что она до сих пор ничего не знала о женихах, которых ей сватали, а ведь от того, какое замужество, зависит вся жизнь. Госпожа хочет, чтобы впредь гаданье совершалось в нашем доме. Самой ей слушать ворожея и страшно, и стыдно, вот она и попросила узнавать обо всем меня. В общем она желает, чтобы я ей служила и ушами и глазами. Давайте выберем одного гадалея. Как он скажет, так и поступим. Когда их много, не знаешь, кого слушать, и получается путаница.

— Найти гадалея проще простого. Есть у меня один на примете, вполне надежный, некий Чжан по прозвищу Железная Пасть. Вот я и попрошу его погадать, если, конечно, до этого дойдет дело.

Нэнхун рассказала все тетушке Юй и велела передать Пэю — пусть, мол, разыщет этого Чжана и щедро одарит, чтобы он нагадал то, что нужно, она же возьмет на себя сватов. Давать им положительный ответ сразу нельзя, надо действовать постепенно, так-то и так-то. Сначала поломаться немного, а потом согласиться. Молодой Пэй принял эту весть, как чинов-

ник — государев указ. Он почтительно выслушал тетушку и обещал сделать все, как велела Нэнхун.

Нэнхун между тем повела разговор с девицей Вэй.

— Ваши родители, заботясь о вашем счастье, решили пригласить гадалея, чтобы второй раз не ошибиться. Смотрите действуйте осторожно, не то снова раскаетесь.

Девушка Вэй, ничего не подозревая, обрадовалась словам хитрой служанки.

Читатель! Подождем той минуты, когда ворожей Чжан раскроет свою Железную Пасть и предскажет благополучие в браке. Любопытно, что станет он говорить о молодом Пэе? Рассказ о ворожее явится продолжением повествования. Все же мы прервем его сейчас и загадаем загадку. Если же выложим все сразу, не дав читателю поразмыслить, всякий интерес к нашей истории пропадет, как к пресной пище.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ради сердечных дел придумывают план, как обмануть родителей; ведя хитрые речи, заставляют гадалея расхваливать жениха

Родители поверили Нэнхун и теперь, как только заходила речь о замужестве, непременно спрашивали карточку с возрастом жениха. За короткое время этих карточек скопилось несколько десятков. И вот в доме появился ворожей Чжан Железная Пасть, чтобы с помощью гадания выбрать подходящего жениха. Ворожей взял одну карточку с данными жениха, сравнил ее с карточкой невесты и обнаружил, что жених и невеста в чем-то друг другу не подходят. За несколько раз ворожей просмотрел все карточки, но ни одной подходящей не нашел.

— Странно! — воскликнул отец Вэй. — Выходит, моей дочери суждено оставаться без мужа! Прошу вас, почтеннейший, взгляните внимательней! Если звезда жениха хоть в чем-то совпадет с созвездием жены и они не столкнутся друг с другом, если не возникнут препятствия и не предстоят мученья, я сей же час дам согласие на брак.

— Дело вовсе не в том, что судьба жениха не совпадает с судьбой вашей дочери, — сказал гадалец. —

Главное, что в них нет следов горя, поскольку эти мужчины не были женаты. В этом случае было бы крайне легкомысленно соглашаться на брак. По всей видимости, надобно гадать снова. Ведь когда-нибудь восемь знаков непременно сойдутся, как бы ни противодействовали злые силы.

— Разве плохо, что в жизни избранников нет следов горя,— вскричал Вэй,— и они никому не принесли страданий?

— Скажу вам откровенно, только вы на меня не обижайтесь, восемь знаков вашей дочери лишь наполовину отмечены звездой мужа. Это значит, что супружество ее как бы неполное и является продолжением его прошлой супружеской нити. Если выдать вашу дочь за человека, у которого еще не было жены, брачный союз с вашей дочерью может разрушиться. Вскоре после того, как она войдет в дом мужа, случится беда, а может быть, один из супругов отойдет в мир иной. Продолжение супружеской нити может оказаться благополучным, однако и здесь есть заминка. Дело в том, что вашей дочери никак нельзя в одиночку орудовать совком и метлою, иначе говоря, в доме непременно должна быть вторая жена. Лишь тогда мир и покой обеспечены до седых волос. Если же она будет в доме одна, согласие с мужниной звездой окажется половинчатым, а значит, все судьбы будут нарушены и жизнь может внезапно оборваться даже в двадцатилетнем возрасте, если даже и предопределено долголетие. Я сказал вам все от чистого сердца, вряд ли другой будет с вами так откровенен.

Волосы у старого Вэя встали дыбом от страха, он ни слова не произнес, проводил ворожея до порога и пошел к жене посоветоваться, как быть.

— Ворожей говорил о продолжении супружеской нити,— сказал он жене.— Значит, дочь наша должна выйти за вдовца. Но согласится ли молодая девушка стать женой пусть не совсем старика, но человека пожилого?

— Может, и не согласится, но, выйдя замуж за молодого, который еще не был женат, она не обретет ни покоя, ни счастья и брак ее может разрушиться. Именно так сказал ворожей. Я сама слышала. Вспомни Пэя! Как будто обо всем с ним договорились. И что же? Неожиданно все переменилось! Мы во всем вини-

ли их семью, а может быть, все было predeterminedено судьбой.

— Что же получается? Что Пэй самый подходящий жених? Недавно овдовел, да и лет ему немного. Ведь он засылал к нам сватов, а мы отказали. Вот до сада!

— Что было, то прошло. Но если он узнает, что мы теперь по-другому решили, может, опять зашлет сватов?

— Верно! А что, если мне с ним поговорить, намекнуть? Глядишь, снова посватается! Что ты на это скажешь?

В этот момент появилась Нэнхун. Муж удалился, сделав знак жене, чтобы та поговорила со служанкой.

— Ты умница, Нэнхун,— сказала жена,— посоветуй, как быть, согласиться или нет?

— Выходить замуж за врага? — в гневе вскричала Нэнхун, переменявшись в лице.— Будто нет никого другого! По мне, лучше выйти за сорокалетнего, чем за этого гадкого Пэя. По крайней мере, хоть не обидно! Пожалуйста, не говорите ничего дочери, не то просто убьете ее! Нет, надо найти жениха молодого, пусть даже моложе вашей дочери. Если же не найдется подходящий, попросим гадала еще раз хорошенько изучить восемь знаков этого проклятого Пэя! И если они действительно сулят счастье, придется смириться и дать согласие на брак. Но ведь гадала может предсказать Пэю остаться на всю жизнь несчастным сюэем, тогда лучше подыскать госпоже другого мужа.

— Правильно, девочка! — согласилась старая госпожа и пошла советоваться с мужем.— Надо переговорить со сватами,— сказала она,— пусть найдут молодого вдовца, не старше двадцати лет, и принесут его гороскоп. Только без обмана. Ведь бывает, что вместо молодого подсунут старикашку — судьбы подходят, значит, все в порядке! А потом выясняется, что соглашаться на свадьбу нельзя! И вот еще что... Пусть сделают так, чтобы об этом узнали в доме Пэев. Может быть, и от них мы получим карточку с восемью знаками жениха!

Вэй сделал все, как велела супруга. Не прошло и нескольких дней, как сваты принесли целую кипу карточек. Свыше двух десятков.

— Среди этих женихов нет моложе двадцати лет, — сказали сваты. — Некоторым за двадцать, а то и за тридцать! Решайте сами, подходят они или нет!

На вопрос хозяина, где карточка Пэя, один из сватов ответил:

— После вашего отказа Пэй потерял всякую надежду на женитьбу, а потому не стал давать нам свою карточку. К тому же, говорят, у него нет отбоя от невест и он, конечно, надеется урвать кус получше да пожирнее. Вряд ли он станет ворошить прошлое. Мы попросили дать нам знаки рождения, а он ответил, что несколько лет назад уже посылал свою карточку, где было ясно сказано, что он старше вашей дочери на три года, но родился в том же месяце и в тот же день, что и она, только часы рожденья будто бы не совпадают. Пэй родился между часом «у» и «вэй», а девица — между часом «шэнь» и «вэй». Пусть, мол, запомнят!

Старый Вэй рассказал об этом жене.

— Все верно! — промолвила жена. — Он старше нашей дочки ровно на три года, только родился раньше на час. Позови ворожея, пусть посоветует, как быть!

Чтобы гадатель не заподозрил родителей в предвзятости, Вэй написал восемь знаков Пэя на отдельном листке, хорошенько их запомнил и сунул между остальными. Пусть, мол, ворожей сам выбирает. Железная Пасть принялся гадать. Вытянул один листок — не подходит! Взял второй, третий... Дошла очередь до Пэя.

— Эти знаки мне хорошо знакомы! — вскричал ворожей. — Я на них несколько раз гадал.

— Кому же вы гадали? — поинтересовался Вэй. — Не договорился ли он с кем-нибудь еще? Прошу вас, взгляните со вниманием на его знаки. Сулят ли они удачу?

— Его карточку просили многие, все больше люди именитые, богатые. Я им сказал, что по одному гороскопу всей жизни не предскажешь. Одно могу твердо сказать, что никакими путами он не связан и в течение двадцати лет непременно воспарит к облакам! Возвысится над простыми чиновниками. В семьях, которые на него загадывали, девицы разные. У одних судьба схожа с его судьбой, у других — нет. Но никто, понят-

но, не хотел упускать такого выгодного жениха. Даже те, у кого гороскопы не сходились, твердили: главное, чтобы знаки не предсказывали кончину, ну, а разные мелкие неприятности не в счет. В общем, этого Пэя зазывали во многие дома, но всякий раз, видимо, что-то мешало. Любопытно, почему он снова прислал вам свои знаки?

— Почтенный наставник, вы сказали сущую правду. Многие знатные семьи не прочь были с ним породниться, я тоже об этом знаю. Но, уверенный в своем высоком предназначении, он, вероятно, не захотел брать в жены кого попало. Вот почему и тянул с этим делом до сего дня. Не скрою от вас, этот Пэй был в свое время помолвлен с моей дочкой. Но он нарушил свой договор, в погоне за богатством отверг нас, бедняков. Словом, взял в жены другую девицу. Прошло не то два, не то три года, и супруга его скончалась. Тогда он снова заслал к нам сватов. Но я не мог простить ему вероломство и отказал. В прошлый раз вы как будто сказали о продолжении супружеской нити, о том, что дочери моей суждено выйти за вдовца. Тогда я вспомнил о Пэе и по памяти написал его знаки.

— Ах, вот оно что! А я удивился, с какой, думаю, стати он станет посылать вам свою карточку, если у него так много других предложений?

— По вашему мнению, его знаки сулят удачу? А что, гороскоп моей дочки совпадает с его гороскопом? Будут они счастливы в браке?

— Судьба вашей дочери полностью совпадает с его судьбой! Выйдя замуж за Пэя, она станет богатой и знатной. Правда, есть одна сложность. Слишком много желающих заполучить хорошего жениха. Дойдет ли черед до вашей дочки? Пожалуй, я еще раз взгляну на гороскоп вашей дочери. Что ее ждет? Какой будет у нее семейная жизнь? — Ворожей положил перед собой карточку со знаками девицы и стал внимательно их разглядывать. — Поздравляю! — Он рассмеялся. — Поздравляю! Этот брак предрешен заранее, и тянуть никак нельзя. Счастливая звезда озарила своим светом красную птицу луань. Но через три дня звезда покинет свою небесную обитель и удачу может сменить невезенье!

После ухода гадателя супруги Вэй пришли в такое волнение, что разом забыли о прошлых обидах. Решено было искать сватов, чтобы уладили свадебное дело. Девушке велено было принарядиться, дабы звезда благополучия, посетившая их, задержалась еще на несколько дней. Лишь одна Нэнхун оставалась спокойной.

— К вам пришло счастье, госпожа, смотрите не упустите его! — сказала она девице. — Что и говорить, гороскоп дело важное, но не мешает жениху и невесте хоть разок встретиться. Понравится невеста, можно высылать сватов. А не поглядят они друг на друга, и может случиться, что прекрасная, словно цветок, нежная, как нефрит, красавица попадет в руки уроду. О каком же счастье тогда говорить?

— Может быть, у него совсем другие намерения и он не то что на свадьбу, даже на встречу не согласится!

— Успокойтесь, госпожа! Есть у меня один план. Как вам известно, муж тетушки Юй служит в училище и знает всех местных сюэаев. Он-то и устроит вам встречу. Мы спрячемся в доме тетушки Юй, а муж ее пригласит молодого человека к себе, будто бы для важного разговора. И пока они будут беседовать, мы тайком рассмотрим его.

— Пригласить его тетушке Юй, пожалуй, не составит труда, а вот нам с тобой к ней идти неудобно. Впрочем, ты как служанка в любое время можешь сбежать к соседям. Не то что я, хозяйская дочь. Мне не положено выходить за ворота! Придется тебе идти одной, а потом все мне расскажешь!

— Понятное дело, уж я для вас постараюсь, — согласилась Нэнхун. — Только вот в чем загвоздка... Мне он может понравиться, а вам нет. И тогда вы на меня рассердитесь!

— Глаз у тебя острый, и разбираешься ты во всем не хуже меня. Так что можешь спокойно идти!

Уважаемый читатель! Ты уже знаешь, что Нэнхун однажды видела Пэя и отдала должное его красоте. Сейчас дело было почти слажено, оставалось лишь заслать сватов. Хитроумная служанка вела себя так, будто все это ее несколько не касается. У нее был свой план. Молодой Пэй, как мы знаем, изъявил желание взять ее второй женой, но никакой бумаги пока

не прислал. Ведь всем известно, что господа не очень-то любят устраивать свадьбы своих прислужниц! Что, если Пэй забудет о своих обещаниях и Нэнхун останется в его доме простой служанкой? Эти мысли не давали покоя девушке. Она решила воспользоваться тем, что пойдет к тетушке Юй одна и там обо всем договорится с Пэем. Такой возможности упускать нельзя. Объяснив хозяевам, что дело не терпит отлагательств, она получила разрешение пойти к тетушке Юй. Теперь осталось договориться с самой тетушкой и приступить к осуществлению своего плана. Все это походило на театральное действие. Пока мы еще не знаем, удалось ли Нэнхун опередить госпожу и договориться о своих личных делах. Итак, любители театра, хорошенько протрите глаза, дабы лучше разглядеть театральное действие из круга «Беззвучных пьес».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Жених обещает сдержать свое слово; он хочет действовать наверняка

Тетушка Юй пообещала Нэнхун устроить свидание с Пэем, но при этом сказала:

— Сухой хворост быстро загорается. Если вы перекинётесь ласковыми словами или тайком пожмете друг другу ручки, это еще ладно. А ведь может случиться, что воспылаете страстью и займетесь непотребными делами, забыв про стыд. Так вот, запомни, я этого не потерплю.

Тетушка Пэй и ее муж приняли все меры, чтобы молодые люди не смогли как-то их перехитрить. Между тем у служанки ничего подобного и в мыслях не было. Никаких любовных желаний. Она была холодна как лед и при встрече с Пэем повела себя словно суровый наставник, даже не улыбнулась ни разу. Когда молодой человек хотел сделать третий поклон, чтобы выразить свою благодарность, девушка строго сказала:

— Мужчине положено сделать один-два поклона — не больше. Третий поклон ничего не стоит. Надеюсь, сударь, вы знаете, кому обязаны удачей и не забыли того, что я пресила тетушку Юй вам передать?

— Как можно! Ваши слова для меня все равно что строгий приказ! Я твержу их с утра до вечера!

— Значит, можете сейчас повторить? Что же, сделайте одолжение. Но если хоть раз ошибетесь, я сочту ваши обещания лживыми, а чувства ко мне неискренними! В этом случае договор о свадьбе будет немедленно расторгнут.

Молодому человеку стало не по себе. «Неужели она пришла нарочно, чтобы мне досадить?» — подумал он и стал вспоминать, что сказала ему тетушка Юй. Он повторил все в точности, не пропустив ни одного слова.

— Вот теперь я верю, что одна половинка вашего сердца принадлежит мне. Ну, а вторая? Может быть, ее терзают сомнения и вы переменитесь сразу же, как только я приду в ваш дом? В общем, нам следует обо всем с вами договориться, как бы заключить соглашение с тремя условиями. Не устроит вас что-то, скажите прямо, чтобы потом не раскаиваться!

Пэй спросил, что девушка имеет в виду.

— Как только я поселюсь у вас, все в доме должны забыть имя Нэнхун и называть меня «второй госпожой». За нарушение этого условия (если такое случится) вы будете бить себя по губам. Ваши слуги отчитают вас и вынесут суровое порицание. Это первое мое условие. Теперь второе. Вы, как я поняла, принадлежите к кругу «ветротекучих», а они частенько позволяют себе всякие вольности, например, «крадут ароматы и воруют нефрит». Так вот, вы должны прекратить всякие связи с певичками. При нарушении этого условия я прерву с вами всякие отношения. Вы уже совершили поклоны передо мной, и кланяться другим я не позволю, только высоким особам, если вы получите чиновный пост. А станете кланяться кому попало, подвергнетесь наказанию — прикажу бить вас палками по ногам. Исключение составит моя госпожа — ей можете кланяться. И, наконец, третье условие. Возможно, вы получите степень цзюйжэня или цзиньши, а потом станете начальником ведомства или советником дворцового кабинета. Но даже тогда вы не должны мечтать о новой жене. Все это пустое. Если же вы вдруг пожелаете завести наложницу, будете в наказание биться головой о стену, пока не появится кровь. Если же ни я, ни моя госпожа не сможем продлить ваш род, вы, когда вам исполнится сорок, возьмете

себе служанку, которая родит вам сына. Служанку, а не наложницу, помните это!

От столь суровых речей Пэй впал в уныние, но стоило ему взглянуть на девушку, как он сразу повеселел, до того была она хороша. А как сметлива! С ее умом можно было вернуть на путь истинный любого заблудшего. И если даже она достанется ему одна, без госпожи, то никогда не надоест, до самой смерти! Вряд ли ему встретится еще такая же очаровательная девушка. Пэй обещал выполнить все три условия.

— Вот и прекрасно! Вы согласились и теперь уже не вправе идти на попятную! — вмешалась в разговор тетушка Юй и обратилась к Нэнхун: — Уверена, что все у вас будет в порядке!

— Может, и так, только слова есть слова, — промолвила девушка. — Однажды господин Пэй уже совершил ошибку и потом раскаялся. Как бы и сейчас не стал сожалеть. Нет, дело можно считать решенным, лишь когда он напишет бумагу и поставит на ней свою подпись. Еще там должны стоять имена двух поручителей — ваше, тетушка Юй, и вашего мужа. Это на тот случай, если меж нами начнутся нелады.

— И то верно! — согласилась тетушка, достала кисть, камень для растирания туши и цветную бумагу.

— Извольте написать! — обратилась она к Пэю.

Пэй послушно взял кисть и принялся писать.

«Я, Пэй Юань, человек, изъявляющий свое согласие, настоящим заявляю. Однажды, будучи неискренним в чувствах, я совершил ошибку, поддавшись уговорам сватов. Я отверг девицу, с коей был помолвлен, и тем самым вызвал досужие толки. Однако та жекщина, которая незаконно захватила место жены, вскоре скончалась, и я, дождавшись положенного срока, решил восстановить прежнюю связь. Несколько раз я засылал к ней сватов, дабы восстановить прежний союз, однако встречал суровый отказ родителей. К счастью, некая дева, — ее я называю своей второй женой, — придумала план, столь необычный, как скажем, восход солнца на западе, а не на востоке. Сделала она это, дабы поселить радость в женских покоях. Все расстояния как бы сократились, препоны рухнули, открыв путь к счастливому единению. Нынче я готов сделать все, чтобы отблагодарить ее за содеянное и выразить свою признательность, даже рассечь свою

печень. Готов пожаловать этой девице титул и землю, сделать ее своей второй женой. И если в будущем она волею судьбы останется одна в моем доме, никогда я не назову ее наложницей. С древних времен всем известно, что государь Шунь из рода Юй горячо любил обеих своих жен и не прельщался другими красавицами. Если у ног моих лежит драгоценность, вправе ли я ею пренебречь, как уже сделал однажды? Я принял поставленные мне три условия, зная, что за нарушение хотя бы одного из них подвергнусь наказанию. Когда четыре добродетели противоречат даже мельчайшему злу, это говорит о том, что у человека нет корысти. Обещаю до конца дней своих не нарушать данной мною клятвы, если же нарушу ее, пусть постигнет меня суровая кара!»

Нэнхун пробежала бумагу глазами, похвалила молодого человека за изысканный слог, однако сказала, что первая фраза, заимствованная из книги «Весны и осени», где говорится о «выправлении имен», не согласуется с тем, что идет ниже, и предложила к слову «человек» прибавить две черточки, дабы получилось слово «муж» — «муж, изъявляющий согласие».

Супруги Юй поставили свои подписи, и девушка спрятала бумагу.

— Все ваши приказания я исполню, моя госпожа, но есть одна сложность, — проговорил Пэй. — У себя в доме я всем велю не называть вас вашим теперешним именем, но как быть с вашей госпожой — ведь ей не прикажешь. Она может обидеться, что я величаю вас второй госпожой. Что тогда делать? Тут уж моей вины не будет.

— Не тревожьтесь, это я беру на себя, — отвечала Нэнхун. — Она сама меня об этом попросит. А я еще поломаюсь, прежде чем согласиться. Пусть хорошенько попросит. Несколько раз.

Нэнхун стала прощаться, ни жестом, ни взглядом не выказав желаний остаться с Пэем наедине. Вернувшись домой, девушка пошла к хозяевам и при молодой госпоже принялась расхваливать жениха.

— Заполучить такого зятя — большая радость! Неудивительно, что все за ним гоняются! Я так полагаю, что надо не мешкая засылать сватов. Какие-то неудобства, конечно, могут возникнуть, но внакладе мы не останемся.

Обрадованный хозяин отправился за сватами, а хозяйка обратилась к Нэнхун с такими словами:

— Давно хотела тебя спросить, да все как-то не получалось. А сейчас откладывать больше нельзя. Чуть ли не каждый день к нам приходят сваты из чиновных семей, хотят взять тебя в наложницы. До сих пор мы считали, что тебе лучше оставаться при молодой госпоже. Но сейчас свадьба дочери как будто сладилась, и надо решать, что делать с тобой. Согласна ты пойти в наложницы?

— Ни за что! — вскричала Нэнхун. — Я хоть и не знатного рода, а есть у меня свои мечты. Не желаю я быть наложницей, да и женой пойду не за всякого. Подождем, может, и для меня сыщется подходящий жених. Скажу без хвастовства, что с моими скромными способностями я могу войти женой в любой приличный дом, а не к какому-то там бедняку-бедолаге. Если не верите, сами в этом убедитесь.

— Может быть, ты согласна служить твоей госпоже в доме у ее мужа?

— Пусть решает сама госпожа! Если она не боится всяких досужих толков на сей счет, я готова за ней последовать. Поживу там немного, присмотрюсь. Постараюсь быть им полезной. Если же госпожа захочет жить с мужем одна и я окажусь лишней, то тихонько, без шума, уйду. Только есть одно обстоятельство, которое меня волнует...

В этот момент вошла девица Вэй и, услышав слова служанки, с тревогой спросила, что Нэнхун имеет в виду.

— Помните, что сказал ворожей Чжан? Гороскоп молодой госпожи только наполовину сходится с гороскопом мужа, поэтому рядом с госпожой непременно должен находиться кто-нибудь из близких ей людей. Иначе в последующие несколько дней случится беда, жизнь госпожи окажется под угрозой. Словом, как только госпожа придет в дом мужа, ему придется тотчас же взять наложницу. И тут могут начаться всякие неприятности, зависть, ревность, разумеется, не по вине госпожи. Пойдут ссоры, размолвки. А наша госпожа такая добрая, безответная. Сколько лет я ей прислуживала и ни разу не сказала дурного слова. Всегда старалась развеять ее грусть, утешить. А там? Кто успокоит ее там в минуты печали? Вот я и думаю,

как бы не заболела она, наша голубушка. Такая она слабая, хрупкая!

Лицо служанки приняло скорбное выражение. Казалось, она вот-вот заплачет. Обе женщины зарыдали. Нэнхун больше не сказала ни слова и к этой теме не возвращалась.

Тем временем старый Вэй послал к Пэю сватов, однако родители юноши в первый раз отказали, разумеется умышленно, и согласились только на третий раз. Был уже выбран счастливый день для встречи невесты, и вдруг...

Слова Нэнхун растревожили девушку и ее родителей. Мысль о том, что супружеская звезда повернулась к дочке лишь одной половиной, не давала им ни минуты покоя. Нэнхун любит свою госпожу, болеет за нее душой, госпожа жить без нее не может. Разлучить их нельзя, это ясно. Итак, они подождут дней пять после того, как девица Вэй войдет в дом мужа, и тогда уже решат, что делать. И тут вдруг Нэнхун им сказала:

— У вас я простая служанка, и здесь все ясно и просто. Другое дело в чужом доме. Там я буду служанкой только для своей госпожи, остальные же пусть не зовут меня Нэнхун — служанкой. Ведь со временем меня может взять в жены какой-нибудь почтенный человек. Словом, я хочу, чтобы госпожа оказывала мне уважение. Само собой, меня не понесут в таком паланкине, как госпожу, но как служанка я в чужой дом не поеду. При моем паланкине должны быть два лишних носильщика, как это бывает, когда несут кого-то из родни. Иначе я ни за что не поеду.

Девушка говорила так горячо, что опровергнуть ее было решительно невозможно, и мать и дочь согласились.

Наступил наконец счастливый день, когда паланкины с невестами появились у ворот дома, где жил Пэй. Кончились положенные поклоны родителям, были выпиты свадебные кубки, и все пошло своим чередом. Во многих церемониях, как принято, на первом месте находилась девица Вэй. Что же до дел любовных, где, как говорится, склоняются к изумрудному и припадают к алому, она по причине своего излишнего целомудрия уступила первое место Нэнхун.

Вы спросите, почему? Извольте, я объясню. Пэй, как мы знаем, денно и ночью мечтал поскорее возлечь с Нэнхун на ложе, а потому загодя устроил опочивальню. Он сказал девушке, что в день свадьбы, дабы она не тосковала в одиночестве, в соседней с опочивальней комнате будет находиться его мать. У Пэя был свой план. Он хотел провести время с молодой женой лишь до полуночи, а в третью стражу под каким-нибудь предлогом удалиться к Нэнхун. Но Вэй оказалась на редкость несговорчивой. Ни за что не хотела раньше положенного времени снять одежды и возлечь на ложе, как ни упрасивал ее муж. Пэй, не испытывавший никаких радостей в первом супружестве, сейчас напоминал голодного кречета, приметившего спящую курочку, или обжору кота, узревшего лакомый кусок. После уродины такая красавица! Ведь он и мечтать о ней не смел. Словом, он весь дрожал от страсти. Но ничего не поделаешь, пришлось ему сдерживать свой пыл, пока не наступит долгожданный момент. Не получилось с курочкой, может, повезет с уточкой! Они обе аппетитны. В общем, он решил вначале приняться за легкое дело, а уж потом приступить к трудному. Итак, не дождавшись третьей стражи, он отправился к Нэнхун.

Увидев Пэя, Нэнхун сразу смекнула, что госпожа ее в чем-то оплошала. Нет, уж она-то не отпустит от себя мужа. Раз он пришел раньше времени, значит, так надо. Нэнхун было принялась его ласково уговаривать вернуться к первой жене, но, чтобы он и впрямь не ушел, на всякий случай произнесла строку из «Книги песен»: «Ороси дождем мое поле, уступи моим сокровенным желанием!» Но и этого ей показалось мало, и она прочла еще одну строку, теперь уже из «Четверокнижия»: «Коль пришел — успокой».

Пылая страстью, муж, конечно, не упустил счастливого мгновения. Он молча взял девицу за руки и повлек к ложу. Нэнхун не сопротивлялась и позволила снять с себя одежды. Они легли под одеяло уточек-неразлучниц и свершили то, о чем мечтали.

Нэнхун сказала Пэю, что по-прежнему относится к своей госпоже с большим почтением, как подчиненный к важному чиновнику, и только ради нее исполнила первая свой супружеский долг. Нэнхун и не подозревала, как пострадает из-за этого чрезмерного почтения.

В погоне за призрачным счастьем некоторые забывают, какие оно сулит беды. Примером тому может служить Нэнхун.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Хитроумный замысел вызывает сомнения, свиденье становится явью. Отбросив коварство, являют чистосердечность, вред оборачивается пользой

Позабавившись с Нэнхун, молодой муж отправился к Вэй. Оба вели себя чинно, как и положено жениху и невесте с древних времен, дожидаясь той минуты, когда, выполнив все положенные ритуалы, они смогут помериться силами на супружеском ложе. Они просидели до третьей стражи, и обоим стало невмоготу. И тогда правила уступили место желаниям. Счастливо улыбаясь, они направились к ложу и после нескольких схваток, обнявшись, сладко уснули.

Занялся рассвет. Вдруг молодой муж огласил комнату громким плачем. Жена, которую он продолжал сжимать в объятиях, ничего не понимая, окликнула его раз, другой. Наконец он очнулся и в смятении произнес:

— Какой страшный сон!

Жена спросила его о причине испуга, но муж ничего не ответил. К этому времени уже почти рассвело, и они поднялись с постели.

Пэй удалился, а жена позвала Нэнхун, и, когда служанка причесала ее, они сели рядышком, разговаривая. В комнату вошла девочка-служанка.

— Госпожа, вы, кажется, видели дурной сон? — спросила она. — Расскажите!

— Какой сон? — воскликнула Вэй. — Я почти всю ночь не спала.

— Тогда почему, едва рассвело, хозяин послал за ворожеем? — не унималась девочка.

— Ах да, вспомнила, — проговорила Вэй. — Это ему приснился дурной сон, и он проснулся весь в слезах. Я спросила, что случилось, но он ничего не объяснил. Значит, он послал за ворожеем? Ворожей уже здесь?

— Пока нет, но скоро появится, — ответила девочка.

— Когда придет, скажите об этом мне. Хочу послушать гаданье. Интересно, что так расстроило мужа?

Служанка ушла, а через четверть часа появилась снова.

— Ворожей пришел, но хозяин заперся с ним у себя в комнате, видно, не хочет, чтобы слышали их разговор. Про сон как будто еще речи не было. Если госпожа желает что-то узнать, надо идти сейчас же.

Новобрачной три дня не полагалось покидать опочивальню. Но, одолеваемая любопытством, Вэй пренебрегла строгими правилами и вместе с Нэнхун поспешила в залу для гостей.

Оказалось, что муж видел во сне чудище весьма свирепого вида, которое ворвалось в дом, заковало молодую жену в железа и куда-то поволокло. Супруг пытался его остановить (как раз в это время, погруженный в сон, он держал жену в объятьях) и закричал: «— Зачем ты отобрал ее у меня? Она дана мне на весь срок жизни, а этот срок только начался!» — «Она дана тебе только на половину срока, значит, ты муж только наполовину. Твоя первая жена, которая сейчас в преисподней, послала нас за ее душой!» — И чудище потащило женщину к двери. — «Оставь ее, возьми лучше меня!» — взмолился Пэй.

Тут чудище взмахнуло мечом и рассекло Пэя пополам. В этот момент его разбудила жена. Да, сон истине страшный. Любого храбреца может повергнуть в трепет. И хуже всего то, что он приснился именно в брачную ночь. Значит, сон вещий. Поэтому-то Пэй и послал за ворожеем.

Рассказав ворожее, что привиделось ему ночью, Пэй сказал:

— Скажите, почтенный, когда ждать несчастья? Ведь неспроста мне такое приснилось.

— Неспроста, — ответил гадатель. — Но беду можно наполовину отвратить, ибо чудище произнесло слово «половина». Это значит, что рядом с вашей супругой непременно должна находиться еще одна женщина. В этом суть вещего сна. Чудище сказало, что вы супруг только наполовину, а потому рассекло вас пополам. Это означает, что половину своего естества вы отдаете взамен на супругу, которая остается с вами. Ваш сон мне совершенно ясен.

— Но у меня превосходная жена! — воскликнул Пэй. — С какой стати мне брать еще одну и отдавать ей часть своей любви? Ни за что не стану этого делать, как бы вы меня ни уговаривали.

— В таком случае ваша супруга погибнет из-за вашей чрезмерной любви. Именно поэтому вам и следует взять в дом еще одну женщину. Если не верите мне, пригласите другого гадалея. Он еще раз проверит гороскоп вашей супруги и разъяснит вам числа ее жизни. Может, он знает еще какой-нибудь способ помочь ей. Сопоставьте тогда его предназначения с моими. Все очень просто!

— Пожалуй, я так и сделаю! — Пэй заплатил ворожею и проводил его до дверей.

Молодая госпожа и Нэнхун, никем не замеченные, вернулись в покои, обе напуганные и расстроенные.

— Этот ворожей сказал все то же самое, что в свое время гадалец Чжан, — проговорила Вэй. — Какой смысл звать еще одного ворожея и снова проверять гороскоп? И так ясно, что супружеская звезда обращена ко мне лишь одной своей стороной. Никакой ошибки тут быть не может. Предложу-ка я ему взять в дом еще одну женщину. Так я смогу избежать гибели и заодно явить свою доброту к мужу. По крайней мере, он будет благодарен мне за совет.

— Так-то оно так, только надо все хорошенько обдумать! — проговорила Нэнхун. — Наложница может оказаться на редкость упрямой и вздорной.

Вэй на это ничего не сказала, хотя сильно встревожилась.

Есть древнее изречение, которое как нельзя лучше подходит к нашей истории. «Стихии Инь и Ян ушей не имеют, но стоит о них лишь упомянуть, они тут как тут».

Иначе говоря, их не надо вспоминать, так же как связанные с ними радости и печали. Если кто-то их упомянул ненароком, не следует на них всякий раз ссылаться, ибо радость и печаль рождаются в душе человека. Потому-то любой неосторожный шаг, даже жест может вызвать подозрительность и злобу.

— Но вернемся к молодой женщине, едва вышедшей замуж, но уже одолеваемой грустными мыслями. К старым предсказаниям добавились новые, еще более

тревожные. Робкая по природе Вэй, понятно, боялась духов, особенно ночью. Весьма кстати вспомнить сейчас поговорку: «О чем думаешь днем, непременно приснится ночью».

Надобно вам знать, что всю эту историю с вещим сном подстроили Пэй и Нэнхун, когда встретились ночью. Пэй научил ее, что сказать госпоже, а на следующий день велел одной из служанок рассказать госпоже о приходе ворожея и проводить ее туда, где они будут беседовать. Ловко, не правда ли? Придуманый сон вызвал в душе новобрачной смятение, услышанный разговор открыл перед ней картины одну кошмарнее другой. Несчастной мерещились чудища и первая жена Пэя, которая ждала ее в преисподней. От всех этих страхов Вэй заболела и как-то сказала, что скоро умрет.

— Не могу я так больше! — пожаловалась она Нэнхун. — Мне надо потолковать с тобой по весьма важному делу, попросить твоей помощи. Не знаю, согласишься ли ты?

— Ах, госпожа, хотя вы стоите выше меня, но чувствуем мы одинаково. Скажите, в чем дело, и я все для вас устрою!

— Тебе хочется замуж, а мне хочется найти подружку для мужа. Почему бы нам не объединить наши желания? И тогда все решилось бы наилучшим образом. В общем, я предлагаю тебе стать подружкой моего мужа. Не вижу в этом ничего плохого.

— Это невозможно, госпожа! — с притворным волнением вскричала Нэнхун. — Я прожила с вами почти полжизни, но всегда мечтала о собственном счастье. Ведь наложницей я могла стать давно. Господин — человек богатый и без труда найдет себе подходящую женщину.

— Мы много лет прожили вместе и характером схожи. Зачем же мне делить любовь к мужу с какой-то чужой женщиной? Если ты родишь ребенка, он будет для меня все равно что мой собственный. Кроме того, с приходом в дом чужой женщины начнутся обиды и ссоры, ты сама так сказала. Прошу тебя, не отказывайся во имя нашей давней дружбы!

Вэй так горячо уговаривала служанку, что та в конце концов согласилась, но тут поставила госпоже

несколько условий, которые были беспрекословно приняты. Об этом тотчас сообщили Пэю, заранее осведомленному обо всем. По наущению Нэнхун он стал для вида отказываться, всячески хитрил, как когда-то Ван Ман или Цао Мань, нашел кучу отговорок. Как говорится: «Никак не хотел занять почетное место, пока его не облекут в желтый халат».

После разговора с супругом Вэй рассказала об этой новости родителям, чем очень их обрадовала. Родители собрали еще одно приданое и вскоре выбрали день для второй свадьбы.

Мы знаем, что во время первой встречи с Пэем Нэнхун была очень покладистой. Но после свадьбы вдруг проявила строптивость, будто невеста в первую брачную ночь. Она позволила мужу расстегнуть пояс и снять с нее одежды лишь после первой стражи. Хотите узнать, почему? А потому что словно бы возвращала госпоже долг. Как и в первый раз, она велела мужу сначала идти к Вэй, а получив отказ, возвратиться обратно.

Теперь расскажем о молодой жене. Ей удалось избежать беды, и все тревоги ее разом исчезли. Теперь она хорошо ела и сладко спала, злые сны ее больше не донимали. Прошло некоторое время, и обе женщины стали заметно полнеть, а спустя несколько лун разрешились сыновьями, к великой радости всех родных.

Впоследствии Пэй много раз занимал высокие места на экзаменах, стал начальником уезда, а затем получил пост в столице. Обещание, данное Нэнхун, он сдержал, до конца жизни не изменял ей и других женщин в дом не брал. Став второй женой Пэя, Нэнхун, пожалуй, обманула хозяйку, но была к ней неизменно добра и во всем ее слушалась. Как говорится: «Почитала, как строгого отца, любила, как добрую мать». Она ни разу больше не обманула свою бывшую госпожу и во всем угождала, старалась не досаждать и служила ей, как верный вассал господину.

В нашем мире живут люди, наделенные талантом Цао и Мана, совершающие деяния подобно И и Чжоу. Важно, однако, проверить, каковыми стали люди в последние годы своей жизни.

БАШНЯ ДЕСЯТИ СВАДЕБНЫХ КУБКОВ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Хмельной небожитель делает надпись, дабы показать, что он не глуп; ловкий муж окончательно устраивает заключенный с трудностями брачный союз

В одном стихотворении, написанном на мотив «Луна над Западной рекой», говорится:

Грустит одинокая, в горьких слезах
Глядит на свои украшения.
Грустит одинокий, вздыхает в тоске,
Следя за неясной тенью.
Навряд ли верная Мэн Гуан
Лян Хуна в горах повстречает,
Пока их грядущий брачный союз
Ничто еще не предвещает.
Лишь в долгой разлуке оценит муж
Супруги высокие свойства,
Утехи же лишние в нем породят
Досаду и беспокойство.
Если не брызнет живительный дождь —
Иссохшей землю оставит,
Разве крестьянин его благодать
Молитвой жаркой восславит?

В нашем мире человек обычно стремится сделать любое дело как можно быстрее, хотя торопиться не следует. С особым рвением желают поскорей добиться богатства и славы или устроить брачный союз, полагая сии события наиболее важными. Молодые люди считают, что родителям следует прежде разбогатеть, а потом уже производить на свет детей, должность они желают получить, еще не приступая к учению. Они торопятся устроить свой брак и непременно желают найти для себя самую красивую жену или самого умного мужа. Если вспыхнула в груди страсть, надобно соединиться немедленно, к чему ждать свадебную

церемонию! Но поступать подобным образом не следует. В качестве примера здесь можно привести истории Тао Чжугуна и Цзян Тайгуна. Первый, как известно, разбогател, когда покинул свой служебный пост и поселился возле озера. Второй получил высокую должность у трона уже совсем седым и беззубым. А в молодые годы один из них отверг богатства, а второй — чиновную должность. Вы спросите, почему они так поступили? Потому что в ту пору звезда богатства и служебной карьеры не сулила им счастья. Тот, что разбогател, тут же разорился бы. Получивший высокую должность запутался бы в служебных делах. Словом, оба пошли бы на дно, будто связанные по рукам и ногам. Если человеку суждены богатство и слава, они непременно придут, какие бы преграды ни возникали. Большой пожар не потушишь, наводнение не остановишь.

Вам, конечно, известно, что Лян Хун был глуповатым и слабовольным, а его будущая жена Мэн Гуан — умной и волевой. Неудивительно поэтому, что не все у них шло гладко, и они смогли соединиться лишь в преклонном возрасте, составив прекрасную пару, послужившую для многих поколений образцом супружеского согласия и великой любви. Недаром существует поговорка о супругах, подносящих друг другу пищу на уровне бровей. Да, именно так должен поступать истинно добродетельный человек, хотя в ожидании счастливого дня он вынужден подвергнуть свое сердце испытаниям. Зато сколь пышно расцветает его чувство, когда в один прекрасный момент исполняются его сокровенные желания! Увы! Как правило, мужчины и женщины стараются устроить свой брак пораньше и попроще. Редко встретишь людей, которые приходят к обоюдному согласию исподволь, медленно и трудно. Но еще в древности существовало такое изречение: «Легко достижимое ценности не имеет». Воистину так! Эти слова можно отнести не только к устройству брачных дел.

Все вышесказанное было вступлением, а теперь перейдем к повествованию.

Во времена династии Мин, в годы Юнлэ — Вечной Радости — в уезде Юнцзя области Вэньчжоу в провинции Чжэцзян жил некий земледelec по фамилии Го, по прозванию Цзючи, что значит Винный Дурень —

человек неученый, надобно сказать, глуповатый. Напившись, он начинал хвастаться, что может вызвать бессмертных и те исполнят любую его просьбу, помогут решить любое дело. Но что самое удивительное, не умея толком держать кисть, он, захмелев, вдруг обретал поразительную способность к письму. Иероглифы, выходявшие из-под его кисти, были красивее, чем в каллиграфических прописях. Вероятно, все это происходило оттого, что вызывал он небожителей отнюдь не обычных, а лишь тех, имена которых встречаются в прописях Чуньхуа, словом, знаменитых покровителей каллиграфического искусства. Жители тамошних мест, если у них случалось затруднение, шли к Винному Дурню гадать и ставили ему несколько чайников доброго вина. Одни приходили, чтобы узнать, как избежать беды и суждено ли им счастье; другие завели себе книжицы — «грамоты бессмертных» — и в них записывали изречения небожителей; третьи хотели узнать имя знаменитого небожителя или получить изречение какого-нибудь праведного мужа, дабы как можно удачнее составить парную или одинарную надпись в связи с переездом или постройкой нового дома. Любопытно, что все написанное Винным Дурнем в точности совпадало с желаниями человека, его дальнейшей судьбой. К одному приходила радость, к другому — горе, счастье, беда. Поначалу все думали, что его предсказания — пьяная болтовня, но по мере того, как они сбывались, все вокруг в один голос заговорили об его удивительном даре.

В те времена жил некий сюцай по фамилии Яо, по имени Цзянь, второе имя сюцая было Цзыгу. Еще совсем юным сумел он приблизиться к «пруду ученостей» и вскоре прославился своим недюжинным талантом. Отец юноши, чиновник уездной казны, был человеком довольно богатым, а потому касательно сына строил далеко идущие планы. К примеру, он желал, чтобы отпрыск его женился только на девице из знатной семьи, да еще на красавице. И вот, когда юноше исполнилось восемнадцать, он был помолвлен с девицей из семьи Ту, самой красивой во всем Вэньчжоу. После обмена положенными дарами семья Яо начала строить дом-башню для молодоженов, из трех ярусов. Когда башня была готова, хозяин решил украсить вход большой вывеской. По этому случаю в доме устроили

застолье и пригласили Винного Дурня. Пускай, мол, попросит духов придумать счастливую надпись и напишет ее как можно красивее.

Едва появившись на пороге, Винный Дурень потребовал большую чару вина. Без вина, мол, и пальцем не шевельну.

— Велите слугам принести мне выпить, да поживей! Дух может появиться с минуты на минуту! — заявил он.

Хозяева решили, что божество уже вошло в человека и сейчас требует «увлажнения кисти». Отец и сын поднесли гостю вино. Осушив несколько десятков чарок, Го захмелел и без лишних разговоров принялся писать, орудуя кистью, как метелкой для удаления пыли. На доске появились три крупных иероглифа: «Башня Десяти кубков», а рядом шесть помельче: «Праведный муж Девяти дней писал хмельной».

За столом сидели несколько человек, с которыми молодой Яо вместе учился. Они сразу же догадались, что «девять дней» — «сюй» — входит в имя небожителя Чжан Сюя, который нынче, вероятно, почтил их своим присутствием. Кто-то из гостей заметил:

— Вместо слова «кубок» здесь более уместно «пейзаж». С верхнего яруса этого просторного здания открываются дивные виды. Потому башню следовало бы назвать «Башня Десяти пейзажей». Кубки здесь совершенно не к месту.

— А может быть, «десять» появилось по ошибке, вместо ходкого выражения «соединенные кубки»? — бросил кто-то из гостей. — Известно, когда человек во хмелю, он часто совершает промахи. И тут небожители ничем не отличаются от простых смертных. Они тоже любят пропустить лишнюю чарку. Именно так, наверно, случилось сейчас. Дух, по всей видимости, не смог отказать настойчивому хозяину, и вот результат — перепутал иероглифы! Впрочем, почему бы нам не спросить об этом у самого духа?

Отец и сын, склонившись в низком поклоне, обратились к духу с почтительной просьбой.

— Слова «десять кубков» как-то не вяжутся со смыслом происходящего. Может быть, случилась ошибка? О великий дух, найди ее, исправь!

Винный Дурень поднял кисть, и на бумаге появилось четыре стихотворных строки:

«Десять кубков — вовсе не ошибка,
Нечего таить в душе сомненье.
Ждать недолго — скоро ясным станет
Вам хмельного духа откровенье».

— В стихе таится глубокий смысл, который не под силу разгадать простому смертному,— промолвил кто-то.

— Поздравляем! Поздравляем! — слышались возгласы, сопровождавшиеся низкими поклонами в сторону Яо и его отца.— Видимо, молодому господину, кроме главной супруги, положено иметь еще девять наложниц. Поэтому он должен десять раз поднять брачную чару. Вот почему появилось такое странное название «Башня Десяти кубков». Это великая радость. Нет сомнения, молодой господин получит высокую должность, а его родитель — титул «почтенный старец». Великолепное предсказание!

Откровенно говоря, отец Яо да и он сам давно мечтали о высоких постах и почетных титулах, но никогда не говорили об этом, то ли из-за некоторой робости, то ли из-за излишней скромности. Но каждый про себя думал: «Вещие сны непременно сбываются». В этот вечер гости выпили не одну чашу по случаю будущей свадьбы и разошлись по домам.

Но вот наступил счастливый день, когда молодая жена появилась в доме Яо. Муж откинул кисейное покрывало и увидел прелестную девушку. Без сомнения, она вполне заслуженно считалась первой красавицей Вэньчжоу. Ее воспели в стихах:

Дуга бровей — словно юный месяц,
На нежных щечках рдеет заря,
Волосы — как благодатная тучка,
А кожа — как первый снег октября.
Гибок чудесный стан... Разве можно
Не изумиться такой красоте?
Прелестная — образ ее так и хочешь
Нарисовать на тончайшем листе.
Легка и красива, свежа и стыдлива,
Превыше она похвалы любой,
И строчки стихов о деве прекрасной
В груди рождаются сами собой.
Опустишь глаза: две трубки изящных

Увидишь для лучших писчих кистей —
Так ножки стройны, а ступни молодые
Лотосов двух золотых нежней.
Чудесные ручки — как из нефрита,
Настолько их кожа нежна и светла,
А может, искуснейший мастер их сделал
Из самого тонкого в мире стекла?
Правда! Пройди по всей Поднебесной —
Нигде не найдешь красоты такой.
Точно! Святой эта дева подобна,
Освобожденной от персти земной.

Молодой Яо едва не помешался от счастья. Сейчас он мечтал лишь об одном: чтобы как можно скорее закончилось пиршество и за расшитым пологом он предался бы любовным утехам с молодой женой. «Верно, и ее одолевает желание!» — думал он. Увы! Гости, как нарочно, шли нескончаемым потоком, и ему приходилось поднимать чару за чарой. Пиршество кончилось лишь после третьей стражи, и Яо поспешил в покои новобрачных. Едва переступив порог «узорных покоев», он повлек жену к ложу и, хотя говорил с нею ласково, при этом явил грубую силу обитателя темных лесов или нрав юного таланта, облаченного в зеленое платье. Он снял с девы одежду, но в момент, когда птицы фэн и луань должны были опрокинуться навзничь, произошло непредвиденное. Радость новобрачного мгновенно сменилась ужасом. Вы спросите, что произошло? Прежде чем ответить на ваш вопрос, мы приведем стих, написанный на мотив «Желтая иволга», дабы изобразить чувства героев в тот злополучный момент. Прочитайте, и вы все сразу поймете.

Дело дивное — самое сладкое дело
В эту первую ночь новобрачных ждет.
Храбрый путник в ущелье Ведьм устре-
мился,
Но никак не найдет, где туда проход.
Ищет, ищет повсюду — увы, понапрас-
ну!
Не поймет, как ему к облакам подойти.
Впереди — два утеса, меж ними тес-
нина,

Где ж Нефритово русло? Никак не най-
ти...

Чтоб в него попасть, пять мужей бы
надо,

Не проникнуть туда жениху одному:
Нет прохода в этих горах чудесных —
В этом теле желанном... Но почему?

Итак, охваченный любовным пылом, молодой муж устремился к жене, но тут обнаружил, что дева неземной красоты все равно что бесчувственный камень. Иногда говорят: «Среди скал нет для путника врат, нет даже щели, куда он мог бы проникнуть». Муж шарил рукой, но, увы, того, что искал, не нашел.

— Красавица, и с этаким изъязном! — воскликнул он в крайнем изумлении.

— Такой уж я уродилась! Сама не пойму отчего!
Яо горестно вздохнул, отвернулся и надолго умолк.

— Я понимаю, как вы огорчены, — проговорила жена. — Такой молодой — и, на беду свою, взял в жены этакую уродину. Не иначе как это воздаяние за прошлые прегрешения! Встреча со мной — для вас роковая ошибка, но вам придется смириться. Об одном вас прошу, не выбрасывайте меня, будто негодную вещь, оставьте при себе, как собаку, которая сторожит дом. Возьмите себе другую жену или наложницу, которые принесут вам детей. Но умоляю, не гоните меня, дабы позор не пал на моих родителей и на вашу семью.

Яо повернулся к жене:

— Я думал, такая красавица... И вдруг на тебе — ни на что не годишься! Но прогонять тебя как-то неловко, да и жалко. Ладно, оставайся! Будешь как та лошадь, на которую можно только смотреть, а садиться нельзя. Но каково будет мне? Лакомый кусок, можно сказать, у самого рта, а отведать нельзя. Как такое стерпеть?

— Не только вам тяжело! Я ведь тоже вас любила. А какой от этого прок? Как говорится: видит еду, а в животе урчит. Счастье рядом, а не попользуешься. Так недолго и умереть от расстройства!

Жена всхлипнула.

Она говорила так искренне, что сердце мужа исполнилось жалости и любви. Он обнял молодую

женщину и стал утешать. Как известно, всякое утешение обычно имеет свой путь, если не прямой, то окольный. Но для этого следует приоткрыть какие-нибудь ворота и освободить место для гостя, хотя и не очень подходящее для светлой стихии Ян. Ночь для Яо, конечно, прошла не так, как ему хотелось, но с кое-какой пользой.

Наутро Яо Цыгу, не таясь, поведал обо всем родителем. Те не на шутку перепугались. Столь горестное событие могло пагубно сказаться на здоровье сына. Они посоветовали ему отправиться в горы с друзьями, немного развлечься, а сами позвали сватов, дабы строго взыскать с них за учиненный обман, и пригрозили судом.

Надобно сказать, что отец молодой жены был человеком мелким и лживым. Услышав о суде, он на смерть перепугался и не показывал носа из дому.

— У этого проходимца три дочери,— сказал отец Яо,— кроме нашей, злосчастной, есть еще две, к тому же незамужние. Скажите, чтобы прислал одну взамен этой, и дело с концом. А заупрямится, я в суд на него подам. Разорю его, пуцу по миру!

Надо заметить, что мошенник Ту заранее предвидел такой оборот дела, но был уверен, что, поскольку пользуется большой властью в ямыне, никто не осмелится пойти против него. Поэтому обеих своих дочерей он спрятал дома и на всякий случай придумал план отступления. Если жених, прельщенный красотой дочки, от нее не откажется, значит, все в порядке. А поднимет шум, пускай забирает себе еще одну из оставшихся двух. Словом, когда явились сваты, он принял все их условия и даже предложил им выбрать любую из двух дочерей, главное, чтобы пришлась жениху по вкусу, тогда прекратятся всякие разговоры.

Отец юноши решил взять меньшую, старшая уже была перезрелой, а меньшая — на год моложе самой невесты. Как только заключили брачный договор, родитель, не дожидаясь возвращения сына, позвал молодую сноху и, отругав ее, велел возвращаться к родителям, загодя вызвав паланкин. Женщина, заливаясь слезами, сказала, что хотела бы дождаться мужа, чтобы с ним попрощаться, но родители Яо этому воспротивились, не разрешив ей остаться ни дня. Уезжай, мол, сей же час, и все тут. Ах, что за жалость!

Прекрасная, как цветок или яшма, красавица оказалась никому не нужной. В древности говорили: «Трижды изгнан из деревни, пятикратно удален из волости». А ведь женщина не нарушила ни одной из Семи заповедей! Провинилась в одном, в сущей безделице: не имела какой-то мелочи под своими одеждами. Мужей, склонных наслаждаться ароматом и любоваться нефритом, тех, что стремятся поскорее удовлетворить свою страсть, увы, прельщает обычно лишь красота.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Сандаловый муж, величественный и прекрасный, вдруг являет жестокость: измученная страданиями каменная дева вдруг лишается первоизданной преграды

Рассказывают, что от ворот дома Яо отъехал один паланкин, но вскоре появился другой. Сделано это было втайне, дабы сберечь честь обеих семей и всего рода. Меньшая сестра ничуть не походила на старшую, хотя обе рождены были от одной матери. Жена Яо была на редкость хороша собой, сестра же ее облик имела весьма безобразный и грубый. «Одно утешение, — думали родители Яо, — у нее хоть тело нормальное. Не может быть, чтобы в одной семье родились сразу два каменных идола!»

Яо Цыгу вернулся домой под вечер. С дороги он крепко выпил и тут же уснул мертвым сном. Вторая жена, не зная, что делать, прилегла рядом, не снимая одежды. Посреди ночи муж проснулся. Он уже протрезвел немного и сейчас был готов на любой подвиг. Совлекши одежды с «каменной девы», — Яо несколько не сомневался, что рядом лежит именно она, — он решил приласкать ее, как и в первый раз. Но когда жена повернулась к нему, рука его неожиданно нащупала то, что повергло его в изумление и вызвало радость. Ведь совсем недавно ничего не было, и вдруг появилось! Винные пары еще не совсем улетучились из головы Яо. Страсть полностью им овладела, и он не слишком задумывался над причиной происшедшего чуда, как некогда Чуский князь Сян-ван, который испытал безмерную радость от победы в ночной битве

с врагом, толком не зная, наяву это было или пригрезилось. Но вот тучи рассеялись, дождь кончился, теперь он мог спокойно спросить подругу, каким образом в первозданном хаосе могла появиться прямая дорога. Жена объяснила причину. Значит, жену подменили! Интересно, какова собой его новая супруга? Но свечи погасли и разглядеть что-либо в крошечной тьме было невозможно. Он провел рукой по ее телу — кожа была грубой, шершавой. Забрезжил рассвет, и Йо разглядел новую жену. Ну и уродина! Даже смотреть противно.

— Твоя старшая сестра хотя и с изъяном, зато красивая, — проговорил Йо. — Пускай жила бы со мной, я стал бы любоваться ее лицом, как прекрасной картиной. А детей другая нарожала бы. А что мне делать теперь? Красавицу прогнали, подсунули чудиче. Нелепость какая-то вышла: там не попользовался, здесь не полюбовался! Экая досада!

Во всем он винил своих родителей и при случае устраивал им скандалы.

Через несколько дней муж почувствовал, что от молодой жены дурно пахнет. Оказалось, что она мочится во сне. Вероятно, этот изъян тоже был карой небес, как и изъян его первой жены. Вначале вторая жена тщательно это скрывала, не жалея мускусных эссенций и благовоний. Но постепенно зловоние заполнило весь дом и терпеть стало невозможно. Как-то среди ночи Йо Цыгу почудилось, будто он находится на крохотном островке, а вокруг бушуют волны и подступают к самому ложу, поднимаясь все выше и выше, как при наводнении. Объятый страхом, молодой Йо вдруг ощутил резкий запах, понял, откуда он исходит, скатился с ложа и с воплем побежал к родителям.

— Немедленно гоните ее прочь! — вскричал он с обидой и болью. — Верните мне мою первую жену!

Едва рассвело, родители, вне себя от злости, позвали сватов.

— Надо было обговорить все заранее! — промолвил один из сватов. — Ту, что вы каменной зовете, многие хотели бы взять в жены, да только она была уже просватана в вашу семью. А что получилось? Через день-другой после свадьбы вы ее прогнали прочь. К слову говоря, старшая сестра похожа на вашу сноху

как две капли воды, так нет же, вы предпочли меньшую, за молоденькой погнались! Право, не знаю, удастся ли нам что-нибудь сделать.

— Как же быть? — встревожился отец Яо. — Как говорится: «Ковырнул мотыгой раз, ковырнул другой, а там все равно земля!» Этот Ту опять совершил обман, значит, должен принять все мои условия! А станет юлить, я подам в суд! Или еще что-нибудь придумаю. Пусть тогда на себя пеняет!

Делать нечего, сваты снова отправились в дом Ту. Отец невесты заупрямился.

— Никаких обменов! Обменяют, а потом снова откажутся! Ни за что!

Сваты стали его урезонивать.

— Почему же откажутся? Ведь, как известно, любое дело решается с третьего раза!

После долгих уговоров Ту наконец согласился.

Родители Яо, зная, что сын их мечтает лишь о своей «каменной деве» и никого больше знать не желает, не стали ему и говорить о третьей сестре, тем более что она была точной копией его первой жены. Когда сын догадается, что ее подменили, будет поздно. Впрочем, он вряд ли станет расстраиваться, скорее обрадуется. И в самом деле. Все произошло так, как предполагали родители.

Яо Цзыгу, уверенный, что к нему вернулась первая жена, действительно обрадовался, да и жена вела себя с ним, как с давним другом. Словом, молодой Яо вначале ничего не заметил. Но вот настала пора расстегнуть пояс и освободиться от одежд. Рука мужа устремилась туда, где расстилалась первозданная равнина, и опять наткнулся на неожиданность.

— Что с тобой произошло? — Изумление и страх звучали в голосе Яо.

Жена рассказала ему всю правду, и муж возликовал. Они прижались друг к другу, как птицы луань и фэн, и свершили то, что почитают высшим наслаждением в жизни. Надо вам знать, что третья жена, ласковая и нежная, обладала к тому же еще великолепным телом, ничуть не уступая в этом своей «каменной» сестре, зато в отличие от нее имела весьма ценное качество. Счастливые, они лежали в объятьях друг друга. Муж ощущал ее стан, гибкий и тонкий, словно ива. Новая жена была много лучше первой.

А это великолепное лоно, обладателем которого он сейчас стал! Ничего общего с тем, что было у второй жены! Муж не испытывал ни малейших преград — он двигался с легкостью экипажа, который катится по проторенной дороге.

«С возрастом, — думал он, — все органы человеческого тела как бы раздаются вширь».

Бедняга! Он и не подозревал, что нынешняя его жена давно утратила свою девичью чистоту. Как говорится: «Буто́н раскрылся до времени, заслон из диких трав упал». Уже миновало пять лун с того дня, как во чреве ее стал зреть плод ветротекучего легкомыслия, а когда перевалило на шестую луну, живот жены заметно округлился. Скрывать грех было невозможно.

Первым это увидел супруг, а вскоре и все остальные, в том числе и соседи в округе. Яо считались семейством весьма добропорядочным, и пища для пересудов никогда не давали. Что же делать сейчас? Оставить греховодницу в доме? Тогда до самой смерти не оберешься сплетен! И вот Яо с отцом решили в третий раз отказаться, но уже не тайно, а открыто, чтобы все знали. Только так можно было смыть позор с порядочной семьи! Составили бумагу с отказом, посадили третью девицу в паланкин и отправили в родительский дом, после чего снова стали думать о женитьбе.

Увы! Брачные дела у молодого Яо складывались на редкость несчастливо. Новая жена оказалась сущей негодницей — видно, была послана ему в наказание за прошлые грехи; следующую он взял на редкость зловредную; затем — уродину, после нее — строптивую и к тому же бестолковую. Одна из них сразу заболела и вскоре умерла. Те же, что были отмечены звездой долголетия, больше чем полгода в доме не задерживались. Можно бы рассказать об этом подробно, да стоит ли. Заметим лишь, что среди всех этих женщин только одна отличалась приятной наружностью и умом: наложница некоего богача, чья супруга, приревновав ее к мужу, всеми правдами и неправдами выжила ее из дома. В день свадьбы Яо, когда молодые, соединив брачные чарки, направились к ложу, к дому вдруг подъехал богач со сватами. Он требовал женщину обратно и даже предлагал выкуп. Оказалось, после того, как красавица покинула дом, богач

разругался с женой. От тоски он не находил себе места. После настойчивых уговоров супруга его наконец разрешила наложнице вернуться, однако велела ей не попадаться на глаза. Словом, богач пришел, чтобы забрать женщину с собой. Он пригрозил Яо, в случае если тот откажет, затеять судебную тяжбу и в жалобе написать, что Яо, используя свои связи в ямыне, захватил хитростью и обманом чужую жену. Пришлось Яо взять деньги и вернуть женщину богачу. Снова осечка! Супруг, как говорится, уже готов был расстегнуть пояс и предаться удовольствиям, но жену увели из-под самого носа. Пламя страсти сжигало его — хоть ложись и умирай!

Так случилось, что всего за три года наш герой девять раз побывал женихом, а мужем так и не стал. В чем же причина? Яо и его родители терялись в догадках. Наконец пришли к выводу, что все дело в башне. Видимо, при строительстве кто-то спрятал в нее какую-то пакость. Они решили сломать башню и построить новую.

У молодого Яо был дядя по материнской линии, которого звали Го Тунгу, что значит Последователь Древности. Много лет служил он в одном ямыне вместе с отцом Яо, и тот решил посоветоваться с многоопытным родственником.

— Вы разве забыли, кто придумал название «Башня Десяти кубков»? Святой небожитель! А его слова рано или поздно сбываются. Из десяти кубков племянник испил только девять. Остался еще один! Молодой человек возьмет еще одну жену и с ней будет жить в полном согласии. Ничего плохого больше не случится!

Отец и сын Яо словно прозрели.

— На сей раз надо искать невесту в чужом уезде, в нашем, как оказалось, хорошей не найдешь,— промолвил отец.

— Скоро я должен ехать в другую провинцию по служебным делам,— произнес дядя.— Пусть племянник едет вместе со мной. Окрестности Сиху, как известно, славятся своими красавицами. Быть может, там он найдет себе женщину по душе.

— Увы! Ехать мне сейчас никак невозможно, на носу экзамены,— сказал молодой Яо.— Вот-вот придет экзаменатор. Дядюшка, вы сами справитесь с этой

задачей. У вас наметанный глаз! Какая приглянется — привезите, и я охотно возьму ее в жены.

— Что же, можно и так! — согласился Го.

Отец и сын быстро приготовили свадебные дары — украшения и наряды — и отдали их Го.

Дядя уехал, а молодой человек стал с нетерпением ждать, когда тот привезет ему жену-красавицу. Правда, удрученный сплошным невезением, Яо не очень-то надеялся, что будущая супруга будет сочетать в себе красоту, таланты и добродетель. Он согласился бы сейчас на самую обычную женщину, лишь бы все у нее было на месте и чтобы не зрел в ее чреве плод неизвестного происхождения. И, уж конечно, чтобы она по ночам не увлажняла супружеского ложа. Хоть бы несколько лет прожить в покое и радости!

И вот от Го неожиданно пришло известие, что он наконец-то нашел для племянника жену. Редкостная красавица — второй такой не сыщешь во всей Поднебесной. Молодой человек едва не помешался от радости. Наступил день, когда лодка с молодой небожительницей пристала к ближнему берегу. Молодые, как положено, совершили поклоны родителям, а потом, соединив брачные кубки, отправились в свои покои. Жених снял с жены кисейное покрывало. О, чудо! Перед ним была его первая жена — «каменная дева»!

А случилось все так. Из-за странного изъяна от девушки все отказывались. У нее сменилось чуть ли не два десятка мужей. В конце концов ей пришлось переехать в Ханчжоу, где ее и увидел Го. Очевидно, в день свадьбы почтенный родственник невесту не разглядел и сейчас, разумеется, не узнал. А поскольку была она настоящей красавицей, дядя и привез ее племяннику в жены. Ему и в голову не приходило, что у красавицы под одеждой. Не снохач же он какой-нибудь, чтобы «разгребать пепел»!

Ну, а что было делать молодому Яо: ликовать или предаваться горю? С первой женой, конечно, они успели сродниться, и ему было приятно ее видеть, но радость встречи тотчас сменилась унынием, когда он вспомнил, какой у жены изъян. Одно лишь название — жена, а проку никакого!

Отец и сын Яо вместе с дядюшкой ломали голову над сложной задачей.

— Ясно, что пьяный небожитель ошибся в расчетах. Его слова не сбылись! Десятой женой оказалась все та же увечная, и сыну придется искать одиннадцатую. Будет искать до седых волос, пока не найдет. Оказалось, что слова «десять кубков» ничего не значат, следовательно, придумал их не святой, а самый настоящий мошенник.

Судили-рядили, но так и не смогли ничего придумать. Ночью, превозмогая тоску, Яо все же зашел в опочивальню жены и заключил ее в объятия. С каждым днем страсть супругов друг к другу росла, и оба мучились от неутоленного желания. Особенно супруга. Ну что за жизнь! Уж лучше смерть. Но тут произошло неожиданное. Огонь, сжигавший женскую плоть изнутри, однажды собрался в одном месте, кровь сгустилась и кожа вздулась. Через несколько дней волдырь лопнул и образовалась рана.

Однажды ночью супруг ненароком коснулся раны и — о чудо! — испытал неземное блаженство. Жена решила, что лучше умереть от боли, чем от любовного томления, и уступила натиску мужа. Нефритовый пест был острым, как волшебное лезвие. Недавняя беда обратилась счастьем. Так оно и бывает, что в минуты страданий неожиданно рождается радость, от которой человек порой может потерять рассудок.

Боясь, что рано или поздно их радостям наступит конец, рана затянется и все будет, как прежде, великие силы Инь и Ян снова разъединятся, супруги непрестанно предавались любовным утехам, моля небо, чтобы рана подольше не заживала.

Небо, видно, услышало их мольбу, а может быть, судьба их была predetermined свыше. Рана так и не затянулась. Вы спросите, почему так случилось? А вот почему. На жизненном пути женщины стояли разные препоны и суждены ей были разные мученья. Всемогущий спрятал ее прелести под тяжелым покровом, не дав им явиться наружу. Словом, все легкое он отправил внутрь, а плотное вывел наружу. Но нынче звезда злосчастия улетела прочь, отчего и появился волдырь. В один прекрасный момент человеческая плоть явила то, что в мире людей ценится дороже любой драгоценности. Ведь то, что достается с трудом, ценнее во сто крат того, что приходит по первому желанию.

Кто знает, может быть, нашим героям суждено было соединиться лишь после многих испытаний. Вначале казалось, что их души сгорели и обратились в пепел, но, к счастью, их чувства не омертвели. Наверное, потому молодые люди и соединились.

Рассказанная история весьма поучительна. Из нее следует, что подобные события в Поднебесной должны происходить без всякой торопливости, лучше позднее, чем раньше. Счастья надо добиваться, а не получать его с легкостью. Пожалуй, именно поэтому в древности женились в тридцать лет, а замуж выходили лишь в двадцать. Происходило это не случайно. Тот, кому все легко достается, достоин жалости, ибо ничто не способно его обрадовать. Он не может ощутить прелесть мелодий циня и сэ, воспринять их как подлинное счастье жизни, которое можно лишь уподобить парению в небесах!

БАШНЯ ВОЗВРАТИВШЕГОСЯ ЖУРАВЛЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Вернулся к жизни спокойной и тихой, дабы
вскоре получить ученую степень; отверг нравы
«ветротекучих», отказавшись от любовных утех*

Течет, течет Небесная Река
И отделяет полосой-границей
Восточный брег, где пряжа вечно ждет,
От западного, где пастух томится,
Он тучи рвет, она туман прядет,
И, друг на друга глядя вечерами,
Хотят они стать деревом одним,
Мечтают радостно сплестись ветвями.
Сороки выстроили длинный мост,
И повлекли повозку два дракона.
Вот ветер ветки кассии качнул —
Осенняя затрепетала корона.
Челнок свой ткацкий бросила она,
Достала яшмовые украшения.
Мечтают оба, чтоб скорей настал
Миг встречи, миг любви и утешенья.
Нежны, прекрасны оба, как всегда,
Любовным чувством их душа согрета,
Но вслед за счастьем вновь приходит
грусть:

Петух небесный кличет час рассвета.
И, к ширме прислонясь, скорбит она,
Слетают с уст слова ее печали:
«Продлись, счастливый миг! Еще лучи
С востока нам пока не заблистали.
Ах, как не хочется так скоро мне
На брег другой обратно возвращаться,
Грустит и мой любимый, верный друг,—
Тоскливо и ему со мной прощаться.
Ведь должен целый год теперь пройти,
Пока свиданье вновь нас ожидает!
Увы, разлука горестна, как смерть,—

В толпе чужих любимый исчезает.
Румянец с юных щек уходит без сле-
да —
Не возвратится больше никогда!»

Эти строки, сочиненные в древней манере, принадлежат поэту, жившему в эпоху Юань. Он воспел юношу и девушку, связанных меж собой неразрывными узами, как Пастух и Ткачиха. На эту тему написано много стихов, но в них обычно рассказывается о разлуке и печали, а приведенные строки проникнуты радостью осознания истинного смысла жизни, что вполне соответствует содержанию истории, которую мы хотим нынче вам рассказать. Пусть же эти строки послужат своего рода зачином к главному повествованию.

Известно, что одно из самых тяжелых испытаний в жизни — разлука с близким человеком. Почему же мы упомянули о какой-то «радости», если в разлуке нет ничего приятного? В самом деле, ни разлука, ни расставание особой радости с собой не несут. Но попробуем глубже вникнуть в тайный смысл этих слов, представить себе муки, испытываемые людьми, которые не могут вовремя расстаться друг с другом. И тогда мы поймем, что жить на краю земли в одиночестве порой гораздо лучше, чем с кем-нибудь под одной крышей, а холодная постель часто приносит истинное счастье. Следует помнить, что грешник, попавший в восемнадцатый круг ада, неизменно испытывает зависть к тому, кто находится в предшествующем круге. Будда, живущий на Тридцать втором небе, мечтает попасть на Тридцать третье. Так уж повелось!

Не столь давно одному богатому человеку пришлось, покинув свой дом, отправиться в другие места. По пути он остановился в какой-то гостинице. Стояло удушливо-жаркое лето. В воздухе носились тучи комаров, их гудение напоминало отдаленные раскаты грома. Богач лежал под пологом, с тоской вслушивался в комариное пенье и невольно вспоминал, как дома девочка-служанка веером отгоняла прочь надоедливых насекомых. Ему даже показалось, что он уже не слышит этих отвратительных звуков... И взяла богача досада, стало ему обидно.

Рядом с богачом оказался бедняк, у которого не было не только полога над головой, но даже тонкого одеяла. Проснувшись посреди ночи от комариного укуса, он вскочил с постели и принялся скакать возле занавешенного ложа богача, стараясь отогнать прочь насекомых. Богачу стало его жаль. Однако, судя по виду, трудно было представить себе, что бедняк так уж сильно страдает. Наоборот, с его уст то и дело слетали возгласы радости, словно он в этот момент испытывал блаженство. Богач, понятно, очень этому удивился и спросил:

— Чему ты радуешься? Ведь какие терпишь мученья!

— Верно, поначалу я и в самом деле очень досадовал, но потом в голову пришла мысль, которая меня сильно обрадовала.

Богач поинтересовался, что за мысль.

— Я подумал об узниках, которые сейчас томятся в темнице. Сидят они в своих клетках, ни рукой, ни ногой не могут пошевелиться. Комары их нещадно жальют — до самого мяса. А я? Чем я плохо живу? Я свободен, куда хочу — еду. Пусть тело мое терпит какие-то неудобства, зато душа блаженствует. Подумал я об этом и сразу же успокоился.

От этих слов богач даже вспотел. Он подумал, сколь неразумно здесь, на чужбине, лежа под пологом, вспоминать об удовольствиях домашней жизни.

Хорошо бы почаще так думать людям, которые испытывают временные невзгоды. Если неблагоприятные обстоятельства считать благоприятными, а жестокие муки — райским блаженством, если под желтоплодным деревом хуанлянь с упоением играть на цине и радоваться жизни в глухом проулке, никогда не состаришься, не поседеешь, горести и беды пройдут стороной.

Стих, который мы привели выше, как раз и говорит о том, что разлука куда лучше кончины. Но в последующем рассказе, который можно сравнить с «вольной» историей, я поведаю совсем о другом — о том, что смерть порой лучше разлуки. Это перекликается с фразой, которую мы находим в «Четверокнижии»: «Коль суждены несчастья, их не избежать».

Во времена династии Сун, в годы Чжэнхэ — Мирного Правления — жил в Бяньцзине некий Дуань Пу

(еще его звали Дуань Юйчи) — отпрыск старинного рода. Еще в младенческом возрасте он отличался светлым умом, отчего его нередко называли отроком, отмеченным божественным даром. В девять лет он общился к наукам, то есть стал сюцаем и носил это звание десять лет, вплоть до той поры, когда ему исполнилось девятнадцать. Интересно, что за все это время он ни разу не сдавал экзамены на последующие ученые звания, чем немало удивлял всех, кто знал его близко. Когда его спрашивали об этом, он отвечал:

— Если смолоду преуспеть на ученой стезе, можно на всю жизнь остаться несчастным. Представьте себе человека малоопытного, неспособного преодолевать трудности, но получившего ученую степень. Он непременно станет упрямым и бестолковым, все будет делать плохо и грубо. Поэтому рано или поздно он совершит промах и опозорится перед двором, а то и перед всем светом. Но что еще хуже, он может загубить свою жизнь, погнавшись за почетом и славой. В общем, добром он не кончит! А потому лучше побыть несколько лет сюцаем и набраться знаний, чем торопиться сдать экзамены на звание цзиньши. Подобная задержка сторицей окупится. Вот отчего я постигаю науки спокойно, без излишней суетливости.

Заметим, что молодой человек проявлял выдержку не только в своей ученой карьере, но и в брачных делах, не задумываясь о том, что каждый новый год может принести ему наследника. Он говорил шутливо:

— Какой из меня отец? Я сам еще дитя!

Надобно вам знать, что отца и мать он потерял еще в детстве, а потому не мог до конца выполнить своего сыновнего долга. Забота, которой его окружали друзья, его весьма тяготила. Поэтому, наверное, он до сих пор так и не выбрал себе приемных родителей, хотя ему уже минуло двадцать. В общем, юноша привык жить свободно, в свое удовольствие, пользуясь каждой минутой радости и не вспоминая о злосчастном конце, который ждет человека. Прожил день, и прекрасно! К чему думать о будущем?

Среди его друзей по ученью был некий Юй Цзычан (его второе имя Тинъянь), человек несомненно талантливый и нравом весьма схожий с Дуанем. Юй еще прохладнее относился к ученой карьере, нисколько не думая о каких-то выгодах в будущем. «Лучше день

быть сюцаем, чем год чиновником,— говорил он.— Гораздо приятней обметать метелочкой пыль с книг и возжигать благовония, чем погрязнуть в казенных бумагах или хлестать плетью провинившихся. Добиваться чиновной должности нелепо и бесполезно!» В одном лишь они не сходились. Юй в отличие от Дуаня относился к супружеству серьезно и со вниманием.

— В нашей жизни,— говаривал он,— самое высшее из всех чувств — любовь, разделенная на супружеском ложе. Об остальных можно и не вспоминать. Эту любовь порой черпаешь и в знаменитом ученье. Она не похожа на обычную привязанность или привычку и потому незабываема. От множества правил и запретов наши чувства увяли, из них исчезла последняя капля жизни. Вот почему древние мудрецы, которые разверзли Небо и воздвигли полюса мудрости, указали людям путь достижения этой истины, опираясь на учение о нравственных законах, чтобы тем самым избавить их от косности и закисания. Если бы из Трех правил исключить то, которое касается взаимоотношения супругов, что проку было бы в двух других, касающихся взаимоотношения государя и вассала или отца с сыном? Если исключить это правило из Пяти моральных установлений, что стало бы с сыновней почтительностью, дружбой, верностью, добротой? Уверен, что супружеские чувства суть важнейшая часть пяти заповедей, а потому брачные дела следует свершать не только как можно лучше, но и как можно раньше.

Известно, что миловидную наложницу найти гораздо легче, чем добрую супругу, но уж если ты ее нашел, значит, ты добился высшего счастья в жизни, о чем говорится в нашем знаменитом учении. Бывает, что жена для тебя недостаточно красива, и ты торопишься найти хорошенькую наложницу. Желание это — весьма пустое и лишь на первый взгляд кажется соответствующим Учению. Имея подобные убеждения, молодой Юй думал о выборе будущей супруги весьма серьезно. Но, как известно, дело это далеко не простое. Как добиться, чтобы женитьба свершилась быстро и оказалась удачной? Поиски жены требуют времени, а торопливость ни к чему путному не приведет. Мысли о женитьбе возникли у Юя в юном возрасте, когда еще не делают прически. Не покидали они

его и тогда, когда он надел шелковую шляпу. И все же он до сих пор, как и Дуань, оставался холостым. Словом, взгляды на женитьбу у друзей были разные, а результат один. Стоит ли в таком случае сетовать на Небо и суетиться, искать сватов, чтобы в конце концов испытать горькое разочарование? Право же, гораздо спокойней лет пять или шесть лежать под «холодным одеялом», упиваясь чистой радостью одиночества, и блюсти честь и достоинство.

Однажды император Хуэйцзун издал указ о приглашении ко двору мудрых людей. Все как один ученые-сюцаи должны были приехать в столицу на дворцовые испытания. Тех же, кто уклонится от высокого приглашения, ждало суровое наказание. Вы спросите, почему двор проявил подобную строгость? Дело в том, что династия Сун в ту пору день ото дня чахла, в то время как государство Цзинь с каждым годом становилось все сильнее и могущественней, и вместе с Ляо и Ся с трех сторон угрожало сунскому трону. Несколько раз в году возникала опасность вторжения. В подобных условиях важно было поскорей заполнить свободные вакансии — к этому времени одни чиновники умерли, другие попали в беду. Ученые мужи в большинстве своем совсем забыли о долге перед отечеством и отказывались от чиновной службы, считая ее делом ненадежным, даже опасным. Вот почему и вышел высочайший указ «изгнать отшельников с гор».

Оба друга, вопреки своим убеждениям, но понуждаемые обстоятельствами, отправились на экзамены в столицу. Уверенные, что чиновная карьера лишь исковеркает их жизненные планы, они написали свои сочинения крайне небрежно — только бы отделаться от экзаменаторов. Надо заметить, что искусство сочинительства можно уподобить шахматному таланту или способности виновозлияния. Человек неопытный, стремящийся «возвыситься» в этом деле, ни за что не добьется успеха, и, наоборот, человек опытный никогда не опустится ниже уровня, которого ему удалось достичь. Одним словом, когда вывесили экзаменационные щиты, к немалому удивлению друзей, оказалось, что оба они заняли высшие места, причем имя Дуань Юйчу стояло перед именем Юй Цзычана.

Ничто в жизни не случается само по себе, все связано единой цепью причин и следствий. Юй Цзычан,

как мы помним, до получения степени повсюду искал красавицу жену, достойную себе пару, но так и не нашел. Видно, Сиши и Ван Цян, наделенные красотой самим Небом, не рождаются дважды. Чтобы стать счастливым и обладать ими, следовало появиться на свет несколькими столетиями раньше. Но стоило юноше прославиться, как сразу же появились и Ван Цян, и Сиши. Если бы не удача, быть может, счастливая судьба обошла бы его стороной!

Жил в ту пору некий шэньши по фамилии Гуань, который в свое время занимал пост шанбао — Держателя печати. В доме этого почтенного человека росли две девушки: его родная дочь Вэйчжу, что значит Жемчужина в оправе, и племянница Жаоцуй — Лазурная, на год моложе Жемчужины. Девушка давно лишилась родителей и сейчас жила под опекой дяди, ожидая, когда он выберет ей подходящего жениха. Обе девушки были настоящими красавицами. Но одинаковой прелести не бывает. Жаоцуй намного превосходила Вэйчжу. В столице по этому поводу сложили такое четверостишие:

Голубая жемчужина очень красива,
хорошо подержать ее на ладони,
Но кристалл лазурита — большая
редкость,
и по праву в злато его оправим.
Как известно издавна, двум владыкам
невозможно править страной одною,
И поэтому мы лазурит восславим,
а жемчужину в стороне оставим.

Любопытно, почему вдруг появились эти стихи?

Надобно вам знать, что как раз в это время Хуэйцзун издал указ об отборе известных красавиц в государевы наложницы. Разумеется, девы из семей простолюдинов в их число не попали. Государев евнух, отвечавший за исполнение высочайшего указа, сказал государю:

— Ваше величество! Из сотен и тысяч избранниц лишь двух можно назвать подлинными красавицами, остальные, как говорится, товар никудышный!

— А которая из двух красивей? — поинтересовался владыка.

Евнух назвал Жаоцуй. Слух об этом разнесся по столице, и люди сложили стих в честь будущей наложницы государя.

Итак, Жаоцуй должна была войти в государев дворец. Но тут нежданно-негаданно к столице подступили войска Ляо. Они держали город в осаде целых два месяца, пока не подоспела помощь из других мест. Когда осада кончилась, один судебный чиновник, человек, к слову сказать, весьма смелый в своих суждениях, подал государю доклад, в котором писал: «В годину тяжелых бедствий, которые выпали на долю нашего отечества, необходимо явить решимость, смыть позор и восстановить честь страны. Потому сейчас было бы весьма кстати отпустить из дворца жен и наложниц, дабы наш государь снискал славу властителя, способного приблизить к себе мудрых людей и презреть любострастие. Не следует верить злым наветам придворных скопцов и поручать им отбор дев по своему усмотрению. Подобными действиями не заставишь врага отступить от наших границ».

Прочитав доклад, государь скрепя сердце издал указ, согласно которому девы, попавшие в список государевых наложниц, могли сами выбрать себе женихов. Таким образом, обе красавицы избежали государевой повинности. В этот самый момент почтенный Гуань и услышал о двух юношах, успешно сдавших экзамены. Оба были холосты, талантливы и к тому же прекрасны, как драгоценный нефрит. Гуань послал к ним свата — своего домашнего наставника.

Юй Цзычана новость очень обрадовала. Он только не знал, которая из двух девушек предназначена ему. Раньше он мечтал о Вэйчжу — Жемчужине, а сейчас не прочь был получить Жаоцуй — Лазурную. Правда, как-то неудобно стремиться к собственной выгоде в ущерб другу. Известно, что Небо иногда исполняет желания людей. Случилось так и на сей раз. Мы знаем, что на экзаменах Юй уступил Дуань Юйчу. К этому следует добавить, что Жаоцуй была на год моложе Вэйчжу. Поэтому шэньши Гуань, хорошенько взвесив все обстоятельства, решил родную дочь отдать за Дуаня, а племянницу — за Юя. Но что значит в нашей жизни возраст или место на экзаменах? Они все равно что румяна или украшения!

Юй Цзычан, само собой, разгадал намерения почтенного Гуаня. Юй занял на экзаменах место пониже, поэтому его женят на красавице Лазури. Так на деле его беда, как часто это бывает, обернулась счастьем. Займи юноша место повыше, вряд ли исполнились бы его желания.

Дуаня между тем занимало совсем другое. Он всегда считал, что избыток желаний и планов может лишь нарушить естественное развитие человека. И вдруг новость — за него отдают вторую красавицу Поднебесной. Что значит для жалкого ученого мужа подобная женитьба? Она лишь разрушит радость будущей жизни! Но отказаться нельзя, ибо сватает наставник самого Держателя печати. Какие тут могут быть возражения?!

Между тем, Держатель печати дал согласие лишь на помолвку, а не на свадьбу. По его планам свадьбу следовало устроить лишь после дворцовых экзаменов и распределения чиновных должностей. Вот тогда обе девушки и станут настоящими госпожами. Однако на дворцовых экзаменах все произошло не так, как на столичных. Юй Цзычан оказался в конце второй группы экзаменующихся, а Дуань стал первым в третьей группе. Разница как будто совсем незначительная, но при получении должностей в столице или в провинции это играло важную роль. К тому же вакансии в провинции очень отличались от прежних. Хороших должностей почти не предлагали, направляли в места захолустные, даже опасные. Кому-кому, а Гуаню все это было хорошо известно. Вот почему он из корыстных побуждений внезапно изменил свои планы относительно замужества дочери и племянницы. О своих намерениях он поначалу никому не сообщил, а дождался дня свадьбы, и тогда сватам велено было передать, что женихам нечего беспокоиться — невесты остаются прежними. Однако Гуань не учел, что место человека на экзаменационном щите порой определяет и обитателей брачных покоев, а от блеска свадебных свечей порой зависит место, полученное на экзаменах. Все в мире взаимосвязано, и в этом строгом порядке не должно быть никакой путаницы. Вот почему один из героев нашей истории (он, как известно, отличался весьма достойным поведением), получил первую красавицу Поднебесной и, хотя не добил-

ся полного осуществления своих замыслов, в то же время ничего не потерял. Из этого явствует, что все явления в Поднебесной имеют свою закономерность, а потому не следует внезапно изменять первоначальные намерения.

Чем кончилось дело со свадьбой обеих пар и поладили ли супруги между собой, нам пока неизвестно. Давайте отдохнем и послушаем продолжение нашей истории в следующей главе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Государь проявляет ревность к своим вассалам; в женских покоях приходит конец любовным утехам на супружеском ложе

Юй Цзычан, мечтавший о красавице Жаоцуй, довольствовался Вэйчжу. В первое время после свадьбы он испытал большое разочарование, однако постепенно примирился со своей судьбой и успокоился. Супруги стали жить в полном согласии. Как мы знаем, Жемчужина несколько уступала в красоте Лазури, но была по-своему прелестна и вполне могла считаться непревзойденной красавицей, если не сравнивать ее с Лазурью. Обаянием же своим и богатством души она даже превосходила Лазурь. Юй Цзычан хорошо это понимал.

Есть поговорка, которая будет здесь весьма к месту: «Своим сочинением старайся завоевать не Поднебесную, а экзаменатора». Вспомнив эти мудрые слова, давайте продолжим наш рассказ.

Надобно вам сказать, что Юй Цзычан отличался некоторым легкомыслием и был подобен порыву ветра или потоку воды. Юноша всерьез полагал, что его достойны лишь такие красавицы, как Чжао Фэйянь — Летающая Ласточка или Ян Юйхуань — Нефритовое Колечко. Вэйчжу, к его великой радости, ничуть не уступала этим красавицам древности. И понятно, что в душе Юй благодарил тестя, который устроил этот добрый союз, сообразуясь не столько с разумом, сколько с родительским чувством. Итак, молодые супруги жили в любви и согласии и поклялись друг другу никогда не разлучаться, как две рыбы камбалы. Кстати заметим, что муж обещал жене не брать в дом вторую жену или наложницу.

А теперь вернемся к Дуань Юйчану. Вскоре после свадьбы он убедился, что Жаоцуй столь же добра, сколь и красива. В ней было много высших достоинств, как у жен древности, и эта мысль наполняла сердце Дуаня радостью. И все же женские чары не в пример другу вызывали у него беспокойство.

«Красавица жена — все равно что редкая драгоценность, которой обладают по счастливой случайности, — говорил он себе. — Ведь ее может взять какой-нибудь друг — попользуется и вернет мне, или же сластолюбивый монарх — позабавится и отдаст прежнему владельцу. А мне каково будет? Посмею ли я, обладая такой драгоценностью, возвыситься над особой самого государя? Еще в древности говорили: «Вины как будто за тобой нет, но ты прячешь за пазухой яшму». Словом, бед не избежать: разорят семью, истребят род, а то случится что-нибудь и похуже».

В минуты веселья Дуаня вдруг охватывала тоска, смех его умолкал, лицо становилось грустным. Даже во время игры в тучку и дождик его не покидали тревожные мысли. Лежавшая рядом красавица жена казалась совсем чужой, способной замарать его имя и обесчестить. Жаоцуй, конечно, не догадывалась об истинной причине таких перемен в настроении мужа и все приписывала неудаче, постигшей его на экзаменах. Поста в столице получить не удастся, придется ехать в дальние и опасные края, вот почему муж и страдает, как некогда человек из Ци. Жаоцуй старалась как могла утешить мужа, уверяя, что от судьбы не уйдешь.

— Небо помогает достойным! — говорила Жаоцуй мужу.

Дуань отвечал:

— Жизнь и смерть предопределены судьбой, богатство и знатность — Небом. Если получу должность в окраинных землях, где на каждом шагу подстерегает опасность, значит, так назначено мне судьбой. Умереть за отечество, когда оно в опасности, — долг подданного. Другое тревожит: ко мне, жалкому книжнику, пришли сразу три счастья. А Творец всего сущего предостерегает от излишеств и избытка, которые ведут к бедам, явным и скрытым.

Жена спросила, какие три счастья он имеет в виду.

— Первое счастье — мои таланты, которыми я наделен с детства, не зря прозвали меня «божественным отроком». Второе счастье — успех на экзаменах, а также почет и слава, ему сопутствующие. И, наконец, третье счастье — удачная женитьба. Многие мои друзья, люди весьма благородные, мечтают об этом счастье, но обрести его не могут. Есть такие стихи: «Во время странствий я вдруг забрел в селенье Тонкого Очарования и там увидел реку, по которой плыли утки-неразлучницы». Но увы! Каждое счастье, если оно к тому же в избытке, может разрушить жизнь и породить беды. А у меня сразу три счастья. Потому ждет меня большое несчастье! Что посоветует мне моя госпожа, если со мною что-то случится?

— Не так все страшно, как вам кажется, — проговорила супруга. — Впрочем, чрезмерное счастье действительно ни к чему, а что касается бед, то надо подумать, как их избежать. Если вы об этом уже размышляли, значит, знаете, что надобно делать. Скажите об этом мне, мой господин.

— Надо жить по принципу: «Пользуясь счастьем, довольствуйся бедностью». На мой взгляд, из десяти тысяч способов избежать беды — это единственно правильный. Впрочем, я, может быть, ошибаюсь.

— Объясните, как понимать ваши слова?

— А вот как. Живя в богатстве, не предавайся распутству. Попав в беду, не ропщи. Не гонись за богатством, довольствуйся бедностью. Мысль о возможных трудностях вынуждает закалять тело и душу, дабы можно было преодолеть эти трудности. Поэтому одежда не должна быть слишком красивой, дом — чересчур роскошным, еда и питье — сверх меры обильными. Словом, человек, что бы он ни делал, должен как бы оставлять немного свободного пространства, и тогда его ждет счастье грядущей жизни. Свои плотские желания надо сдерживать, в противном случае не сможешь преодолеть трудностей. Думаю, мысль проста и понять ее не трудно. Не следует предаваться чрезмерному веселью, а также утехам на ложе любви. Если судьбой тебе отпущено радостей на десять долей, возьми всего семь, от трех откажись — побереги их на случай разлуки. Мудрость, которую я открыл тебе, исполнена сокровенного смысла, но, увы, не всем дано ее понять. Супруги эту мудрость не должны забывать,

особенно в наше мятежное время. На сей счет есть хорошая поговорка: «У любящих супругов любовь никогда не бывает полной». И еще говорят: «Сверх меры не радуйся, обретя друга; сверх меры не печалься, если придется с ним разлучиться». Можно прожить чуть ли не весь век, и вдруг наступит разлука. И заметь, тем труднее ее пережить, чем сильнее и крепче была любовь. Чем больше было радости, тем больше будет печали. В общем, пользоваться счастьем надо с умом. В любовных утехх следует избегать излишеств, дабы не исчезла радость и не появилась печаль. Не следует причинять человеку боль, обижать его, чтобы потом не раскаиваться. Кто поступает именно так, может прожить в добром согласии целый век.

Выслушав мужа, Жаоцуй словно прозрела. Она спросила его, когда может появиться вакансия на должность. Возможно, все же наступит счастливый день, когда наконец они поселятся в спокойном месте и проживут там всю жизнь.

— Ты ведь знаешь, что я всего лишь жалкий книжник, которому судьба незаслуженно послала три бесценных дара. Из-за них мне пришлось бы пережить беды даже в мирные дни, а о нынешней смутной поре и говорить не приходится! Так стоит ли мечтать о счастливой случайности?!

В глазах жены блеснули слезы.

— Не печалься, моя госпожа! — воскликнул супруг. — Лучше вспомним еще раз слова: «Довольствуйся бедностью»! Надо научиться пренебрегать удовольствиями до того, как на тебя обрушились беды, но, уж если беды обрушились, надо их стойко переносить. Как только получу должность, сразу же возьму тебя к себе, что бы ни случилось. Я должен знать, что ты спокойна и тебе ничто не грозит. В этом мое счастье. В жизни супругов, как известно, бывают разлуки. Лишь по своему неразумению люди считают, что самую тяжкую разлуку несет с собой смерть. Разлучаться живым во сто крат тяжелее. Умереть вместе в минуту опасности куда лучше, чем страдать от разлуки. Это великая радость! Но Творцу всего сущего она неужодна.

— Разлука — тяжелое испытание, но она преходяща. Объясните же мне, почему разлука хуже смерти?

— Изволь! Что такое разлука? Это, к примеру, когда муж оказался на одном краю света, а жена — на другом. Они мечтают соединиться, но, увы, им не суждено. А теперь подумай о вечной разлуке, когда одному из супругов суждено умереть. Это значит, что Небо отказало супругам в соединении, а Земля наложила запрет на их встречи. Есть поговорка: «Вдовство при живом муже тяжелее, чем при мертвом». Ведь разлученные супруги страдают оттого, что хотят дожить до встречи. В мечтах о свидании они днем забывают о красивой одежде и вкусной пище, словно о чем-то ненужном, а ночью, мучимые жаждой любовных утех, с отвращением смотрят на парчовое одеяло, словно на покрывало, утыканное иглами. Этим несчастным день кажется годом. Вот почему они раньше срока дряхлеют. Случается, что муж еще не покинул родных мест, а супруга уже думает о возвращении. Или в дальних краях муж оказался в опасности, но остался жив, а дома его уже похоронили. И вот, чтобы люди не мучились, пожалуй, лучше смерть одного из супругов. Тогда вдова спокойно проживет в одиночестве, мирясь со своей судьбой. Кстати, именно так поступает перед кончиной монах. Он больше не думает о суетном мире, а, сидя на камышовой подстилке, устремляет взор в блаженные дали. И это доставляет ему столько же радости, сколько удовольствия мирской жизни. Поэтому лучше, когда людей разлучает смерть, а не жизнь. Бывает, что супруги еще задолго до того, как появиться на свет, поклялись умереть вместе. И действительно, в определенный момент они вместе кончают дни своей жизни. Без слов прощания, без печали, без единой слезинки. По-моему, такая разлука прекрасна! Она подобна вознесению к небесным эмпиреям. Но чтобы заслужить ее, надобно в течение многих десятков веков совершенствовать свой дух. Вот что я думаю. Если мы окажемся вместе в опасных краях, если случится с нами беда, мы добровольно примем смерть вместе с нашими детьми. И тогда о нас скажут, что верноподданный муж и его целомудренная жена жили вместе и вместе скончались. Для нас это будет великой, ни с чем не сравнимой радостью. Говорят: «Пион погиб, сделался духом, но по-прежнему остался сластолюбив». Возможно, это и

справедливо, но лишь когда речь идет о человеческих чувствах, а не о правилах и установлениях.

Жена прониклась уважением к словам супруга о верности и долге, и ее душа, до сей поры напоенная ароматом орхидей, устремилась к высоким добродетелям. Женщину больше не страшили грядущие опасности, она спокойно ждала их и больше всего мечтала услышать весть о назначении мужа в новые места, которые, возможно, станут для них благословенной землей.

Счастливая весть пришла через несколько месяцев. Вопреки ожиданиям, муж получил должность в столице. Несколько десятков вновь назначенных цзиньши второго разряда не хватило, чтобы заполнить вакансии, и двор выбрал лучших мужей из третьей группы. Юй Цзычан получил назначение в ведомство податей, а Дуань — в ведомство работ. Вскоре в доме появился государев гонец, который подтвердил весть о назначении. Жаоцуй ликовала, однако муж ей сказал:

— Не забывай поговорки: «Старик с границы нашел свою лошадь, но неизвестно, счастье это или горе». Радоваться пока рано! Лучше вспомни, что я говорил тебе о предостережениях Творца всего сущего. Я не хочу, чтобы наша разлука кончилась смертью одного из нас. Помни это!

Жена не приняла слов мужа всерьез, считая его тревоги напрасными.

Однажды в доме появился второй гонец, а вместе с ним пришла и беда. Как мы помним, император Хуэйцзун в свое время внял справедливым речам верноподданного чиновника и отменил отбор государевых невест, однако скоро пожалел об этом и вернулся к прежнему. По этому поводу в столице появилась песенка:

Городские врата закрылись —
Дороги лжи распахнулись.
Городские врата открылись —
Людские уста замкнулись.

Одним словом, государь оказался неискренним в своем решении. Врата дворца открылись лишь для того, чтобы успокоить людей, когда же гнев поутих,

владыка решил взяться за старое. Он не желал упускать первую красавицу Поднебесной и мечтал заполучить в придачу вторую. Но произошла осечка! Его подданный, как видно, не захотел стать государевым родственником и отдал обеих красавиц в жены молодым ученым, сдавшим недавно экзамены при дворе. Эта новость немало огорчила государя. Мысль о том, что красавицы уплыли из рук, его раздосадовала. Император призвал дворцового чиновника и сказал:

— Жалкие, ничтожные людишки посмели жениться на девах, чья красота достойна лишь государя. А посему повелеваю определить их на посты в отдаленные провинции и поскорей отправить туда, причем не на три года, как обычно, а на пять лет. Пусть терзаются, как Волопас в разлуке с Ткачихой, которых разделил Млечный Путь. Такова кара за их проступок! Пусть знают, как самочинно присваивать государевых жен! Кара будет определена соответственно тяжести преступления. Муж той, что зовется Жаоцуй, пусть служит больше на несколько лет!

— Ваше величество, как раз наступила пора отправлять послов в государство Цзинь, дабы вести переговоры о ежегодной дани. Эта задача, как известно, лежит на податном ведомстве и ведомстве работ. Вот пускай они оба и едут!

— Нет! Это дело слишком простое! К тому же страна Цзинь находится совсем близко.

— Ваше величество, дань, как вы знаете, взимается золотом и шелками, причем размеры ее весьма велики. Вдобавок цзиньцы могут обложить нас дополнительным побором, так что с этой задачей справиться совсем нелегко. На выплату дани золотом понадобится по меньшей мере два или три года, на выплату шелком — еще больше. Лет десять назад наш чиновник повез шелк и до сих пор не вернулся. Полагаю, что сие назначение вполне соответствует их проступкам.

Итак, Юй и Дуань должны были везти в страну Цзинь один — золото, другой — шелк. Так одним указом государь превратил две пары уточек-неразлучниц в сорокопутов и ласточек.

О том, какие препятствия возникли на пути молодых мужей, нам расскажет следующая глава.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Смерть лучше разлуки, поэтому они спокойно готовились к смерти; вернувшись из дальних краев, он собирался продлить нить супружества, но это была пустая затея

Дань государству Цзинь стали выплачивать со времен Сунского государя Шэньцзуна, который был вынужден смириться с презренным обычаем, дабы оградить страну от набегов воинственного соседа. Каждый год увозили в Цзинь огромные суммы на содержание цзиньских солдат и фураж для их боевых коней. «Годовая подать», как вначале называлась дань, с каждым годом росла и в годы правления государя Хуэйцзуна достигла миллиона монет серебром. Со временем люди Срединной империи придумали, как из этой подати извлечь выгоду для себя. Известно, что на юго-востоке шелк и холстина отменного качества и весьма дешевы по цене. На юге их можно купить за полцены, а на севере продать втридорога. Таким образом, товары, которые обходились сунцам в миллион монет, в государстве Цзинь стоили не меньше полутора миллионов.

Поначалу привозимую дань сопровождал один лишь чиновник. Когда же серебро заменили тканями, возникла необходимость в повозках, за которыми одному человеку было не углядеть. Поэтому дань стали возить два человека — один отвечал за серебро, второй — за товар. Однако тут могли возникнуть разные неожиданности. Скажем, серебро оказывалось низкого качества или тканей было меньше, чем надо. Сопровожатому, понятно, приходилось держать ответ за все. В общем, тот, кто собрал дань, должен был ее и отплатить, чтобы вина за разные неполадки не пала на другого.

Цзиньцы вначале не могли вникнуть в хитрости торгового дела. Они брали шелка без всяких проволок, при этом сунский чиновник получал даже кое-какую прибыль. К примеру, втайне от двора он умудрялся сбывать за высокую цену плохо отбеленную холстину или тронутый пятнами шелк. Сбыв казенный товар, чиновник без труда отчитывался перед тронем за выгодную сделку. Так было много раз, пока люди из Цзинь не узнали способ проверки товара, исполь-

зуемый жителями Срединной империи. Холстину поначалу следует хорошенько промыть, а шелк очистить от пятен, после чего товар поштучно положить на весы и, тщательно его осмотрев, взвесить. Если будет его на цзянь или фэнь меньше, значит, сопровождаемый должен возместить недостачу. Такое возмещение серебром стало обычным делом. Сопровожатый чиновник платил деньги, независимо от того, хороший товар или плохой. При этом чиновника нередко обвиняли в лихоимстве, обмане и оскорблении цзиньского двора и предъявляли соответствующую бумагу. В нее вписывали разные оскорбительные замечания и требования. Поскольку чиновник не мог возместить убытки, он оставался в Цзинь заложником, часто на много лет. В этом и заключалась главная трудность сопровождаемого, который отвечал за шелк.

Выплата дани серебром имела свои секреты. Так, цзиньцы считали, что большие весы, на которых взвешивалось серебро, часто показывают неправильный вес, а потому требовали доплаты. Как известно, цзиньцы были большими мастерами на хитрые уловки. Если чиновник соглашался на доплату, не особенно торгуясь, значит, мог дать и больше, ибо был человеком состоятельным. И тут шли в ход разные хитроумные способы. Неудивительно, что посланцу сунского двора, будь он богач или бедняк, нередко суждено было прожить в Цзинь несколько лет, а то и умереть на чужбине. Из десятка уехавших в Цзинь на родину возвращались всего двое или трое.

Итак, друзья повиновались строгому приказу государя. Один отправился закупать шелк, второй — собирать серебро. Выполнив часть дела, они вернулись домой и, простившись с родными, уехали в чужие края.

Юй Цзычан, как мы знаем, очень любил свою жену, потому расставание с ней было для него сущим мучением. Перед отъездом Юй разом истратил все деньги, которые предназначались ему на жизнь вплоть до возвращения домой. «Дорог каждый миг! — рассуждал он. — Поручение, конечно, трудное, но, возможно, мне поможет тесть, заплатит цзиньцам вместо меня требуемую сумму. При его богатстве вряд ли он покусится на подобную мелочь. Он вышлет мне деньги месяца через три, в крайнем случае — через полгода, и мы снова соединимся с женой». Юй Цзычан

не желал уподобляться другу, который собирался прожить заложником на чужбине по меньшей мере лет десять.

Жаоцуй в это время собирала мужа в дорогу, сложила одежду, обувь и все, что могло понадобится ему в ближайшие несколько лет.

— Из-за своих крохотных ножек, согнутых словно лук, я не смогу к вам приехать, поэтому решила дать вам с собой теплых вещей лет на десять вперед. Так некогда поступала Мэн Цзяннуй и Су Хуэйнян. Наденете какую-нибудь вещь и вспомните обо мне. Каждый стежок здесь окроплен моей кровью — когда я шила, не раз уколола палец. И если вы будете меня вспоминать, значит, старанья мои не пропали даром.

На глазах у женщины блеснули слезы. Горе ее не знало границ.

— Я ценю искренность твоих чувств. Только напрасно ты стараешься. Я уезжаю не на короткое время, а, скорее всего, навсегда. Нет у меня денег, чтобы платить такую огромную неустойку. Видно, мне суждено умереть на чужбине. Зачем же мне брать с собой все эти вещи? Вполне достаточно пары обуви да халата. Может быть, я не сразу умру и придется мне несколько лет терпеть голод и холод. Но все равно, эти роскошные одеяния не нужны несчастному чиновнику, который словно преступник живет на чужбине. Вот ты упомянула Мэн Цзяннуй и Су Хуэйнян. Первая, как известно, послала мужу одежды, а вторая выткала парчу. Но ведь мужья их находились не у инородцев-врагов, а в дальних краях отчизны. Допустим, я возьму с собой эти вещи, носить мне их не придется — цзиньцы отнимут. Так что спрячь их лучше в ларь и храни дома. Может, и сгодятся когда-нибудь.

— Если вы не надеетесь вернуться, зачем мне хранить эти вещи? Чтобы валялись без пользы?

Дуань ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул. Жену продолжали терзать тайные думы, и она поделилась ими с мужем.

— Вспомни «Книгу песен», — промолвил муж. — В ней есть такие печальные строки: «Умер он, и кто-то другой вошел в дом». Если мне суждено погибнуть, здесь, может быть, станет жить кто-то другой и будет носить эту одежду. Таким образом, ты сэкономишь и

деньги, и свой труд. К тому же сделаешь кому-то приятное. Разве плохо?

Все, что до этого говорил муж, шло от самого сердца, сейчас же слова его были холодны, словно ледышки.

— У вас в груди не сердце, а камень или железой — гневно произнесла жена. — Я все делала от души, кровь свою отдавала по каплям, а от вас вместо сочувствия слышу сущий вздор! Вы считаете себя образцом верности, почему же другие не могут считать себя образцом добродетельности? Нет, я не стану хранить вашу одежду, лучше сожгу ее. Чтобы не доносили вас пустые сомнения!

Сказав так, она швырнула одежду на пол и обложила хворостом, как это обычно делают, когда сжигают платье умершего. Пламя охватило великолепные одеяния из парчи и шелка, и через четверть часа от них остался пепел. Дуань хотел было остановить жену, но раздумал, видимо решив, что не стоит оставлять свои вещи кому-то чужому.

— Бывает ведь на свете настоящая любовь, — со слезами промолвила жена. — Расстаются на год-полтора, а муж утешает жену, успокаивает. У нас же расставание превратилось в сущую пытку. Вы мне слова доброго не сказали, только обижаете. Какой прок от такого супржества?

— Видно, другие жены в свое время постигли самосовершенствование, а потому им достались хорошие мужья. В их семье царит благополучие, даже смерть не в силах их разлучить. Ты же в прошлых своих воплощениях, очевидно, не занималась совершенствованием, потому возникли преграды, и тебе достался супруг не только бессердечный, но и неудачливый. Да, судьба у тебя и в самом деле несчастливая: ни малейшего проблеска впереди, ничего, кроме смерти. Если бы не произошло никаких изменений и ты вышла бы замуж за того, за кого должна была выйти, тебе, пожалуй, не пришлось бы выслушивать столь безжалостные речи. В общем, дело даже не во мне, а в той перемене, которая произошла в тот раз. Но кто знает, может быть, с моею кончиной исполнятся сокровенные желания моей души и обе девы Э Хуан или Нюй Ин окажутся вместе... Да, совсем забыл про указ об отборе государевых невест. Пока о нем ничего не

слышно, ворота дворца открыты для государевых жен. Но в любой момент государь может потребовать тебя во дворец. Верно? Все это мои предположения, но я не могу не тревожиться, тем более что покидаю родину. Впрочем, не принимай мои слова близко к сердцу. Вспомни старую поговорку: «Жизнь и смерть во власти судьбы; богатство и знатность — во власти Неба!», и еще: «Каждый глоток, каждый кусок предопределен заранее!» Если тебе суждено нарушить свое обещание и выйти замуж снова, значит, так тому и быть. Красную нить, как говорят, завяжут новым узлом. Пусть мои слова послужат тебе хоть небольшим утешением. Если же ты решила хранить верность моей памяти и сохранить свое доброе имя, мои слова могут показаться тебе чересчур резкими — не принимай их близко к сердцу! К тому же кто знает, может быть, все случится совсем не так. Я думаю одно, а Небу будет угодно совсем иное, а что именно, людям знать не дано!

С этими словами муж принялся собирать свой незамысловатый скарб. Он взял с собой лишь несколько старых, поношенных вещей — и больше ничего. На доме, где они жили, появилась надпись: «Башня Возвратившегося журавля». Сделав ее, Дуань имел в виду историю Дин Линвэя, который некогда прилетел в родные края журавлем. Дуань, видно, предчувствовал, что домой не вернется.

Юй Цзычан, прощаясь с женой, долго, не отрываясь, смотрел на нее, потом вскочил на коня и несколько раз обернулся, стараясь запечатлеть ее облик в памяти, словно изображение богини Гуаньинь, которой возносят молитвы. Дуань простился с женой лишь скромным поклоном, на его челе не отразилось ни боли, ни волнения, хотя он слышал плач и стенания.

Путники, как говорится, ели на ветру, спали на берегу, путь их освещали луна и звезды. И вот наконец они прибыли в Цзинь. Цзиньские чиновники, проверив товар, сочли, как обычно, что его слишком мало, а качеством он слишком плох, и потребовали доплату. Дуань сказал:

— Я простой книжник, государева жалованья еще не получал, поскольку сдал на ученую степень совсем недавно. С мирян ничего не беру. Дома у меня лишь голые стены. Вы просите тысячи, а у меня за

душой нет лишнего ляна. Товар я привез хороший, после мытья он не утратил ни цвета, ни качества. Какие бы козни вы ни строили, денег я вам дать не смогу. Единственное, что есть у меня, это жизнь. Берите ее!

Цзиньцам такие речи не понравились, они жестоко обошлись с Дуанем, всячески его унижали и оскорбляли, затем отступились на время, но потребовали, чтобы он написал домой письмо и попросил прислать денег. Пусть продадут что-нибудь и пришлют.

Дуань, если вы помните, придерживался в жизни одного мудрого правила: «Довольствуйся бедностью». К нему он впоследствии добавил еще один мудрый завет: «Если у тебя горестей на пять частей, благодари, что не на семь. Если у тебя бед на семь частей, благодари, что не на десять». Думал он и о том, что страданья в этом мире все же легче мучений в темном царстве. Пусть тебя бьют плетью и палкой, пусть жестоко терзают, все же остается какой-то путь отступления — а вот из загробного царства никуда не уйдешь, хотя терпеть муки больше не будет сил. «После смерти, — думал он, — я вряд ли буду ощущать боль. Что мне ножи и пилы или котел с кипящей водой. И все же страшно подумать, что тебя ждут вечные муки. До последнего вздоха я буду торчать в преисподней, откуда спасения нет. А пытать меня и жестоко терзать будут не люди, а грозные демоны-лоча, от которых не вырваться. Известно, что мертвые, как бы они ни страдали, никогда не возвращаются в мир людей, а живые, не в силах стерпеть преступлений в нашем мире, ищут спасение в обители мрака». И еще он подумал, что пытки, которым он подвергается, причиняют такую же боль, как нарыв или язва. Недуг нарушил чистоту крови, а потому организм попал в полосу темных страданий. Но как только покажется кровь или выступит гной, боль сразу утихнет. Эта мысль помогла Дуаню спокойно переносить боль, которую ему причиняли колодки.

А теперь расскажем о Юй Цзычане. Тесть обещал внести за него выкуп, как только это понадобится, и Юй направо и налево раздавал взятки чиновникам цзиньского двора. А потому в отличие от Дуаня он не испытывал ни мучений, ни унижений. Иностранцы щед-

ро угощали его вином и яствами. Кое-что с его богатого стола порой перепадало и родственнику, которому помощи ждать было неоткуда. Не прошло и пяти месяцев, как Юй полностью расплатился с цзиньцами и в один прекрасный день, простившись с Дуанем, отправился на родину.

В ту пору при сунском дворе существовал такой порядок. Каждый сановник, отъезжавший послом в чужие края, когда возвращался в родные пределы, обязан был, не заезжая домой, немедленно ехать в столицу, дабы отчитаться перед государем, и лишь после этого мог возвратиться к семье. Юй Цзычан приехал в столицу в час «сы», когда аудиенция у государя еще не кончилась. Он надеялся, что, доложив о поездке, тотчас же отправится домой, куда он рвался всем сердцем. Недаром поговорка гласит: «Муж, вернувшийся издалека, похлестче молодого жениха». Словом, Юй мечтал о любовных утехах с женой еще больше, чем в день свадьбы.

Как раз в это время во дворце шли жаркие споры о том, следует ли Сунской стране в союзе с Цзинь идти войной на Ляо. Разговор затянулся. Он начался в час «чэнь» и продолжался несколько часов. Наконец государь принял окончательное решение и тут же удалился в свои покои. Он сильно устал, и подданные не смели его беспокоить, хотя речь шла о неотложных ратных делах. Тем более можно было обождать с делом о выплате дани.

Юй Цзычан маялся на чужбине полгода, но, как видно, звезда бедствий еще не покинула его небосвода. Возвращаться домой он, понятно, не смел и остался в столице, заночевав в казенной гостинице. Известно, что долгие месяцы иногда пролетают быстрее, чем одна ночь. Здесь уместно вспомнить стихи, сочиненные в эпоху Тан:

Водяные часы в дворцовых покоях
будто целое море вместить сумели:
Бесконечно, медлительно падают капли,
а предвестья рассвета еще далеки,
Да и медная чаша часов песочных
сыплет струйку тонкую еле-еле,
Потому-то, наверно, так тянется долго
эта ночь одиночества и тоски.

Вэйчжу, конечно, знала, что муж сейчас находится при дворе, и мечтала лишь об одном — чтобы он поскорее вернулся домой. Счастливая от предстоящей встречи, словно к ней должна была с неба спуститься звезда, она окропила благовониями парчовое одеяло, отгладила шелковое покрывало и с нетерпением ждала минуты, когда сможет рассказать мужу о перенесенных в разлуке страданиях. Солнце взошло и закатилось, взошла луна, а супруг все не возвращался. Всю ночь Вэйчжу расхаживала по крыльцу и едва не стерла свои ножки-лотосы. Миновала ночь, снова наступил день. Вэйчжу поднялась на башню и вдруг увидела на дороге сановника, ехавшего в окружении большой группы всадников, державших стяги и боевые секиры. «Видно, кто-то из важных военных чинов едет по своим делам!» — подумала женщина. Кавалькада внезапно свернула к их усадьбе и остановилась у ворот. Тут только жена разглядела важного гостя — то был ее муж Юй Цзычан. С легкостью ветра она устремилась вниз. Лицо светилось от счастья. Оно и понятно. Как иссушенная засухой земля ждет благодатную влагу, так и молодые жаждают попасть в свадебные покои, освещенные цветными свечами. Но стоило ей взглянуть на лицо мужа, как радость мгновенно сменилась печалью, а на глаза навернулись слезы. Она спросила его, что случилось, но он ничего не ответил, только из уст его вырвался стон.

А случилось вот что. Отчитавшись перед государем, Юй Цзычан тут же был назначен инспектором по снабжению войск провиантом. Ехать в армию предписывалось незамедлительно, поскольку в ратных делах, как известно, нельзя терять ни минуты. Домой муж заехал ненадолго, тайно от государя. Вы спросите, почему Юю надо было ехать незамедлительно?

А вот почему. Еще до возвращения Юя ко двору государство Цзинь направило сунскому государю послание, предложив совместно выступить против Ляо. Сунский двор пребывал в нерешительности, потому страна Цзинь направила ему ультиматум: «Не думая о возможных последствиях, вы нарушили договор о борьбе против общего врага. Не видя от вас поддержки, мы вынуждены направить войска, обращенные против

Ляо, против вашей страны. Если хотите сохранить прежний договор, вам следует изменить свои планы». Это послание повергло государя Хуэйцзуна в трепет. Весь день при дворе шел спор и государь не покидал залы аудиенций.

Если бы Юй приехал на день позже, инспектором в армию назначили бы другого. Но Юй Цзычан — этот обидчик государя — появился как нельзя кстати. Его приезд положил конец сомнениям Хуэйцзуна. Государь немедленно определил срок выступления войск в поход, назначил полководца и генералов. Лишь один пост оставался свободным — инспектор по провианту. Чтобы найти подходящего человека, требовалось время. И вдруг явился Юй Цзычан — этот жалкий книжник, дерзнувший жениться на государевой невесте. Быстро же он вернулся, значит, по-прежнему любит свою красавицу и не желает от нее отступить! Что же, сейчас можно на нем отыграться!

Император сказал Юй Цзычану, что свое поручение он выполнил отменно, не потеряв ни одного лишнего дня. Значит, он дельный чиновник, способный выполнить любое поручение, что особенно важно, когда речь идет о ратном подвиге. Сейчас он получит новое, очень важное поручение, встречу с женой придется отложить.

Когда Вэйчжу узнала о печальной новости, из глаз ее потекли слезы, как два ручейка, которые питают своими водами поток в Трех Ущельях. Она схватила мужа за рукав, пытаясь что-то сказать. Военные чины, сопровождающие мужа, закричали:

— Сейчас не время для чувств. Вот-вот начнется война. У нас у всех есть жены, и каждому хотелось бы побыть дома. Но если кто-то задержится хоть на минуту, войско выступит в поход лишь через несколько месяцев. Кроме того, о вашей задержке сразу же узнает двор, тогда всем нам не поздоровится!

Юй Цзычан надеялся хоть немного пожить дома. Увы! Радость встречи сменилась болью разлуки. Точь-точь как в пьесе с печальным концом. Прощаясь, он вдруг вспомнил о письме Дуаня и попросил жену передать его Жаоцуй.

Молодая женщина очень обрадовалась. Раз муж написал письмо, значит, раскаялся и переменял свои взгляды. Жаоцуй повеселела. А Дуань и в самом деле

досадовал на себя за резкие слова, сказанные жене на прощанье. Жаоцуй вскрыла конверт и извлекла из него листок бумаги с семисложным стихом.

«Стих-перевертыш с парчи расшитой
Вещает о думах жены прекрасной,
Что чувства любви давно пережиты,
Не нужно грустить-сожалеть напрасно.
Тучка и дождик, радости жизни,
Вскоре окончились — их сменили
Гнев и досада и боль укоризны,
Злые сомненья мой дух омрачили».

Увы! Прочитав эти строки, Жаоцуй поняла, что ошиблась, — муж нисколько не изменил своих мыслей — каким был бесчувственным, таким и остался. Да, вместо сердца у него камень. Что ж, тогда надо позабыть о радостях взаимной любви и оставаться верной и достойной супругой. Ведь неизвестно, когда они встретятся, так стоит ли проявлять излишние чувства? Лучше подумать о том, как жить дальше, заняться, к примеру, рукоделием, заработать немного денег. И потом щедро их тратить. Прошел год, а женщину было не узнать, она даже пополнела. Куда девалась прежняя Лазурь, которая целыми днями тосковала по любимому, вздыхала, стенала, обращая мольбы к Небу. Она больше не чахла в разлуке, не напоминала засохшую ветку. Скорее нежную и ароматную яшму.

Но вернемся к Юй Цзычану. Целыми днями он не слезал с седла. Жизнь его проходила в лишениях и мытарствах. Есть поговорка: «Юный муж на реках и озерах быстро старится». Это о молодом торговце, который вынужден подолгу жить в далеких краях. Что же тогда говорить о тех, кому приходилось нести военную службу, ходить походом на иноземцев-врагов и встречаться со стальным клинком? Конечно, бывали и у Юя минуты радости, и все же он быстро старился. Нет, не следует подражать молодым людям, которые, презрев службу, мечтают лишь об удовольствиях жизни. Они не в силах расстаться с красавицей женой даже на мгновенье, ну а жена, дабы покорить сердце мужа, старается всячески ему угодить. Понят-

но, что при разлуке у обоих, как говорится, улетает душа и разрывается сердце, стоит им вспомнить о беседах у изголовья и ласках на супружеском ложе. Не прошло и трех лет, а Юй изменился до неузнаваемости, борода поседела, и он стал похож на дряхлого старца. Да, доведись ему вернуться домой, вряд ли кто-нибудь признал бы в нем прежнего прекрасного юношу, каким он совсем недавно был. Впрочем, он почти позабыл о доме. Злая судьба гнала его вперед, он жил то на почтовых станциях, а то и под открытым небом. Военный поход длился не год и не два. Войска переходили с места на место, захватывая город за городом. Наконец была одержана полная победа над врагом.

Возвращение войска совпало с очередным сроком выплаты дани государству Цзинь. В это время при сунском дворе служил один сановник, знавший о том, что государь не очень-то жалуется Юй Цзычана из-за его красивой жены. Сановник был уверен, что стоит Юй Цзычану приехать в столицу, как государь постарается тотчас же услатить его подальше. И вот, чтобы угодить государю, вельможа подал доклад на высочайшее имя, в котором писал: «Юй Цзычан в свое время явил усердие в отправлении дани и быстро выполнил государев приказ. К тому же с государством Цзинь он вел дела долгое время, а потому инородцы хорошо знают его привычки и нрав. Посему предлагаю повесить его в чине и отдать под его начало выплату дани, других же чиновников, ведающих перевозкой серебра и шелка, переместить на другие посты. Так двор сможет сократить расходы и устранить злоупотребления на границе. Сия мера пойдет на пользу и народу, и государю».

Доклад чиновника совпал с намерениями самого Хуэйцзуна. В тот же день он велел одному из служащих чиновного ведомства издать указ о пожаловании Юю чина шилана ведомства податей и назначении его на должность главного инспектора по сбору ежегодной дани. В указе говорилось: «Получив государев наказ, возвращаться ко двору не следует, а немедленно ехать на границу и приступить к делу. Как только дело будет сделано, воспоследует награда и повышение в чине». Государев указ, который Юй прочитал в «Столичном вестнике», поверг его в отчаяние. Как

говорится, три души его вошли в Землю, семь душ взлетели на Небо. Он готов был наложить на себя руки. Но, по счастью, от этого опрометчивого шага его спас один человек, приславший ему послание. Из следующей главы мы узнаем, кто отправил Юю послание, что в нем было написано и почему оно пришло весьма кстати.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*В жизни двух женщин расцвет и дряхление
будто поменялись местами; прежние супруги
стали женихом и невестой*

Вам, конечно, хочется поскорее узнать, кто прислал письмо и что в нем было написано. Так вот, прислал его свояк Юя и его собрат по экзаменам — Дуань, который, сам терпя лишения и невзгоды, нашел возможность выразить Юю свое сочувствие. Он опасался, что родственник, находясь в плену заблуждений, попадет в беду, а когда поймет свою ошибку, раскаиваться будет поздно. Дуань надеялся, что его слова помогут Юю излечиться от недуга. Как раз в этот момент в Цзинь пришла весть о разгроме Ляо. Дуань понимал, что Юй, связанный с семьей крепкими узами, устремится домой к жене, подобно стреле, выпущенной из лука. Однако на родине его ждет новая разлука, которая приведет к еще более печальному исходу. Дуань советовал другу подать начальству бумагу, в которой заявить, что он внезапно заболел, а самому повременить год-полтора, все спокойно обдумать и взвесить и принять наиболее подходящее решение. Так получилось, что государев приказ в «Столичном вестнике» был напечатан в тот день, когда Юй получил письмо от Дуаня.

Юй Цзычан внимательно прочел послание. Каждое слово в нем было мудрым, будто слово провидца. Сам Дуань отказался возвращаться домой и добровольно терпел лишения, на то были у него веские основания. И действительно, это принесло в будущем свои плоды. Как жаль, что он, Юй Цзычан, в свое время не послушался друга. Может быть, ему удалось бы избежать многих невзгод. Итак, он тут же сочинил бумагу и отправил начальству, но бумага пришла уже после

приказа о его новом назначении, где говорилось, что Юй должен явить усердие и рвение, исполняя высочайший указ.

Юй Цзычану ничего не оставалось, как смириться. Он поселился в одном пограничном местечке и стал ждать прибытия дани, чтобы сразу же ехать в государство Цзинь. Надобно сказать, что приезд Юя очень обрадовал цзиньцев, потому что они ждали от него еще большей щедрости. Прежде Юй ведал только серебром, а сейчас еще и шелками. Значит, с него можно урвать вдвое больше. И приемщики дани лезли из кожи вон, устраивая для гостя пиры и делая подношения. С их уст не сходили льстивые восклицания, вроде «почтенный господин Юй» или «господин шилан». Только теперь все было по-другому. Прежде Юй отвечал лишь за дань серебром и платить за угощения ему приходилось сравнительно немного. К тому же ему помогал тесть, а потому Юй расходовал средства весьма свободно. Сейчас он отвечал еще и за шелк, и, понятно, средств ему не хватало. А тесть между тем, увидев, что деньги, посланные зятю, назад не вернулись, решил, что траты эти бессмысленные, что же до сослуживцев Юя, то они, ссылаясь на бедность, отказались выкладывать деньги. Таким образом, Юй Цзычан, если бы даже, как говорится, умел превращать вещи в чистое золото, все равно не смог бы покрыть все расходы. Оставалось одно — последовать совету Дуаня. Будь что будет! Надо, как говорится, укрепить свой хребет, задубить кожу лица. Однако цзиньцы поступили с ним по-иному, нежели с Дуанем. На него обрушились испытания до того суровые, что даже вообразить трудно.

От Дуаня же цзиньцы в конце концов отступились, видя, что он способен выдержать любые невзгоды. Они давно поняли, что за его счет им не поживиться, и махнули на него рукой. Поэтому Дуань мог сейчас делать все, что ему заблагорассудится — гулять с друзьями в горах или любоваться окрестными видами. Особых лишений он не испытывал, наоборот, жил вольготно. Возможно, цзиньцы отпустили бы его домой, если бы он попросил, но он не спешил возвращаться. Неужели пустынный край, где он сейчас жил, стал для него «Персиковым источником», куда в свое время люди скрывались от Циньского двора?

Юй Цзычан, который, казалось, был больше не в силах страдать, почувствовал облегчение, как только последовал совету друга. А цзиньцы, видя, что вот уже два года Юй не получает из дома денег и, судя по всему, разорился, оставили его в покое.

Надобно сказать, что за годы жизни на чужбине Дуань и Юй очень сблизились. Они во всем помогали друг другу, деля горечи и печали. Как-то раз Юй Цзычан сказал:

— Брат мой, во всех твоих поступках я вижу мудрость. В одном лишь ты неправ. Я имею в виду твой разговор с женой перед отъездом. Вряд ли в отношениях между супругами уместна такая холодность.

— Напротив, я проявил излишнюю чувствительность, что не к лицу мужчине.— Дуань рассмеялся.— Нет, мой друг, ты не так все понял. Это вовсе не холодность!

— Ты сказал ей, что она выйдет замуж вторично, из-за чего, собственно, она и сожгла твое платье. При прощанье на лице твоём не было следов печали, одна суровость. Разве это не бессердечие? А ты еще толкуешь о какой-то чувствительности!

— Ты простодушен и слишком любишь свою жену. Неудивительно, что все эти годы тебе пришлось мучиться. Но вот что тебе следует помнить. Молодая женщина не любит грустить, ибо привыкла к радостям жизни. Она спокойно относится к вдовству, лишь когда муж ее умирает и мечтать о нем бессмысленно. Если же обречь ее на вдовство при живом муже, она в конце концов умирает от тоски. Мы жили с женой душа в душу и расстались, увы, не по своей воле. И если бы в день расставанья я проявил излишнюю чувствительность, оставшись одна, она мечтала бы о прежних супружеских утехах. А ведь подобные воспоминания все равно что ядовитое зелье, способное отправить человека к Желтым источникам раньше положенного срока. И тогда, пусть даже я вернулся бы на родину, нам не довелось бы больше насладиться супружеским счастьем. Вот почему я был так суров при прощанье. Чтобы жена потом вспоминала об этом без радости и легче переносила разлуку. Древние говорили: «Сначала подведи человека к смертельной черте, а потом возроди к жизни». Именно так посту-

пил и я. Неужели ты этого не понял? Ведь образованный человек!

— Может быть, ты и прав! — проговорил Юй.— Но учти, женщина подобна ивовому цветку и воде. Понять ее порой невозможно. Ты, видно, считаешь свою жену исключением. Но представь, что она могла послушать тебя и сделать то, чего сама никогда не сделала бы. Что тогда?

— Надо знать, кому советуешь. За годы нашей совместной жизни я убедился, что жена моя женщина вполне достойная и заслуживает доверия. Она чтит нормы поведения и никогда не позволит себе их нарушить. Вот почему я поступил именно так, а не иначе. Окажись на ее месте другая, вряд ли я сделал бы этот рискованный шаг.

— И все же перед отъездом тебе следовало быть с ней поласковее, как-то утешить ее, даже если ты не надеялся вернуться живым. Зачем, к примеру, ты повесил на башне похоронную надпись? Неужели ты и в самом деле не надеешься вернуться к семье? Или хочешь, словно Дин Линвэй, вернуться домой журавлем?

— И эта надпись, и моя суровость с женой имеют один и тот же смысл. Надпись на башне говорит о вечной разлуке. А я и хотел, чтобы жена забыла о прежних радостях и жила спокойно, отринув пустые надежды на встречу, не считая дни до моего возвращения, не убивая себя печалью. Каждый супруг, очутившийся в нашем положении, должен последовать моему примеру. И не только супруг, но и любой человек, собравшийся в чужие края, дабы приобрести там имя и славу. Если уезжаешь на год, скажи, что уезжаешь на два. Если уезжаешь всего на месяц, вообще не говори, когда вернешься. Ведь дальняя дорога сопряжена с разными превратностями. Поэтому лучше приехать неожиданно, чем неволью нарушить обещание и тем самым заставить близких тревожиться. Любящий супруг должен поступать именно так. Тогда супружеская любовь сохранится до старости и печаль не оставит следа на лице жены. Мой друг, ты мне не веришь. Что же, тогда возвращайся домой. И когда помотришь на наших жен и сравнишь их, сразу поймешь, кто из нас прав.

Слова Дуаня не рассеяли сомнений Юя.

— Твои рассуждения мудры, но жестоки. Окажись я на месте твоей супруги, возможно, я бы их понял, но следовать им, пожалуй, не смог бы.

Шли годы, летели дни, а друзья по-прежнему томилась на чужбине. Восемь раз сменились звезды на небе, столько же раз выпал иней на земле. При дворе Сунов уже дважды изменялся календарь государева правления, и у власти сейчас стоял государь Циньцзун. Как раз в это время страна Цзинь пошла разбойным походом против государства Сунов и нанесла ему жестокое поражение на севере. Цзиньцы ворвались в сунскую столицу, захватили в плен государей Циньцзуна и Хуэйцзуна и увезли. Юй и Дуань, увидев своих владык в неволе, не могли сдержать слез. Во время церемонии, положенной при встрече государя и подчиненных, Хуэйцзун поинтересовался именами поданных. Оказалось, это те люди, которых он в свое время преследовал. Государя охватило чувство раскаяния. Если бы не указ о наборе государевых невест, несчастным вассалам не пришлось бы восемь долгих лет жить в разлуке со своими женами, как Пастух и Ткачиха, которых разделила Серебряная Река.

Рассказывают, что люди Цзинь еще задолго до пленения двух сунских владык обратили свои взоры на благородный нефрит, шелка и прекрасных дев. Словом, их гораздо больше интересовали богатства, чем события, происходившие на Срединной равнине. Они давно поняли, что с Юя и Дуаня ничего не возьмешь, но держали друзей у себя, как куриную кость, которую и съесть нельзя, и выбросить жалко. После победы отношение цзиньцев к жителям Сун изменилось. Они были убеждены, что в Сунской стране не осталось настоящих людей. Потому стоит лишь протянуть руку, и они завладеют всей Срединной равниной, прекрасной, словно узорная парча. А посему не лучше ли изменить политику и стать немного уступчивей? И вот цзиньский двор отпустил на родину сунских послов, в свое время прибывших в Цзинь с данью. Все равно проку от них никакого, нет за душой ни гроша. И цзиньцы решили показать свое великодушие.

Оба сунских владыки, находившиеся в цзиньском плену, повелели своим подданным возвращаться на родину, но те воспротивились.

— Наши государи повержены во прах и терпят унижения, а потому долг каждого верноподданного за них умереть! — воскликнул один из друзей. — Вместе с вами, ваши величества, мы готовы пройти все испытания. Пусть мы и на чужбине, но свято чтим наш долг.

Государи раскаялись в прошлых своих поступках, просили забыть о причиненном зле и снова стали уговаривать друзей вернуться на родину. Наконец те согласились, простились с государями и тут же покинули Цзинь.

Юй Цзычан к этому времени поседел, хотя ему не было еще и тридцати. Показаться в таком виде жене он не посмел. Потому решил где-то возле родных мест непременно купить краску, которую обычно изготавливают в столице, и вычернить волосы и бороду. Тогда он вернется домой молодым, как жених, и не заставит супругу лишний раз скорбеть о прошлом.

И вот они вместе с другом въехали в ворота поместья. Странно, навстречу «жениху» спешила не любимая жена, а супруга Дуаня. Она сказала, что после долгой разлуки жена Юя не осмелилась выйти и ждет мужа в опочивальне. Повидавшись с тестем, Юй Цзычан поспешил в супружеские покои и, проходя через среднюю залу, вдруг заметил странное возвышение с надписью, сделанной мелкой вязью: «Здесь покоится гроб женщины, жившей в эпоху Сун — урожденной Гуань, супруги сановника Юя». Юй Цзычан покрылся холодным потом. Он схватил тестя за рукав и спросил, что это значит. Старый Гуань, роняя слезы, объяснил:

— Дочь считала дни до твоего возвращения. Плакала, стенала и через короткое время слегла. Лекари в один голос сказали, что причина недуга — тоска и от этого у нее поражены все семь внутренних органов. А поправится она, лишь когда увидит супруга. Поначалу Вэйчжу еще надеялась на твое возвращение. Она ничего не ела и только пила воду и жидкий бульон. Как она надеялась увидеть тебя перед кончиной! И вдруг пришла весть о победе над Ляо, а потом — о твоём новом назначении. Бедняжка поняла,

что ей тебя не дожидаться. Плакала, горевала, совсем перестала есть, а потом... скончалась. С тех пор прошло три года. Перед смертью она завещала не класть ее в землю, а оставить в гробу до твоего возвращения. Хотела встретиться с тобой напоследок, как встречаются живые после долгой разлуки. Я выполнил ее просьбу.

Юй Цзычана охватило отчаяние. Он бросился на-земь возле гроба супруги и закричал, что не хочет больше жить. Тесть стал его утешать:

— Дорогой зять! Не убивайся так! Моя дочь в последнее время изменилась до неузнаваемости — высохла как щепка, лицо стало желтым, кожа на теле — черной, как у мертвеца. Смотреть страшно. Может, и лучше, что ты не видел ее такой, а то все равно убежал бы.

Юй Цзычану невольно пришли на память слова Дуаня, еще когда они были на чужбине: приедешь домой, увидишь наших жен, сравнишь и тогда поймешь. Да, и в этом друг его оказался прав. Только сравнивать уже не с кем. «Жена из-за меня умерла, — с болью думал Юй, глядя на гроб. — У моего доброго Дуаня всегда есть чему поучиться. Как видно, за внешней холодностью может скрываться истинная любовь. В древности говорили: «Сначала подведи к смертельной черте, а потом возроди к жизни». Это сказано не о суровом моралисте, а о муже, умудренном опытом».

Что же до Жаоцуй, то она показалась еще краше. Грация и легкость Чжао Фэйянь — Летающей Ласточки — сменились пышностью форм Ян Гуйфэй. Мудрый совет, который муж некогда дал жене, несомненно принес свои плоды. Исполненный радости, Дуань вошел во внутренние покои.

— Была ли ты счастлива эти восемь лет? — спросил с улыбкой Дуань. — Вспоминала ли в минуты праздности того, кто в дальних краях?

Жаоцуй потупила взор и молчала.

— Наверно, ты все еще сердишься. Мне придется просить прощенья, иначе разговор у нас не получится. Но скажу тебе не хвалясь, вряд ли найдется в мире другой такой любящий муж, как я. И благодарности мне за это не надо.

— Благодарности? За что, объясните!

— Изволь! Восемь лет мы были в разлуке, а ты нисколько не изменилась: не то что не похудела, но даже пополнила немного. Лицо твое не покрылось морщинами, а стало еще нежнее. Вот за что ты должна низко мне поклониться. Твоя родственница ушла в мир иной, а ты жива и здорова. Благодаря кому, как ты думаешь? К тому же другой муж на моем месте, надолго разлученный с женой, состарился бы, а я, как видишь, почти не изменился, избавив тебя тем самым от огорченья. И, наконец, вот еще что. Некоторые расставались, надеясь на встречу, мы же разлучились навеки. Но в жизни все получилось наоборот. Мы встретились, а те, другие, нет. Это все оттого, что тебе в прошлом рождение суждено было счастье в нынешнем, потому и достался тебе муж, обладающий искусством возвращения к жизни и способностью изменять силы «цянъ» и «кунь». Значит, ты должна мне пять раз низко поклониться. Во время нашей разлуки по ночам тебе было тоскливо и одиноко. Ты спала в холодной постели. И все же это лучше, чем если бы постель твою кто-то согрел. Глядя на песочные часы, ты досадовала, что время летит чересчур быстро, другим же казалось, что оно тянется слишком медленно. Когда ты смотрела на весенние цветы или цветущую иву, сердце твое наполнялось печалью. Но в этом и кроются добродетели, несущие человеку радость. В этом и заключается благо, необходимое для истинной любви... Впрочем, всего сразу не объяснишь.

Жена мало что поняла и решила, что все эти красивые слова — пустая болтовня, которая понадобилась мужу, чтобы оправдаться, выдать свой проступок за подвиг.

— Я вижу, ты мне не веришь,— продолжал муж.— Вспомни, восемь лет назад я послал тебе некий знак. Взгляни на него и все поймешь!

— Какой такой знак? — удивилась жена.

— В тот день, когда наш Юй получил новое назначение, я послал тебе письмо. Ты разве его не читала?

— Обычное письмо со словами о разлуке. Ты писал, чтобы я не надеялась на встречу. В общем, как и во время прощанья, хотел разрушить нашу любовь.

Дуань рассмеялся.

— Не надо корить меня и обвинять в жестокости! Помнишь, когда мы прощались, ты обронила фразу о том, что хотела бы походить на Мэн Цзяннью и Су Хуэйнян. На Мэн Цзяннью ты, пожалуй, походишь, а вот на Су Хуэйнян — нисколько. Ты, видно, не очень хорошо знаешь историю о парче и круговых письменах. Мое письмо как раз и есть послание с круговыми письменами. Его можно читать с любого конца. Читаешь с одного — послание о разлуке, читаешь с другого — счастливый знак. Ты сохранила мое послание? Прочти и сразу все поймешь!

Женщина, все еще сомневаясь в душе, достала послание мужа и стала читать, как велел супруг:

«Злые сомненья мой дух омрачили,
Гнев и досада и боль укоризны
Вскоре окончились — их сменили
Тучки и дождик, радости жизни.
Не нужно грустить-сожалеть напрасно,
Что чувства любви давно пережиты,
Вещает о думах жены прекрасной
Стих-перевертыш с парчи расшитой».

Прочтя послание, Жаоцуй долго молчала, потом вдруг поняла его истинный смысл, и лицо ее осветилось радостной улыбкой.

— Вы хотите сказать, что поступали так намеренно? Желали, чтобы я охладела к вам? Но почему вы не сказали об этом прямо, заставив меня страдать восемь долгих лет? Ведь только сегодня я испытала настоящую радость жизни!

— Открой я свои намерения тогда, не достиг бы цели. С тобой могло случиться то же самое, что с твоей родственницей. В свое время стих-перевертыш послала мужу жена, а у нас получилось наоборот. Муж отправил жене круговое послание. Не правда ли, это несколько необычно?

БАШНЯ ПОДНОШЕНИЯ ПРЕДКАМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Бегством спасаясь от бед, женщина дает жизнь
ребенку; она получает совет, как ради младенца
пожертвовать своим целомудрием*

Мирянина встретив, иной святоша
Ему монахом стать предлагает,
Но много ль таких, что согласны
отбросить
Цветок, что у них перед взором сияет.
В восточных странах людям открылись
Законы духовного просветленья.
В западных странах возок появился,
Способный указывать направленья.
Известно, что вместе с постной едою
Не грех подавать и скоромную пищу,
Так нужен ли длинный халат монаха
Тем, что прозрений глубоких ищут?
И если зерно буддийского древа
В душу запало, растет неуклонно,
Оно в душе со временем станет
Чистым цветком святого Закона.

Из этих стихов видно, что человеку, дабы совершить доброе дело, вовсе не обязательно становиться последователем буддийского учения: брить голову, надевать монашескую рясу, давать обет не пить вина, не есть скоромного. Главное — это взрастить в душе милосердие и жалость к людям и творить добро всегда и везде. Понятно, что добрые поступки бывают разные. Одни выполнить легко, другие — трудно, третьи — невозможно. Поэтому в первом случае надо исполнить все, во втором — хотя бы половину. Но, разумеется, не так, как взвешивают товар: из десяти частей выбирается пять, и дело с концом. Сначала следует оценить значимость деяний, выбрав в них наиболее важное. Одна или две части здесь вполне

соответствуют остальным частям. Что до этой последней, пускай она остается до лучших времен, постепенно обретая свое совершенство. Кто знает, быть может, со временем и она заполнится добрыми поступками. Заметим, достойных деяний на свете не счесть. Вот почему, говоря об одном, часто имеют в виду и все остальные. Взять хоть запрет на вино и скоромную пищу, а также разные говенья и посты, которые блюдут вошедшие во Врата буддийского учения. Конечно, все эти достойные деяния лучше исполнять монаху, а не простому смертному. Почему? Потому что инок в своей повседневной жизни видит не мясо и рыбу, а овощи и травы. Недаром говорят: «Когда не зришь вожделенное, сердце не мечется». У простого смертного, как бы он с собой ни боролся, непременно потекут слюнки при виде мяса, а рот невольно раскрывается.

Вот какой я намерен дать нынче совет. Если полный пост соблюсти невозможно, надо соблюсти половинный, — к нему можно прибегать долгое время. Вы спросите, что значит половинный пост? Из скоромной пищи можно есть все, что угодно: свинину, баранину, гусей, уток. Запрещена лишь говядина и собачина. Казалось бы, не все ли равно, чье мясо есть. Верховный владыка бережет все без исключения живые существа, и последователи буддийской веры запрещают их умерщвлять, но сохранить всю живность невозможно. Поэтому следует выбрать, кто более, а кто менее важен. Губить жизнь свиньи или овцы тоже жаль, особых заслуг у них перед миром нет, но нет и особых проступков. В общем, убить их, съесть хотя и грех, но простить его можно. Совсем другое буйвол и собака. Буйвол поддерживает жизнь человека, собака — охраняет. Если бы буйвол не трудился в поле, разве взошли бы пять злаков? Если бы пес по ночам не сторожил дом, разве уберег бы хозяин свое добро от воров? Словом, заслуги этих животных перед людьми огромны, но люди порой забывают воздать им должное. Некоторые даже убивают их как лютых врагов, спят на их шкурах и едят их мясо. Ублажая свою плоть, они забывают о милосердии и справедливости. Забить буйвола или собаку так же грешно, как погубить человека. Еще больший грех — съесть их мясо. Кто из десяти лет жизни пять лет потреблял расти-

тельную пищу, сможет избежать многих бед в нынешней жизни и достигнет благополучия в Темном царстве.

Итак, животных, которые верно служат, справедливость не велит убивать. Этому же правила должно придерживаться и в делах государства. Если обладающий властью днем не сгубит жизни достойного и верного человека, ночью его сердце не сожмется от стыда и раскаяния!

Все, о чем мы здесь говорили, не пустая болтовня. В свое время Владыка Северного ковша спустился в наш мир и все эти слова вложил в уста одного страдальца, дабы тот, сочинив рассказ, вразумил людей. Понять смысл сказанного можно, лишь прочтя рассказ до конца.

В нашей истории речь пойдет о тайных предопределениях, однако она нисколько не походит на рассказы о возмездии, где говорится о причинах и следствиях явлений, ибо жизнь полна крутых извивов и хитросплетений. Известно, что нынешнего читателя больше прельщают истории о «ветре и чувствах», нежели рассказы о воздаянии. Но не должны его страшить и слова о «светлом и темном». Разве хорошо, когда, читая рассказ, проявляют интерес лишь к удивительным событиям?

В конце правления Мин в уезде Дунлю области Чичжоу под Нанкином жил ученый-сюцай. Мы запомнили лишь его фамилию, а имени так и не узнали. Неведомо нам также, из какой семьи происходила его супруга. Но поскольку наша история вполне достоверна, мы не станем придумывать нашим героям имена и правду превращать в вымысел, а потому назовем их сюцай Шу и госпожа Шу. Надо бы сказать, что, хотя род Шу был весьма многочислен, у предков нашего героя в семи поколениях рождался всего один ребенок. Братьев и сестер у них не было, поэтому линия рода шла от отца к сыну. А все оттого, что среди Пяти нравственных установлений, видимо, одного не хватало! Помните слова из «Четверокнижия»: «У других есть братья, а у меня никого!» Эта фраза стала как бы отличительным знаком семьи Шу.

Еще в молодые годы сюцай взял себе в жены девицу из именитой семьи, женщину достойную и неглупую, к тому же весьма привлекательную. Очень скоро жена стала опорой в доме. Супруги нежно любили и хорошо понимали друг друга. А их радости на супружеском ложе даже описать трудно. Одна беда — много лет женщина была бесплодна и понесла, лишь когда ей исполнилось тридцать. Счастливую весть тотчас сообщили всем родственникам, с тем чтобы те обратили мольбу к небесам: «Умоляем послать чадо здоровым, и пусть, если зачата девочка, на свет появится мальчик». И что бы вы думали? Женщина действительно родила мальчика. «Ясен взор его, чисты его брови», — так обычно говорят о благородном облике младенца. Понятно, радость сюцая не знала границ. Вся родня молилась за здоровье новорожденного. При рождении ребенок не умер, на свет появился вполне здоровым, поэтому родители смотрели на него словно на чудо. А в это время соседи за спиной усмехались: «Ну и глупцы!» Вы спросите, почему они так говорили? Потому что в ту пору к северу и к югу от Большой реки везде бесчинствовали разбойники. Встретят женщину — осквернят, увидят младенца — убьют. Случалось и хуже. Убьют женщину на сносках, извлекут у нее из нутра жир, готовят особый состав и пропитывают факелы. А то привяжут младенца к песту и стреляют в него из лука и самострела, будто в мишень. Вот почему девять из десяти женщин предпочитали избавиться от плода, чтобы не погибнуть от руки злодеев. Во многих семьях новорожденных топили в реке, чтобы они не достались разбойникам. Узнав, что Шу и его жена радуются рождению младенца, соседи стали говорить, что сам Шу — свихнувшийся книжник, а жена его — блаженная.

— Такая красotka непременно попадет в руки подорожника! — судачили они. — Потеряет честь и достоинство. А младенца либо пристрелят, либо зарежут. А они блаженствуют, видно, забыли, в какое время живут.

Так оно и было. Сюцай, давно мечтавший о сыне, который станет продолжателем рода, не думал о возможных бедах. И лишь когда ребенок появился на свет, стал прислушиваться к разговорам, которые вели гости, приходившие с поздравлениями. Наконец он

понял, что в это смутное время наследник — дар хрупкий и недолговечный и в любой момент может погибнуть от руки разбойников. Во что бы то ни стало следует его уберечь от беды. А для этого необходимо разлучить младенца с матерью. Но проживет ли он без материнского молока? Неужели нить, которая тянется уже несколько поколений, вдруг оборвется? Нет ребенка — плохо, появился наконец — еще хуже, ведь все равно погибнет. От горестных дум сющай готов был плакать и поделился своими тревожными мыслями с женой.

— Что беспокоит вас? — спросила жена. — Хотите, чтобы я лишилась жизни и сохранила честь, осталась чистой, как лед, и непорочной, как яшма, или же чтобы я спасла свою жизнь и сохранила наше дитя? Словом, желаете ли вы, чтобы я по-прежнему оставалась вашей супругой и, как говорится, держала в руках пест и ступу?

— Это было бы прекрасно, но, увы, совместить оба твоих желания сейчас невозможно. Если вы с сыном попадете в руки злодеев, то непременно погибнете. Поэтому прошу, не рискуй понапрасну, а постарайся уберечь частицу моей плоти, как говорят: «Сохрани главное, презрев мелкое».

— Значит, вы хотите, чтобы прежде всего я уберегла наше чадо, а до женской чести вам нет никакого дела? Но вам ведь известно, что высшее достоинство женщины — ее целомудрие, оно важнее всех остальных добродетелей. Эту старую истину вам следовало бы знать, поскольку вы человек ученый. Я прежде от вас не слышала, что, поступившись большой истиной, можно сохранить малую!

— Верно! Но сейчас все в жизни переменилось, поступить надо как-то иначе. К примеру, находясь в положении Яо и Шуня, проявлять вежливую уступчивость, оказавшись же на месте Тана и У, прибегать к жестоким карам. Ты спросишь, почему это так? Потому что названные государи жили в разных условиях. Так и у нас. Если ты сохранишь жизнь нашего чада, продолжающего нить рода, если вырастишь его, это будет великим подвигом, не имеющим ничего общего с деяниями тех, кто по собственной воле падает в сточную канаву.

— Быть может, и так. Допустим, я ценой позора сумею вырастить сына. Через какое-то время вы нас найдете, и мы снова соединимся, как мясо с костями. Но скажите по совести, сможем мы в этом случае сохранить прежние чувства друг к другу? Когда-то я видела пьесу «Полоскание шелка» о красавице Сиши, которая после гибели Уского дома последовала за Фань Ли, вернувшись к озерам. На ее месте я умерла бы от стыда! Всем известно, что поначалу из-за мести, которую хотел осуществить государь, она лишилась целомудрия и доброго имени, но зрители, как я помню, не очень-то строго судили Сиши, видимо, считая, что ей удалось сберечь прежние чувства. А по моему, после восстановления чести страны ей лучше бы принять смерть, покончив с собой. Однако она не сделала этого, напротив, подобная оскверненной яшме, вернулась к Фань Ли, своему прежнему мужу. Сиши считают несравненной красавицей, когда-либо существовавшей в нашем мире. Я же думаю, что она первая в истории бесстыдница. На ее месте я запретила бы ставить эту мерзкую пьесу о возвращении к озерам. Хорошенько запомните то, что я сейчас сказала, это послужит вам хорошим уроком.

Слова жены опечалили сющая до слез.

Через некоторое время отовсюду поползли слухи, что к Нанкину приближаются разбойные полчища и спрятаться от них невозможно. Впрочем, мужчины, надев легкую обувь, еще могли уйти, а вот женщины с их крохотными ножками надежды на спасенье не имели. Злодеи тащили их веревками, крючьями. От них не убежишь, не вырвешься!

— Время не терпит! — обратился сющай к жене. — Будь осторожна, а главное, помни о том, что я тебе сказал!

— Женская честь — дело серьезное, — промолвила женщина. — Посоветуйтесь прежде с родичами, старейшинами рода. Дадут вам согласие, я последую вашему совету. Если же хоть один из старейшин будет против, я приму добровольную смерть. Пусть восторжествует великая справедливость!

— Ты права! — согласился сющай.

Без излишних проволочек сющай пригласил родственников в семейное святилище — Башню Покло-

нения предкам, передал им свой разговор с женой и попросил совета.

— Сейчас гораздо важнее сохранить младенца, нежели целомудрие,— заметил один из старейшин.

Остальные с ним согласились. Сюцай попросил одного из родичей позвать жену, и все принялись ее уговаривать. Главное, мол, спасти чадо во имя продолжения рода, а все остальное не важно.

— Так повелось, что подданного, проявившего неверность, называют предателем, жену, потерявшую честь,— блудницей, сообразно совершенным поступкам,— проговорила госпожа Шу.— Но эти поступки часто совершают в силу необходимости — дабы продлить род или спасти страну, и рано или поздно все об этом узнают. Почтенные родственники, вы так настойчиво меня уговариваете, что я вынуждена уступить. Но вот что я вам хочу сказать. Хорошо, если младенец не умрет от стрел или от чирьев, слава предкам, которые сохранят ему жизнь. Но ведь может случиться, что я не смогу его вырастить, что он не доживет до той поры, когда мальчику делают прическу. И тогда меня будут поносить, как распутницу?

— Твоей вины здесь не будет,— сказал кто-то.— Значит, такая судьба. Пока мы ведем речь о твоём согласии, а не о том, что может случиться с ребенком!

— Это так, но все следует хорошенько обдумать и обсудить! Продление рода имеет прямое отношение к предкам, а потому надо совершить гадание. Если предки простят мой грех, я вопреки собственной воле подчинюсь. Если же гадание предрекает несчастье, значит, не суждено мне вырастить наше дитя. В этом случае я сохраняю свою честь, чтобы супруг не скорбел напрасно. А то ведь можно потерять сразу обоих — и мужа, и сына.

— Что же, сказано справедливо,— согласились родственники.

Они попросили сюцаю приготовить два листа бумаги и растереть тушь. На одном листке написали «Блюсти целомудрие», на другом — «Уберечь чадо». Листки скатали в бумажные шарики, положили в разные места и приступили к гаданию. Гадание показало, что надобно уберечь чадо. Сюцай возрадовался, а родственники снова принялись уговаривать женщину, и она наконец согласилась. Горько плача, госпожа

Шу совершила четыре глубоких поклона в честь предков.

— Увы! В наше время никто не думает о соблюдении чести! — промолвила она. — В пору, когда злодеи повсюду творят бесчинства, все моральные правила преданы забвению. Небо, Земля, великие предки! Молю вас, явите свою мощь, покарайте злодеев! Пусть воспрянут к жизни верные и благородные люди!

Простившись с родными, она обняла младенца и вместе с мужем направилась в сад, где росли желтые кипарисы. Оттуда донеслись звуки циня. Если хотите узнать, что случилось дальше, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Несколько железных цепей спасают жизнь человека; с помощью пеньковой веревки связываются близкие судьбы

Итак, оба супруга поклялись во что бы то ни стало сохранить жизнь своему ребенку. А через несколько лун в восточные области пришли разбойные полчища Чуан-вана Стремительного. Спасаясь от них, сюцай покинул родной кров, и жена его осталась с младенцем одна. Она не избежала надругательства, как и все здешние женщины, кроме разве самых уродливых. Однажды в дом ворвался какой-то разбойник. Женщина изо всех сил прижала младенца к груди. Разбойник поднял меч.

— Я согласна на все, только пощади дитя! — воскликнула госпожа Шу, рыдая. — Если убьешь его, я живой тебе не достанусь!

Разбойник не стал убивать ни мать, ни дитя, а взял к себе, и с тех пор они следовали за ним повсюду. Где только им не довелось побывать!

Однако вернемся к сюцаю. Через некоторое время он возвратился домой, но никого не застал и горько заплакал. Что поделаешь, пришлось смириться. Можно ли надеяться в пору лихолетья на счастливое соединение с ближними? Одна надежда, что появится достойный Сын неба, которому удастся «соединить осколки разбитого зеркала», то есть навести порядок в стране. Через несколько лет утвердился Треножник новой династии. В местностях Чу и Шу воцарился

мир. Генерал-губернатор провинций Ху и Чуань объявил о том, что можно выкупить женщин, оказавшихся в плену. Из высочайшего указа сюцай понял, что все, кого разбойники взяли в плен, сейчас находятся в Большой армии. Он продал дом и всю утварь и отправился на поиски жены и ребенка. В пути ему пришлось пережить немало трудностей и невзгод. Он видел многих счастливых, которым удалось найти и выкупить своих близких. Увы! Шу не повезло. Почти полгода скитался он в Чуань и Ху, истратил добрую половину денег, но все впустую. На обратном пути Шу ограбили разбойники, отняли все до нитки, и, чтобы не умереть с голода, ему пришлось просить подаяния. Это было нелегко. Все жители попрятались, избегая встречи с солдатами, которые появлялись почти ежедневно. Порой сюцаю приходилось идти в армейский лагерь просить у солдат что-нибудь из съестного.

Однажды, обессилев от голода, он упал у обочины дороги. Под вечер на дороге появились солдаты Большой армии. Поскольку жилья поблизости не было, они решили остановиться на ночлег в поле и разбили шатры. А где солдаты, там и тепло, и сытно. С трудом поднявшись, сюцай подошел к одному из шатров, надеясь получить хоть объедки. Солдаты ели мясо, отрезая кусок за куском от здоровенной туши, которая коптилась над раскаленными углями. Какой-то начальник, заметив голодного, исхудалого человека, решил проявить милосердие, отрезал кусок весом не менее цзиня и швырнул сюцаю.

У несчастного от голода все плыло перед глазами. Толком не разглядев, что за мясо ему дали, он схватил кусок и пошел в заброшенную кумирню неподалеку. Разрывая его на части, он засовывал мясо в рот и, не разжевывая, жадно глотал. Вдруг он почувствовал, что мясо имеет какой-то непривычный вкус, и завопил от страха, взывая к Будде. Оказывается, это была говядина, которую в его семье на протяжении нескольких поколений никто никогда не употреблял в пищу, как и мясо собаки. Дома в Башне Поклонения предкам стояла каменная стела, где было написано, что давным-давно одному далекому предку встретился некий высокодостойный монах. Он сказал, что роду Шу не суждено иметь наследников, но поскольку ни-

кто в роду никогда не убивал живых существ, не ел ни говядины, ни собачины, всемилостивый Небесный владыка позволил каждому поколению иметь одного наследника, дабы продлить нить рода. Если же кто-нибудь нарушит этот запрет, нить жизни тотчас порвется. Сюцай Шу строго придерживался правила, завещанного предками, и не нарушал его, даже когда жизнь висела на волоске.

«Лучше погибнуть от голода, чем жить, нарушив запреты!» — подумал он, и рука его потянулась ко рту, дабы извлечь съеденное. Увы, эта попытка оборвала его дыхание. Ему показалось, что душа его отделилась от тела и мечется где-то рядом. Вдруг он заметил множество чудесных существ, которые ехали верхом на конях под раскрытыми балдахинами. Кто-то из всадников заметил сюцаю.

— Как очутилась здесь эта блуждающая душа? Почему витает она между светлыми и темными мирами?

Сюцай бросился перед духами на колени и стал жаловаться на свою горькую долю. Ведь совсем недавно он чуть было не умер с голода.

— С голода? — удивились духи. — Но возле тебя валяются куски мяса, которые ты не успел проглотить!

Сюцай объяснил, что съел мясо по ошибке. А когда понял, что проглотил говядину, которую прежде никогда не ел по причине запрета, тут же извлек ее из чрева, но в тот же миг потерял сознание.

— Мясо, которое я извлек из чрева, тому доказательство.

— Ты блюдешь половинный пост? — спросил дух. — Значит, тебе суждена другая кончина. Странно, что ты терпишь подобные муки! — Дух позвал одного из служителей. — Вложите-ка его душу в тело, да поживей!

— Осмелюсь спросить, о великие духи, как мне вас величать, — вскричал сюцай. — И почему вы здесь?

— Мы, духи Северного ковша, следим за тем, кто совершает добро, а кто творит зло. Сюда мы пришли по чистой случайности!

— Вы упомянули о «половинном посте». Что это значит?

— Знай, что существует «полный пост» — запрет на «пять скоромных» и «три запретных». Но есть «пост половинный» — запрет на говядину и собачину. Объяснишь это тем, кто не знает. Сей запрет позволяет обратить беду в благо, словом, избежать несчастья. Сему доказательство то, что нынче случилось с тобой!

Сюцай хотел было поведать духам о своих злоключениях, которые ему пришлось пережить во время поисков жены и ребенка, спросить о судьбах близких людей, наконец, узнать, как жить ему дальше. Но только было он открыл рот, как духи вдруг воспарили вверх и исчезли. Осталось лишь несколько слуг, которые, приладив душу сюцай к телу, также пропали.

Сюцай почувствовал, как по телу разливается тепло — знак того, что душа вернулась на прежнее место. Странно, Шу чувствовал себя бодрым, окрепшим, будто бы только что сытно поел. Он жив! Он может продолжать поиски!

Прошло полмесяца или чуть больше. За это время сюцай исходил свыше тысячи разных дорог и тропинок. К несчастью, его злая звезда еще не закатилась, и ему пришлось претерпеть немало мытарств. Как-то он столкнулся с солдатами Большой армии, и они заставили его тянуть по воде судно. Днем за бурлаками зорко следили солдаты, а ночью несчастных запирали в какой-нибудь храм, чтобы не убежали. Сюцай мучился не только днем, по ночам он не спал, проливая горькие слезы. «О Владыка Северного ковша! — молил он. — Ты сказал, что я соблюдаю «половинный пост», а значит, могу избежать бедствий. Моя жизнь сейчас подошла к предельной черте. Отчего же ты мне не поможешь?»

Он проплакал несколько ночей кряду, вознося к Небу мольбы. Его стенания слышали все, кто находился поблизости. Они взволновали одну знатную женщину, которая находилась на судне, плывшем из Хугуана. Ее муж в это самое время плыл по реке из Сычуани вниз по течению. Где-то на полпути они должны были встретиться. Как-то утром госпожа велела провести Шу к себе.

— Кто ты, как твое имя? — спросила женщина. От постороннего мужчины ее отделял занавес. — Почему ты все время плачешь и мешаешь мне спать?

Сюцай назвал себя и рассказал о том, что ищет жену и ребенка. Поведав о своих злключениях, он принялся отбивать земные поклоны, умоляя госпожу отпустить его.

— Сохраните мне мою жалкую жизнь!

Женщина сказала, что это должен решить ее муж, военачальник, и велела стражникам заковать беднягу в железа. На несчастного надели железные цепи тяжелее канги, которую носят преступники, он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой. За три дня цепи стерли шею сюцай, ноги его распухли. Шу молил небо, чтобы военачальник приехал пораньше. Может быть, он отпустит сюцай или облегчит его муки. На четвертый день появилось несколько судов, в одном из них ехал военачальник. Солдаты упали на колени. Военачальник поднялся на борт судна, где находилась его семья, и направился в парадную каюту. Через некоторое время он приказал стражникам привести преступников для допроса и повелел приготовить мечи и секиры — орудия немедленной казни. Сюцай, узнав о приказе, задрожал от страха. Как говорится: «Три души его ушли в землю, семь душ взметнулись к небу».

Военачальник тем временем направился на нос судна, где уселся в кресло, обратившись лицом к берегу. Вокруг раздавались воинственные крики его подчиненных. Сюцай подвели к военачальнику, грозному, словно смерть. Брови его были устрашающе подняты вверх.

— Кто ты, почему ночью стонал и плакал? — спросил военачальник. — Может быть, ты пробрался на лодку, чтобы совершить какое-то мерзкое дело, пока я был в отлучке?

Эти слова повергли сюцай в отчаянье. Но он, набравшись духу, громко сказал:

— Я человек ученый, имею степень сюцай. Мне известны все правила поведения, а потому на пакости я не способен. Я ищу жену и ребенка. В пути мне встретились ваши солдаты и заставили меня тащить лодку. А плачу я оттого, что до сих пор не могу найти своих близких. В довершение всех моих бед на меня надели цепи и держат в неволе. Видно, мои стонания побеспокоили госпожу, и она велела захватить

меня в цепи, пока вы не решите это дело. Все, что я сказал,— сущая правда! Другой вины за мной нет!

Военачальник повернулся к стражникам.

— Когда на него надели цепи?

— Пожалуй, пошли уже четвертые сутки! Госпожа приказала.

— Странно! — проговорил военачальник. — Снимите цепи, я хочу осмотреть раны!

— Слушаемся! — ответили стражники и бросились открывать замок, но замок заржавел и не открывался. Пришлось прибегнуть к помощи молотка. Когда цепи наконец упали, военачальник внимательно осмотрел стертую до крови шею узника, и лицо его приняло довольное выражение.

— Если бы не раны, он поплатился бы жизнью, да и у вас, голубчики, полетели бы головы. Но мои подозрения оказались напрасными. Этот человек вряд ли забирался на судно. — И военачальник обратился к сюцаю: — Из чьего рода твоя жена? Как имя ребенка? Сколько ему лет?

Сюцай ответил.

— Отведите его в сторонку! — приказал военачальник. — Я должен подумать!

Вдруг губы его тронула улыбка, и он направился в каюту.

Уважаемый читатель! Ты, наверно, уже догадался, что женщина в лодке была женою сюцая, которую военачальник в свое время захватил в плен. Военачальник очень любил госпожу Шу, а мальчика растил как родного сына. Но почему госпожа Шу обошлась с прежним мужем как со злодеем? Отчего излила на него всю досаду и злость?

Надобно вам знать, что госпожа Шу, став женой военачальника, сказала ему:

— Мой сын — единственный продолжатель рода моего прежнего мужа, больше у нас детей нет. Так было во всех семи поколениях. Прошу вас, разрешите мне вернуть ребенка отцу, если когда-нибудь произойдет наша встреча!

Военачальник, человек справедливый, не стал возражать.

В ту ночь, когда сюцай оглашал воздух стенаниями, женщине показалось, будто она слышит голос прежнего мужа. Утром при встрече она узнала его и

очень обрадовалась. Другая женщина на ее месте, отбросив занавес прочь, устремилась бы к мужу, но госпожа Шу этого не сделала. Ведь бывает, как говорится, что, увидев сливу, назовут ее тыквой. И тогда поручиться за судьбу сющая было бы невозможно. К счастью, госпожа Шу, женщина дальновидная, хорошо знала нрав своего второго мужа. Стоило ей обменяться с сющаем словом, и в душе военачальника зародились бы сомнения, которые не рассеялись бы всю жизнь. Кроме того, женщина опасалась, как бы прежний муж не сбежал. Потому без лишних слов она приказала заковать сющая в цепи.

Но вернемся к военачальнику. Придя к жене, он сказал:

— Ты права. Твой прежний муж — человек вполне достойный, и я решил возвратить ему сына. Но что будет с тобой? Ты тоже с ним уйдешь? Отвечай, только правду.

— Я не сумела сохранить свою честь, и потому не могу вернуться к прежнему мужу. Как смотрели бы мы после этого друг другу в глаза? Я только должна вернуть ему сына, вот и все.

— Решение твое разумно! — сказал военачальник и отвел мальчика к отцу, стоявшему на носу судна. — Это твой сын, — обратился он к сющаю, — береги его! Твоя бывшая жена взрастила его в великих муках. Ведь он — единственный продолжатель рода семи поколений. Мать не отпускала его от себя ни днем, ни ночью, холила и лелеяла. Она выполнила свой долг и теперь отдает тебе сына. А о ней самой забудь. Она давно стала моей женой, и видеться вам нельзя.

— Я счастлив, что обрел сына! — воскликнул сющай. — А о жене и мечтать не смею. — Сющай несколько раз поклонился.

Военачальник дал ему денег на дорогу и небольшое судно. Ветер надул парус, и лодка устремилась вперед. Отец крепко прижимал к себе плачущего ребенка, которого навеки разлучили с матерью.

Вернемся, однако, к сющаю. Как мы знаем, он обещал военачальнику никогда не встречаться с женой. Но у кого не теплится в душе надежда? Как говорится: «Получив местность Лун, он мечтает о Шу». Наш сющай, глядя на мальчика, ронял слезы, и сердце его терзала боль оттого, что ему так и не удалось увидеть

супругу. Охваченный скорбью, он поначалу не заметил всадника, скакавшего по берегу. Когда всадник приблизился, сюцай увидел в его руке стрелу с посланием.

— Приказ от военачальника! — крикнул гонец. — Вам велено немедленно возвращаться!

Перепуганный сюцай повернул назад, теряясь в мрачных догадках.

Показалось большое судно с военачальником на борту. Военачальник сообщил сюцаю печальную весть. Госпожа Шу, женщина твердых правил и высоких убеждений, вернув сына отцу, заперлась в своей каюте и приняла смерть. Произошло это так. Служанки толкнули дверь каюты, но она не открылась. Заподозрив неладное, девушки побежали к военачальнику. Военачальник приказал взломать дверь, но было поздно. Женщина висела под перекладной. Ее освободили от веревки, положили на пол. Военачальник, охваченный скорбью, приказал влить ей в рот целебный настой и вложить пилюлю, продлевающую жизнь. Это проделали несколько раз. К счастью, срок кончины госпожи Шу, видимо, еще не наступил, и она ожила.

— Почему ты решила покончить с собой? — спросил полководец. — Не хотела расставаться с ребенком и мужем? Я ведь готов был тебя отпустить, как птицу из клетки. Но ты не сказала мне правду, старалась утешить красивыми словами. Скажи, зачем ты так сделала?

— Это решение я приняла давно, много лет назад. Еще в тот день, когда мы расстались с мужем. Я сказала ему, что порченная яшма не должна возвращаться к прежнему владельцу — мы не сможем больше жить вместе! Поэтому, сохранив жизнь ребенку, я приняла решение умереть. Если не верите, господин, спросите у него самого.

— Ты благородная женщина! Ради ребенка пожертвовала собственной честью! Я не вправе тебя удерживать, возвращайся вместе с мужем в родные края. Ну а я, воин, не пропаду — найду себе женщину!

— Нет, я дала клятву и не перенесу позора. У меня одна дорога — смерть!

— Ты пыталась умереть, значит, слово сдержала! — возразил полководец.— Я все объясню твоему мужу.

И действительно, когда сюцай появился на судне, военачальник подробно рассказал ему о случившемся.

— Она возвращается к тебе потому, что я этого хочу. Когда приедешь домой, скажешь, что жена твоя умерла и ты женился вторично. В память о той, первой супруге, воздвигнешь торжественную арку, дабы имя достойной женщины сохранилось в поколениях!

Он подарил супругам большое судно, куда повелел снести приданое женщины: разную одежду и утварь. Супруги вместе с ребенком (сейчас он был не меньше трех чи ростом) совершили низкие поклоны, со слезами на глазах благодаря начальника за милость.

Да, со времени смены Треножника столь благородные деяния, пожалуй, впервые становятся историей, достойной повествования. Увы! Нам не удалось узнать имени воина, и, чтобы не своевольничать, мы назвали его просто всеначальником.

БАШНЯ ОБРЕТЕННОЙ ЖИЗНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Герой, нарушив правила, построил дом, в котором родилось дитя; неожиданно появился странный знак, означавший, что человек решил продать самого себя

Есть стихи под названием «Смотрю на юг от реки». В них говорится:

С тысячью самых злых испытаний
Я повстречалась в жизни своей.
Мой край разрушен. Семья погибла.
Посрамлена я в глазах людей.
Что предпринять теперь ни пытаюсь,
Во всем поражение ждет меня.
Как ты жесток, о Небесный владыка,
Все беспощадней день ото дня.
Стоит хоть шаг опрометчивый сделать
Иль ошибиться хоть в мысли одной —
И жизнь загублена, честь пропала,
А пользы от этого нет никакой.
Средь темных толп на земных дорогах
Не встретиться двум разлученным
сердцам,
Но узок путь у Желтых истоков,
И свидеться там будет легче нам.
О Небо, куда ни взгляну, ты красно,
Как будто пламенем обагрено!

Когда мятежные войска Чуана Стремительного быстро продвигались к югу, путник подобрал на обочине дороги клочок бумаги со стихами. В этот клочок какой-то разбойник, наверно, завертывал табак. А поскольку грамоте разбойник обучен не был, он не понял, что это стих, точнее не стих, а несколько уцелевших строк. Потом эти строки попали в руки некоего книгочия. И тогда выяснилось, что стихотворение принадлежит одной женщине. Некогда она попала в плен

к злодеям и решила излить в стихах свое горе и гнев. Обесчещенная, она не хотела жить, но стыдилась встречи даже с теми, кто уже покоился в земле. В первых строках стихотворения говорится о стране, распавшейся на части, о разбросанных по разным краям семьях.

Речь, как видно, идет не о простолюдинке, а о жене знатного вельможи. Встреча у Желтых истоков говорит о тоске по хозяину или мужу. Женщина происходила из богатой семьи, а возможно, была наложницей вана или даже любимой женой покойного государя. И если такие страдания выпали на долю знатной, обученной литературному мастерству и умеющей слагать стихи, то что говорить о простых смертных!

Заметим, что правила морали в годину мятежного лихолетья весьма отличаются от правил обычного времени. Возьмем, к примеру, намерения какого-нибудь человека и его поступки. Если есть в них хоть капля благородства, они достойны подражания. В древности говорили: «Являйте строгость при установлении закона и великодушие при применении его». В то же время в далеком прошлом нередко существовали порядки, способные загубить все живое в человеке, поэтому сейчас следует создать иные правила, помогающие найти в человеке доброе начало. Но бывает, что в поступках проявляют верность и преданность, а в мыслях таят лживость и коварство. В «Веснах и осенях» такие люди заслуженно подвергались гневному осуждению. Ведь иной, даже оказавшись в далеких краях, не забывает о Небе, и потому достиг высокой похвалы, особенно в годину лихолетья.

Но вернемся к женщине, которой довелось испытать в своей жизни позор. Казалось, она должна забыть о некогда оказанных ей милостях. Какой спрос с того, кто подошел к роковой черте? Но в печальных строках, написанных ею, она явила высокие достоинства, а потому заслуживает прощения. Никоем образом нельзя ставить ее в один ряд с теми, кто потерял честь без всяких на то причин.

Вам может показаться, что мои рассуждения мало вяжутся с последующей историей. А раз так, зачем они? Сейчас объясню. Как и в предыдущем рассказе, здесь речь идет о взятом в плен человеке. И мне не

хотелось бы, чтобы читатель судил его чересчур строго.

Издавна повелось, что в период смены Треножника, в смутное время, люди обычно разлучаются друг с другом. А потом вдруг встречаются при самых удивительных обстоятельствах, и тогда разлука рождает радость. Ведь встречаются люди, которым суждено было соединиться, или кто жаждал встречи. Ибо Творец всего сущего всегда являл свое могущество в определении судеб людей. Так было от века!

В последние годы династии Сун в области Юньян, в уезде Чжуань жил богач по фамилии Инь, по имени Хоу. Семья его во многих поколениях возделывала землю. Все в роду отличались бережливостью, и в доме Иня скопились немалые богатства, как говорится, заработанные собственными руками. Жена богача из семьи землевладельца по фамилии Пан сама шила и вообще умела делать все, что нужно по хозяйству. Рачительные и бережливые супруги жили не так, как их земляки, пусть и не роскошно, зато в еде и одежде себя не ограничивали. Не самодовольные, не кичливые, они славились своей аккуратностью.

Есть такая фраза в «Четверокнижии»: «Богатство блеском отражается в доме, добродетель — в самом человеке». Ученые мужи до сих пор не могут объяснить смысл слова «жунь» — «блеск» — в этой фразе. Некоторые говорят, что это сияние, которое излучает вновь построенный дом. Другие утверждают, будто это благодатные пары, знак того, что здесь живет человек богатый, пусть даже дом его неказист и состоит всего из нескольких крытых соломой построек. Главное, блеск этот определен судьбой и не появляется сам по себе, случайно. Если «блеск жилища» — своего рода украшение, которое появляется во время строительства дома, значит, и «блеск человека» должен быть связан с изменениями его природы. Совершать благородные поступки, считают некоторые, все равно что сверлить никому не нужные дыры. Подобное утверждение кажется нам совершенно несправедливым!

Наш Инь Хоу, хотя и слыл человеком богатым, жилище свое никогда не украшал. Но после свадьбы вдруг решил подле святилища предков соорудить небольшую башню, ибо кто-то ему сказал, будто бы светлые силы Ян в его доме оказались неблагоприят-

ными для его обитателей. Земляки подняли его на смех.

— Чудак! Денег куры не клюют, а он даже крепких ворот не построит. За несколько лет только и сделал, что выстроил башенку с тремя комнатками. А что, если прозвать его самого Маленькой башней?

Узнав об этом, Инь возрадовался, словно это прозвание возвеличивало его добродетели.

В башне супруги устроили спальню. Вскоро же жена Иня понесла, и в положенный срок родился мальчик, которого нарекли Лоушэном, что значит Родившийся в башне. Ребенок рос быстро, был хорош собой, но вот беда — имел всего одно яичко. Говорили, что у мужчины с подобным изъяном вряд ли будет потомство, а потому надо ребенка беречь как зеницу ока.

Мальчику уже исполнилось три или четыре годика, когда однажды он пошел гулять с ребятами и не вернулся. Надо вам знать, что в ту пору неподалеку от селения лютовал тигр. Каждый день кто-то из крестьян недосчитывался свиньи или барана. Искали ребенка несколько дней, но так и не нашли, видно, попал в пасть зверя. Супруги были в отчаянии. К чему теперь жить, если они не смогли уберечь единственное дитя. Несчастливая у них судьба!

Кто-то однажды сказал:

— Жене следует беспокоиться лишь об одном: сможет она или не сможет родить. Но если женщина хоть раз родила, значит, снова родит, ибо чрево ее стало к родам привычно!

— Верно говорят люди! — согласилась жена Иня.

С этих пор любовь супругов разгорелась с новой силой. Все их помыслы были устремлены к тому, чтобы дать жизнь новому чаду, а потому оба всячески укрепляли плоть, надеясь тем самым сохранить остроту чувств. Целых двадцать лет пытались они зачать ребенка, но, увы, безуспешно. Много сотен раз за это время жена Иня пережила то, что переживает обычная женщина, много тысяч раз проявлял мужское старание сам Инь. Все впустую. Богач Инь очень сокрушался, что у него нет потомства, и ему посоветовали взять наложницу.

— Грех! — вскричал он и даже помянул имя Буд-

ды.— Ведь при одной мысли об этом может разрушиться загробное счастье. Подобный поступок наносит ущерб скрытым добродетелям человека!

Супруги прожили до пятидесяти лет, но ребенка так и не нажили. Тогда родственники и друзья в один голос стали советовать им взять приемного сына.

— Наследование и продление рода — дело серьезное! — ответил Инь.— Наследник должен быть человеком достойным. У меня же такого нет на примете. Ведь тот, кому я завещаю все свое состояние, должен питать ко мне какие-то чувства, чтобы я в свою очередь полюбил его и отплатил добром за добро. Вот тогда я умру спокойно и не буду терзаться угрызениями совести возле Девяти источников. Если же я возьму приемного сына, не питая к нему никаких чувств, он, желая завладеть моим богатством, станет улаживать меня, называя своим родителем, а после моей кончины сделает все по-своему, ибо все наши связи порвутся. Но может случиться и по-другому. Приемный отец еще жив, а наследник уже пытается все прибрать к рукам. «Кюли власть в руках, отдавай приказ!» — так гласит поговорка. Словом, он помышляет родителями, издевается над ними, насмежается над их бесплодием. Видя же, что отец проявляет упорство, он молит Небо о его скорейшей кончине. Такие случаи нередки в делах наследования. Все, чем я владею, я нажил в поте лица и не собираюсь отдавать кому попало. Нет, уж лучше я обожду, может, со временем встречу юношу, справедливого и гуманного, который проявит истинную свою доброту еще до усыновления и успокоит мою душу. Тогда и я отвечу ему добром. Мне не нужен тот, кто, как торгаш, мечтает получить проценты со всего капитала, то есть помышляет о корысти. Что вы на это скажете?

Родственники не поняли его рассуждений, приняв их за пустую болтовню.

Однажды между супругами произошел такой разговор:

— Многие земляки знают, что мы богаты, и не прочь были бы отдать свое чадо в приемные сыновья,— промолвил Инь.— Непременно найдется охотник поймать меня на крючок, одурачить, прикинувшись, что любит меня сверх всякой меры. Потому я решил покинуть родные края и отправиться в стран-

ствии. Возможно, в пути мне и встретится кто-нибудь благородный, и, если он проявит ко мне искреннее свое расположение, я привезу его домой и усыновлю. Что ты на это скажешь?

— Это ты хорошо придумал, — произнесла женщина и пошла собирать мужа в дорогу.

Инь оделся не так, как обычно. На нем сейчас были рваный халат, старая шапка, грубые носки и соломенные сандалии. В таком одеянии он походил на старого бедняка крестьянина или обитателя дома призреия. Для полного сходства не хватало лишь посоха. К отвороту шапки Инь приколол пучок соломы — знак того, что человек предлагает себя в услужение.

— Кому ты нужен, старик? — издевались над ним. — Одной ногой в могиле, а вздумал идти в услужение! С виду ты человек благородный. Кем же ты хочешь стать? Слугой-рабом или, может быть, учителем в доме?

— Верно, лет мне немало и особого прока от меня не будет, — соглашался Инь. — Зато есть у меня жизненный опыт, который не позволяет мне стать ни рабом, ни слугой. И учителем я быть не могу, не умею. Просто я ищу богатого человека, у которого нет родителей, чтобы взял меня своим приемным отцом. Я буду усердно вести его хозяйство, а он пусть заботится обо мне в старости и проводит в последний путь. Больше мне ничего не нужно.

Никто, понятно, не принимал его речи всерьез, считая их пустой болтовней. Тогда Инь купил лист бумаги, сложил его в несколько раз и крупными иероглифами начертил: «Я стар и бездетен, хочу пойти в приемные отцы. Прошу всего десять лянов. Желающие могут совершить сделку немедленно и не раскаются».

Такую бумагу он доставал всякий раз, когда приходил в какое-нибудь селение. Иногда, устав скитаться, он садился на землю, поджав под себя ноги, словно монах, просящий подаяния. Кто смеялся, глядя на лист бумаги, висевший у него на груди, кто бранился, но все сходилось в одном — старик несомненно рехнулся. Однако Инь не обращал никакого внимания на брань и насмешки. В поисках необычного покупателя

он исходил многие округа и области, преодолевая реки и горы.

Если вам интересно узнать, чем окончились его поиски, прочтите следующую главу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Старик остается без денег и получает десять лянгов; почтительному сыну достаются в награду высокие проценты

Итак, богач Инь с листом бумаги на груди обошел множество мест и не раз подвергался насмешкам. Впрочем, сделка, которую он предлагал совершить, была и в самом деле несколько странной. На сей счет существует такая присказка:

Бывает, что нож дикаря-инородца
В тыквяной плошке овощи рубит,
И крышкой горшок ночной закрывают,
Хоть в нем не масло храниться будет.
Не говори о вещах ненужных —
Пользу во всем найдешь, поразмысля:
Можно продать, выдавая за уксус,
Остатки вина, что давно прокисли.

Как-то Инь забрел в уезд Хуатин области Сунцзян и сел отдохнуть, как обычно. Вдруг появилась толпа молодых бездельников, которые стали над ним потешаться:

— Эй ты, в доме призрения для нищих бродяг освободилось место, можешь его занять!

— В одном заведении нужен мастер по приготовлению напитков. Не наняться ли тебе туда?

Кто-то шлепнул его по голове, кто-то пнул ногой. Старик не знал, куда деваться. Но вдруг сквозь толпу протиснулся юноша высокий, белолицый, весьма приятной наружности.

— Тот, кто в старости одинок, так же несчастен, как бедняк, которому некому пожаловаться, — сказал юноша, стараясь унять горлопанов. — Молодым положено относиться к старшим с почтением. Сам государь должен бы пожалеть столь почтенного старца, а власти — дать ему денег.

— Скажите какой добряк выискался! — крикнул один из бездельников. — Вот и возьми его себе в папашу. Ну-ка, выкладывай десять лянов!

— Что же, — проговорил юноша. — Это можно. С виду он человек порядочный. Одного я боюсь: вдруг объявятся у него родственники и он уйдет от меня. Другое дело, если бы он дал согласие жить со мной до самой своей кончины. Родителей у меня нет, и я охотно взял бы его в приемные отцы. Может, лет через сто кто-нибудь вспомнит, что жил-де на свете юноша, явивший сострадание к одинокому старцу.

— Нет у меня родни, — сказал Инь. — Один я как перст. К тому же в бумаге сказано, что раскаиваться никому не придется. Если ты и вправду решил меня взять к себе, живей выкладывай деньги!

— Зачем тебе деньги? — закричали вокруг. — Ведь теперь будет кому о тебе заботиться!

— Не скрою, почтенные! Бедняка, такого как я, насытить почти невозможно. Кроме обычной еды — мяса, вина и чая, — я люблю еще и полакомиться. Нравилось мне, грешнику, жить на широкую ногу, всласть поест, вот почему я оказался в столь бедственном положении. Привередничать я вначале не стану. Поживу у него месяц-другой, а когда мы друг к другу привыкнем, притремся, тогда и буду требовать. На то я и отец.

Многих возмутили такие речи. Почему юноша его не одернет? Но юноша не только не возмущался, а слушал старика с одобрением. Раз тот явил к нему милость, значит, непременно полюбит его как родного сына. Он пригласил Иня в питейное заведение, заказал полный стол закусок и велел подогреть чайник лучшего вина. Во время застолья они познакомились ближе.

Молодые бездельники пришли в питейное заведение вслед за ними, будто бы пропустить чарку-другую. На самом же деле им не терпелось посмотреть, что будет дальше. Старик сидел на почетном месте, и юноша оказывал ему всяческие знаки внимания, как почтительный сын своему родителю. После трапезы он достал из кармана шестнадцать серебряных лянов и протянул Иню.

— К этой сумме я прибавил еще шесть лянов. Прошу вас принять их и тратить по собственному

усмотрению, хотите — на еду или на что-то другое, это ваше дело. И живите себе на здоровье, хоть до ста лет!

Инь, нимало не смущаясь, взял серебро и протянул юноше купчую.

— А это моя закладная. Спрячь-ка ее как доказательство совершенной сделки!

Молодой человек с поклоном взял бумагу и положил в рукав, а Инь — на правах старшего — достал серебро и расплатился за трапезу. Они вышли из харчевни. А молодые бездельники так и остались сидеть, разинув рты от удивления.

— Ну и чудачки! Кто они? — удивился один из бездельников. — Бессмертные духи, а может быть, нечисть! Нормальный человек не способен на такой поступок!

Надо сказать, что Инь, совершая сделку, забыл спросить молодого человека, как его имя, где он живет, есть ли у него жена, но подумал: «Узнаю, когда приду к нему в дом!» Они подошли к внушительного вида воротам и вошли внутрь. Юноша почтительно предложил гостю сесть в кресло, после чего, совершив четыре поклона, спросил, как его имя и откуда он родом. Инь не назвал ни своего настоящего имени, ни места жительства, опасаясь, как бы юноша не узнал об его истинных намерениях. И то и другое он придумал. В свою очередь, Инь поинтересовался, как зовут юношу, женат он или холост.

— Меня зовут Яо Цзи, я из поселения Ханькоу Ханьянского уезда, что в Хугуане. Родителей я потерял еще в детстве, и никого из близких у меня нет. Лет шестнадцати я вместе с одним земляком, Цао Юем, поехал в Сунцзян продавать ткани и научился у него торговому делу, а со временем поднаторел, скопил небольшой капитал и открыл собственное дело — тоже по части торговли тканями. Каждый год я приезжаю сюда за товаром и останавливаюсь у своего прежнего хозяина. Мне двадцать два года, но я пока не женат. Судя по выговору, вы тоже из Хугуана, только, наверное, мы из разных уездов. Впрочем, есть поговорка: «Хоть не родной, но земляк». Как видно, наша нынешняя встреча была predetermined заранее. Скажу откровенно, мне очень тоскливо жить без родителей, не дала мне судьба этого счастья.

Я давно хотел пойти к кому-нибудь в приемные сыновья, боюсь только, что это истолкуют превратно, будто я зарюсь на чужое богатство. Но ведь я и сам умею зарабатывать деньги. Семи лет я остался один и, как видите, не умер с голода. Не нужно мне чужого богатства! Вот почему я и обрадовался, узнав, что нет у вас ни семьи, ни имущества. Я сразу почувствовал к вам расположение и подумал, что наконец-то осуществится мое заветное желание. Мне не довелось слышать родительских наставлений, потому я со вниманием буду выслушивать ваши советы. Учите меня, наставляйте, как сына, чтобы я стал настоящим человеком. Пусть мы встретились в середине жизненного пути, все равно это прекрасно. Я возьму вашу фамилию, ибо отец и сын должны носить одну фамилию.

Слова юноши пришлись старику по душе. «Весьма достойный молодой человек,— подумал он.— И все же следует его испытать. Говорит-то он складно, а как поведет себя в дальнейшем — неизвестно. Чего доброго, отвернется от старика!» Инь не решился придумывать еще одно имя, как придумал себе, и ответил уклончиво:

— Если бы я взял тебя в приемные сыновья за свои собственные деньги, то я обязан был бы дать тебе свою фамилию. Но в данном случае деньги выкладываешь ты, и брать тебе мое имя вовсе не обязательно. Напротив, я должен взять твою фамилию. Ты — Яо, значит, теперь и я буду Яо. Зови меня Яо Сялоу — Маленькой Башней!

«Почтенье хорошо, а послушанье лучше!» — вспомнил юноша старую поговорку.

Отец и сын жили душа в душу. Молодой человек почтительно ухаживал за новым родителем, покупал ему все, что тот пожелает, а старый Инь частенько куражился, не без умысла. И то плохо, и это не по душе. Он заставлял юношу по нескольку раз менять покупки, прежде чем соглашался что-то отведать. Яо безропотно сносил все капризы, не выказывая ни малейшего недовольства. Через полмесяца, а может быть, немного позднее Инь прикинулся больным. Интересно, как поведет себя юноша? Ведь истинные чувства проявляются в тяжелую минуту.

Как раз в это время случилось одно неожиданное событие. Вдруг поползли слухи, что юаньские войска, сметая все на своем пути, овладели заставой Яньгуань и со дня на день появятся возле Золотого холма. Потом вдруг заговорили о разбойниках, которые объявились в местностях Три Чу и Два Юэ, где жители терпят от них жестокие беды.

Старый Инь забеспокоился и больше не притворялся больным. Однажды он позвал сына и спросил:

— Сколько у тебя наличных денег и сколько на руках у людей? Можешь ли ты забрать то, что отдал?

— Мой капитал составляет больше ста золотых. Почти половина вложена в товар, а половина — на руках у людей, только вряд ли вернешь что-нибудь обратно в такое смутное время. Сейчас главное — хорошенько запаковать оставшийся товар и не мешкая податься куда-нибудь в деревню. Переживем смуту, а потом вернемся и соберем все долги. Вот только не знаю, где раздобыть денег на дорогу.

— Об этом не беспокойся! Найдутся. Есть другая опасность. В такое лихое время страшно идти не только с товаром, но даже пустому. В любой момент можно нарваться на солдат! Лучше раздать товар торговцам, но взять с них расписку, а потом, когда вернемся, забрать. В общем, надо идти налегке, так безопасней.

— Откуда у вас могут быть деньги, если вы один на всем белом свете? — удивился Яо Цзи. — Наверное, какая-то мелочь. Скажу вам по совести, раньше я никогда не заботился о деньгах, думал, как-нибудь проживу! Теперь же, когда вы со мной рядом, я так не могу. Нельзя, чтобы вы, пожилой человек, голодали вместе со мной. Надо вести хозяйство.

На глазах старика навернулись слезы.

— Воистину ты почтительный сын! — Инь потрепал юношу по плечу. — А может быть, мы были связаны с тобой в прошлой жизни? Потому и явились столь теплые чувства. Кто знает? Пожалуй, незачем мне больше таиться. Я не бедняк и не собирался идти в услужение. Я придумал все это, чтобы испытать искренность человека, которого собирался усыновить, потому что своих детей не имею. Слава Небу, которое послало мне счастливую встречу с тобой! Теперь я со

спокойной душой передам тебе все хозяйство. Скажу без хвастовства, что моего состояния тебе хватит на долго. Ты дал мне в свое время десять лянов, сейчас я возвращаю тебе их с тысячными процентами. Отныне ты богач, мой мальчик, и сто лянов для тебя — все равно что шерстинка в огромном ковре. Живее собирайся в путь. Отправимся туда, где тебя ждет богатство!

Глаза юноши стали влажными от слез.

В тот же вечер они тщательно пересчитали весь товар и отдали торговым людям, а на следующий день тронулись в путь на большом судне.

Уважаемый читатель! Ты наверняка подумал, что тут и конец нашей истории, раз отец с сыном отправились в родные края. Ничего подобного! Невероятные события, случающиеся в жизни, влекут за собой новые невероятные события, и тут, как известно, возможны не только радостные встречи, но и грустные расставания. В общем, нашу историю сразу не расскажешь. Мы продолжим ее в следующей главе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Хотел получить деву с алыми ланитами, а досталась седая старуха; красавицу взяли в жены благодаря доброте старой женщины

Когда отец с сыном сели на судно, Инь обратился к юноше с такими словами:

— Ведь ты можешь самостоятельно заработать деньги, отчего же до сих пор не женился или не взял себе наложницу? Как только приедем, сразу тебя женю. С таким важным делом мешкать нельзя!

— Есть у меня на примете девица, но я еще не посылал ей свадебных даров. Она живет в Ханькоу — мы как раз будем его проезжать. Там я сойду на берег и все о ней разузнаю. День-другой вы без меня поживете на судне. Может быть, девушку уже выдали замуж, тогда и говорить не о чем. Но если она не просватана, я договорюсь с родителями о свадьбе. Что вы скажете, отец?

— В таком деле главное — договоренность! Послал ты дары или нет — не столь важно. И узнавать тебе,

я полагаю, ничего не надо. А скажи, из какой она семьи?

— Не скрою, она — дочка моих бывших хозяев Цао. Еще девочкой (ей было лет пять или шесть) она привлекала всех своей красотой. Я давно хотел с ней обручиться, да и она, казалось, была не против, но родители мне не сказали ничего определенного. Видно, не хотели выдавать дочку за бедняка. А сейчас я еду к ним не с пустыми руками. Я могу кое-чего в жизни добиться, и, надеюсь, мне не откажут.

Когда приплыли в Ханькоу, Яо Цзи попросил лодочника подождать, пока он вернется. Пассажиры загалдели:

— С какой стати нам ждать? Мы все спешим к своим семьям. Время сейчас такое, что неизвестно, живы они или нет.

— Оставайся пока здесь, мой мальчик, приедешь потом! — сказал Инь, доставая из рваного халата два серебряных слитка — около сотни лянов. Это серебро предназначалось на дорожные расходы. — Возьми его, пригодится для устройства свадебных дел. Как только все сделаешь, сразу же возвращайся, не мешкай, не заставляй меня волноваться!

Юноша низко поклонился. Ему хотелось сказать старику много хороших слов на прощанье — чтобы берег себя и во всем проявлял осторожность, но пассажиры торопили и молодому человеку пришлось сойти на берег.

Лодочник поднял парус, и судно поплыло. Они проехали десять, а может быть, двадцать ли, как вдруг раздался крик:

— Беда! Забыл сказать самое главное! Какое несчастье! — пассажир колотил себя в грудь.

Вы спросите, кто это был? Не кто иной, как Инь, он забыл назвать сыну свою фамилию и сказать, откуда он родом, пообещав сделать это, когда приедут на место. Что делать? Велеть лодочнику вернуться? Пассажиры наверняка воспротивятся. Ехать дальше? Как юноша его найдет? Инь метался по судну, вздыхал, и вдруг в голову ему пришла хорошая мысль. Во всех местах, которые они будут проезжать, он вывесит объявления. По ним юноша и найдет дорогу.

Тут наш рассказ пойдет по двум линиям — мы на время оставим Иня и вернемся к Яо Цзи, который, как

нам известно, сошел на берег и отправился к Цао, якобы проведать бывшего хозяина. На самом же деле юноше не терпелось увидеть дочь Цао. Он вошел в дом, огляделся и сразу понял — что-то случилось. Хозяина он застал, но женщин почему-то не было. А произошло вот что. Грозные слухи докатились до местности Чу, и сразу же везде появились разбойники, выдававшие себя за монгольских солдат. Они творили всякие бесчинства, всех женщин, и молодых и старых, забирали в плен. Увели и дочь Цао, и никто не знал, где она находится и жива ли.

Печальная новость повергла Яо Цзи в уныние. Он простился с прежним хозяином и сел в попутную лодку, которая направлялась в Юньян. Через день-другой судно подошло к селенью Волшебных Персиков, еще оно называлось Рыбным устьем. У причала стояло множество лодок, они принадлежали разбойникам, которые прямо на берегу устроили настоящий базар и торговали женщинами. Юноша подумал, что, может быть, здесь ему посчастливится узнать что-нибудь о судьбе любимой. Отринув страх, он должен воспользоваться удобным моментом, тем более что в этом месте разбойники не грабили, ибо искали покупателей на свой товар. Яо Цзи взял несколько лянов серебра и направился в сторону торжища. План был таков: он выберет удобное место и будет рассматривать женщин, которых ведут мимо. Если увидит девицу, которую ищет, сразу же начнет ее торговать. Юноша не знал, что разбойные люди — народ ушлый и коварный. Они знают, что покупатель отберет ту, которая и лицом, и телом приятна. А куда девать старых и некрасивых? И хитрецы пустили в ход способ, который обычно используется при продаже вяленой рыбы или соленой рыбной мелочи, уже тронутой запахом. Товар, как известно, завертывают в бумагу, и покупатель должен взять его наугад, не зная, что в свертке: хорошая рыба или протухшая. Кому как повезет! Так было и на нынешнем торге. На женщин напялили мешки и обозначили цену, для всех одинаковую. Что внутри — никому неизвестно! Счастливицу может достаться Сиши или Ван Цян, неудачнику — уродина Дунши или матушка Мо. Все как будто по справедливости, не придерешься, однако Яо Цзи это, разумеется, не устраивало, и он решил вернуться на

судно. Но тут в глаза ему бросилось объявление на столбе у обочины. Там было сказано: «Строгий приказ! На людском торжище праздно шатающимся не дозволено шнырять и вынюхивать. Всякий, кто вернется с торга без покупки, подвергнется немедленной казни, как вражеский лазутчик. Пусть не ждет снисхождения!»

Юноша перепугался. Занесла его сюда нелегкая! Вины за ним нет, а так просто не уйдешь. Придется брать товар вслепую. А вдруг ему повезет и он выберет ту, которую ищет? Нет, вряд ли ему выпадет подобное счастье! Ладно. Была бы приятной наружности, как его любимая. Тогда он возьмет ее с собой, выдав за дочку Цао, и никто ничего не узнает! Обдумав все хорошенько, он с решительным видом направился к торжищу.

— Покупаю вон ту! — Он указал пальцем. Торговец назвал цену, которая, к счастью, оказалась не слишком высокой, и достал безмен для взвешивания серебра.

Юноше не терпелось взглянуть, кого же он приобрел. К чему вести женщину в лодку, если она ему не подходит? Лучше посмотреть сейчас же, не отходя от торговца. Молодой человек надрезал мешковину и увидел, как ему показалось, белоснежную кожу. «Такое лицо может быть только у юной девицы! — подумал он. — Кажется, я не зря потратил серебро!» Он сбросил мешок, и тут же радость его сменилась горьким разочарованием. Он даже застонал от горя. Оказалось, что за белую кожу он принял седину старухи, которой было не меньше шестидесяти.

— Судьба твоя несчастливая! — крикнул разбойник, услышав его причитания. — Жаловаться бесполезно! Забирай старуху и проваливай! — Разбойник схватился за нож.

Что оставалось несчастному юноше? Он повел женщину за собой. Привел на судно, присмотрелся к ней повнимательней. Женщина, конечно, в летах, но наружностью приятная, сразу видно, что из благородной семьи. Понятно, что она не разожгла в его груди огонь страсти, зато вызвала доброе сыновнее чувство. Юноша не раскаивался в покупке, скорее был доволен. «За десять лянов я приобрел отца, и от этого мне только польза, — подумал он. — Может быть, и сейчас я не

прогадал? Тогда помог одинокому старику, сейчас помогу несчастной старухе. А почему бы нам не жить всем вместе? Захвачу-ка я ее с собой. Все равно, товара у меня никакого нет. Привезу к отцу, может, он возьмет ее в жены. Правда, у него есть жена, но это не важно. Не станет же она ревновать, годы не те». И тогда Яо обратился к женщине с такими словами:

— Я хотел купить жену, но досталась пожилая женщина. Вот я и подумал, почему бы мне, сироте, не стать вашим сыном? Что вы на это скажете?

Слова юноши привели женщину в замешательство.

— Что это вы говорите, господин? — вскричала она испуганно. — Я так боялась, что в порыве гнева вы столкнете меня, старую образину, в реку! А вы предлагаете мне стать вашей матерью! Так и умереть недолго от радости!

Яо Цзи отвесил женщине несколько почтительных поклонов, потом накормил и, видя, что она замерзла, снял верхнюю одежду и отдал ей. Растроганная, женщина заплакала.

— Мой долг — отплатить вам за вашу доброту, и я сделаю это сейчас, не откладывая. Среди множества женщин есть на торге девушка — настоящая красавица, судя по всему, из благородной семьи. Как раз вам под пару. Уродин и старух разбойники уже распродали и завтра начнут торговать молодыми. Смотрите не упустите случая!

— Я бы охотно, но как узнать эту красавицу? Ведь на ней будет мешковина.

— А я расскажу вам, как узнать. В рукаве у девicy спрятана одна вещица длиной около чи, шириной в полцуня. Не знаю, откуда у нее она, но только с этой вещицей она никогда не расстаётся. Когда будете выбирать, постарайтесь незаметно пощупать рукав. У которой нащупаете эту вещицу, ту и покупайте!

Всю ночь юноша глаз не сомкнул от волнения, а едва рассвело, набил кошель серебром и отправился на торжище. Как и советовала ему старуха, он незаметно пощупал один рукав, затем второй... и вдруг обнаружил в одном рукаве какой-то предмет. Яо сказал, что покупает эту женщину, и договорился о цене. Снимать мешковину он не стал, опасаясь, как бы торговец не передумал, и поспешил покинуть торжище.

Лишь приведя женщину на судно, он решился снять мешковину.

Как вы думаете, кого он увидел? Не деву из семьи Ли или Чжана, а дочь Цао — его бывшего хозяина, которую он давно мечтал взять в жены. Да будет вам известно, молодые люди любили друг друга с самого детства и поклялись никогда не расставаться. С тех пор девушка и носила в рукаве подарок Яо Цзи — небольшой нефритовый аршин, которым он мерил ткани, — даже в минуты смертельной опасности, в знак верной любви.

Надо ли говорить, как счастливы были влюбленные и сколь радостной оказалась их встреча! Старая женщина, пережившая не меньшие беды, стала как бы свекровью девушке и полюбила ее, словно родную, даже больше.

Итак, доброта Яо Цзи была вознаграждена, так что не зря он потратил деньги. И все же можно сказать, что, совершив доброе дело, никогда не останешься в убытке, поэтому делайте добро, когда можете. Не обязательно подражать Яо Цзи, который приобрел родителей за деньги. Но пример его весьма поучителен, ибо он не остался равнодушным к одиноким и немощным старикам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По счастливой догадке старик узнает своего сына; в девичьих покоях убеждаются, что фамилии одинаковы

Итак, почтенный Инь, расставшись с сыном, вывешивал объявления во всех местах, которые проезжал. В объявлении было написано, что старик назвал юноше имя вымышленное, и если юноша желает его найти, пусть едет туда-то и спросит такого-то. Яо Цзи прочел объявления и сразу же отправился в место, указанное стариком, но там ему ответили:

— Нет здесь такого, вас обманули!

Юноша растерялся. Куда деваться? Тут на помощь ему пришла старуха.

— Мои родные места совсем рядом, — сказала она. — Дома у меня только муж, детей нет. Поедемте

кө мне и, если не побрезгуете, будем жить вместе. Согласны?

Яо Цзи ничего не оставалось, как принять предложение старухи. Когда подплыли к селенью, увидели на берегу человека.

— Чья это лодка? — громко крикнул незнакомец. — Не едет ли в ней мой сын, Яо Цзи?

— Кажется, отец, — удивленно проговорил молодой человек. — Как он сюда попал?

— Да ведь это мой старик! — вскричала старуха. — Только почему он не меня кличет, а вас?

Тем временем лодка пристала к берегу, и человек взошел на борт. Женщина зарыдала. Она оказалась женой почтенного Иня, которого встретила после долгой разлуки. А получилось все так. Когда Инь покинул дом, в их места пришли мятежные солдаты и захватили всех женщин в плен. Один отряд двигался по течению реки, второй — ему навстречу. Оба отряда должны были соединиться в определенном месте, и там открыть торговлю людьми. Они надеялись заработать большие деньги, а потом сдать юаньским войскам. Обе женщины, старая и молодая, очутились в одной лодке и познакомились. Если бы злодеи продали их в разное время, старый Инь вряд ли встретил бы свою жену, а Яо Цзи — невесту. Но Творец всего сущего распорядился судьбами куда искусней, чем это делают люди! Впрочем, подобным мастерством обладают и сочинители. Автор, собравшись с мыслями, пишет повесть или пьесу, в которой люди встречаются, дабы расстаться, или разлучаются, чтобы встретиться. О, какого труда стоит ему описать все это!

Наша замысловатая история, кажется, подошла к своей кульминации. Но в жизни случаются события еще более удивительные, такое, что даже в голову не придет.

Вернемся, однако, к нашим героям. Почтенный Инь и его жена привели молодых людей в парадную комнату в башне, дабы совершить церемонию встречи.

— В этой комнате вы будете счастливы, — промолвил Инь. — Когда мы с женой перебрались в башню, у нас вскоре родился сын. Сейчас ему было бы столько же лет, сколько тебе. Но с ним случилась беда — он попал в пасть тигра. В память о нем мы отдаем эту башенку вам. Пусть у вас родятся дети!

Старики повели молодых людей навверх.

— Приберете здесь сами! — сказал Инь.

Но Цзи внимательно огляделся: окна, постель с пологом, стол, стулья... Его лицо выразило изумление.

— Эта комната напоминает мне детство, — молвил он. — Я часто видел ее во сне. Странно, ведь я никогда не имел родного очага, а сейчас будто очутился дома!

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Инь.

— В детстве мне часто снилась эта комната... Та же дверь, окна, оконные створки, ложе, задернутое пологом, утварь. Все точь-в-точь такое. Как-то ночью я спросил себя: «Почему все это мне снится?» И тогда я услышал чей-то голос: «Это дом, где ты родился! Вон в том сундучке хранятся твои игрушки. Не веришь — взгляни!» Я открыл сундучок и увидел игрушки. Много-много разных игрушек: глиняные человечки, лошадки, флажки, палочки... мои старые знакомые. Потом я проснулся. Комната, где я находился, вовсе не походила на ту, что я видел во сне. «Мало ли что может привидеться во сне», — подумал я. И вот сейчас я снова вошел в эту комнату! Что это, сон или явь?

Супруги Инь немало удивились.

— Действительно, вскоре после того, как мальчик исчез, мы поставили сундучок с игрушками за постель. Но откуда ты это знаешь? Неужели ты тогда остался жив? Какой-то мошенник подобрал тебя и продал. А нынче Небо и Земля помогли нам соединиться вместе! За какие же это наши заслуги?

— Мне сейчас двадцать с небольшим, — сказал Яо Цзи. — И за все это время я ни разу не слышал, чтобы моих родителей называли не Яо, а как-то иначе!

— Ты и вправду словно находился во сне! — рассмеялась молодая женщина. — У нас в доме все знали, что ты без роду без племени, только тебе не говорили. Из-за этого отец не хотел брать тебя в зятя. Хотя ты был ему по душе. Кто-то сказал ему, что тебя купили и привезли в наши края. Неужели ты ни о чем не догадывался?

Яо Цзи был в полной растерянности — он не знал, что сказать.

— Кажется, я разгадал загадку и могу рассеять последние сомнения, — проговорил, помолчав, Инь.

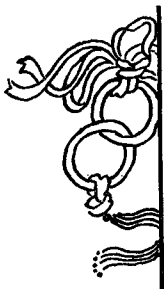
Он отвел юношу в сторонку и велел расстегнуть одежду.

— Все ясно! Ты мой сын! — воскликнул он. — Чего только не бывает в жизни, но такого я еще не слышал. Само Небо даровало мне счастливый день, когда мы встретились. Сын мой, то, что ты взял чужого человека себе в отцы, было предопределено Небом!

Тут все пали на колени и принялись истово кланяться Небу и Земле. Потом Инь велел заколоть свинью и ягненка, дабы отблагодарить духов за их милость. Само собой, чудесная история сразу же стала известна всей округе. Почтенный Инь, боясь, что ему не поверят, велел сыну подтверждать верность своих слов. И тогда юноша получил прозвище Инь Полмошонки.

Как известно, мужчина с подобным недостатком не обязательно лишен способности иметь потомство, тем более если он ведет жизнь тихую и скромную. У него родилось много детей, правда, у мальчиков был тот же изъян, что и у отца. Род Инь процветал вплоть до эры Хунчжи — Величественного Правления, а потом пресекался.

Если узор будет соткан искусно,
Можешь ты стать вельможей почтенным,
Даже имея изъян телесный,
Можешь блистать умом вдохновенным.
С людьми знакомясь, следи, чтоб сердце
Было правдивым и благосклонным.
Не надо во всем полагаться слепо
На ведунов в одеянье посконном.

БАШНЯ, ГДЕ ВНЕМЛЮТ СОВЕТАМ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда побелела его борода, он покинул стезю чиновника и стал отшельником; отбросив прочь шелковую шляпу, он решил насладиться жизнью на зеленых просторах

В городах, в селеньях окрестных —
Всюду тьма солдатни жестокой.
Лучше будет уехать отсюда —
Поселиться в деревне далекой.
Я с женой — вот мое семейство,
Мы вдвоем, нет у нас детишек,
И возьму только цинь мой звонкий
Да котомку, полную книжек.
Где тст ивовый цвет чудесный,
Что летал над Циньской страной?
Только воды бегут из Улина,
Аромат донося порою.
Ухожу я прочь поскорее,
Оставаться здесь я не буду.
Оглянулся — и с болью-тревогой
Поле битвы вижу повсюду.

Эти стихи я сочинил еще до смутного времени, в те годы, когда покинул город и поселился в деревне. В древности говорили: «В пору малых смут беги из города, в пору больших смут уходи из деревни». Но я так полагаю: в годы больших смут, равно как и малых, в деревне лучше не жить. Другое дело, если в стране царят мир и порядок. Тогда гораздо спокойнее жить подальше от города. И все же деревня не лучшее место для жизни, особенно в пору, когда порядок в Поднебесной еще не установлен и повсеместно вспыхивают мятежи и волнения, пусть даже бесчинствуют не крупные разбойники, а мелкие, и топот их коней слышится чаще, чем грохот солдатских повозок. Увы! Кажется, что в эти времена Творец всего сущего лишился добросердечия. Цзайсянов — «горных вельмож»

понижают в ранге, и они, превратившись в простых смертных, вынуждены жить возле «городских колодцев», терпя унижения и позор.

Я прожил на свете полвека. Из них десять лет мне посчастливилось обитать глубоко в горах, подобно важному цзайсяну, вот отчего мне и понятны радости сельской жизни. Сейчас, в пору военного лихолетья, я из-за бесчинств разбойного люда попал в город. Меня окружили местные крысы и лисы, а потому я быстро познал тяготы здешней жизни. Вы спросите, неужели за десять лет жизни в горах с тобой ничего не случилось? Неужели ты не бросился в ужасе прочь, услышав страшное имя Стремительного, для которого стало привычным делом рушить города и убивать людей? На это я так отвечаю: «Вначале человеком владеют думы о богатстве и знатности, потом он снимает шапку «узника Чу» и, наконец, облачается в одежду из перьев небожителя-сяньжэня». В свое время я был деревенским учителем, и это занятие меня «подняло на ноги». Потом в разных местах я исполнял чиновную работу сыма. А через несколько лет, поверив гаданью, поселился в горах, стал «горным вельможей» — цзайсяном. Тем, видно, и кончу.

Вы мне не верите? Считаете мои слова бесстыдным бахвальством? А я между тем сказал сейчас чистую правду. Славу, которую я здесь снискал, не сравнишь ни со знатностью, ни с богатством. Вначале она словно бы незаметна и как бы исподволь являет свое величие. Ничего подобного никогда не случается с каким-нибудь важным чином, который свой пост воспринимает как должное. Лишь покинув высокую должность, он начинает понимать, что счастья добиться совсем нелегко. Так произошло и со мной. Лишь покинув чиновную службу, я понял, что мудрые старцы предпочитали жить в горах еще до наступления смутного лихолетья.

Если вы все еще мне не верите, прочитайте внимательно несколько строк из стихотворения, которое я сочинил, когда спасался в деревне от смуты. Не обессудьте за то, что оно несовершенно, главное, обратите внимание на места, где я жил; людей, с которыми довелось встречаться, деяния, которые пришлось совершить. И тогда вы скажете, надуманны мои рассуждения о «горных вельможах» или же соответствуют

истине, всевозможно ли их использовать в жизни, насколько близки они к бытию небожителей — шаньсяней. В моем стихотворении есть такие пятисложные строки:

Поле мотыгой взрыхляю,
Опять покупаю вола.
Навес камышовой крыши
Тугая лоза обвила.
Не хуже, чем город уездный,
Селенье, где мы живем:
Цветы да густые рощи,
Как птичье гнездо, наш дом.
Купил я земли три цина,
Где все зеленеет весной.
А рядом чистый заливчик
Блестит изумрудной водой.
Жена и служанка довольны,
В глазах моих гордость видна.
Хмельное вино мы пьем,
А кругом сияет весна!

А вот еще один стих, только написанный семисложным размером:

Мне вина покупать городского не надо,
Сам готовлю вино, ведь живу в достатке.
А придет гость — мой друг-собеседник,
Рвать любые овощи может с грядки.
С частоколом сплелись побеги бамбука,
И по планкам решетки лиана вьется.
Здесь цветы повсюду — признак досуга,
Здесь шутливая летопись создается.
Где я сад насадил, мэйхуа в цветенье,
И прохлада бамбук молодой овевает.
Поливаю, рыхлю свои грядки, — и
лучше
Моей пищи простой ничего не бывает!
За окном изогнулась река, а в доме —
Сладкозвучный цинь, мудрых книг
страницы.
Средь цветов я читаю — и каждая
строчка
Ароматом в душу мою струится.

Как видите, в этих стихах, написанных без особых к тому причин, просто показан окрестный пейзаж. Есть у меня еще одно сочинение из числа «оборванных строк», которое еще сильнее трогает душу, — это «Десять благодатей Горного кабинета». В нем я пишу о том, что увидел лет двадцать назад, когда очутился в местах, где обитают ушедшие в горы. Прочтите его, почтенные, и вы сразу поймете, что в авторе таится частица бессмертного духа, хотя на самом деле он простой человек. Словом, взгляните на это сочинение как на нечто редкостное, диковинное.

Что же такое «Десять благодатей»? Пробежите глазами короткое предисловие к нему, и вы сразу поймете, почему оно было написано. В нем говорится: «Праведник в бамбуковой шляпе соорудил камышовую хижину и стал в ней жить. Некий гость однажды сказал: «Вы ушли от людской суеты в безмятежную тишину. Не раскаиваетесь вы в содеянном?» Праведник ответил: «Нисколько, я наслаждаюсь всем, что дает мне природа — воды и горы, люблюсь цветами, слушаю пение птиц. Так что в нынешней моей жизни есть множество благодатей. Почему вы об этом спросили?» Гость попросил его объяснить поподробней. Праведник объяснил, облекши ответ в форму стиха.

Благодать землепашества

Десять му нагорного поля.
Частокол да тропинка к дому.
А кругом — тень лесов зеленых,
Подступивших к заливу речному.
Есть петух возвещает полдень,
И домой, пообедать с женою,
Землепашец идет, — ей не надо
На межу торопиться с едою.

Благодать сельской жизни

За окошком, куда ни глянешь,
Все полно нефритовым звоном.
С четырех сторон мой домишко
Окружен простором зеленым.

Много сил отнимают заботы,
Как у всех, кто живет в селенье.
Но заботы ничуть не мешают
Предаваться любимому чтению.

Благодать рыболовства

Нет на мне бамбуковой шляпы,
Нет накидки, не в лодке качаюсь —
Целый день у Восточной беседки
Черепашу поймать пытаюсь.
Добрый гость сегодня явился,
Я вином его угощаю.
Осторожно бросаю наживу,
Рыбку мелкую извлекаю.

Благодать поливки сада

У квадратного тихого пруда
Поливаю свой садик сегодня:
Здесь расти овощам привольней
И плодам созревать свободней.
Кто обнял кувшин, тот, конечно,
Простоват, но крестьянин толковый.—
У него обучаюсь секретам,
Как растить свой садик плодовый.

Благодать колодезной воды

За стеною — гора. Там кухня
Возле старенького колодца:
Изогнулось коленце бамбука,
И вода по желобу льется.
Заварил я чаёк погуще,
Гостя доброго принимаю.
Ах, какой аромат напитку
Придает вода ключевая!

Благодать полоскания одежды

Чтоб от пыли отмыть одежду,
Мне источник искать не надо.
Перед дверью — ручей чистейший,
Звон его — для души отрада.
Как отшельнику, чтущему скромность,
Мне во всем чистота желанна:
Ленты шляпы моей отмыть бы
В благодатных водах Цанлана!

Благодать труда дровосека

Слышу утром: в лесу осеннем
Хворост раб-слуга собирает:
С треском рубит сухие сучья
И опавшие листья сгребает.
Бросив книгу, за ним устремляюсь —
Поглядеть на труд его спорый.
Распахнул я настежь ворота —
Предо мной возвышаются горы.

Благодать ночной службы

Спят селенья. Спят люди крепко,
Будто ночь их сковала стужей.
Стережет во тьме их ворота
Лишь река, что шумит снаружи.
Чуть белеет тропинка, а дальше
Виден мостик — шаткий, горбатый.
Спит в горах дикий пес-бродяга
Меж корнями сосны лохматой.

В свое время я сочинил еще два стиха: «Благодать пения» и «Благодать любования», но, увы, я их не запомнил, а рукопись потерялась. Примерный смысл таков: «Полагайся на творение Неба, но опирайся на силу людскую». Да, благодатна земля, на которой я живу. Конечно, с Пэнлаем или Персиковым источником ее не сравнишь, но она несколько не уступает знаменитым местам у потоков Ванчуань и у ручья Яньси. Разбойники бесчинствуют ныне во всех четырех сторо-

нах, повсюду слышно ржанье солдатских коней. Люди покидают родные места, бегут с насиженных мест. О, как это горько! Размышляя об этом, я сочинил стих, пытаюсь излить свои чувства, дабы люди, находящиеся на чиновной стезе, равно как и «вельможи гор», не забывали о славном даре небес и не искали иных удовольствий, кроме тех, которые получают под-
ле текучих вод.

Все, что я здесь сейчас наболтал, относится к «чистым беседам», которые ведут просвещенные мужи. Прекрасные речи о лесных куцах и родниках я вел еще до смуты, мечтая о жизни в деревне. И если бы, внемля моим советам, люди взглянули на мир другими глазами и изменили, как говорится, свое нутро, если бы живущие подле городских колодцев обратили свои взоры к горам и лесам, автор мог бы считать, что достиг цели. Было бы жаль, если бы люди, начитавшись книг о славе и выгоде, устремились в города, презрев жизнь на лоне природы.

Во времена династии Мин, в годы Цзяцзин — Счастливого Успокоения — в Исинском уезде области Чанчжоу провинции Чжили жил один почтенный человек по фамилии Инь. Имени узнать не удалось. Все звали его историографом Инем, поскольку он занимал чиновный пост шицзяна — толкователя текстов при особе государя. Был у него двоюродный брат Гу по прозванию Дайсоу, что значит Старец Тугодум — потомок гуна Тигриная Голова. Подобно Иню, он слыл большим любителем каллиграфии и снискал на этой стезе славу. Человек весьма скромный, он в жизни довольствовался малым, и среди знатных мужей в парадных одеждах выглядел отшельником, пришедшим с гор или из глубины лесов. Когда-то он вместе с Инем учился, и они были друзьями. Бывало, что на малых испытаниях имя Гу стояло перед именем Иня, однако на экзаменационной стезе он так и не добился особых успехов. Однажды он как бы дал себе клятву: «Звания сюая я буду добиваться лет двадцать — не больше, участвуя в экзаменах пять, от силы шесть раз. Если же не сумею добиться славы, откажусь от ученой карьеры и, пока крепок телом, найду другое занятие. Не годится сдавать экзамены, когда, как говорится, пора выщипывать волосы в бороде!»

И вот ему исполнилось тридцать, а может быть, чуть побольше. В бороде появилось несколько седых волосков.

— Это символ «зрелого мужа»,— сказал ему кто-то.— Что будете делать, сударь?

Гу Тугодум так отвечал:

— Нет, это не символ «зрелого мужа». Это зов к уединению. И я откликнусь на этот зов.

Через несколько дней Гу снял с себя одеяние учебного, сжег все стихи и сочинения, уничтожил кисти и камень для растирания туши, раздал знакомым принадлежности для письма и рисования. Себе он оставил лишь несколько книг по возделыванию земли и то, что необходимо для жизни. Кто-то его спросил:

— Зачем вы уничтожили книги и картины? Ученая карьера как будто не имеет ничего общего с чтением или живописью.

— Нынче никто не может прославиться с помощью искусств, ибо все только и мечтают о шелковой шляпе чиновника. По правде говоря, живопись и литература стали в наши дни занятиями совершенно бесполезными. Невозможно жить отшельником в горах и заниматься каллиграфией. Конечно, если я пушу в оборот деньги, то возьму то, что потратил некогда на подношения. Но что я получу в ответ? Насмешки и издевательства! Так уж лучше я не буду этого делать!

Люди с понятием, слушая Гу, считали его человеком дальновидным и мудрым. В самом деле, беседуя с друзьями, он никогда не опускался до пустой болтовни и без всякого удовольствия замечал промашки людей достойных.

С тех пор как историограф Инь получил чиновный пост, у него появилось много знакомых, умевших польстить или, наоборот, позлословить во время сокровенной беседы. Гу Тугодум был совсем другим. Он всегда говорил правду. Скажем, затронута честь какого-нибудь достойного человека, о нем распространяют всякие слухи, возникают сомнения. Иные предпочитают промолчать, а Гу непременно скажет все напрямик. Он любил потолковать о вещах таинственных, а также о разных событиях древности, это была его слабость. Он мог бы, как говорится, без усталости «подрезать фитиль лампы». Неудивительно, что историограф Инь очень уважал Гу, видя в нем чуть ли не свя-

того мудреца. Находясь с Тугодумом в родственных связях и ценя его дружбу, он старался все время держать его подле себя и, хотя Гу жил далеко, часто его навещал, пренебрегая этикетом. Как известно, любому поступку важного лица придают большее значение, чем поступку простого смертного. Скажем, два-три его визита все равно, что десяток визитов обычных людей. Мало того, что Инь навещал Гу, он несколько раз присылал ему приглашения, а не дождавшись ответного визита, снова шел к другу, чем нанес ущерб собственной чести.

Надо заметить, что, кроме Гу, презревшего ученую карьеру, в Исине жили и другие шэньши, о которых можно сказать: «В молодые годы мы вместе учились, и муж он весьма достойный!» Друзья и знакомые пытались затащить Иня в гости, то и дело его приглашали, но Инь обычно отвечал отказом. И люди, понятно, обижались. «Как будто мы все одинаковы, но к Гу он благоволит, а меня ни в грош не ставит!»

Между тем, отказавшись держать экзамены на ученую степень, Гу мечтал лишь о «чистой праздности». Но вопреки ожиданиям на него обрушилось множество хлопот и докучливых дел. Испытывая досаду, Гу только и думал, как уйти от суматошного мира, «скрыться от Цинь». Жизнь в городе издавна претила ему. Он любил горы, где можно, как говорится, «мотыжить тучи и удить луну в воде». Недалеко от города, ли в сорока с небольшим, находилось местечко под названием Терновый родник. К югу от него Гу купил несколько му чахлой земли и построил хижину, чтобы прожить в ней до старости. Опасаясь, как бы друзья не начали его отговаривать, он сообщил им об этом лишь перед самым отъездом.

Здесь мы прервем наш рассказ и немного замедлим повествование. Пусть отдохнут глаза.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Вспоминая о друге, муж внемлет советам и дает название башне; ограбленный избегает встречи с друзьями

Гу Тугодум выбрал счастливый день для переезда и оповестил об этом друзей, чтобы они устроили ему проводы.

— Это не обычный переезд,— сказал Гу.— Я переезжаю на лоно природы, дабы посвятить ей всю оставшуюся жизнь. В город я навряд ли вернусь. А если сделаю это, пусть назовут меня Фэн Фу.

— Странный поступок! — заметил один из друзей.— С какой стати вы покидаете город, если его еще не коснулось пламя войны и по ночам не слышно собачьего лая? Да и рано, пожалуй, вы заговорили об оставшейся жизни.

— Именно потому, что сейчас все спокойно,— отвечал Гу,— я и уезжаю в деревню. Когда же запахнет дымом пожарищ, поздно будет думать о сельских работах на зеленых просторах. Помнится, в древности говорили: «Кто помышляет о славе, идет во дворец; кто добивается выгоды — в город». Мне не нужны ни слава, ни выгода. Я хочу малого: самую простую еду и одежду, возвращенное мною просо и вытканый мною холст. Не по душе мне шум и суета. Я люблю мечтать в тишине. Разумеется, и живя в городе, можно закрыть для гостей двери дома и возлечь на ложе, сплетенное из веревок. Но все равно здесь не помечтаешь в покое. Безмятежный сон непременно будет нарушен: либо закричит какое-нибудь животное, либо позовет какой-нибудь человек. Потом ты получишь письмо, а на письмо следует ответить. Вы спросите, почему же тогда Горному старцу Си И — Невидимому и Неслышимому, как его называли, удавалось обрести во сне покой, а Наньго Цзыци — забиться в уединении? Потому что оба они жили не в городе, а в деревне.

Встревоженные подобными размышлениями Гу, друзья решительно воспротивились его планам, как говорится, «схватились за оглобли телеги, легли поперек дороги». Но Гу оставался непреклонным.

— Если не хотите жить в городе, найдите пристанище где-то поблизости, в нескольких ли отсюда. Это почти сельская местность,— уговаривали друзья.— Там нет городской суеты, и в то же время это недалеко, мы сможем вас навещать и слушать ваши мудрые наставления. А это нам очень нужно. Ведь все мы растим детей.

— Я как раз и мечтал отправиться в глушь — в самые дальние горы. Зачем же мне жить где-то на полпути между городом и деревней? К тому же на самом

виду у людей. Хлопот здесь, пожалуй, будет больше, чем в городе! Нет, это мне не подходит!

Гу простился с друзьями и через несколько дней вместе с семьей отправился в горы.

С его отъездом жизнь местных шэньши заметно потускнела. Что до историографа Иня, то он не только постоянно вспоминал Гу Тугодума, но даже видел его во сне. Ведь он потерял друга, который мог прямо сказать ему правду, указать на любой промах. Нередко на память ему приходили советы, которые Гу дал ему на прощанье, когда они сидели вдвоем в домике-башне. Каждое слово Тугодума, словно целебное зелье, способно излечить от болезни! Увы! Видимо, он больше не увидит своего дорогого друга! В память о нем историограф решил назвать башню, в которой они некогда вели беседы, «Башней, где внимают советам».

Вернемся, однако, к Гу Тугодуму. Жизнь в дальних горах пришлась ему по душе. Гу чувствовал такую радость, как будто попал в обитель бессмертных, уподобился журавлю, парящему в облаках. Да, историографу Иню и его друзьям очень не хватало этого чудака Гу. Через несколько дней Инь отправил ему письмо со слугой, умоляя вернуться. Тугодум ответил решительным отказом. Все поняли, что он и в самом деле никогда не вернется, и мало-помалу от него отступились...

Однажды из уездной управы к Гу явился посыльный. Гу велено было ехать в город, поскольку за ним числилась недоимка. Эта весть очень расстроила Гу.

— Почему не тревожат людей из богатых домов? Их немало в нашей деревне. У меня же всего несколько му. С какой стати я должен платить подать?

— Вам известна поговорка: «Чиновник может ошибиться, гонец — никогда!» — ответил посыльный. — Хотите или не хотите платить — дело ваше, но объяснение вы обязаны дать.

Тугодум прожил в горах меньше полугода и, конечно, не думал, что на него обрушится такая беда. А главное, он дал клятву никогда больше не возвращаться в город. А что, если задобрить посыльного

взяткой? Пусть что-нибудь наболтает уездному чиновнику.

— Я слышал, сударь, что у вас много знакомых среди городской знати,— сказал посыльный.— Напишите кому-нибудь записку, пусть замолвит за вас словечко. Возможно, вас освободят от подати.

Обращаться с просьбой к друзьям Тугодуму не позволила гордость. Ведь они на смех его поднимут. Нет, лучше лишиться денег!

— Мелкой подачкой вы не отделаетесь,— сказал гонец.— Придется выложить не меньше сотни. Может, тогда удастся для вас что-то сделать!

Гу согласился, надеясь в душе, что через полгода оправится от неожиданного удара. Тугодум мечтал посадить возле дома бамбук, развести рыб, построить помещение для книг, купить мохнатого ослика. И еще он хотел завести лесное хозяйство, которое приносило бы доход.

Увы, его планам не суждено было осуществиться. В местах, где он проживал, вдруг объявились разбойники, хотя раньше о них никто не слышал. Как-то ночью они вломились в дом с факелами, их было семеро. Обитатели дома с ужасом взирали на неожиданных гостей, которые, едва переступив порог, стали хватать вещи и связывать узлы. Оставили немного, в том числе какие-то вещи, видно, украденные в другом месте, большей частью дешевые, брошенные за ненужностью.

После набега разбойников жизнь Гу день ото дня становилась все хуже. Но он по-прежнему ни к кому не обращался за помощью, боясь насмешек. «Конечно, друзья не оставили бы мою просьбу без внимания,— рассуждал он.— И все же обращаться к ним я не стану. Другое дело, если бы они сами догадались мне помочь». Через несколько дней он получил множество писем с выражением сочувствия. Друзья писали так взволнованно, будто это их ограбили, но примечательно, что ни подарков, ни денег никто не прислал. Мало того, Гу пришлось потчевать гонцов и делать им разные подношения. «Никогда не подумал бы, что мои приятели окажутся столь бесчувственными,— сетовал он.— Даже Инь, считавший меня самым близким другом, отделался пустыми фразами. Волосок, как говорится, пожалел выдернуть у себя. Увы! Со временем

мы все больше отдаляемся друг от друга. Вспомните историю Хуан Шуду. Впрочем, так часто бывает в жизни». Гу написал ответные письма, и посланец уехал.

С этих пор Тугодум отбросил пустые надежды на поддержку друзей и решил безропотно нести бремя бедности. Прошло полгода. Нельзя сказать, чтобы они принесли Гу много радости, но жизнь его как-то наладилась и была вполне сносной. Он не жаловался на голод, не сетовал на холод, поскольку был сыт и одет. Но, видно, злая была у Гу судьба. Однажды у ворот появились уездные стражники, они пришли арестовать Гу.

— На днях схватили грабителей,— сказал один из стражников,— которые признались, что во время разбойных набегов останавливались в доме некоего Гу, и хотя краденого у вас не прятали, но кое-что из вещей здесь осталось. Потому господин правитель велел привести вас к себе для допроса.

В списке краденого значились как раз те вещи, которые разбойники у него оставили.

— Ясно, что в прошлой жизни у меня был лютей враг,— промолвил Гу со вздохом, взглянув на жену.— Правильно говорят: «Чистой радости добиться трудней, чем богатства и славы». Слышал я историю про одного человека, который каждый день с наступлением сумерек, едва все стихнет вокруг, возжигал благовония и обращался с молитвами к Небу, дабы оно исполнило его желания. Так продолжалось долго, пока однажды человек этот не услышал голос, доносившийся откуда-то сверху, из пустоты: «Верховный владыка, видя искренность твоих помыслов, решил тебя осчастливить, но не знает, чего именно ты желаешь». — «Желаю я малого,— отвечал человек.— Простой одежды да пищи в достатке, а главное, чтобы мог я свободно гулять по горам и на берегу». Голос из пустоты отвечал: «То, что ты жаждешь, доступно лишь небожителям из высших небесных сфер. Проси лучше знатности и богатства!..» Так получилось и со мной. Чистое счастье, как видно, мне недоступно. Не суждено мне стать мужем «во праздности». Жил я вольно всего полтора года, и за это время на меня обрушились три беды, одна другой хуже. Ясно, что древние, рассуждая о «горных вельможах» и «чиновниках в уединении», говорили не о простых смертных. Чтобы обрести

подобное блаженство, надо иметь особую судьбу. Лишь тогда можно спать в облаках и совершать омовение среди речных камней. Если же человек не отмечен счастливой судьбой, горы, и воды, и вечерние дымки могут принести ему великое несчастье».

Гу велел жене сложить вещи и следовать за ним. За то, что Гу проявил почтение к казенной бумаге, посланцы не стали с него требовать денег и даже освободили от колодок. Они вели себя, как слуги, которым велено проводить гостя к пиршественному столу. Вместе с Гу они направились в сторону города, Гу Тугодум ехал впереди.

Друзья Гу, как вы помните, остались безучастны ко всем его бедам. «Мир жесток! — думал Гу. — Вряд ли кто-нибудь поможет человеку, очутившемуся в моем положении. А потому надо быть твердым, ибо жизнь и смерть во власти судьбы». В нескольких ли от города Гу заметил на дороге множество экипажей, принадлежавших местной знати, которая, очевидно, собралась здесь по какому-то важному случаю. Тугодум не имел ни малейшей охоты встречаться со знакомыми и тем более вступать с ними в разговоры, поэтому опустил низко голову и прикрыл лицо. Тут от толпы отделились несколько человек, это были слуги из знатных семей.

— Господин Гу, не торопитесь! — воскликнул один из них. — Наши господа давно вас здесь ждут. Им известно, что вы нынче прибываете в город. Вам следует встретиться с ними!

— Я преступник, которого влекут в суд! И мне сейчас не до разговоров. Успею встретиться с ними после суда.

Однако слуги не отпускали Гу Тугодума. Один из стражников их поддержал.

— Ничего не случится, если мы проведем здесь лишнюю ночь! Ведь вас никто не торопит!

Пока они препирались, со стороны деревеньки, находившейся поодаль, появилась целая толпа знатных шэньши. Приблизившись, они приветствовали гостя низким поклоном.

— Брат Гу! — промолвил один из них. — Нам надо потолковать. Сколько времени мы не виделись! Пожалуйста, не торопитесь! — Кто-то потянул Гу за рукав.

С Гу разговаривали столь почтительно, что он вынужден был уступить. Его повели в ближнюю деревеньку, где он увидел совсем новый дом. Об этом написаны такие стихи:

Дверные створки закрыты плотно.
Тропа меж бамбуков причудливо вьется.
Как видно, недавно цветы посадили —
Из-за ограды их запах льется.
Домик покрыт камышовой крышей,
Он прост, но красив простотою строгой,
Намного красивей других строений,
Виднеющихся в деревеньке убогой.
Лишь несколько еле заметных оконцев
Так неказисты, что видеть грустно,
Но все же вблизи и они изумляют —
Сделал их, видно, мастер искусный.
Пожалуй, похоже это жилище
На домик Тао в святой долине
Иль новую хижину напоминает
Горного мужа — премудрого Линя.

Завязался разговор, который обычно ведут при встрече: о погоде, о всякой всячине. Шэньши спросили, почему Гу едет в город. Тугодум рассказал о нападении грабителей и о том, что оно за собой повлекло. Слушавшие пришли в замешательство.

— Как страшно! Лучше не говорить! — воскликнул кто-то из них.

— Я не чувствую за собой никакой вины, — промолвил Гу. — И готов рассказать начальнику уезда всю правду. Не станет же он меня наказывать, не разобравшись в обстоятельствах дела!

— Ни в коем случае не рассказывайте! — закричали все в один голос. — Вы хоть и не прятали разбойников, а вещи от них получили. И если это всплывет наружу, вам несдобровать. Мы много лет были с вами дружны, а потому постараемся все уладить. В последнее время вы жили в глуши и при встрече с начальством можете допустить промах. К тому же о вашем бегстве из города ходят различные толки. У некоторых ваш поступок даже вызывает подозрение. Как вы все это объясните начальнику? Особенно сейчас, после этой истории с краденными вещами. Его превос-

ходительство, господин уездный начальник, вас не поймет. Поэтому мы и решили пригласить вас сюда, чтобы вы нам все рассказали. Вы уж не обессудьте нас за то, что потревожили. Ваши дела в городе мы берем на себя и сами поговорим с начальником. Но при одном условии: с нынешнего дня вы будете жить здесь, возвращаться обратно вам не дозволено!

— Кстати, дом этот построил один человек, уставший от городской суеты. Жилье, как видите, вполне подходящее. Его хозяин, человек весьма благородный, пока еще не переехал сюда и готов уступить этот дом вам. Разумеется, за него придется платить, но не сразу. Таким образом, вам незачем ехать в город и никто не назовет вас Фэн Фу. Кроме того, прекратятся всякие толки о вашей причастности к краже. План хорош, не правда ли?

— Все это верно, — отвечал Гу, — но мошна моя вконец истощилась. Чем же я буду платить за дом? Да и земля мне нужна. Там земля худосочная, а тут хорошая и дорого стоит. Мне никогда ее не купить. А без земли я жить не могу.

— Мы это обсудим, только не сразу, немного погодя. А пока оставайтесь здесь и спокойно живите! — сказал историограф Инь, тоже оказавшийся здесь. — Сейчас главное — сохранить это жилище!

Наконец все уехали, остался только Инь.

— С тех пор как ты уехал, я совершил немало ошибок, ибо некому было меня вразумлять. Очень прошу тебя, начиная с нынешнего дня, говори мне, в чем я неправ, дабы не причинял я зла ни землякам моим, ни чадам.

Инь рассказал, как часто вспоминал друга и его советы. Они были для него самым лучшим лекарством. А башня, где они вели беседы, была названа «Башней, где внемлют советам».

— Я говорил тебе все от чистого сердца! — промолвил Гу. — Так что не сомневайся в моих добрых намерениях! Боюсь только, что советы мои пустые и не имеют никакой пользы; мало того, они могут вызвать у людей злобу.

Друзья не виделись больше года, и встреча была подобна благодатной влаге, которая увлажняет почву после долгой засухи. Их беседа длилась всю ночь, тянулась нескончаемой нитью.

Любопытно узнать, чем же кончилось дело в суде. Удалось ли решить его Гу? Вот пройдет эта ночь, а потом мы продолжим наш рассказ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Злая звезда исчезает, уступая место трем добрым событиям; разрешение загадки раскрывает скрытые намерения

Друзья вместе провели ночь, а утром, когда Инь, откланявшись, отправился в город, Гу решил осмотреть дом изнутри и снаружи. Дом ему понравился. Постройка, простая и вместе с тем изящная, вполне соответствовала вкусу ученого мужа, посвятившего свою жизнь сельским заботам. «Хозяин, наверное, немало потрудился, устраивая этот райский уголок, — размышлял Гу. — Странно, почему он вдруг раздумал переезжать сюда? Отдает дом, не требуя денег! Мало кто способен совершить подобную глупость. И еще непонятно, почему все друзья и знакомые в один голос говорили одно и то же».

Гу находился во власти раздумий, когда у дома появился человек, отрекомендовавшийся посланцем из уездной управы. Гу встревожился. Неужели приказано отвести его в уезд? Так и есть! Свою историю Гу рассказал только друзьям и знакомым, начальник уезда ее не слышал! Лицо гонца показалось Гу знакомым. Ну конечно же, это тот самый посыльный, которого уездный начальник в прошлом году прислал в деревню, требуя уплатить подать.

— Что за дело привело вас сюда? — спросил Гу после обмена приветствиями.

— В прошлом году, как вы помните, сударь, по причине податных дел я получил от вас сто лянв серебра, дабы задобрить чиновников управы. Однако повинность переписали на других — так решил начальник, а потому из тех денег не было истрачено ни единого вэня. Но я не стал их вам пересылать, чтобы не накликать еще одну беду. Недаром говорят: «Лишний раз не гневи звезду Тайсуй». Все это время деньги лежали у меня и ждали хозяина. А вы жили далеко отсюда и в городе не показывались. На днях я узнал, что вы возвратились, и, чтобы не оказаться в неловком

положении, решил вернуть вам взятую сумму, не дожидаясь, пока вы ее попросите. Здесь ровно сто лянов, можно сказать, нетронутые. Прошу вас, сударь, возьмите!

— В том, что повинность переписали на других и деньги остались целы, есть и ваша заслуга,— промолвил Гу.— Поэтому оставьте серебро у себя. Тем более что с того дня уже прошло более полугода!

Однако гонец пропустил эти слова мимо ушей.

— Простите за неучтивость! — Он сунул серебро в руку хозяина и быстро удалился.

— Невероятно! Служащий управы — и такой честный! — Гу в себя не мог прийти от изумления.— А может быть, это дом, в котором я поселился, принес мне счастье? Видно, Небесный владыка послал мне эти деньги, чтобы я мог уплатить за жилище.

Гу пребывал в радостном волнении, когда снова слышался стук в ворота.

— Встречайте старых знакомых!

Кто бы, вы думали, к нему заявился на этот раз? Страшно сказать! Те самые грабители, которые полгода назад вломились к нему в дом и обчистили до нитки. Душа у несчастного Гу ушла в пятки. Неужели этих злодеев привели сюда из управы для его опознания? А может быть, они сбежали из тюрьмы и хотят здесь спрятаться? Гу терялся в догадках. Вдруг один из разбойников, почтительно поклонившись, сказал:

— Господин Гу, неужели вы меня не узнали? Впрочем, мы с вами давно не виделись!

Несчастливого Гу била дрожь. Он молчал.

— Неужто запомнили? — продолжал разбойник.— Не бойтесь! Мы пришли к вам с самыми добрыми намерениями. Мы и тогда вас не стали бы грабить, только не знали, что вы за человек. Кто-то сказал, что в горах-де живет один богач-скупердяй. Вот мы вас и обчистили. Потом власти схватили кое-кого из наших. Те сдуру что-то наболтали в суде, и вышел приказ о вашем аресте. Мы же по-прежнему живем недалеко от вас и знаем все, что делается в управе. Когда стало известно, что власти собираются посадить в тюрьму какого-то отшельника, поселившегося в каких-то горах, мы сразу поняли, что ограбили достойного человека, решили все вам вернуть и принести свои извинения. Простите нас! Люди мы грубые, не-

отесанные! Глаза у нас есть, а мудреца не приметили! Вот ваши вещи! Прощайте!

Они свалили у ног ошалелого Гу несколько узлов и, помахав рукой, исчезли.

«Грабители скрываются от закона,— с тревогой подумал Гу,— но их несомненно поймают. И зачем только они явились сюда? Ведь это вызовет лишние подозрения. Как можно взять краденое, не уведомив власти? А если те, что сидят в тюрьме, все расскажут? Что делать? Заявить в управу или скрыть?» Гу запер дверь и погрузился в раздумья.

Тут до его слуха донеслись дальние удары гонга и крики. Очевидно, ехал кто-то из уездных чиновников. Гу еще больше встревожился. Для властей он остался преступником, о чем свидетельствуют и эти вещественные доказательства. А что, если власти сейчас нагрянут сюда? Надо быстрее спрятать эти узлы! Но куда? Гу в отчаянии метался по дому. В это время громко застучали в ворота. Гу бросился открывать, но вдруг остановился как вкопанный, не зная, как быть. Ведь если они войдут, то сразу заметят узлы и учинят ему строгий допрос, спросят, как он попал в этот дом, ставший пристанищем разбойников. Сердце бешено колотилось, по лицу ручьями струился пот. Снова раздался стук.

— Господин сянгун! Живей открывайте! К вам едет его превосходительство! Мы привезли его визитную карточку!

«С какой стати вельможа станет мне присылать визитную карточку? — подумал с удивлением Гу.— Спасибо, что меня пока не арестовали. В общем, ничего хорошего от этого визита ждать не приходится! И все же надо открыть, все равно мне с ними не справиться!» Он отодвинул засов. Через приоткрытую дверь кто-то из свиты вельможи протянул визитную карточку, где было написано: «Младший собрат — с поклоном».

— Его превосходительство пожаловал к вам в гости. Сейчас он выйдет из паланкина! — промолвил подавший карточку.— Встречайте!

У Гу отлегло от сердца. «Может быть, тут нет никакого подвоха и у чиновника добрые побуждения!» — подумал он, поправил на себе одежду и шляпу и вышел к гостю.

— О, вы и есть господин Гу, почтенный собрат мой! — воскликнул начальник уезда.

— Да, это я, позднорожденный, — ответил хозяин.

— Давно хотел познакомиться с вами, но лишь сегодня выпал мне столь счастливый случай.

Они вошли в дом рука об руку. Гу провел гостя в центральную залу.

— Извините, ваше превосходительство, я не могу вас приветствовать, как положено, ведь я преступник! — Гу хотел встать на колени.

Чиновник удержал его и сказал:

— Ну какой же вы преступник? Вы достойный муж, удалившийся от суетного мира! Я, младший брат ваш, пожаловал, чтобы извиниться за свои прегрешения и тем облегчить душу. Доверившись пустым слухам, я дважды причинил вам хлопоты.

Гу ответил на слова гостя церемонными фразами, после чего они поклонились друг другу, как равные. Гость занял положенное место.

— Я давно слышал о ваших высоких талантах, мой старший брат, но, увы, до сих пор мне не удавалось познакомиться с вами. Еще раз извините, что дважды причинил вам неприятности. Так уж получилось! Надеюсь, впредь ничего подобного не будет. Впрочем, не стоит об этом... Как-то я узнал от одного из ваших друзей, что вы намерены поселиться близ города, и обрадовался. Ведь тогда я смогу с утра и до позднего вечера выслушивать ваши мудрые наставления и не томиться, живя в отдалении от вас. Вы действительно так решили?

— Так мне советуют друзья и родные. Правда, тут возникают некоторые препятствия.

— О, вы имеете в виду «хворост и воду»? Пусть это вас не тревожит! — воскликнул уездный начальник. — Я посоветуюсь с вашими близкими и друзьями. Что-нибудь придумаем. Я вам потом сообщу.

Гу горячо его поблагодарил, а начальник уезда, посидев еще какое-то время, стал прощаться.

За один день в жизни Гу произошло три необычайных события, такое может случиться только во сне, когда беда и удача, горе и радость странным образом переплетаются вместе. Гу ломал голову, но не мог разгадать эту загадку. Тем временем солнце зашло, наступили сумерки. В доме появились новые гости —

знакомые Гу, которые принесли вино и яства, чтобы поздравить хозяина с переездом на новое место и развеять его тревоги. Во время застолья Гу рассказал обо всем, что произошло в этот день.

— Оказывается, и среди служилых попадаются честные люди, а среди разбойников — настоящие герои! Одного не пойму — почему так странно вел себя начальник уезда. Сначала проявил суровость, а потом сам пожаловал ко мне с визитом!

Гости переглянулись и прыснули, прикрыв рот рукой.

— Почему вы смеетесь? Вы что-то скрываете? Объясните же!

В душу Гу закралось сомнение. Он снова и снова повторял свой вопрос. Молчание прервал историограф Инь, который выложил все начистоту. Его рассказ вызвал у Тугодума взрыв веселья, и он хохотал до упаду. А случилось все так.

Три беды, которые обрушились на него, и прочие испытания послало ему вовсе не Небо. И не в злощастной судьбе было дело, а в хитрости друзей, которые придумали план, как вернуть друга в город, ибо никакие уговоры не помогали. Их друг отправился в деревню вкушать радости сельской жизни среди деревьев и родников, пусть же испытает там горечь и беды! В это время в город приехал новый уездный правитель, высоко ценивший талантливых и скромных людей. Историограф Инь и его друзья в беседе с ним напомнили кстати и о Гу.

— В нашем уезде есть один талантливый муж, но он скрылся от суеты в далеких горах. Он не только обладает высокими талантами, но и отличается весьма достойным поведением. Он не уставал наставлять нас, когда жил в городе. Но с его отъездом все изменилось. Мы как будто бы поглупели, стали скупыми, грубыми. Будь он здесь, вы, как радетель уезда, смогли бы приблизить его к себе и за доброе отношение к талантливому и мудрому человеку удостоились бы счастливого воздаяния.

Начальник уезда, взволнованный этими речами, готов был тотчас же отрядить к Гу посыльного со своей визитной карточкой и нанести ему визит. Но шэньши его отговорили.

Один из них сказал:

— Его достоинства породили странности — своего рода недуг, именуемый слепым упрямством. Ваше вмешательство делу не поможет, здесь нужно что-то другое. Помните, как цзиньский государь Вэньгун поджег лес и иссушил окрестные воды, дабы отшельник Цзе Цзытуй покинул горное убежище? Мы тоже придумали план, но для его осуществления потребуется ваша помощь. Надо будет сделать то-то и то-то... Если Гу покинет свое обиталище, значит, наш план удался. Если же он заупрямится, мы поступим так-то и так-то... В третий раз мы прибегнем к способу более жестокому. В общем, сначала надо проявить суровость, а потом мягкость. Тогда, быть может, замысел наш удастся!

Начальник уезда согласился, подписал бумагу о немедленной выплате подати и отправил с уездным гонцом к Гу. Уверенный, что тот в город все равно не придет, он заставил его выплатить крупную сумму денег. Может быть, хоть это проймет строптивца. Во второй раз начальник уезда отправил переодетых грабителей. Уж теперь, после того, как его обокрали, Гу непременно покинет деревню. Для вящей убедительности он велел мнимым разбойникам подбросить в дом узлы с «краденым», что могло бы стать для Гу новым источником бед. Но Гу и на этот раз не сдался. И вот, наконец, уездный начальник пошел на крайнюю, довольно жестокую меру — велел арестовать Гу и привезти в город. По изначальному плану у городских ворот отшельника должна была встречать толпа молодых бездельников, которые при его появлении стали бы кричать: «Фэн Фу», — и всячески его поносить. Но историограф Инь этому воспротивился.

— Вызволяя его из деревенской глуши, мы не должны насмеяться над его высокими идеалами, а постараться сделать так, чтобы он остался где-нибудь поблизости и мы могли вести с ним беседы. Для этого я предлагаю купить несколько му земли, выстроить небольшой дом и поселить там Гу. Тогда он вряд ли станет стремиться в глушь. Так мы выполним свой долг перед другом!

Все согласились с этим предложением, а начальник уезда послал Иню деньги на постройку дома. Сам Инь тоже пожертвовал определенную сумму, а следом за ним и остальные друзья. На покупку земли и строи-

тельство дома потребовалось около тысячи золотых. В доме была зала для приема гостей, место для пиршеств, комнаты для жены и детей, загон для скота, свинарник, курятник и даже конура. Словом, друзья сделали все, чтобы Гу получил уютное и удобное жилище.

Итак, три беды, обрушившиеся на Гу, имели свою причину. Он просто попал в ловушку, ловко расставленную историографом Инем и начальником уезда — мужами, к слову сказать, необыкновенными. Вот и сейчас они послали к Тугодуму своих людей, чтобы до смерти его напугать. Впрочем, страх быстро сменился радостью, когда ему все объяснили. Любопытно, что визит начальника тоже был предусмотрен планом друзей, ибо свидетельствовал об особом расположении чиновника к отшельнику. Ведь знатный вельможа, вопреки ритуалу, нанес визит первым. Как известно, Гу в это время был охвачен тревогой, и легко представить себе его радость, когда он узнал истинную причину визита. Испытывая бесконечную благодарность к друзьям, Гу всю ночь напролет пил с ними вино. Чуть ли не до рассвета длилось веселье.

На новое место Гу переселился со всей семьей и хозяйством. С той поры историограф Инь часто навещал друга, внимая его наставлениям. Да и не только Инь. Многие приходили к Гу за советом, в том числе и начальник уезда, почитавший, как мы знаем, мудрых людей. Он приезжал и по важным делам, и потолковать о стихе, который почему-то не удался. А то посылал Гу письмо. Гу с благодарностью принимал эти знаки внимания высокого чиновника и старался отплатить ему тем же. К примеру, он давал ему советы, когда речь шла о местной общине или о чем-то добром имени. И поступал именно так, как учили древние: «Если знаешь, то говори, а сказал — говори до конца».

Историограф Инь, как вы уже знаете, часто бывал у Гу, но поскольку сам он жил в городе, это имело свои неудобства. Поэтому вскоре он купил недалеко от друга крестьянский домик и оборудовал его по своему вкусу. Там он устроил даже башенку, где был кабинет, и перевез из города вывеску: «Башня, где внимают советам». Инь и в самом деле часто внимал здесь

советам друга. Беседы длились порой с утра и до самого вечера.

Название башни (оно, разумеется, придумано автором) в большей мере относилось к Иню, чем к Гу. Тот, кто скажет, что все это чистая выдумка, не понял тайного замысла автора. Увы, в нашем мире мало людей, подобных Старцу Тугодому, равнодушных к мирской суете, но готовых дать мудрый совет. Из десяти, может быть, сыщется таких один или два. Еще меньше богатых и знатных, лишенных высокомерия, являющих расположение и доброту к мужам, от которых слышат достойные речи. Эти люди не изменяют своих убеждений ни с годами, ни по причине бедности. Из тысячи тысяч с трудом найдется подобный муж. Вот почему в нашем рассказе главное — это показать не «хозяина» — основного героя, а «гостя». Поэтому название нашей истории в большей мере касается историографа Иня, нежели Гу Тугодума. Пусть также читатель поймет, что трудно бывает не только говорящему, но и внимающему. Вот о чем хотел сказать Литератор, мир пробуждающий, стараясь, чтобы история его не пропала зря, а принесла пользу людям.

БАШНЯ СОЕДИНЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ

Стр. 19. *Хуннян* — женский персонаж из пьесы конца XIII в. «Западный флигель» Ван Шифу, в которой рассказывается о любви девушки Цуй Инъин и юноши Чжана. Служанка девушки Хуннян помогает их союзу. Впоследствии имя Хуннян стало нарицательным для обозначения ловкой и сметливой служанки.

Благовонная тушь.— В китайскую тушь нередко добавлялись ароматические вещества. Здесь эти слова скорее являются метафорой, намекающей на любовное послание.

Нефритовый (Яшмовый) владыка — верховное божество в народных верованиях.

Яньло (или Яньван) — согласно китайской мифологии правитель преисподней, владыка ада, ведает судьбами людей и определяет сроки их жизни.

Стр. 20. *Высотные дали* — согласно даосским верованиям обители бессмертных.

Перерождение в человеческом облике.— Согласно буддизму смерть человека не есть полное завершение его существования. Он может через какое-то время вновь возродиться, но в ином облике, то есть в образе другого человека или животного, в зависимости от совершенных им при жизни поступков.

Ученые-конфуцианцы — последователи этико-политического учения философа древности Конфуция (Кунцзы), жившего в 551—479 гг. до н. э.

Даосские книги.— Даосизм — одно из трех (наряду с конфуцианством и буддизмом) философских и религиозных учений в Китае. Его основоположник — легендарный мыслитель Лаоцзы, который создал учение о Дао — Пути познания бытия. Согласно легендам жил примерно в то же время, что и Конфуций.

Подносить пищу на уровне бровей.— В «Книге о Поздней Хань» рассказывается о некоем Лян Хуне и его жене, которые относились друг к другу с большим уважением. Когда жена под-

носила мужу тарелку с едой, она держала ее на уровне бровей, тем самым выражая свое почтение супругу.

Стр. 21. *Юэский гун*.— Гун — почетный титул в старом Китае (один из пяти и второй по значению после титула вана — князя). Юэ — название местности и княжества в южном Китае. Здесь имеется в виду история живших при династии Суй (VI—VII вв.) вельможи Ян Су и певички Чжан Красное Опахало.

Тысяча Буйволов — прозвание героя одной из танских новелл. История героя Цуя и певички Хунсяо рассказана литератором Пэй Сином.

Талантливый юноша и прелестная дева — поэтический образ средневековой китайской литературы. Обычно это молодой ученый муж (студент) и красавица из богатого дома.

Годы Высшей Истины — Чжичжэн.— Китайское летосчисление было связано с годами правления владыки той или иной династии. Годы (девиз) правления обозначались благожелательными словами. В данном случае речь идет о годах правления юаньского Шунь-ди (1341—1368 гг.).

Династия Юань — монгольская династия, правившая в Китае с 1279 по 1368 гг.

Гуандун — южная провинция Китая, центром которой является город Гунчжоу (Кантон).

Шэньши — одно из привилегированных сословий в старом Китае — землевладельцы, обладатели ученых степеней.

Стр. 22. *Столичные экзамены*.— Столичные экзамены завершали третий (основной) тур государственных экзаменов (после уездных и областных) на получение ученых степеней. Выдержавший столичные экзамены получал высшую степень — цзиньши.

Первейший (Чжуаньюань) — почетное звание лучших из сдавших столичные экзамены и прошедший через дворцовые (тройные) испытания.

Сянгун — ученая степень, кандидат от уезда и округа для последующих испытаний.

Истинное учение.— Имеется в виду конфуцианство — система взглядов и правил поведения человека.

«Ветропечущий талант».— Понятие «ветропечущий» (или «ветер-поток») — эпитет человека, лишенного условностей, свободного в проявлении своих мыслей и чувств, порой легкомысленного.

Стр. 23. *«Книга песен» («Шицзин»)* — древнейшее собрание китайского фольклора: песен, гимнов; одна из канонических книг в древнем Китае.

Изменить прическу.— Распространенный в Китае обычай; по достижении совершеннолетия мальчику меняли прическу.

Стр. 25. *Реки Цзин и Вэй* — название рек, упомянутых в «Книге песен». Считалось, что воды Вэй отличались чистотой, воды Цзин были мутными. Впоследствии образ двух рек стал метафорой, намекающей на разность человеческих характеров или сложность человеческих взаимоотношений.

Стр. 25. *«Вольные истории»* — неофициальные истории, записи фактов жизни, не регламентированные официальными властями. «Вольные истории» нередко воспринимались как художественная литература.

Стр. 27. *Поля согласия* — образ брачного союза.

Стр. 28. *Час «сы»*. — В старом Китае сутки делились на двенадцать отрезков по два часа. Каждый отрезок обозначался особым циклическим знаком, и каждому соответствовало животное китайского зодиака. Час «сы» — с 9 до 11 ч. утра.

«Умыкнуть аромат» — поэтический образ запретной любовной встречи, тайного свидания.

Стр. 29. *...Начнет «золотой колокольчик» звенеть.* — «Золотой колокольчик» — название насекомого, наподобие сверчка. Вся фраза являет собой метафору любовных встреч.

Стр. 30. *Царство Ци* — одно из удельных княжеств в старом Китае. Очевидно, имеется в виду история, рассказанная в древней книге «Лецзы», где говорится о человеке из Ци, боявшемся, как бы небо не рухнуло на землю.

Союз в тугах — любовное согласие, свиданье. Образ восходит к «Книге песен», где говорится о свиданье в тутовнике.

Царства У и Юэ — древние удельные княжества эпохи Весен и Осеней (VIII—V вв. до н. э.), враждовавшие между собой. Образ царств часто выступает в нарицательном смысле государств-противников.

Чжу и Чэнь — семьи, между которыми сложился счастливый союз. Выражение, в частности, встречается в стихах поэта Бо Цзюйи, где говорится о деревне Чжучэньцунь, в которой жили эти два рода.

...мотивы Чжэн и Вэй... — Чжэн и Вэй — названия древних княжеств эпохи Весен и Осеней, где, по преданию, существовала плохая музыка. Образ музыки смутного времени.

Музыка Гуаньцзюй. — Гуаньцзюй — название одной из глав «Книги песен». В переносном смысле — возвышенные мотивы, рождающие достойные чувства и мысли.

Стр. 31. *Сянгуны-одногодки.* — Имеются в виду получившие ученую степень в один год.

И и Хуэй. — Имеются в виду добродетельные мужи древности (эпохи Весен и Осеней) Бо И и Люся Хуэй. Слово «Люся» букв. значит «Под ивами».

Стр. 32. *Восемь знаков гороскопа.*— Гороскоп — система особых символов и образов, использовавшихся при гадании. Здесь имеется в виду гороскоп, обозначающий даты рождения человека (четыре пары знаков, обозначающих год, месяц, день и час). Удачное совпадение знаков гороскопа являлось, в частности, основным условием благополучного союза.

Погодная карточка — таблица с основными датами жизни.

Десять душ.— По старым китайским поверьям, у человека было десять душ: три души *хунь* (духовное, разумное начало, рожденное в печени) и семь душ *по* (животное начало, рожденное в легких). При зарождении человека сначала появляется душа *по*, а потом — *хунь*; при смерти сначала уходит *хунь*, потом — *по*. Соединенные вместе *хунь* и *по* составляют природу человека.

Стр. 32. *Чи* — мера длины, сейчас равная 32 см. В разное время размер был различен.

Стр. 33. *...называл черепахой...*— Назвать черепахой значило оскорбить, обругать.

Дух Жо Ао — согласно легенде неприютный дух (рода Жо Ао), которому не приносят жертвы, так как в роду не осталось потомков.

Стр. 38. *Государь Яо* — легендарный правитель древности Яо, а также другой монарх, Шунь, которому Яо уступил свой трон; символизируют достойное и справедливое правление.

Стр. 41. *Шубао.*— Имеется в виду Цинь Шубао, герой средневекового романа «Повествование об эпохе Суй и Тан», сподвижник Ли Юаня и Ли Шиминя, основателей династии Тан.

Красавица Игуан — красавица древности, жившая в местности Юэ.

Одежда из перьев — одеяние бессмертного небожителя.

Цинь и сэ — название струнных инструментов типа цитры и люти.

Стр. 42. *Ли* — ритуал, церемония, одно из важнейших понятий конфуцианской этики. Также определенные нормы поведения и правила, которые следует строго соблюдать.

«Низкое» место.— Согласно кодексу бытовых церемоний при встрече гостей каждый занимал определенное место за столом. Хозяину полагалось «низкое» место, напротив гостя, возле дверей. Гость обычно сидел на «высоком» (верхнем) месте, обратясь лицом к югу.

Стр. 43. *Восточное ложе* — образ жениха и зятя. Выражение восходит к истории знаменитого каллиграфа Ван Сичжи. Некий вельможа заслал к его отцу сватов, надеясь выдать свою дочь за одного из его сыновей. Согласно легенде молодой каллиграф в это

время сидел на восточном ложе и не обратил внимания на гостей. Он и стал зятем вельможи.

...жизнь — не что иное как сон... — Понятие даосской философии, одним из важных постулатов которой является идея иллюзорности, нереальности человеческого бытия.

Стр. 46. *Пастух*. — Имеется в виду герой знаменитой легенды о Пастухе и Ткачихе (Небесной фее), разлученных волею небес и встречавшихся раз в году.

Небесная Река — Млечный Путь, согласно легенде разлучил влюбленных.

Лес слов (Цылинь) — одно из названий почетной должности академика-ханьлина.

БАШНЯ ЗАВОЕВАННОЙ НАГРАДЫ

Стр. 47. *Птица Луань* — волшебная птица, обычно феникс. Луань — самец-феникс, поэтический образ возвышенного мужа.

...под одним седлом... — Несколько видоизмененный вариант поговорки: «Конь не должен ходить под двумя седлами, женщина не должна иметь двух мужей».

Стихи в жанре цы — распространенный в китайской поэзии стихотворный жанр с относительно свободным размером и музыкальным мотивом.

Третий Чжан, четвертый Ли — то же, что «такой-то и такой-то».

Феникс (фэн) и луань — супружеские пары фениксов, образ любовных (супружеских) отношений.

Стр. 48. ...наш «конченный век». — Автор имеет в виду свою эпоху, XVII в. — годы военного лихолетья, смуты и иноземного вторжения.

Годы Истинной Добродетели — *Чжэндэ* — эра правления императора Уцзуна (1506—1521 гг.) династии Мин (1368—1644 гг.).

Хугуан — крупная административная область в центральном и южном Китае, в районе нынешних провинций Хубэй, Хунань и части провинций Гуанси и Гуандун.

Стр. 49. *Яблоня хайтан* — яблоня с мелкими плодами (райские яблочки).

Стр. 51. «*Фамилии ста семейств*» — свод существующих в Китае фамилий, служил своеобразным учебником грамоты.

Стр. 53. *Цзиньши* (букв. Продвинутый муж) — высшая ученая степень, которая присваивалась после столичных экзаменов и открывала путь к высоким должностям в столице и в провинции.

Ямынь — административное учреждение в старом Китае, присутствие, управа.

Стр. 54. ...*вытянул срочную бирку*.— Отдавая распоряжение, чиновник-судья обычно вытаскивал деревянную дощечку, на которой был написан приказ.

Девятое небо.— По народным верованиям, Небо состояло из нескольких сфер или слоев. Здесь имеется в виду одно из высших небес.

Стр. 56. *Бог очага* (к и т. Цзао-ван) — покровитель семьи, дома (своего рода русский домовый), особенно почитался в последние дни старого года, считалось, что в это время Цзао-ван отправлялся на небеса докладывать Яшмовому владыке о делах на земле.

Украсть колокольец — так говорили о ловком воре, способном украсть колокольчик так, чтобы он не звякнул.

Стр. 57. *Шесть церемоний* — шесть этапов брачной церемонии, которая включала в себя подношения жениха невесте (сговорные подарки), сверку гороскопов (уточнение имени жениха и невесты), гадание о счастливом дне (свадьбы), объявление о помолвке, уточнение дня свадьбы и встреча невесты, то есть сама свадьба.

Тройное чаепитие — церемония встречи гостей с троекратным чаепитием.

...*ношу головной убор совершеннолетнего*.— По существу традиции юноша, достигши совершеннолетия, изменял прическу и надевал особый головной убор.

Областные экзамены.— Система старых экзаменов предусматривала сложный и длительный порядок испытаний для получения ученой степени. Основных экзаменов (туров) было три: уездно-областные, столичные и дворцовые. Каждый тур состоял из нескольких этапов.

Стр. 58. *Олень*.— Некоторые животные, птицы, рыбы считались символами счастья и играли благовещую роль: олень, журавль, летучая мышь, карп и пр. Например, олень, как и журавль, часто изображались на картинах, где фигурировали боги и святые (бог долголетия Шоусян и другие). Благовещий смысл они имели потому, что произносились так же, как слова: «счастье», «удача», «служебное благополучие» и т. д.

Чан Э — богиня луны, владычица лунного дворца. Имя Чан Э восходит к древней легенде о метком стрелке И и его жене Чан Э, которая однажды убежала от него на луну.

Преломить ветку корицы — образное выражение, означающее преуспеть на ученой стезе, получить ученую степень.

Экзаменационный щит — особый щит, который выставляли возле присутствия и отмечали на нем результаты состоявшихся экзаменов.

Волшебное зеркало — магическое зеркало, способное обнаружить любой предмет, невидимый простому глазу. Этот образ часто встречается в средневековой прозе, особенно когда речь идет о судье, умеющем раскрыть самое таинственное дело.

Стр. 59. *Красная тушь* — прерогатива крупного вельможи — администратора или самого императора. Красной тушью писались особо важные документы.

Стр. 60. *Деревянная кологушка* — кусок дерева, в который били особым билом. Как гонг и барабан они использовались, когда в присутствии начиналось слушанье какого-то дела.

Стр. 61. *Моцзы* — один из древних философов Китая, жил в V в. до н. э., написал книгу, в которой большое место уделялось идее всеобщей любви.

Восемь поклонов — обряд побратимства, включает в себя разные элементы: например, церемонные поклоны, возжигание свечей, ритуальные клятвы.

Стр. 63. *Академик-ханьлин* — почетный титул, который присваивался лучшим цзиньши. Ханьлины занимали высокие столичные посты: начальников ведомств, советников при государе, наставников наследника престола, толкователей и составителей указов.

БАШНЯ ТРЕХ СОГЛАСИЙ

Стр. 64. *Красные ворота* — образ богатой и знатной семьи.

Слова стихов, что найдены в стене... — очевидно, имеются в виду письма, в свое время найденные в стене дома Конфуция.

...Одежда, сшитая из легких туч... — одеяние бессмертного небожителя.

Стр. 65. *Связка медяков*. — Китайские монеты часто имели квадратное отверстие, чтобы можно было их связать. Такая связка (чох) была своеобразной денежной единицей.

Стр. 66. *Танский Яо* — легендарный государь Яо, происходивший из рода Тан.

Фансюнь и Чунхуа — прозвания Яо и Шуня. Первое означает «Подражающий (древним) деяниям»; второе — «Повторяющий цветение» (то есть продолжатель «цветущих деяний» Яо).

Годы Счастливого Успокоения — *Цзяцзин* — эра правления минского императора Шицзуна (1522—1566).

Стр. 67. *Вэнь* — мелкая медная монета. 1000 вэней составляли одну связку — чох и обычно приравнивались к одному лану серебра.

«Сюцай в белой одежде». — Белая одежда — образ простолюдина, человека без особых заслуг. Сюцай — первая ученая степень, которая присваивалась после уездно-областных экзаменов.

Стр. 68. *Лян* — денежная единица (мера серебра) и мера веса; лян был равен примерно 37 г.

Стр. 69. «*Книга исторических преданий*» — каноническая книга древних преданий («Шуцзин»).

Цин — мера площади, равная 6,14 га.

Стр. 70. ...не удаётся скопить денег. — В жизни китайцев большую роль играло представление о связи местоположения жилища с судьбою его обитателей. На этом, в частности, строилась гадабельная практика геомантов-предсказателей (господин «ветер-вода», как их называли). Благоприятное положение жилища способствовало счастливой судьбе семьи.

Стр. 72. *Костяные заставки*. — Старая китайская книга имела своеобразный футляр, запирающийся продолговатыми заставками — запорами из дерева, слоновой кости, нефрита.

Свитки картин. — Китайская картина, как правило, имеет удлиненную форму, что позволяет свертывать ее в рулон.

«*Желтый зал*» — древний даосский трактат о принципах самовоспитания. Содержал сведения о древней медицине, излагавшиеся в виде магических формул и поэтических речений. Согласно преданиям один из вариантов этого канона был переписан знаменитым каллиграфом Ван Сичжи. (Название «Желтый» идет от имени легендарного государя Хуан-ди — Желтого императора.)

Стр. 73. *Шэн* — мера сыпучих тел, равная 1,03 л.

Чжан — китайская сажень, равная 3,2 м.

Цунь — китайский вершок, равный 3,2 см.

Стр. 75. *Цянь* — мера веса, равная 3,7 г.

Стр. 79. *Официальное имя*. — По старым традициям у человека обычно было несколько имен и прозваний: детское имя, имя после совершеннолетия, официальное имя и т. д. Имена, как правило, имели благожелательный смысл.

Государь Шэньцзун — правил под девизом Ваньли (Десяти-тысячное долгоденствие, 1573—1620 гг.).

Ли — мера длины, равная 576 м.

Стр. 81. *Свободных людей челядинами в дом не брать*. — Общественная прослойка «свободных людей» (например, ремесленников, землепашцев) имела определенную социальную самостоятельность, в отличие от закрепощенных рабов.

Стр. 84. ...стояла позади экрана. — Женщина обычно не принимала непосредственного участия в беседе с гостями, однако могла находиться рядом, за специальной ширмой или экраном и таким образом косвенно участвовать в разговоре.

Стр. 85. *Судья Драконова Печать*.— Имеется в виду знаменитый сунский чиновник Бао Чжэн, или Бао-гун, прославившийся своей честностью, неподкупностью и поразительной прозорливостью. С его именем связан особый жанр средневековой прозы — так называемой судебной прозы, где Бао фигурирует как один из главных героев. Драконова Печать — прозвание судьи, который одно время возглавлял особое учреждение — Кабинет Драконовой Печати, где составлялись важные правительственные бумаги.

БАШНЯ ЛЕТНЕЙ УСЛАДЫ

Стр. 91. *Тучка и дождик* — поэтический образ любовной связи, восходящий к легенде, рассказанной поэтом древности Сун Юем в «Оде о Гаотан». В ней говорится о Чуском князе, которому однажды во сне явилась прекрасная женщина, назвавшая себя богиней гор Ушань. Богиня разделила с князем ложе, а при расставании сказала, что будет являться к нему по утрам тучкой, а вечером — дождеком.

...склоняться к алому и припадать к изумрудному.— Образ любовного влечения.

...Жена, орудующая совком и метлой.— Совок и метла — иносказательный образ жены.

Стр. 92. *Провинция Чжэцзян* — область в восточном Китае, одна из приморских провинций страны.

Тао и Се — знаменитые поэты древности Тао Юаньмин (365—427) и Се Линьчунь (385—433), которые в своих стихах воспевали радость жизни на лоне природы.

Почетный титул.— Жены знатных чиновников обычно получали почетный титул, намекающий на их добродетели.

Стр. 93. *Помещение за вторыми воротами*.— Богатый китайский дом состоял из многих изолированных помещений и строев, соединенных двориками. В данном случае речь идет о дальних (женских) покоях, куда посторонних не допускали.

Стр. 93. *Сяньшэн* (букв. «прежде рожденный») — учитель, наставник. Употребляется также как обращение: «господин».

Стр. 94. *...в торжественные встречи в Линьтуне*.— Линьтун — местность в провинции Шэньси, возле горы Лишань (в нескольких километрах от древней столицы Сиань), славившееся своими прекрасными пейзажами и горячими источниками, купаньем. Здесь в свое время находилась летняя резиденция танских владык. По преданиям, танский Сюаньцзун вместе с красавицей Ян-гуйфэй каждый год отправлялся на купанье к Ароматным источникам, которые находились возле дворца Чистых Цветов.

Стр. 95. ...*стать учеником господина Чжаня.*— Среди ученых мужей, чиновников существовал обычай, согласно которому молодой человек мог выбрать себе наставника, дабы пользоваться его покровительством и поддержкой в обществе.

Стр. 96. *Цзинкуй* (букв. Первый в чтении канонов) — почетное прозвание первых пяти ученых мужей, преуспевших на экзаменах в провинции.

Сяолян (букв. «почтительный и бескорыстный») — одно из названий обладателя второй (после сюцая) ученой степени — цзюйжэня.

Стр. 99. *Срединная империя* — общеупотребительное название Китая.

Гун Шу — искусный умелец древности, в частности, упомянутый в книге философа Мэнцзы.

Ли Лоу — согласно легендам обладал удивительным зрением. В одной из историй говорится, что он помог легендарному государю Хуан-ди найти знаменитую черную жемчужину. Ли Лоу упоминается в книге «Мэнцзы».

Стр. 100. *Парная таблица* (дуйлянь, или дуйцзы) — надпись (иногда стихотворная), сделанная в виде парного изречения, содержащая благопожелание. Эти надписи вешали на стене, по обеим сторонам двери.

Драгоценное Созвездие.— Имеется в виду созвездие Баоу (созвездие Геркулеса), которое покровительствовало женщинам.

Стр. 101. «*Мягкая шляпа.*».— Когда юноше исполнялось двадцать лет, ему полагалось носить особый головной убор, мягкую шляпу, ибо он был еще молод и «мягок телом».

«*Низкие врата*» — символ бедного дома, обиталище простолюдина.

Священная ступа — архитектурное сооружение буддийского культа.

Стр. 102. *Нань Жун* (по имени Цзыжун) — жил в эпоху Чуньцю (Весен и Осеней); ученик Конфуция, отличавшийся достойным поведением. Впоследствии женился на племяннице Конфуция.

Гунзе (по имени Чан) — ученик и зять Конфуция, по легендам, понимал язык птиц. Как и Нань Жун, удачно женился.

Стр. 103. *Камень для растирания туши.*— Китайскую тушь (она изготавливается в виде небольших брусочков) перед употреблением растирают на специальном камне, смешивая с водой.

Стр. 104. *Посконная шапка* — шапка из волокон растения пуэзария. Из них также делалась летняя одежда.

Стр. 106. *Бирюзовая река.*— Имеется в виду небо, иногда — Млечный Путь.

«Человек со счастливой звездой». — В тексте игра слов. «Человек со счастливой звездой» (букв. «счастливый человек») и имя героя Цзижэнь по-китайски звучат одинаково.

Стр. 107. ...окажусь в положении Сунь Шаня. — Некий Сунь Шань из местности У потерпел на экзаменах неудачу и раньше времени вернулся домой.

Стр. 108. «Воспарить к синим облакам» — то есть добиться почета и славы. Образ восходит к «Историческим запискам» знаменитого историка Сыма Цяня.

Пьеса «Западный флигель». — драма знаменитого юаньского литератора Ван Шифу (конец XIII в.).

Нефритовый зал, золоченые кони. — Слова из стихотворения знаменитого Сунского поэта Оуян Сю. Золоченые кони — название ворот резиденции академика-ханьлина.

Стр. 111. Святая таблица — поминальная таблица, особая дощечка с именем умершего и датами его жизни.

Стр. 113. Заоблачная дымка и роса — иносказательный образ жизни бессмертных сяней. По преданиям, они ели волшебную глину и камешки, а пили сладкую росу.

Стр. 114. Бодисатва — буддийское божество и одна из важных ступеней буддийской святости, следующая за Буддой.

Божественный носорог — образ взаимного влечения. По легендам, в роге носорога существуют белые волокна, которые тянутся в две стороны.

БАШНЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИСТИНЕ

Стр. 116. Оглянуться назад. — Выражение имеет переносный смысл, означающий раскаянье в содеянном, исправление.

Стр. 117. Ведьмино ущелье (Уся) — одна из трех знаменитых теснин в верхнем течении Янцзы.

Водопад Куанлу. — Куанлу — название гор в провинции Цзянси, известных своей красотой.

Персиковый источник — образ счастливого мира, блаженной земли. Название восходит к произведению поэта Тао Юаньмина, в котором рассказывается о рыбаке, по случайности попавшем в блаженный край.

Желтые источники — образ потустороннего мира.

Цзюньцзы — добродетельный, достойный муж. Это слово было популярно в конфуцианском лексиконе, когда речь шла о высоких нравственных качествах человека.

«Четверокнижие» — собрание четырех конфуцианских канон: «Луньюй» («Суждения и беседы Конфуция»), «Дасюэ»

(«Великое учение»), «Мэнцзы» (книга философа Мэнцзы) и «Чжунъюн» («Книга о «Золотой середине»).

Стр. 118. *Фэнь и цянь* — меры веса и своеобразные денежные единицы. Фэнь — 0,37 г., цянь — десять фэней.

Стр. 119. *Годы Вечной Радости (Юнлэ)* — вторая эра правления минского императора Чэнцзу (1403—1424).

Стр. 120. *Сунь и Пан* (Сунь Бинь и Пан Цзюань) — стратеги древности (эпохи Борющихся царств; V—III вв. до н. э.). С их именами связана драматическая история. Пан, завидуя талантливому Суню, велел отрубить ему ноги. Однако Сунь впоследствии стал полководцем в княжестве Ци, и ему удалось одержать победу над Паном, который в это время командовал войсками в княжестве Вэй. Потерпев поражение, Пан покончил с собой.

Стр. 120. *Би и Юй* — отважные воины древности Мэн Би и Ся Юй.

Су и Чжан (Су Цинь и Чжан И) — мудрые государственные деятели древности.

Стр. 124. *Ханчжоу* — город в восточном Китае, крупный торговый и культурный центр. Во времена династии Южная Сун — столица страны.

Стр. 126. *Восточное и западное Юэ.* — Юэ — сокращенное название провинции Гуандун, где действовал герой повести.

Стр. 127. *Лун Ян* — любимец Вэйского государя, живший в период Борющихся царств. Это имя символизирует мужскую любовь.

Заведения «ветра и луны» — места увеселений, публичные дома.

Два столичных города — Нанкин, старая столица империи Мин, и Пекин, куда была перенесена столица во времена Юнлэ.

Государева колесница — символ императорского двора.

Сто фамилий (Байцзя) — здесь: простой народ, простолюдины.

Гуляка с лошадиной таблицей — своеобразная иероглифическая загадка, или анаграмма. Из соединения иероглифов «лошадь» и «таблица» получается новый иероглиф «обман». Таким образом, выражение означает «Гуляка-обманщик».

Стр. 127. *Яньду* — одно из названий Пекина (Янь — название древнего княжества, где расположен Пекин). *Байся* (Белый город) — Нанкин.

Стр. 129. *Хмельной старец* — псевдоним знаменитого сунского поэта и эссеиста Оуян Сю. Поэт написал произведение «Записи из Беседки Хмельного старца», в котором выразил в иносказательной форме свои думы о жизни.

Стр. 132. *«Черноголовый»* — образ простолюдина, слуги.

Роль шута и воина. — В старом китайском театре каждый

герой имел свой грим. Особенно ярко размалевывали лица характерных героев-цзин.

Стр 133. *Су Нян* (она же *Су Жолань* или *Су Хуэйнян*) — добродетельная жена, которая выткала стихи-палиндром и послала мужу, чтобы напомнить о себе.

Стр. 135. *Дымные цветы* — образ певичек и гетер, а также мест их обитания.

Куньлунь — герой одной из танских новелл «Куньлуньский раб», который совершает смелые и благородные поступки.

Три драгоценности Будды — буддийские сутры, буддийский Закон (ученье, система правил) и буддийское монашество.

Берег Истины — постижение буддийской Истины.

Будда Жулай — божество Татагата (букв. «так пришедший», то есть «пришедший к прозрению»), один из десяти титулов Будды. Будда Жулай является в мир людей по их просьбе, чтобы указать им путь избавления от страданий.

Цзиньган — бодисатва-хранитель буддийской веры (буддийского Закона). Обычно их бывает четыре или восемь. В буддийском храме они изображаются в виде суровых и могучих воинов.

Архат (к и т. Алохань) — последователь Будды, достигший высокой степени святости, но еще не ставший бодисатвой или буддой. Обычно идет речь о Восемнадцати архатах — учениках и сподвижниках Будды.

Стр. 136. «*Ладьи сожжены*». — Часть фразы из «Жизнеописания Сян Юя» историка Сыма Цяня. Попавший в западню возле Черной реки полководец Сян Юй покончил с собой, перерезав себе горло.

Угуй («Черная черепаха») — содержатель публичного дома или прислужник в нем. В обиходе обозначало грубое ругательство (рогоносец).

Стр. 137. *Чистый Лотос*. — При пострижении в монахи человек получал так называемое «имя в Законе». Обычно в качестве составных элементов оно имело различные символы буддийской веры. Лотос — символ буддийской чистоты.

«*Зеленая башня*» («Синяя башня») — иносказательный образ веселого заведения.

Служебная печать — прерогатива крупного чиновника, символ власти.

...появилась еще одна черточка. — Появление еще одной черты в иероглифе «чжи» (останавливать) придает ему другой смысл — «правильный» («чжэн»).

Стр. 138. *Три Чистейших* (Саньцин) — три даосских святых (даосская троица). Один из них — Лаоцзюнь, или Лаоцзы, — обожествленный образ древнего мыслителя.

Сакьямуни (Шакьямуни) — верховное божество у последователей буддизма. Все остальные божества как бы несут в себе частицу его святости.

Стр. 141. *Святой Люй Чуньян* (он же Люй Дунбинь, патриарх Люй) — один из восьми даосских святых, покровитель гадателей, врачей, брадобреев. Его символами были метла и меч, с помощью которых он карал нечисть. Люй — герой многочисленных легенд.

Тыква-горлянка. — Ей приписывались магические качества, поэтому она нередко служила необходимым атрибутом гадателей и ворожеев.

Клинок Лунцюань — один из двух знаменитых мечей (второй — меч Тайэ), описанный в «Истории Цзинь» («Жизнеописание Чжан Хуан»). Впоследствии в литературе это название стало нарицательным для магического оружия.

Стр. 142. *Учение Чань* — одно из важнейших течений буддизма, в котором огромную роль играл принцип постижения Истины через созерцание.

Гора Драгоценностей — образное название буддийской обители.

Стр. 144. *Лotosовый трон* — место, где восседает Будда.

Стр. 145. *Фэн Фу* — упоминается в книге философа Мэнцзы как умелый ловец тигров. Однажды совершил промашку и был осмеян.

Стр. 146. *Черепашья моча*. — Ей приписывались магические свойства.

Чань Пин — известный полководец, служивший у основателя Ханьской династии Лю Ваня, прославился своим военным искусством.

Чжугэ Лян — знаменитый стратег эпохи Троецарствия (III в. н. э.), известен многочисленными ратными подвигами. Впоследствии имя его стало нарицательным для определения выдающегося полководца.

Взлететь на Небо. — Считалось, что даосский святой, когда наступает кончина, взлетает на небо.

Преставиться, восседая на циновке. — Считалось, что буддийские подвижники умирают, сидя на циновке.

БАШНЯ СОБРАНИЯ ИЗЫСКАНОСТЕЙ

Стр. 148. *Уезд Хэянсянь* — местность в северной провинции Хэнань, известная еще в древности (в эпоху Весен и Осеней).

Ван — князь, почетный титул в старом Китае, также владыка, правитель.

Тигровый Холм (Хуцю) — местность в пригороде города Сучжоу, место увеселений и торговли.

Стр. 149. *«Чистые гости»* — название людей, живущих на хлебниками в богатых домах. Нередко они играли роль советников при крупных чиновниках, застольных друзей.

Стр. 150. *Хэ Лан* (или *Хэ Янь*) — известный красавец эпохи Трех Царств. В исторических сочинениях особо отмечалась белизна его лица.

Шэнь Юэ — видный литератор и ученый-филолог, живший в V в. Славился не только эрудицией, но и красотой.

Стр. 151. *Триста шестьдесят ремесел* — образное название всех ремесел и искусств.

Эпоха Цинь — Хань. — Династия Цинь существовала в III в. до н. э. (с 221 по 207 г.), ее сменила династия Хань, правившая с 206 г. до н. э. до 220 г. н. э.

Стр. 151. *Тан и Сун* — две эпохи культурного расцвета Китая: Тан — 618—907, Сун — 960—1279 гг.

Стр. 153. *Янь Сун, Янь Шифань* — исторические личности, видные царедворцы (отец и сын), снискавшие дурную славу своими интригами, лихоимством и распутной жизнью.

Лотосовые переулки. — Очевидно, имеется в виду название веселых кварталов.

Стр. 154. *Городские колодцы* — кварталы, где жили простые горожане.

Стр. 157. *Киноварь и ртуть.* — В китайской алхимии киноварь и ртуть играли особую роль, им приписывалась чудодейственная способность изменять природу вещества, превращать неблагородный металл в золото и добывать эликсир бессмертия.

Мать-серебро — алхимический термин, означающий «исходный субстрат», способствующий получению благородных металлов.

Бумажный пакет — денежное подношение в бумажном конверте.

Стр. 161. ...*«стыдно есть чжоуский хлеб».* — Имеется в виду история добродетельного мужа древности Вон и его брата, которые отказались от службы при дворе Чжоу и удалились в горы, чтобы нести траур по отцу.

Стр. 163. *Карликовые растения* — особым образом выращенные растения (а также деревья), создающие так называемый «миниатюрный пейзаж». Искусством создания подобных пейзажей Китай славился еще в древности.

Дворцовые люди. — Здесь имеются в виду прежде всего дворцовые дамы — государевы наложницы и жены.

Стр. 164. *Шэн* — духовой инструмент, состоящий из нескольких трубок-дудок (обычно их семнадцать), создающих своеобразный музыкальный эффект.

Чэнь Туань — отшельник эпохи Сун. Согласно одной из легенд как-то в горах Хуашань он проспал сто дней кряду. Известен также под названием Отшельник Невидимый и Неслышимый.

Позднорожденный.— Так из вежливости к собеседнику человек говорил о самом себе.

Стр. 168. *Ян Цзишэн* — минский вельможа; представил государю доклад, в котором обличал царедворца Янь Суна. Государь его советам не внял, и честный сановник был казнен.

Стр. 170. *Би Гань, Цзи-цзы*.— Би Гань — вельможа древней эпохи Шан, дядя деспота Чжоу-вана. Неоднократно обличал злодеяния сиятельного родственника, за что был казнен. Цзи-цзы — был также дядей государя, но по другой линии. Неоднократно критиковал действия правителя, за что был брошен в темницу.

Одинокий.— Император обычно говорил о себе в третьем лице.

Стр. 171. *Варвары Во* — так именовали жителей японских островов. В XVI—XVII вв. они часто нападали на приморские провинции Китая.

Стр. 172. *Цзинь* — китайский фунт, равный 596 г.

БАШНЯ РАЗВЕЯННЫХ ОБЛАКОВ

Стр. 173. *Осенние волны* — образ женских глаз, чистых, как осенняя волна в реке.

Весенние письма — любовные послания.

Инъин и Чжаншэн — герои пьесы «Западный флигель». Служанка Хуннян способствовала их любовным свиданиям.

Стр. 175. *...вырвавшись из печени...*— В китайской традиционной медицине и верованиях печень считалась средоточием всего плохого: гнева, злобы, похоти.

Лунный старец — иносказательный образ свата. В одной из легенд говорится о старце, который, обратясь к луне, читал волшебную книгу. Когда его спросили, о чем там написано, старец ответил, что о брачных союзах, и при этом показал красную нить, которая связывает судьбы людей.

Стр. 176. *Годы Изначальной Помощи (Юанью)* — годы правления Сунского императора Чжэцзуна (1086—1094).

Сиху — озеро в окрестностях города Ханчжоу, славится своими пейзажами.

Стр. 177. *Страшилище Дунши* — некрасивая обликом женщина, жившая в эпоху Борющихся царств. Ее часто сопоставляют с прекрасной Сиши, которая жила в то же время.

Матушка Мо — наложница государя Хуан-ди, известная своим безобразным обликом.

Дуаньян — Праздник начала лета, отмечается в пятый день пятой луны по лунному календарю, когда согласно легендам утонул великий поэт древности Цюй Юань, которого будто бы ищут в реке водяные драконы. Поэтому в этот день устраивают соревнования на «драконовых лодках», лодках, имеющих форму дракона.

Стр. 177. *Цяньтанцзян* — река в окрестностях Ханчжоу. Известна тем, что раз в году в нее устремляется морская приливная волна, нередко приводящая к наводнениям.

Дамба Суди — достопримечательность озера Сиху. Земляная перемычка на озере, построенная по приказу поэта Су Дунпо, который в свое время занимал в Ханчжоу административный пост.

Стр. 178. *...разрушить стену города и покорить страну.* — В «Книге Хань» («Ханьшу» — «История Хань») рассказывается о красавице, жившей на севере. От одного ее взгляда рушатся стены городов и покоряются страны.

Наложница Сян. — Здесь, видимо, имеется в виду одна из дочерей легендарного Яо, которые стали женами государя Шуня. Однажды Шунь потерпел поражение, и его жены так скорбели, что от их слез бамбук, росший рядом, покрылся лиловыми пятнами.

Стр. 180. *Юань Жан* — современник Конфуция, жил в эпоху Весен и Осеней. Однажды, когда Конфуций отчитал Юань Жана, тот от страха сжался и присел на корточки.

Первейший (Чжуанъюань). — На государственных экзаменах в столице лучшим цзиньши присваивались три почетных звания: Первейший, Образцовый глаз (Банъянь), Испытывающий цветы (Таньхуа).

Оборванный мост — одна из достопримечательностей Ханчжоу (озера Сиху). Мост однопролетный, с большой крутизной. Когда зимой под лучами солнца на мосту тает снег, кажется, будто половина моста повисла в воздухе.

Стр. 181. *Сиши* — знаменитая красавица древности. С ее помощью юэский правитель Гоуцзянь разрушил планы своего соперника — соседа, правителя царства У. Красота Сиши пленила правителя У, и он забросил государственные дела.

Ван Цян (Ван Чжаоцзюнь) — знаменитая красавица эпохи Хань, наложница Ханьского государя, отданная в жены царю

сюнну (гуиннов), которые в это время вели войну с Китаем.

Шэн — ампула благородного героя (пожилого и молодого).

Стр. 184. *Старуха Ван* — персонаж комической пьески, славилась острым языком.

Стр. 186. «*Четыре достоинства и три послушания*» — средневековый кодекс поведения женщины в семье и в обществе. Три послушания: подчиняться отцу до замужества, потом мужу, после смерти мужа — сыну. Четыре достоинства: добродетельные поступки, достойные речи, скромный облик, хорошее поведение дома.

Стр. 188. *Местность Лун* — северо-запад страны, где в настоящее время находится провинция Ганьсу. Царство Шу находилось в теперешней провинции Сычуань. В Шу можно было попасть, лишь пройдя северо-западные области Лун.

Лосиный хвост — мухобойка, метелка для обметания пыли.

Стр. 192. *Час «инь»* — с трех до пяти часов утра. *Час «мао»* — с пяти до семи часов утра, *час «чэнь»* — с семи до девяти часов утра.

Цветные свечи (или красные свечи) — зажигались в день свадьбы.

Стр. 195. *Карточка с возрастом жениха* — даты жизни жениха, необходимые для составления свадебного гороскопа.

Созвездие жены. — По народным верованиям, у каждого человека есть своя звезда или созвездие, которые ему покровительствуют. При устройстве брака «звезды судьбы» жениха и невесты должны определенным образом сочетаться, дабы не нарушалась супружеская жизнь.

Стр. 198. *Час «у»* — с одиннадцати до часу дня. *Час «вэй»* — с часу до трех часов дня. *Час «шэнь»* — с трех часов до пяти часов.

Стр. 201. «*Беззвучные пьесы*». — Так Ли Юй называл свои прозаические произведения.

Стр. 202. *Крадут аромат и воруют нефрит.* — Метафора запретной любовной связи.

Стр. 204. *Книга «Весны и осени»* — согласно легенде одна из канонических книг, написанная Конфуцием. Представляет собой погодную летопись удела Лу.

«*Выправление имен*» (исправление имен) — термин из конфуцианской этической практики. Приведение в соответствие формы и содержания, то есть сущности человека и его места в обществе.

Стр. 207. *Третья стража.* — Ночное время (с семи часов вечера до пяти часов утра) делилось на пять отрезков по два часа

каждый. Смена их обозначалась ударами в деревянные колотушки. Третья стража с одиннадцати часов вечера до часа ночи.

Уточки-неразлучницы — символ любовного согласия.

Стр. 210. *Стихии Инь и Ян* — две природные стихии (темное — женское начало и светлое — мужское начало). Согласно древнекитайской натурфилософии взаимодействие этих двух сил создает все многообразие явлений в природе.

Стр. 212. *Ван Ман* — известный сановник-царедворец, живший в I в., в эпоху династии Хань, канцлер и регент при императоре. Известен своими социальными проектами. Был убит во время крестьянского восстания Краснобровых.

Цао Мань — полководец Цао Цао (живший в период Трех Царств), прославился умом и хитростью. Одно из его имен — Амань.

Желтый халат — одеяние государя. Здесь ирония по отношению к герою, который отказался от выгодного предложения.

И и Чжоу (И Инь и Чжоу-гун) — государственные деятели древней эпохи Шан, прославились своей мудростью и достойным поведением.

БАШНЯ

ДЕСЯТИ СВАДЕБНЫХ КУБКОВ

Стр. 213. *Ман Гуан и Лян Хун* — супруги, жившие во времена династии Хань. Когда Лян стал отшельником, его жена пошла вслед за ним в горы Балин. (См. коммент. к с. 20.)

Стр. 214. *Тао Чжугун* (он же Фань Ли) — известный богач эпохи Весен и Осеней, вельможа при дворе юэского государя Гоуцзяня; какое-то время был мужем красавицы Сиши и подарил ее Гоуцзяню. Прославился тем, что неожиданно обрел богатство и так же неожиданно его потерял.

Цзян Тайгун (он же Цзян Цыя) — персонаж фантастического романа «Посвящение в духи», советник при Чжоуском дворе. Согласно легендам долгое время постигал в горах даосскую магию, а когда ему исполнилось 80 лет, пришел ко двору чжоуского Вэнь-вана и У-вана и помог им расправиться с деспотом Чжоуваном.

Стр. 215. *Прописи Чуньхуа*. — Имеются в виду прописи, сделанные в годы Чуньхуа, во время правления сунского императора Тайцзуна (990—994 гг.).

Стр. 216. «Сюй». — Иероглиф «сюй» состоит из двух элементов: «девятка» и «день».

Небожитель Чжан Сюй — танский каллиграф. Согласно преданиям Чжан любил пить вино и, опьянев, принимался за свое

искусство. Особенно славился своим стилем «травяного письма», то есть скорописью, за что и получил прозвание Травяной святой.

Стр. 218. *Золотые лотосы* — образ спеленутой женской ножки.

Обитатель темных (зеленых) лесов. — Имеется в виду разбойник. *Зеленое платье* — намек на низкое происхождение человека. Здесь также намек на легкомысленный нрав и недостойное поведение героя, охваченного страстью.

Стр. 221. *Трижды изгнан из деревни...* — Намек на историю сановника Чжан Циня, которого за честность и прямоту трижды изгоняли с должности.

Семь заповедей — правила поведения женщин. Их нарушение, — бездетность, распутное поведение, непочтительность к родителям мужа, болтливость, воровство, завистливый и злобный нрав, дурная болезнь, — влекли за собой расторжение брака.

Сандаловый муж. — Так прозвали красавца древности Пань Юэ, который жил в эпоху Цзинь. Второе имя Тяньну (букв. Сандаловый раб), откуда и появилось прозвище Сандаловый муж. Наричательное имя красивого мужчины, любимца женщин.

Стр. 226. *Разгрести пепел.* — Образ любовной связи свекра со снохой.

БАШНЯ ВОЗВРАТИВШЕГОСЯ ЖУРАВЛЯ

Стр. 229. *Восточный и западный брег.* — Намек на историю Пастуха и Ткачихи, разделенных Небесной Рекой.

Сороки выстроили длинный мост. — Согласно легенде сороки (вестники счастья) образуют мост, чтобы возлюбленные Пастух и Ткачиха смогли встретиться.

Стр. 230. *Восемнадцатый круг ада.* — Буддийский ад состоял из нескольких отделов (обычно десять или восемнадцать).

Тридцать второе небо. — Согласно китайской мифологии небо состояло из многих сфер. Тридцать третье небо (высшее) считалось обителью блаженных существ, достигших состояния будды.

Стр. 231. *Хуанлянь* — название растения, горького на вкус, которое употреблялось в китайской медицине. В переносном смысле означает тяготы жизни.

Годы Мирного Правления (Чжэнхэ) — девиз правления императора Хуэйцзуна (1111—1118 гг.).

Бяньцзин (Баньян) — столица древнего Китая в описываемый период. Ныне город Кайфын.

Стр. 232. *Приобщиться к наукам* — пройти первые экзамены на степень сючая.

...не выбрал себе приемных родителей.— В древности был распространен обычай выбирать себе приемных родителей (или брать приемных детей) для продолжения рода.

Стр. 233. *Пять моральных установлений* — морально-этические догмы конфуцианства, регламентирующие отношения между государем и подданным, отцом и детьми, братьями, мужем и женой, между друзьями.

Знаменитое ученье.— Имеется в виду учение Конфуция.

Стр. 234. «Холодное одеяло» (и «прохладная подушка») — образ одинокой жизни.

Государства Цзинь, Ляо, Ся — государства Киданей и Чжурчженей на севере и северо-западе Китая, с которыми Китай вел торговые связи и часто воевал. Государство Ляо (916—1211 гг.). Государство (династия) Ся (1038—1227 гг.). Государство (династия) Цзинь (1115—1234 гг.). Все три государства были завоеваны монголами в XIII в. и перестали существовать.

Стр. 238. *Чжао Фэйянь* — жена Ханьского государя Чэн-ди, славилась красотой и высоким искусством танца, за что получила прозвание Фэйянь — Летающая Ласточка. Была низложена новым правителем и покончила с собой.

Ян Юйхуань (более известна как Ян-гуйфэй; гуйфэй — придворный титул, букв. «драгоценная наложница») — красавица наложница Танского государя Минхуана. Во время восстания Ань Лушаня была вынуждена лишиться себя жизни с помощью шелкового шнура, который послал ей император.

Две рыбы камбалы.— В литературе камбала нередко является символом супружеского союза.

Стр. 239. «...прячешь за пазухой яшму». — Выражение восходит к древнейшей летописи «Цзоцжуань», где говорится, что, пряча яшму, как драгоценность, человек навлекает на себя беды.

Стр. 242. *...задолго до того, как появиться на свет...* — Согласно буддийской вере человек имеет множество жизней. Его действия в настоящей жизни определены поступками, которые он совершил в предшествующих жизнях.

Пион погиб...— По религиозным верованиям (буддийским), цветы олицетворяют человеческие страсти и часто символизируют собой порочные желания.

Стр. 243. *Старик с границы нашел свою лошадь...*— Намек на историю, рассказанную в книге «Хуайнаньцзы». Старик потерял в горах лошадь. Все сочувствовали его горю, а он сказал, что эта потеря, возможно, к лучшему. Действительно, через некоторое время пропавшая лошадь пришла домой и привела с собой еще одну.

Стр. 244. *Сорокопут и ласточка* — образы совершенно разных по характеру птиц. Утки-неразлучницы олицетворяют супружеское счастье, жизненную гармонию.

Стр. 245. *Государь Шэньцзун* — государь династии Сун (1068—1085 гг.).

Государь Хуэйцзун. — Годы правления — 1100—1125.

Стр. 247. *Мэн Цзянньюй* — имя женщины, жившей во времена династии Цинь. Ее мужа взяли на строительство Великой стены, где он погиб. Согласно легенде, Мэн так горько плакала, что стена рухнула и освободила тело мужа.

Су Хуэйнян (она же Су Жолань; см. коммент. к с. 133) — как и Мэн Цзянньюй, символ верной супруги.

Стр. 248. *Э Хуан и Нюй Ин* — дочери государя Яо, ставшие женами Шуня. Олицетворение супружеской верности.

Стр. 249. *Дин Линвэй* — персонаж волшебного рассказа из сборника «Последующие записи о поисках духов». Герой рассказа, постигший магию Дао, превратился в журавля.

Богиня Гуаньинь — одно из популярных буддийских божеств (и в д. Авалакитешвара), богиня милосердия и добра.

Стр. 254. *Семисложный стих* — стихотворная строка, которая состояла из семи иероглифов, один из распространенных стихотворных размеров (наряду с пятисложным).

Стих-перевертыш на расшитой парче — стихотворный палиндром, который написала Су Жолань своему мужу.

Стр. 255. *Шилан* — помощник главы столичного ведомства.

В «*Столичном вестнике*» публиковались сведения об экзаменах и некоторые дворцовые новости.

Стр. 257. *...задубить кожу лица.* — То есть стать равнодушным.

Стр. 260. *Циньцзун* — последний император династии Северная Сун (1126—1127 гг.).

Сунская столица — в то время Бяньлян (он же Восточная столица), затем перенесена в Ханчжоу.

Серебряная Река (Небесная Река) — Млечный Путь.

Стр. 262. *Оставить в гробу до твоего возвращения.* — Согласно религиозным верованиям и традициям умершего можно было захоронить лишь после соответствующих церемоний. Если условия захоронения по какой-то причине были нарушены, гроб с телом покойного до наступления срока погребения ставили в особое помещение.

Стр. 263. *Силы «цянь» и «кунь»* — символы Неба и Земли, названия священных триграмм, символизирующих Небо и Землю.

БАШНЯ ПОДНОШЕНИЯ ПРЕДКАМ

Стр. 265. ...возок появился... — Очевидно, имеется в виду своеобразная повозка-компас, указывающая на страны света.

Буддийское древо. — В тексте говорится о «семенах древа пути», — то есть бодхи (баньяна), священного дерева прозрения у буддистов.

Цветок Закона. — Под Законом подразумевают учение Будды.

Стр. 266. *Пять знаков* — обобщенное понятие зерновых культур, хлеба.

Стр. 267. *Владыка Северного ковша* — бог Севера, который управлял судьбами людей.

Причины и следствия явлений — буддийское учение «иньго», учение о воздаянии, закон Кармы.

Истории «о ветре и чувствах» — развлекательные книги с любовными сюжетами.

Слово о «светлом и темном» — то есть о силах Ян и Инь, истории, наполненные тайным, сакральным смыслом.

Стр. 268. *Большая река.* — Имеется в виду река Янцзы.

Стр. 269. *Проявлять вежливую уступчивость* — см. коммент. к с. 38.

Тан и У. — Имеются в виду правители династий Шан и Чжоу, которые вели жестокие войны со своими противниками.

Стр. 270. *Пьеса «Полоскание шелка»* — написана в эпоху Мин драматургом Лян Чэньюем. В ней говорится о распри между государями царств Юэ и У, о красавице Сиши, которая сыграла большую роль в осуществлении плана правителя царства Гоуцзяня. По легендам, Сиши, прежде чем получила признание при дворе Юэ, была простой крестьянкой.

Фань Ли — см. коммент. к с. 214.

...Вернувшись к озерам. — По одной из легенд, Сиши вернулась к Фань Ли, и они уехали к Пяти озерам.

Семейное святилище — особое помещение или место в доме, где находился алтарь с таблицами предков.

Стр. 272. *...полчища Чуан-вана Стремительного.* — Князь Стремительный (Чуан-ван) — прозвание вождя повстанцев XVII в. Ли Цзычэна, войска которого в 1644 г. захватили столицу, но потом были разбиты вторгшимися в страну маньчжурами.

Стр. 273. *Треножник новой династии.* — Треножник (дин) — символ императорской власти.

Большая армия. — Имеется в виду армия маньчжуров.

Стр. 275. *«Пять скоромных» и «три запретных».* — «Пять ско-

ромных» — некоторые виды растений, употреблявшихся в пищу, например, чеснок, лук, рута и др. У буддистов и даосов содержание этого понятия было различным. «Три запретных». — Имеется в виду мясо дикого гуся, собаки и так называемой «черной рыбы», ибо каждое из существ символизирует определенные нравственные нормы, которые нельзя нарушать: супружеские отношения, отношения хозяина и слуги, верность долгу.

Стр. 280. *Торжественная арка* — архитектурное сооружение, воздвигнутое в честь заслуженных чиновников, добродетельных жен, верных подданных.

БАШНЯ ОБРЕТЕННОЙ ЖИЗНИ

Стр. 281. *Пустота* — одна из важных категорий буддийской веры. Пустота есть отрешение от всего бренного, приобщение к Истине, то есть к буддийскому учению.

Не будет более заслуг. — Согласно буддизму человек должен совершенствовать себя, добиваясь «заслуг», то есть обретая определенные добродетели, дабы получить доброе воздаяние в будущей жизни.

Синие (темные) толпы. — Здесь имеются в виду души загробного царства.

Столица еще не пала. — Имеется в виду захват Пекина восставшим народом, а потом маньчжурами.

Покойный государь — последний Минский правитель Сыцзун (1628—1644), который покончил с собой, когда войска Ли Цзычэна заняли Пекин.

Стр. 285. *Девять источников* — то же, что Желтые источники, то есть потусторонний мир.

Стр. 286. *Пучок соломы.* — Согласно обычаю к вещи, которая продается, прикрепляется пучок соломы.

Стр. 287. *Область Сунцзян* — находилась на территории теперешней провинции Цзянсу. В этих местах происходили сражения между древними царствами У и Юэ.

Стр. 291. *Застава Яньгуань* — одна из важных военных застав, преграждавших путь врагам с севера.

Золотой холм — одно из названий Нанкина.

Три Чу и Два Юэ — традиционное название древних областей в центральном и южном Китае. Сейчас район провинций Кубэй, Хунань, Гуандун и Гуанси.

Стр. 300. *Эра Хунчжи* — девиз правления Сяоцзуна (1488—1505 гг.).

Одеянье посконное — иносказательный образ ведунов и гада-телей. В эпоху Сун жил некий даос-отшельник по прозвищу Даос в Посконной одежде, прославившийся своим гадательным искусством. Иногда его связывают с отшельником Чэнь Туанем.

БАШНЯ, ГДЕ ВНЕМЛЮТ СОВЕТАМ

Стр. 301. *Зеленые просторы* — символ свободного и счастли-вого бытия бессмертных.

Циньская страна — то есть империя Цинь. Здесь, однако, имеется в виду не реальная династия, а некая земля бла-женства.

Улин — название древнего округа на территории нынешней провинции Хунань. Именно здесь находился легендар-ный Персиковый источник — обитель людей, достигших бла-женства.

«Горные вельможи» — отшельники, которые подобно высоким вельможам — цзайсянам никому не подвластны.

Стр. 302. *Узник Чу* — символ человека, попавшего в безвы-ходное положение.

Одежда из перьев — одеяние бессмертного-сяня. Обретя бес-смертие, человек облачается в одеяние из перьев и улетает на небо.

Сыма — чиновничья должность. В древности соответствовала должности военного министра.

Стр. 305. *Черепашу поймать...* — Морская черепаха — ао — символизировала ученую карьеру. Образ восходит к сочинению философа Лецзы, где говорится о великане, который ловил чере-пах. То же выражение означает «винную забаву» — веселое вино-возлияние с особой игрой.

Кто обнял кувшин... — У философа Чжуанцзы есть притча о человеке, который вырыл колодец и доставал из него кувшином воду для полива земли. Впоследствии выражение «обнять кув-шин» стало обозначать простую, безыскусную жизнь на лоне природы.

Стр. 306. *Цанлан* — название реки в современной провинции Хубэй. В книге философа Мэнцзы приводится песня о «водах Цанлан».

Пэнлай — одна из трех знаменитых обителей бессмертных. Подобно Персиковому источнику, воспринималась как место ра-дости и блаженства.

Стр. 306. *Потоки Ванчуань* — название места в провинции Шэньси, известное горной тесниной, из которой вырывается стре-

мительный поток воды. Здесь построил свою хижину танский поэт Ван Вэй.

Ручей Яньси — название реки в провинции Чжэцзян. Ее окрестности славилась прекрасными видами.

«*Чистые беседы*» (или «чистые суждения») — философские беседы, которые вели ученые мужи древности. Впоследствии выражение «чистые беседы» стало синонимом разглагольствований, праздной болтовни.

Стр. 307. *Малые испытания*. — Старая система экзаменов помимо основных туров, или этапов, включала также всевозможные предварительные, или переходные, испытания.

Стр. 309. «*Чистая праздность*» — понятие, часто встречающееся в сочинениях Ли Юя. Писатель имел в виду свободную жизнь, не скованную условностями общества, когда человек поступал согласно велениям сердца.

Стр. 310. *Прозвище Фэн Фу*. — Здесь Фэн Фу символизирует человека, нарушившего свое слово, обманщика (см. коммент. к с. 164).

Горный старец Си И. — Слова «Си И» означают «Невидимый и Неслышимый». Впоследствии так стали называть отшельника Чэнь Туаня (см. коммент. к с. 164).

Наньго Цзыци — герой одной из притч древнего философа Чжуанцзы, образ отшельника-мудреца, постигшего смысл жизни путем созерцания.

Стр. 314. *Колодка*. — Имеются в виду ножные колодки или канга, которая надевалась на шею преступнику.

Стр. 315. *Тао* — поэт Тао Юаньминя.

Стр. 317. *Звезда Тайсуй* (планета Юпитер). — По народным поверьям, приносила несчастье.

Стр. 319. *Господин сянгун* — обращение к ученому мужу — сюцаю.

СОДЕРЖАНИЕ

ДВЕНАДЦАТЬ БАШЕН

<i>Д. Воскресенский</i> . Ли Юй: писатель и его творчество . . .	8
Башня Соединенного отражения	19
Башня Завоеванной награды	47
Башня Трех согласий	64
Башня Летней улады	89
Башня Возвращения к истине	116
Башня Собрании изысканностей	148
Башня Развеянных облаков	178
Башня Десяти свадебных кубков	218
Башня Возвратившегося журавля	229
Башня Подношения предкам	265
Башня Обретенной жизни	281
Башня, где внемлют советам	301
Комментарии	325

Ли Юй

Л55 Двенадцать башен: Повести / Пер. с кит. Д. Воскресенского под ред. С. Хохловой; Предисл. и коммент. Д. Воскресенского. — М. : Худож. лит., 1985. — 351 с.

В книгу «Двенадцать башен» выдающегося китайского писателя, прозаика и драматурга XVII века Ли Юя (1611—1679) вошли его лучшие произведения, написанные в жанре городской повести: любовные новеллы, семейные драмы, плутовские повествования, сатирические обличительные рассказы. Они познакомят читателя с бытом и нравами Китая той поры. На русском языке все произведения публикуются впервые.

Л 4703000000-164 192-85
028(01)-85

ББК 84.5Кит
И(Кит)

ЛИ ЮЙ

**ДВЕНАДЦАТЬ
БАШЕН**

Повести

Редактор С. Хохлова

Художественный редактор

С. Гераскевич

Технический редактор

В. Нефедова

Корректоры

Г. Киселева, О. Наренкова

ИБ № 3889

Сдано в набор 25.07.84. Подписано в печать 06.03.85. Формат 84×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Школьная». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр.-отт. 18,9. Уч.-изд. л. 18,87. Тираж 75 000 экз. Заказ № 4-2318. Изд. № III-1559. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература», 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Васманная, 19.

Главное предприятие республиканского производственного объединения «Полиграфкига». 252057, Киев, ул. Довженко, 3.

1 р. 80 к.

